КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ

1903 г.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIII.

1903 г.

ДЕКАБРЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Мерингoвская, № 6.
1903

Дозволено цензурою. Кіевъ, 10 декабря 1903 года.

Отъ Редакціи.

20-го декабря въ Кіевѣ состоится чествованіе *35-тилѣтней музыкально-педагогической дѣятельности* извѣстнаго нашего композитора *Николая Витальевича Лисенка.* Цѣня громадныя заслуги юбиляра въ дѣлѣ изученія народной украинской мелодіи и разработки ея въ самостоятельномъ его музыкальномъ творчествѣ, редакція наша посвящаетъ Н. В. Лисенку настоящую книжку журнала. Привѣтствуя юбиляра съ предстоящимъ его праздникомъ и съ благодарностью вспоминая его труды въ прошломъ, редакція отъ всего сердца желаетъ ему сохраненія силъ и здоровья на многіе годы для его плодотворныхъ работъ на благо нашей родины.

Николай Витальевичъ Лисенко.

КЪ БІОГРАФІИ Н. В. ЛИСЕНКА.

(Воспоминанія М. Старицкаго).

Я остался круглымъ сиротою на 12 году и былъ принятъ опекуномъ моимъ, дядей по матери, В. Р. Лисенкомъ въ свою семью, въ которой впервые и увидѣлъ троюродного брата своего—Николая; мы были почти однолѣтки (Лисенко моложе меня на годъ съ небольшимъ) и сразу же сошлись съ нимъ душа въ душу.

Хотя мы воспитывались и въ разныхъ гимназіяхъ (я—въ полтавской, а онъ—въ харьковской), но праздники и каникулы проводили всегда вмѣстѣ, въ одной семьѣ, ставшей и мнѣ за родную. Въ нашей дѣтской дружбѣ все было общее: и радость, и горе, и дѣлились мы каждой мыслью, каждымъ настроеніемъ, не скрывая другъ отъ друга ничего. Съ университета (сначала харьковскаго, а потомъ кіевскаго) мы идемъ почти неразлучно по жизненному пути... Общность убѣжденій и національныхъ симпатій сблизила насъ еще больше; а далѣе—я женился на сестрѣ его Софіи Витальевнѣ и по родству сталъ еще ближе. Все это я сказалъ для того, чтобъ пояснить, что отрочество, молодость и годы зрѣлости брата моего Николая Витальевича протекли при мнѣ, и не только внѣшняя сторона его жизни, но и внутренняя—мнѣ такъ-же близка и извѣстна, какъ и своя собственная. Этими воспоминаніями я хочу подѣлиться съ читателями, будучи убѣжденъ, что и бѣгло набросанныя черты жизни и душевнаго развитія нашего славнаго композитора, культиватора народной украинской музыки, не будутъ для почитателей его таланта безынтересны.

Фамилія Лисенковъ происходитъ отъ древняго козачьяго рода, отличившагося воинскими доблестями и попавшаго въ старшину еще при Богданѣ Хмельницкомъ. Отецъ Николая, Виталій Романовичъ, принадлежалъ къ дворянамъ полтавской губерніи и служилъ, по тогдашнимъ традиціямъ, въ Орденскомъ Кирассирскомъ полку; а мать его—изъ фамиліи Луценокъ (тоже родственной Лисенкамъ)—провела свою молодость въ Петербургѣ и воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ. А потому, насколько отецъ Николая чувствовалъ себя малороссомъ, просто въ силу хотя бы того обстоятельства, что вся жизнь его протекала исключительно на югѣ,—настолько мать его чувствовала себя великороссской и тяготѣла болѣе къ сѣверу.

Н. В. Лисенко родился 10 марта 1842 года въ с. Гринькахъ, кременчугскаго уѣзда, полтавской губ., въ домѣ дяди его матери, Н. П. Болюбаша. Будучи первенцомъ у родителей и единственнымъ внукомъ бездѣтнаго Н. П. Болюбаша, воспитавшаго мать Николая и считавшаго ее единственной своей наслѣдницей, новорожденный былъ окруженъ съ колыбели лаской, любовью и роскошью. Впрочемъ, нашему будущему композитору не пришлось жить долго въ Гринькахъ: ранняя молодость его протекла больше въ Крыловѣ, нынѣшнемъ Новогеоргіевскѣ, гдѣ стоялъ Орденскій Кирассирскій полкъ. Въ Гриньки, къ дѣдушкѣ и бабушкѣ, приходилось ему пріѣзжать лишь съ родителями на короткое время, въ гости.

Двоюродный дѣдъ Николая, Н. П. Болюбашъ, владѣлъ шестью сотнями крестьянъ, былъ маршалкомъ и вліятельнымъ въ уѣздѣ лицомъ; онъ иначе не говорилъ, какъ по-малорусски, обожалъ своего внука, получившаго въ честь его свое имя, и навѣрное навѣялъ бы и ему народныя симпатіи, такъ какъ и самъ любилъ и дорожилъ національной простотой. Жена его, бабушка Н. В.—Марья Васильевна, была добрѣйшее существо; хотя она говорила уже смѣшаннымъ языкомъ, но любила малорусскія пѣсни, разсказы и даже сказки. Вообще эта семья Болюбашей представляла изъ себя типъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», начинавшихъ уже выводиться... И вотъ, къ несчастью, Н. П. Болюбашъ скоропостижно умеръ, оставивъ Лисенкамъ богатое наслѣдство, но не оказавъ никакого нравственнаго вліянія на своего любимаго внука.

Отецъ Лисенка былъ и до полученія наслѣдства человѣкъ не бѣдный: имѣлъ родовое имѣніе въ с. Галицкомъ, кременчугскаго уѣзда, совмѣстно со своими родными братьями Андреемъ и Иваномъ, давав-

шее приличный доходъ, и состоялъ еще эскадроннымъ командиромъ; это, вмѣстѣ съ субсидіями, получавшимися отъ дяди, давало возможность молодому супружеству жить припѣваючи.

Первое дѣтство Лисенка было обставлено роскошно; разодѣтый въ бархатъ и кружева, онъ переходилъ изъ однихъ рукъ въ другія и сталъ баловнемъ не только родныхъ, но и офицеровъ; послѣдніе горячо любили своего товарища, Виталія Романовича, его жену и перенесли эту любовь и на сына ихъ Николая. И ласки, и угодливость, и баловство вскорѣ отразились на характерѣ ребенка, проявивъ въ немъ при деспотизмѣ желаній и настойчивость въ требованіи исполненія ихъ. Разъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ и раскапризничался не въ мѣру, мать пригрозила, что если онъ не уймется, то позовутъ повара Карпа, чтобъ его высѣкъ... И что же? Ребенокъ сталъ еще болѣе кричать: «Карпо иди, сѣки меня!»—и требовалъ этого Карпа для экзекуціи такъ настойчиво, что растерявшіеся родители должны были увѣрить сынка, даже сводивъ его на кухню, что Карпо отправился въ деревню и что когда онъ вернется, то непремѣнно исполнитъ его желаніе. Очевидно, ребенокъ сознавалъ, что мать не допуститъ такого наказанія, и требованіемъ экзекуціи хотѣлъ наказать ее за обидное слово. Эти черты настойчивости и упорства, получившія начало на почвѣ дѣтскаго своеволія, окрѣпли впослѣдствіи, при другихъ, уже болѣе серьезныхъ, обстоятельствахъ, и сослужили ему службу въ жизненной борьбѣ съ врагами его міровоззрѣній. Но въ тѣ юные, дѣтскіе годы никто бы въ избалованномъ барченкѣ не могъ провидѣть будущаго отрицателя барства и борца за народное счастье, выступившаго въ поле не съ мечомъ въ рукахъ, а съ лирой и съ пѣсней...

Первое воспитаніе нашего композитора было поведено на аристократическій ладъ: чистый французскій языкъ, изысканныя манеры, танцы и свободное держаніе себя въ гостиной—вотъ что требовалось отъ ребенка. Изъ искусствъ допускалась еще игра на фортепьяно: во-первыхъ, она составляла бонтонность, а во-вторыхъ и покойные отецъ и мать Лисенка очень любили музыку. Мать Николая прекрасно играла на роялѣ, отецъ же его, хотя и не зналъ нотъ, но очень любилъ импровизировать на фортепьяно и подбирать по слуху всевозможныя мелодіи. Такъ какъ Николай проявилъ съ дѣтства любовь къ игрѣ на фортепьяно (иногда по цѣлымъ часамъ простаивалъ и подбиралъ однимъ пальцемъ мотивы), то родители рѣшили, что у него есть призваніе къ музыкѣ, и наняли ему съ пяти лѣтъ учительницу музыки.

Первые уроки грамоты Николай получилъ отъ матери на французскомъ языкѣ, по «Educacion maternelle». Служившій въ томъ же Орденскомъ полку извѣстный поэтъ Фетъ даже упрекалъ мать Лисенка, что она учила сына первой азбукѣ французской, и взялся самъ учить его русской. Такъ какъ при урокахъ поэтъ заставлялъ своего ученика писать буквы карандашемъ, то послѣдній сталъ приставать ко всѣмъ офицерамъ съ просьбой дать карандашикъ, за что и прозвали его въ полку «карандашикомъ».

Но и въ полку долго ему жить не пришлось: въ 1838 г. умеръ неожиданно отъ холеры дядя Болюбашъ, и отецъ Лисенка долженъ былъ оставить службу и переселиться для веденія хозяйства въ Гриньки, полученныя въ наслѣдство. Шумъ и гамъ полковой смѣнился элегической тишью села, а баловство офицеровъ—баловствомъ бабушки Марьи Васильевны, обожавшей своего внука. Любовь матери и бабушки, которую впрочемъ всѣ мы звали тетей, часто сталкивались въ соперничествѣ, чѣмъ пользовался молодой Лисенко для своихъ прихотей, а имъ не было ни преградъ, ни предѣловъ.

Родители Лисенка поселились въ домѣ тетки-вдовы въ Гринькахъ. Этотъ домъ былъ невеликъ и укрытъ соломой. Въ это время у Николая былъ уже братъ Витя, умершій четырехъ лѣтъ, а потомъ явилась и сестра Софія; если прибавить къ увеличенной семьѣ гувернантку, музыкантшу, экономку, няню, мамку и другую прислугу, то будетъ совершенно понятно, что такое стѣсненіе для Лисенковъ, привыкшихъ къ широкой обстановкѣ, было не по душѣ. Вслѣдствіе этого отецъ Лисенка задумалъ построить для себя отдѣльный удобный домъ въ другомъ имѣніи, въ м. Жовнинѣ на Сулѣ, лежавшемъ въ двадцати пяти верстахъ отъ степныхъ, безводныхъ Гринекъ. Постройка этого дома почему-то шла медленно и была окончена лишь черезъ четыре года, такъ что первое дѣтство Лисенка все-таки прошло въ Гринькахъ. Здѣсь то надъ нимъ и столкнулось два совершенно противоположныхъ и даже враждебныхъ вѣянія: съ одной стороны—французскій языкъ, манеры и аристократическая чопорность (мать и гувернантка), съ другой—малорусскій языкъ (бабушка и ея экономка, рѣшительно не умѣвшая говорить по-русски, няня да бабушкины дивчата), баловство и излишняя простота манеръ. Первая сторона преслѣдовала не только простонародное слово, но даже и русское, запрещая всякія сношенія съ пеизанами, а вторая—наоборотъ—поощряла всякую простоту, занимала умъ и фантазію ребенка

сказками народными и пѣснями, а по вечерамъ отпускала весь полкъ служанокъ для забавъ съ паничемъ; конечно, забавы эти заключались въ разнообразныхъ народныхъ играхъ...

Протесты матери здѣсь оказались безсильны: упорная настойчивость и слезы ребенка, поддерживаемыя энергіей обожавшей своего внука вдовы, перевѣшивали протесты, тѣмъ болѣе, что и отецъ сталъ на сторону тетки.

Въ эти годы, кромѣ обычнаго начальнаго ученія, шли съ мальчикомъ занятія на фортепьяно; эти занятія онъ любилъ, особенно игру въ четыре руки, и вообще дѣлалъ въ музыкѣ быстрые успѣхи. Техника ему давалась чрезвычайно легко, музыкальная память съ первыхъ шаговъ проявилась въ необычайныхъ размѣрахъ; шестилѣтній ребенокъ поражалъ всѣхъ и бѣглостью и чистотою своей игры, и даже въ извѣстной мѣрѣ чувствомъ при выполненіи сложныхъ піесъ. Кромѣ того, онъ съ удивительной легкостію усваивалъ мотивы и подбиралъ ихъ съ гармонизаціей на роялѣ.

Въ этотъ періодъ я и познакомился впервые со своимъ кузеномъ. Мать моя, потерявъ родителей и дѣтей, жила въ 1850 и 51 году въ Захаровкѣ и оттуда навѣщала изрѣдка своего двоюроднаго брата В. Р. Лисенка въ Гринькахъ, куда брала съ собой и меня. Тутъ то и завязалась было наша дѣтская дружба, но въ ту-же осень меня отвезли въ Полтаву и опредѣлили въ благородный пансіонъ при гимназіи, гдѣ я и былъ по экзамену зачисленъ во 2-й классъ, а Лисенко былъ отвезенъ въ Кіевъ и опредѣленъ въ аристократическій пансіонъ Вейля, помѣщавшійся на Фундуклеевской ул. Впрочемъ въ этомъ пансіонѣ онъ пробылъ всего мѣсяца три: суровое обращеніе и плохой, впроголодь, столъ заставили родителей его прилетѣть въ Кіевъ и перевести холенаго любимчика въ пансіонъ Гедуэна, находившійся въ Липкахъ; въ немъ Лисенко и окончилъ полный курсъ, т. е. три класса, и оттуда перешелъ уже въ IV классъ 2-й Харьковской гимназіи. Первые мѣсяцы пребыванія въ пансіонѣ (Вейля и Гедуэна) Лисенко каждую субботу и воскресенье проводилъ у моей матери, жившей тогда въ Кіевѣ для лѣченія; къ ней онъ, при своемъ одиночествѣ, привязался всей душой. Это обстоятельство сблизило мою мать съ родными Лисенка, а особенно съ отцомъ, такъ что въ своемъ завѣщаніи она и назначила его опекуномъ, а тетю, сестру свою Елисавету Захарьевну, опекуншей надо мною.

Будучи у Вейля, Николай бралъ уроки музыки у нѣкоего Нейнквича, чеха. Послѣдній самъ не игралъ на роялѣ, но такъ умѣлъ дивно преподавать, что одними объясненіями достигалъ и выработки ученикомъ тушэ, и пониманія имъ каждой музыкальной фразы. Когда молодой Лисенко пріѣхалъ на первые рождественскіе праздники домой и сыгралъ своей учительшѣ, паннѣ Розаліи, пройденныя въ пансіонѣ піесы,—то она сначала окаменѣла отъ изумленія, а потомъ истерически разрыдалась.

У Гедуэна перешелъ Николай по фортепьну къ Паночини—тоже чеху. Этотъ уже самъ блестяще игралъ и, давая ученику новую піесу, не объяснялъ ее, а демонстрировалъ собственнымъ исполненіемъ ея красоты. У него Лисенко разучилъ довольно трудныя варіаціи на оперу «Dame blanche», а также болѣе легкія переложенія Листа. Паночини особенно напиралъ на технику и стремился развить у своего ученика блестящую бѣглость и чистоту тушэ.

На первые рождественскіе каникулы я пріѣхалъ въ Захаровку и засталъ уже тамъ мою мать, выздоровѣвшую, какъ мнѣ казалось, совсѣмъ. Мы два раза ѣздили съ ней изъ Захаровки въ Гриньки, гдѣ насъ принимали тепло и радушно. Съ своимъ кузеномъ я встрѣтился съ восторгомъ, какъ съ близкимъ роднымъ, и мы сейчасъ же побѣжали въ его комнату: передавали другъ другу впечатлѣнія пансіонской жизни, при чемъ, конечно, каждый хвастался и отстаивалъ свое заведеніе. Лисенко кичился Кіевомъ, какъ столицей, своимъ пансіономъ, въ которомъ воспитывались и сыновья титулованныхъ польскихъ магнатовъ, а я насмѣхался надъ этимъ аристократизмомъ, хотя въ душѣ чувствовалъ зависть, и отстаивалъ свою гимназію, доказывая, что она даетъ больше серьезныхъ знаній. Вскорѣ, впрочемъ, мнѣ пришлось совсѣмъ переселиться въ семью Лисенковъ и слиться съ ней навсегда. Здоровье матери моей снова ухудшилось къ лѣту, и она къ осени должна была отправиться въ Кіевъ, гдѣ уже и осталась на вѣки. Я сталъ круглымъ сиротой, будучи въ третьемъ классѣ гимназіи, и на каникулы, по переводѣ въ четвертый, уже совсѣмъ переѣхалъ въ Гриньки. Съ этого времени мы стали съ Лисенкомъ закадычными друзьями и разлучались съ нимъ лишь на время занятій: онъ отправлялся въ Кіевъ, а я въ Полтаву; но и во время разлуки мы переписывались постоянно, и письма наши дышали неподдѣльной дѣтской привязанностью.

Учился Лисенко въ пансіонѣ прекрасно: былъ въ ряду первыхъ учениковъ и привозилъ при переходахъ въ высшіе классы всегда наградныя книги. Въ музыкѣ Николай оказывалъ колоссальные успѣхи, и еще будучи въ первомъ классѣ, т. е. лѣтъ 9-ти, онъ сочинилъ ужъ довольно миленькую польку, съ правильнымъ развитіемъ темы и звучной гармонизаціей; эта полька и была напечатана въ Кіевѣ. Міровоззрѣніе у Лисенка все еще продолжалось аристократическое, поддерживаемое направленіемъ пансіона и домашними традиціями—выѣздами въ каретахъ, съ ливрейными лакеями и панской обстановкой.

Помѣщичья жизнь тогда еще текла широкой волной. Праздники, а особенно рождественскіе, проводились шумно и весело; чуть-ли не въ продолженіе 2-хъ недѣль, семь-восемь сосѣднихъ семействъ, съ прибавкой молодежи, съѣзжавшейся издалека, переѣзжали изъ одного дома въ другой, и въ каждомъ гостили дня по два, наѣдаясь до отвалу и «натанцовываясь» до упаду. Само собою разумѣется, что обѣ кутьи, по старосвѣтскому обычаю, соблюдались тогда у насъ строго и праздновались большей частью дома, съ канонадой изъ мущерей и двухъ пушекъ, доставшихся въ наслѣдство отъ Болюбаша. Отецъ Лисенка былъ искренне-религіозенъ, и это настроеніе отражалось и на нашей молодой жизни. На Свѣтлые праздники мы разъѣзжали тоже по роднымъ и сосѣдямъ; но разливъ рѣкъ Сулы и Днѣпра затруднялъ сообщенія, да и самыя вакаціи были короче. За то какое раздолье было намъ лѣтомъ! Хотя каникулы тогда были короче теперешнихъ—отъ половины іюня лишь по 10-е августа,—но насъ въ эти два мѣсяца трудно было и залучить въ домъ: по цѣлымъ днямъ мы бѣгали то по двору, то по саду; играли въ мяча, запускали змѣя, стрѣляли изъ лука, ѣздили верхомъ (я всегда—плохо, а Николай—превосходно). Что же касается учебниковъ, то лѣтомъ мы къ нимъ не прикасались; только для музыки Лисенко дѣлалъ исключеніе и аккуратно два раза въ день занимался игрой на фортепьяно. Онъ уже исполнялъ серьезныя концертныя пьесы, напр.: «Пробужденіе Льва» Конскаго и переложенія Листа. Музыкальная память у него развивалась изумительно: разъ, два проиграетъ бывало большую пьесу—и уже играетъ ее на память. Я тоже, по ходатайству своего друга, началъ брать уроки музыки въ пансіонѣ, но особенныхъ успѣховъ въ ней не оказывалъ: былъ счастливъ и тѣмъ, что могъ играть въ четыре руки съ Николаемъ.

По вечерамъ мы забавлялись съ челядью въ различныя народныя игры, въ которыхъ предводительствовалъ всегда я. Въ нестерпимую жару и въ ненастную погоду забирались мы въ прохладную гостинную, на длиннѣйшій диванъ, и читали интересныя дѣтскія книги и журналы. Помню, что насъ тогда особенно увлекали—Робинзонъ Крузо, Айвенго и Графъ Монтекристо. Тетя любила слушать жестокіе романы и часто засаживала насъ читать ей вслухъ, а мать Николая превосходно читала по-русски, особенно стихи, и для насъ не было большаго праздника, когда она соглашалась прочитать намъ баллады Жуковскаго, а особенно «Ундину»; за это мы обязаны были сдѣлать диктовку по-французски, а также заняться и переводами.

Какъ я выше сказалъ, семейству Лисенковъ было тѣсно въ Гринькахъ, и отецъ его затѣялъ давно выстроить домъ въ м. Жовнинѣ. Тамъ было превосходное, живописное мѣсто на горѣ, по которой опускался къ левадѣ фруктовый садъ, а самая левада была покрыта густыми вербами, яворами, орѣшникомъ, и тянулась почти до Сулы. Съ горки, гдѣ строился домъ, открывался роскошный видъ на заднѣпровскія дали съ синѣющими горами и на задумчивыя луга, сторожившіе прихотливые изгибы Сулы.

Этотъ домъ былъ готовъ, когда я перешелъ въ V классъ, а Лисенко окончилъ курсъ у Гедуэна. Мы были въ восторгѣ и тѣ каникулы провели роскошно: и обширный, хорошо устроенный домъ, и чудный садъ, и прохладные аллеи внизу, и рѣка—все намъ доставляло новыя радости и развлеченія. Чуть ли не большую часть дня проводили мы на берегу тихой и ласковой Сулы; купались въ день два, три раза, удили рыбу, гуляли по лугамъ и вслушивались въ народныя пѣсни: тамъ недалеко, у мельницы, собиралась улица, пѣли парубки и дивчата, а иногда и раздавалось унылое, одинокое женское соло. Мы, малыши, боялись тогда подходить къ толпѣ, а слушали пѣсни только со своей левады; но тѣмъ не менѣе и гулянье молодежи, и пѣсни ея производили на насъ впечатлѣніе. Я помню, что нѣкоторые мотивы, особенно намъ понравившіеся, Николай записывалъ въ ноты и сообщалъ своей бабушкѣ, любившей очень пѣсни, а особенно родныя, народныя. У Марьи Васильевны была воспитанница Люба, обладавшая чуднымъ голосомъ,—она и распѣвала тогда и русскіе, и малорусскіе романсы.

Жовнинъ былъ почти по сосѣдству съ Галицкимъ и Клищинцами, отстоявшими отъ Гринекъ верстъ на тридцать; а потому теперь

мы часто видались съ тамошними Лисенками: въ Галицкомъ жила семья родного дяди Николая, Андрея Романовича, а въ Клищинцахъ жилъ мой родной дядя (по матери) Александръ Захарьевичъ. Андрей Романовичъ былъ женатъ на бѣлорусскѣ, а потому семья его была обрусѣлой; пѣлись тамъ больше великорусскія народныя пѣсни: «Матушка голубушка», «Лучина лучинушка», «Я пойду, пойду косить», но среди нихъ попадались и малорусскія:—«Ой хто въ лиси озовыся», занесенныя вѣроятно Александромъ Захарьевичемъ. Послѣдній, вопреки волѣ родителей, женился на простой крестьянкѣ. Домашній языкъ у моего дяди былъ, конечно, малорусскій, да и въ гостяхъ онъ любилъ щегольнуть имъ. Будучи по фигурѣ и по чертамъ лица типичнымъ запорожцемъ, Алекс. Захар. любилъ и запорожскую удаль, и старыя пѣсни; конечно, эта платоническая любовь не облекалась въ какія-либо идейныя стремленія, а составляла лишь его поэтическое настроеніе, но тѣмъ не менѣе въ этомъ настроеніи сказывалось враждебное чувство къ панскому обрусѣнію и отщепенству отъ народа. Я съ Николаемъ стали чаще ѣздить къ тѣмъ «родичамъ» въ гости. Въ Галицкомъ разъ достали мы отъ Андр. Ром. запрещенныя стихотворенія Шевченка и цѣлую ночь читали ихъ, восторгаясь и формой, и словомъ, и смѣлостью содержанія. Что меня увлекалъ этотъ звучный, страстный стихъ, было неудивительно—онъ мнѣ былъ съ дѣтства близокъ, но Лисенко, привыкшій къ русской, или французской рѣчи, былъ особенно пораженъ и увлеченъ музыкальной звучностью и силой простого, народнаго слова. Съ этого времени и я пересталъ этого слова стыдиться; а потомъ знакомство и сближеніе наше съ дядей Олександромъ, или Олексашей, утвердило насъ еще больше въ симпатіяхъ къ малорусскому языку и малорусской старинѣ. Дядя зналъ много запорожскихъ думъ и пѣсенъ, пѣлъ ихъ выразительно, съ чувствомъ и производилъ сильное впечатлѣніе. Лисенко впервые сталъ отъ него записывать мотивы и слова этихъ пѣсенъ, напр., «Ой не гараздъ запорожци, не гараздъ вчынылы», «Атамане, батьку нашъ», «Встае хмара зъ-за лымана».

Для насъ не было тогда большаго праздника, какъ поѣхать къ Ал. Зах. въ гости. Все у него было оригинально и полно поэтической шири. Прежде всего радушію и гостепріимству его не было конца; второе—у него были сыновья, мои двоюродные братья—Петръ и Порфирій, хотя и старше насъ, но все-же сверстники, третье—всегда они для насъ, конечно при участіи и своего батька, устраивали или

охоты, или рыбныя ловли. Отправимся бывало къ заливамъ Сулы съ неводомъ, съ ятерями, съ подсаками и наловимъ, при общемъ радостномъ настроеніи и взрывахъ восторга, массу рыбы и раковъ, а то настрѣляемъ еще и дичи, т. е., вѣрнѣе сказать, настрѣляютъ кузены, а мы еще едва могли держать ружье въ рукѣ. Но тѣмъ не менѣе всякая удача и добыча считались тогда общей, какъ общее было и веселье. Послѣ охоты и ловли, тутъ же на берегу Сулы, при поэтической обстановкѣ и нѣжно-ласковомъ вечерѣ, а то и при пышной ночи, готовился на кострѣ ужинъ; мы всѣ принимали участіе въ кулинарныхъ трудахъ, но надсматривалъ за кашеварами самъ дядя, какъ кошевой атаманъ. Лучшей ухи изъ животрепещущей рыбы, лучшаго кулиша, заправленнаго саломъ и свареннаго съ дикими утками, я не ѣдалъ нигдѣ; кромѣ молодого аппетита, возбужденнаго свѣжимъ ароматнымъ воздухомъ и физическимъ трудомъ, составляющимъ лучшую приправу къ блюду, я полагаю, что эти снѣди были и безотносительно превосходны. Здѣсь же, за вечерею, подъ звѣзднымъ небомъ и разсказывалъ намъ дядя про запорожцевъ, про ихъ житье-бытье, про бывшую славу и волю, а то и пѣлъ пѣсни. Разсказы его и пѣсни западали намъ въ душу глубоко, будили національное чувство, уносили фантазію въ прошлое, полное чаръ и величія. Какъ я сказалъ выше, дядя нашъ говорилъ всегда по-малорусски, и этотъ языкъ былъ единственнымъ языкомъ въ его семьѣ; бывая у него, я чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ; но Николаю было сначала нѣсколько трудно подделаться подъ общую рѣчь, хотя онъ и старался. Дядя бывало говоритъ:—«Ну, тебе, Мыхайло, можно хочъ заразъ у кошъ, а це ще паненя, хочъ и зъ козачымъ серцемъ!» —У дяди нашелся между прочимъ и первый напечатанный кобзарь Шевченка, и Энеида Котляревскаго. Потомъ уже, будучи въ 5-мъ классѣ, я и самъ купилъ въ Полтавѣ Шевченка и Энеиду. Бабушка слушала чтеніе этихъ книгъ съ наслажденіемъ. И такъ, съ увѣренностью можно сказать, что первые корни національнаго чувства зародились у Лисенка подъ вліяніемъ бабушки и при сближеніи въ играхъ съ народомъ, а потомъ они проявились поэтически при знакомствѣ съ Ал. Зах. Народное настроеніе стало съ того времени проникать и въ музыкальный талантъ Лисенка: во-первыхъ, онъ сталъ записывать мелодіи старинныхъ пѣсенъ и подбирать къ нимъ аккомпаниментъ, а во-вторыхъ—сталъ присочинять козачки и исполнять ихъ на фортепьяно съ такимъ блескомъ

и шикомъ, передъ которымъ блѣднѣли и цимбалы, и скрипка съ бубномъ.

По окончаніи курса у Гедуэна, Николай долженъ былъ уже поступить въ четвертый классъ гимназіи. Началъ онъ слезно молить своихъ родителей, чтобы не оставляли его въ Кіевѣ, совершенно чужомъ городѣ, одного, а чтобы перевели въ Полтавскую гимназію, гдѣ мы были бы вмѣстѣ. За переводъ изъ Кіева стояли, кажется, всѣ, опираясь на то, что онъ самый отдаленный отъ родного помѣстья городъ—до 300 верстъ. тогда какъ Полтава лежала лишь въ 120 в., а Харьковъ—въ 230. И такъ, этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу нашу; но относительно Полтавы и Харькова было колебаніе; мы же настаивали лишь на одномъ:—чтобы быть вмѣстѣ. Однако наше желаніе не сбылось. Полтавскій дворянскій пансіонъ признанъ былъ родителями Лисенка за мужицкій хлѣвъ, да и сама гимназія—вульгарной; а въ Харьковѣ, въ университетскомъ городѣ, нашелся дальній родственникъ Лисенковъ, профессоръ Борисякъ, согласившійся пріютить въ своихъ салонахъ отдаленнаго своего племянника за солидную, по тогдашнимъ цѣнамъ, плату—700 руб. въ годъ. Для меня у него не оказалось мѣста, а можетъ быть опекуны мои считали такую высокую плату для меня непосильной. Однимъ словомъ, я остался и на 5 кл. въ дворянскомъ пансіонѣ, и только съ 6-го перешелъ въ частный пансіонъ Ганота, а Николай застрялъ въ Харьковѣ, поступивъ въ IV кл. 2-й гимназіи, въ которой потомъ и окончилъ гимназическій курсъ. Сначала онъ жилъ у профессора Борисяка, а потомъ у доктора Гюббинета, державшаго у себя три-четыре пансіонера изъ аристократическихъ семействъ. Жизнь наша въ этотъ трехлѣтній періодъ мало чѣмъ отличалась отъ прежней; конечно, мы росли, крѣпли тѣломъ и заражались мало-по-малу всякими юношескими стремленіями. Дружба наша съ каждымъ годомъ еще больше росла. Мнѣ, какъ старшему и какъ представителю болѣе развитой гимназіи, Николай болѣе довѣрялъ, чѣмъ традиціямъ шаблонной морали своихъ воспитателей, и подъ вліяніемъ моего дяди и моимъ болѣе склонялся къ демократическимъ симпатіямъ, чѣмъ къ великопанскимъ. Каникулы и праздники неизмѣнно проводили мы то въ Жовнинѣ, то въ Гринькахъ. Кромѣ обычныхъ развлеченій въ залахъ и гостинныхъ, а также и удовольствій на лонѣ природы, мы много тогда читали громко другъ другу, переживая душой всѣ перипетіи жизни героевъ. Читали, между прочимъ, съ жадностью изъ тетиной библіотеки романы Вальтеръ-Скотта, Дюма,

Эжена-Сю, Бальзака,—конечно въ переводѣ на русскій языкъ, и даже воровали у гувернантки, состоявшей при сестрѣ Николая Софіи и меньшемъ его братѣ Андреѣ, Польдекока, на французскомъ языкѣ, знаніе котораго мы и развивали на послѣднихъ романахъ. Кромѣ того, родители Лисенка выписывали много газетъ и журналовъ (Отечеств. Зап., Современникъ, и Журналъ для юношества). Въ это время Севастопольская война была окончена, наступала заря освобожденія крестьянъ и гуманныхъ реформъ. Цензура была ослаблена и дала просторъ русской мысли. Все заговорило: либеральныя идеи закружились и въ юныхъ, и въ сѣдыхъ головахъ, общественные интересы и грядущія преобразованія стали темой не только у зеленыхъ столовъ, но и у дамскихъ козетокъ. Съ одной стороны, вѣяніе свободы опьяняло молодые умы и сулило радужную, полную заманчивыхъ перспективъ жизнь; съ другой стороны—у стариковъ и вообще у всѣхъ помѣщиковъ вызывало серьезныя опасенія, что эмансипація разоритъ дворянъ и вызоветъ на свѣтъ «Раззуваевыхъ»... Все это—и опасенія, и лучезарныя мечты—поднимало пульсъ общественной жизни и наполняло лихорадочною тревогой сердца. Стали появляться новые органы печати, и консервативные, и прогрессивные; публика накидывалась на нихъ и проникалась жаждой борьбы. На наши умы, полудѣтскіе, полуюношескіе, эта общественная струя производила пріятное оживленіе. Конечно, мы не проникали глубоко въ значеніе грядущихъ переворотовъ, но они занимали насъ, какъ занимали и вопли «Коробочекъ», и вздохи «Маниловыхъ», и скрежеты «Собакевичей»... (Мы тогда увлекались тоже «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки», «Тарасомъ Бульбой» и «Похожденіями Чичикова»).

Въ то время Полтава была просто захолустный городъ, въ которомъ текла патріархальная, почти деревенская жизнь; достаточно сказать, что въ нашей столицѣ не было ни театра, ни кондитерскихъ, ни кофеенъ, или ресторановъ съ билліардами, ни даже гостинницъ съ машинами, или цыганскими хорами, куда-бы стекалась мѣстная молодежь (я не говорю о дворянскомъ клубѣ). Потребности театральныхъ зрѣлищъ удовлетворялъ изрѣдка кружокъ любителей, ставившихъ исключительно: «Наталку Полтавку», «Москаля Чаривныка», «Сватання» съ какимъ-нибудь русскимъ водевилемъ съ пѣніемъ. На эти спектакли поч. попечитель гимназіи присылалъ всегда въ пансіонъ 20 билетовъ. Мнѣ и теперь кажется, что лучше этихъ спектаклей я ничего въ жизни не видѣлъ,—до того впечатлѣніе отъ нихъ было сильно.

Вслѣдствіе такой патріархальной глуши, гимназистъ нашъ, съ одной стороны, лишенъ былъ соблазнительныхъ приманокъ разгула, а съ другой—былъ дикъ и не отшлифованъ. Съ харьковскимъ гимназистомъ щеголемъ, изучившимъ и тайны клопштосса, и цыганскій шикъ, и закулисные ходы, нашему брату нечего было и тягаться, но по умственному и общественному развитію наша полтавская гимназія стояла неизмѣримо выше и выпускала воспитанниковъ и съ болѣе солиднымъ умственнымъ багажемъ, и съ прогрессивно-гуманнымъ міровоззрѣніемъ. Не могу не упомянуть о такихъ незабвенныхъ для насъ учителяхъ-просвѣтителяхъ, какъ Стеблинъ-Каменскій, Стронинъ. Но несмотря на то, что харьковская гимназія и жизнь могли бы воспитать у Лисенка лишь барскіе инстинкты,—онѣ не оказали на него въ этомъ отношеніи никакого вліянія: противовѣсомъ этимъ наноснымъ вѣяніямъ были впечатлѣнія дѣтства да творческая душа юноши, увлеченная волной народной музыки и поэзіи, а главное врожденная честность мысли,—онѣ то стояли насторожѣ возлѣ нашего композитора и превратили изнѣженнаго, избалованнаго ребенка-аристократа въ убѣжденнаго демократа и стойкаго борца за право и слово родного народа.

Музыкальныя занятія Лисенка въ Харьковѣ шли такъ-же успѣшно, какъ и въ Кіевѣ; учителями его были: сначала Вольнеръ—безцвѣтная личность, а потомъ Дмитріевъ—прекрасный виртуозъ. Онъ старался отшлифовать врожденную Лисенку бѣглость игры и придать ей блестящій оттѣнокъ. Изучалъ съ нимъ Бетховена, Моцарта,—вообще знакомилъ съ классиками.—Послѣднимъ учителемъ былъ чехъ Вильчикъ.

Игра Лисенка окрѣпла, стала осмысленной; техника и сила развивались неимовѣрно, а вмѣстѣ съ ними усваивался изящный вкусъ въ исполненіи, сказалась врожденная теплота души. Лисенко у Вильчика сталъ изучать Шопена. И Бетховена, и Шопена онъ исполнялъ уже мастерски и увлекалъ своею игрою слушателей. Но странно, что послѣ сочиненной имъ въ дѣтствѣ польки я не помню въ этотъ почти пятилѣтній періодъ другихъ его композицій. Импровизировать, правда, онъ могъ до безконечности, но большей частью танцы, напр.—козачки, метелыци, польки, галопы, вальсы и кадрили изъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ. На всѣхъ вечерахъ и раутахъ Лисенко былъ пріятнѣйшій и дорогой гость: онъ очаровывалъ общество своей концертной игрой, охотно самъ танцовалъ и игралъ для танцевъ; отличался

кромѣ того заразительной веселостью и плѣнялъ барышенъ, кромѣ игры, еще своей холеной красотой.

Въ VI-мъ классѣ я жилъ уже не въ пансіонѣ, а у учителя французскаго языка Ганота, гдѣ пользовался, конечно, большей свободой. Разъ пошелъ я пофланировать по Александровской улицѣ, чтобъ освѣжить голову, задуренную экзаменною работою, и зашелъ случайно вѣ книжную лавченку. Книгопродавецъ показалъ мнѣ, какъ новинку, «Записки о Южной Руси» Кулиша и его-же историческій романъ «Чорну Раду». Послѣдняя меня поразила: я до сихъ поръ читалъ на малорусскомъ языкѣ лишь Шевченка да Котляревскаго; первый, конечно, трогалъ меня глубокимъ содержаніемъ и прелестью стиха, но по формѣ и по лексикѣ этотъ стихъ приближался къ народной пѣснѣ. Спѣшу оговориться, что въ то время мы были знакомы еще съ весьма немногими произведеніями Шевченка: Катерына, Наймычка, Иванъ Пидкова; ни «Посланіе», ни «Думы» не были еще знакомы намъ,—я уже не говорю о Кавказѣ и другихъ подобныхъ произведеніяхъ Шевченка. Котляревскій же смѣшилъ меня юморомъ, но не будилъ даже предположенія о возможности писать на этомъ языкѣ что-либо возвышенное, серьезное, могущее изобразить всѣ тонкія изгибы мысли и мельчайшія оттѣнки красокъ художественной картины. Лучшія строки Энеиды, глубокая сатира пекла—какъ-то ускользали изъ юношескаго воображенія за веселостью общаго сюжета. Хотя и теперь помню, какую глубокую грусть будили въ нашихъ сердцахъ извѣстныя строки: «Такъ вичной памьяти, бувало, у насъ въ гетманщыни колысь»... И вдругъ романъ! Историческій романъ! У меня загорѣлось сердце,—но не было въ карманѣ 3-хъ руб. Я, кажется, двѣ недѣли собиралъ гроши и злотые, слѣдилъ ревниво за лавочкой, чтобъ кто-нибудь не унесъ этой волшебной книги. Наконецъ, передъ отъѣздомъ на каникулы она была мною пріобрѣтена, и я просидѣлъ надъ страницами ея ночь на пролетъ, смакуя каждое слово, каждую фразу. Когда я передалъ Лисенку объ этой книжкѣ, то онъ поспѣшилъ купить и «Записки». Пріѣхавши въ Жовнинъ, мы на другой же день, обѣгали садъ, леваду, бурты, побывали на Сулѣ, и принялись немедленно за чтеніе романа. На Лисенка онъ тоже произвелъ сильное впечатлѣніе и содержаніемъ своимъ и главное—языкомъ; мы пережевывали каждую фразу и восхищались, какъ оно выходитъ и ловко, и звучно, и съ какой яркостью рисуетъ даже тончайшіе облики картины. Я потомъ читалъ этотъ романъ и въ гостинной; даже покойной

матери Лисенка онъ нравился, хотя многаго она не понимала, а тетя Марья Васильевна да ея пріемышъ Люба, и хозяйка Таня—были въ восторгѣ. Мы съ этимъ романомъ ѣздили потомъ и къ Александру Захарьевичу. Послѣдній отнесся къ нему съ радостнымъ изумленіемъ; вслушивался, вдумывался и наконецъ произнесъ: «Спасыби Кулишу, засвитывъ и въ нашимъ лёху каганця!»

Языкъ онъ одобрялъ, хотя относительно нѣкоторыхъ выраженій и словъ дѣлалъ свои замѣчанія; что-же касается изображенія сценъ и типовъ давней жизни, то этимъ онъ безусловно былъ тронутъ.

Конечно, кромѣ «Рады» мы прочли и «Записки». Этнографическій матеріалъ и призывъ къ собиранію народныхъ сокровищъ до того воодушевили Николая, что онъ сталъ собирать и записывать народныя пѣсни. Дѣло началось, конечно, съ малорусскихъ романсовъ, которые онъ черпалъ отъ знакомыхъ барынь, барышенъ, поповенъ, или даже горничныхъ, напр.: «Тамъ, де Ятрынъ круто вьется», «Чы я въ лузи», «Дивчыно, рыбчыно, серденько мое», «Баламуте, выйды зъ хаты» и т. д.; но среди нихъ попадались и чисто народныя—«Ой, мисяцю, мисяченьку», «Волы ревуть, воды не пьють»... Аккомпаниманты къ этимъ пѣснямъ подбиралъ Лисенко весьма красивые и виртуозные, хотя, быть можетъ, и грѣшившіе правилами строгой народной гармоніи, которые онъ усвоилъ уже потомъ, послѣ консерваторіи.

Къ этому времени неясныхъ національныхъ стремленій относится одинъ смѣшной эпизодъ. Мы съ Николаемъ впервые влюбились и влюбились въ одну и ту же дѣвицу. У сосѣдей нашихъ Ильяшенковъ гостила маленькая, кокетливая блондиночка, со вздернутымъ носикомъ и искрометными глазками; была она, кажется, католичкой, потому что носила имя Текли, но русскимъ языкомъ прекрасно владѣла, а глазками еще лучше. Она сразу произвела на насъ чарующее впечатлѣніе. Мы стали упрашивать маму, поскорѣе ѣхать въ Гусиное къ Ильяшенкамъ, и снова ее увидѣли, и восторгались обворожительной Теклей... Между тѣмъ сама барышня, вѣроятно отъ скуки или изъ шалости, стала кокетничать съ нами, дурачиться, бѣгать взапуски, пожимать руки и увлекла насъ до самозабвенія. Мы по цѣлымъ ночамъ, подъ звѣзднымъ пологомъ неба (спали на галлереѣ), толковали о Теклѣ, восторгались ея красотой, уносились мечтами въ міръ Шехерезады, придумывали способы свиданій и передавали другъ другу про всякія завоеванія у Теклюни въ сферѣ любви и... не ревновали нисколько другъ друга. Наконецъ, мнѣ пришла въ голову мысль на-

писать ей или гимнъ, или оду, а Николай взялся присочинить музыку. Эта идея намъ понравилась. Я взялъ на себя обязанность, кромѣ поставки стиховъ, еще и пропѣть этотъ мадригалъ. Нужно добавить, что хотя я и бралъ уроки фортепьянной игры у Едлички, но оказывалъ въ ней неважные успѣхи, а между тѣмъ у меня оказался недурной баритонъ, и я сталъ заниматься больше пѣніемъ, даже рисковалъ исполнять жестокіе романсы въ салонахъ. Потому-то мы и разсчитывали соединеніемъ нашихъ талантовъ сразить окончательно плѣнительную, но неуловимую кокетку. Былъ еще споръ между нами, на какомъ языкѣ начертать нашему кумиру посланіе,—на малорусскомъ или на русскомъ? Но рѣшили писать на послѣднемъ, опасаясь, что панна, будучи полькой, можетъ еще поднять на смѣхъ хлопскій языкъ. Я принялся за версификацію: у насъ въ гимназіи учитель словесности Сосновскій, преподавая правила стихосложенія, требовалъ отъ учениковъ и сочиненій въ стихахъ—и мы писали... Среди учениковъ высшихъ классовъ (5, 6 и 7) лучше всѣхъ удавались стихи мнѣ и Вербицкому—тоже пансіонеру: намъ даже заказывало начальство торжественныя привѣтствія и оды при посѣщеніи нашего пансіона сановниками, а товарищи дали намъ прозвище поэтовъ, одобренное надзирателями. Часто, бывало, при передачѣ пансіона смѣняющему надзирателю слышится вопросъ:—«а гдѣ-же наши поэты?—на который постоянно почти слѣдовалъ отвѣтъ:—«въ карцерѣ». Такъ вотъ я и принялся за вирши. Каждый куплетъ, конечно, обсуждался нами тщательно; у меня остался въ памяти лишь одинъ:

О, ты, прелестное созданье,
Небесныхъ радостей фіалъ,
Дай хоть единое лобзанье
За нашъ сердечный мадригалъ!

Музыка была написана Лисенкомъ восхитительная (такъ мнѣ казалось), полная и нѣжной тоски, и томнаго очарованія, и даже безумной страсти. Это было 2-е музыкальное произведеніе Лисенка, уже болѣе зрѣлое, чѣмъ дѣтская полька. Лисенко долго штудировалъ мое пѣніе; наконецъ онъ остался имъ доволенъ. Ноты были тщательно переписаны, виньетка размалевана. Гувернантка пожертвовала намъ ленту или подвязку для свитка, и мы отправились въ Гусиное.

Намъ посчастливилось: родителей не было дома, а свободная четверка лошадей и фаэтонъ стояли на конюшнѣ; Созонтъ, дядька Ли-

сенка, протежировалъ своему питомцу, и при его вліяніи экипажъ былъ заложенъ, и панычи въ парадныхъ гимназическихъ мундирахъ съ красными въ золотѣ воротниками, разсѣлись важно, а Созонтъ въ ливреѣ помѣстился на козлахъ. Счастье летѣло вслѣдъ за нами до самаго Гусинаго. Съ сердечнымъ трепетомъ и робкимъ, но сладкимъ волненіемъ вошли мы въ гостинную и застали тамъ одну Теклю. Она съ неподдѣльной радостью встрѣтила насъ.

— Ахъ, какъ это мило съ вашей стороны, что навѣстили меня бѣдную... Тетя третій день, какъ уѣхала, а я одна... одинешенька... вотъ какъ видите— скучаю и тоскую... Все о васъ, мои милые, думала, и сердилась, что забыли... а вотъ и вы!

Отъ ея словъ мы взлетѣли, конечно, до седьмого неба. Николай покраснѣлъ и запнулся, какъ красная дѣвица, а я таки осмѣлился ей отвѣтить:—Если вы со скуки вспоминали насъ, то мы вашего дивнаго образа не теряли—и на мгновенье: онъ запечатлѣлся въ нашихъ сердцахъ на вѣки!

— Вотъ какіе комплименты! Браво!—вскрикнула панночка, но смѣшалась и отъ удовольствія вспыхнула до макушки.—Лисенко тоже смутился и началъ меня дергать за полу.

Черезъ мгновенье панночка, овладѣвъ собой, хохотала уже весело и непринужденно, сверкала глазками и дарила насъ плѣнительными улыбками.

— Вотъ что,—продолжала она тараторить,—если я запечатлѣлась, то я васъ и арестую... Ни, ни, ни! Ни писнуть!! Ви пробудете со мной до возвращенія тети... я здѣсь теперь хозяйка! Вотъ, буду угощать васъ чаемъ, ужиномъ... а завтра мы устроимъ какое-нибудь „парти-де-плезиръ"... вѣдь лошади съ вами?

— Съ нами и лошади, и экипажъ,—отвѣтилъ Николай,—но вотъ... только... чтобъ не безпокоились...

— Вздоръ!—возразилъ я—мы вполнѣ располагаемъ временемъ...

Конечно, конечно,—подхватила Теклюня,—и знаете что? Завтра мы поѣдемъ къ Днѣпру... къ тетинымъ плавнямъ... Тамъ и лодка есть... возьмемъ закуски и будемъ кататься въ лодкѣ. Ахъ, какъ будетъ весело!!—Она захлопала въ ладоши и убѣжала сдѣлать хозяйскія распоряженія. У Николая вспыхнулъ еще страхъ за лошадей, взятыхъ самовольно, но только лишь на мгновенье; обаятельный пріемъ и перспектива радостей завтрашняго дня опьянили насъ окончательно...

Послѣ чая было, наконецъ, торжественно преподнесено богинѣ наше музыкально-литературное произведеніе: оно было принято съ восторгомъ, а послѣ исполненія—даже съ трогательнымъ умиленіемъ. Теклюня протянула намъ свои бѣленькія, душистыя ручки и, откинувши голову назадъ, произнесла:—позволяю.

Я припалъ къ ручкѣ, а Лисенко къ другой; должно быть мы цѣловали ручки долѣе положеннаго, потому что панночка ихъ, наконецъ, выдернула, произнеся:—Довольно! „На больше!"—если заслужите!.. Полагаю, что второго такого упоительнаго впечатлѣнія,-съ первымъ трепетомъ неземного блаженства, съ первымъ дыханіемъ невѣдомой страсти—въ жизни уже не повторилось.

Вечеръ прошелъ въ волшебномъ настроеніи сердечной весны. Текля впрочемъ ушла рано, чтобы приготовить все къ завтрашнему пикнику и пораньше встать...—Такъ завтра же мы съ вами гуляемъ!..—и убѣгая, она послала еще намъ воздушный поцѣлуй.

Мы цѣлую ночь не спали: передавали другъ другу свои восторги и ожидали съ нетерпѣніемъ счастливой зари.

Но только что началъ свѣтлѣть востокъ, какъ неожиданно ворвался въ нашъ кабинетъ заика-форейторъ и, подавая записку, сталъ грозно бурчать: ба-ба-ба-ринъ при-ка-ка-зали сю ми-ми-нуту ѣхать назадъ... Сее-с-сер-сер-дя-тся страхъ!..

Въ запискѣ было грозное подтвержденіе словъ форейтора. Какъ ошпаренные схватились мы и стали натягивать свое платье. Лошади уже стояли у крыльца. Не умываясь и не прощаясь съ панною, мы прыгнули въ фаэтонъ и застегнулись наглухо фартухомъ. А Созонтъ еще съ ѣдкой улыбкой замѣтилъ:

— А что, господа женихи, чтобъ не влетѣло всѣмъ намъ по самое покорно благодарю!..

Такъ печально окончился нашъ первый любовный эпизодъ.

Этимъ эпизодомъ на лѣтнихъ каникулахъ и начинается наша свѣтлая юность: Лисенко былъ уже въ 6-мъ классѣ, а я перешелъ въ 7-й. На ту пору надвигались отовсюду заботы и разныя тревоги за будущее. Прежде всего финансовое положеніе помѣщиковъ въ послѣдніе годы «крепацтва» сильно пошатнулось: крестьяне, въ виду воли, плохо работали: кредитъ частный палъ, а правительственнаго не было; взысканіе долговъ росло, а ликвидація всякихъ хозяйственныхъ предпріятій быстро вела къ разоренію. Какъ разъ передъ эмансипаціей отецъ Лисенка выстроилъ въ Жовнинѣ винокурню, основалъ селитряный заводъ, а въ

Гриньковской части распочалъ строить кошары, амбары, клуню и другія экономическія постройки, да къ нимъ еще и другой домъ,—все это требовало огромныхъ денежныхъ суммъ, а ихъ не было. Родители Лисенка были страшно удручены: грозила потеря всего состоянія, что нѣсколько позже и случилось; но намъ, молодымъ, было море по колѣни, а потеря доходовъ и видимое оскудѣніе даже отчасти насъ радовали: если бы этого не было, то Николай оставался бы непремѣнно до окончанія гимназіи у Гюббинета; теперь же такихъ чрезмѣрныхъ суммъ платить не имѣлось возможности, и насъ вынуждены были помѣстить, въ видахъ экономіи, вмѣстѣ, на частной квартирѣ, у г. Рейнгарда. Лисенко бралъ въ это время уроки фортепьянной игры у лучшаго музыканта въ Харьковѣ *Дмитріева*, а потомъ у чеха *Вильчика*, напиравшаго на виртуозность, на изящество исполненія. Несмотря на усиленныя занятія въ 7-мъ классѣ, Николай не отрывалъ ни одного часа отъ музыкальныхъ упражненій и двигался въ этой сферѣ впередъ и впередъ. Онъ тогда, кромѣ пальцеломныхъ этюдовъ, изучалъ Шопена, знакомился съ Шуманомъ и работалъ усердно надъ чертовскими туръ-де-форсами Листа. У его учителя Вильчика, по воскресеніямъ, раза 2 въ мѣсяцъ, собирались по утрамъ разные музыкальные артисты и упражнялись въ камерной музыкѣ. Лисенко безсмѣнно велъ фортепьянную партію. Иногда эти вечера тянулись съ утра до ночи. Лисенко еще постоянно игралъ у почетнаго попечителя своей гимназіи, князя Голицина; этотъ меценатъ приглашалъ къ себѣ всѣхъ артистовъ и среди нихъ—всегда Лисенка. Малорусскихъ національныхъ стремленій въ Харьковѣ не было ни слуху, ни духу, по крайней мѣрѣ, мы на нихъ не наталкивались, а потому при тамошней малокультурной жизни могли вывѣтриться и навѣянныя дѣтствомъ симпатіи. Въ Дюковскомъ театрѣ изрѣдка шло лишь „Сватанье на Гончаривци“ да «Шельменко деньщикъ» съ знаменитымъ артистомъ Н... въ заглавной роли, каковыя пьесы мы обязательно посѣщали; да въ книжныхъ магазинахъ еще появились 2-й томъ «Записокъ о Южной Руси» и разсказы Марка Вовчка. Мы, конечно, прочли ихъ съ прежнимъ увлеченіемъ... но и только... Такъ прошелъ годъ. Лисенко выдержалъ экзаменъ съ медалью и уже въ синемъ воротникѣ отправился домой на каникулы. Средства его родителей къ тому времени до того истощились, что мы не могли аккуратно платить за квартиру и не имѣли средствъ въ послѣднія двѣ недѣли купить табаку. Такъ что, когда отецъ и мать Лисенка пріѣхали къ намъ лѣ-

томъ на квартиру, то мы прежде всего бросились къ карманамъ родителя за папиросами. На каникулахъ уже мы замѣтили не только въ нашей семьѣ, но и у окружныхъ помѣщиковъ признаки оскудѣнія; вереницы раутовъ, переѣзды изъ одного села въ другое гурьбой были прекращены. Паденіе «крепацтва» уже было Державной волей начертано, ждали указа, а вмѣстѣ съ нимъ ждали и какой-то ужасной катастрофы. Разсказывались небылицы передавались слухи о таинственныхъ убійствахъ; все это обвѣивало дворянскія семьи паникой, и болѣе зажиточные изъ нихъ собирались бросать свои помѣстья и переселяться въ города. Наша семья тоже серьезно стала поговаривать о переселеніи, но, къ огорченію нашему, не въ Харьковъ, гдѣ были наши зазнобы, а въ Кіевъ. Послѣдній городъ былъ выбранъ или по удобству путей сообщенія (въ то время начали впервые между Кременчугомъ и Кіевомъ крейсировать пароходы), или же потому, что близкія и родственныя семьи Болюбашей и Деконоровъ выбрали для воспитанія дѣтей своихъ Кіевъ, Но въ тотъ годъ, 1859. разныя экономическія и финансовыя передряги не дали возможности перебраться, и мы къ величайшей радости опять возвратились въ Харьковъ. Лисенко поступилъ на естественный факультетъ, кажется въ память дяди своего Борисяка, профессора минералогіи. По всѣмъ склонностямъ, ему бы слѣдовало поступить на историко-филологическій факультетъ, но фамильныя традиціи его сбили. Такъ тянулся годъ въ какой-то умственной путаницѣ. Театръ мы посѣщали довольно часто, занимая, конечно, райскія высоты; нумерованныхъ мѣстъ тамъ не было, а потому, чтобы захватить лучшія, нужно было забираться туда пораньше,—часовъ съ пяти, а то и съ четырехъ послѣ обѣда. Бывало и выспимся тамъ, пока публика станетъ сходиться. Такъ вотъ разъ надоѣло сидѣть намъ, а Боброва, какъ актриса, намъ сильно нравилась: ну мы и давай во время игры, а слѣдовательно и тишины въ театрѣ, вызывать ее въ терцію: партеръ началъ смѣяться, а галерчане-товарищи еще поддержали нашу терцу квартетомъ... вышелъ легкій скандалъ, за который на другой день Лисенко очутился въ карцерѣ: ему, какъ музыканту, приписали иниціативу въ этомъ вокальномъ концертѣ. Еще одинъ интересный фактъ припоминается мнѣ изъ нашей жизни въ тотъ годъ. Товарищъ нашъ Косяковъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ перевестись изъ Харьковскаго университета въ Кіевскій. Мы его проводили съ соболѣзнованіемъ и вспрыснули дорожку, а онъ черезъ мѣсяцъ вер-

нулся, но вернулся неузнаваемымъ: въ ботфортахъ, въ венгеркѣ, конфедераткѣ и съ носогрѣйкой въ зубахъ. Мы изумились этому непонятному маскараду, а Косяковъ сталъ увѣрять, что въ Кіевскомъ университетѣ формы не носятъ, а всѣ ходятъ въ ботфортахъ да всевозможныхъ костюмахъ, что тамъ студенты не то, что у насъ, а держатъ въ паникѣ городъ и производятъ такіе дебоши, какихъ и военнымъ не снилось. Очевидно, Косяковъ не понялъ ни національныхъ стремленій, ни борьбы партій, а обратилъ лишь свое вниманіе на внѣшность. Тѣмъ не менѣе, разсказы его насъ увлекли, и когда лѣтомъ рѣшился въ послѣдній разъ вопросъ, куда ѣхать, мы налегли тоже на Кіевъ...

Старикъ Лисенко ѣздилъ въ Кіевъ лѣтомъ, нанялъ квартиру на Тарасовской ул., а мы съ Николаемъ пріѣхали туда авангардомъ, еще до начала занятій и были поражены—не городомъ,—онъ тогда былъ довольно пустыненъ, особенно окрестности университета, и пожалуй уступалъ по бойкости Харькову,—а студентами, которые стали появляться на улицахъ: большинство ихъ было въ польскихъ костюмахъ, среди которыхъ изрѣдка появлялась или выпускная косоворотка, или сивая, смушковая шапка. Языкъ вездѣ царилъ польскій. Пошли мы въ театръ—ничего не поняли: шла какая-то комедія изъ варшавской жизни; отправились въ бильярдную—и тамъ маркеры и гости говорили по-польски. Наконецъ, завернули въ магазинъ и тамъ къ намъ обратились: «цо панство хце»?.. Наконецъ и въ кухмистерской намъ предложили «яи садзоне» и «легумине», о каковыхъ блюдахъ мы не имѣли понятія. Лисенко вздыхалъ, что заѣхали въ Польшу и что вѣроятно придется слушать и лекціи на польскомъ языкѣ. Все это смущало его сильно и тянуло къ милому Харькову.

Изъ товарищей харьковскихъ у Лисенка ни одного не нашлось въ Кіевѣ, а моихъ изъ полтавской гимназіи оказалось душъ десять. Николай перезнакомился съ ними и примкнулъ, конечно, къ полтавскому кружку. Собственно говоря это не былъ идейный кружокъ, а просто болѣе близкіе однокашники, льнувшіе въ чужомъ городѣ ближе другъ къ другу. Они тоже не понимали еще знаменія времени, обуревавшаго юные умы въ университетѣ и отражавшагося даже за стѣнами его какой-то смутной тревогой. Насъ поразила сборная зала въ университетѣ, принимавшая съ каждымъ днемъ болѣе бурный характеръ, и въ ней звучала подавляюще польская рѣчь. Студенты-като-

лики собирались массами, о чемъ-то вели безконечные споры, держали иногда рѣчи; иногда слышались изъ небольшихъ кучекъ протесты...

Помню, какой-то въ красной рубашкѣ кацапикъ, небольшого роста, просилъ Христомъ Богомъ товарищей, чтобъ его подняли. Мы подхватили на руки оратора и поставили на окно; съ этой высоты онъ началъ громить и укорять густыя массы поляковъ. Рѣчь его была пылка, искренна и сильна. Содержаніе ея приблизительно состояло въ томъ, что всѣ мы, малороссы и кацапы, сочувствуемъ стремленію польскихъ студентовъ стоять за развитіе своей національности, за свои права, за свободу и автономію родной страны, но сочувствуемъ до тѣхъ поръ, пока эти стремленія не ломаютъ нашей свободы, нашего національнаго развитія и правъ нашей родины.—А вы-де, господа, начинаете свое дѣло съ насилія надъ другими. Кіевъ не вашъ городъ, и университетъ этотъ нашъ... да и наука всегда должна быть свободна отъ національныхъ давленій. Слова оратора произвели на волнующіяся толпы кунтушей и венгерокъ неотразимое впечатлѣніе. Все смолкло и притихло. Одинъ внушительный по фигурѣ полякъ даже произнесъ одобрительно:

— «Добже, шельма, муви!»

Но другой, рыжій, съ остроконечной бородкой и подкрученными вверхъ усиками крикнулъ:—«Лже, лайдакъ! Тенъ университетъ естъ нашъ, бо зъ Вильна пшенесенъ!» Поднялся невыразимый шумъ, среди котораго кто-то въ сирякѣ и сивой шапкѣ оралъ:—«Панове, не будьте необачнымы! Обмиркуймось! Невже теперъ вы не шукатымете зголы? Гей, прыгадайте даремно пролыту кровъ!!»

Такія сцены повторялись почти ежедневно и прогрессировали, по мѣрѣ съѣзда студентовъ и большаго наполненія аудиторій. Національная борьба, разгоравшаяся въ храмѣ науки, будила многіе вопросы, спавшіе до того времени въ нашемъ мозгу, а въ сердцѣ поднимала новую, невѣдомую до того страсть. Мы съ Лисенкомъ просиживали иногда ночи, толкуя о національныхъ задачахъ, о прошломъ нашей родины и о судьбѣ-мачехѣ нашего крестьянина.

Разъ собралось въ квартирѣ студента, еврея Г. изъ полтавцевъ, извѣстнаго потомъ публициста, насъ земляковъ довольно много; пришли туда и новые кіевскіе товарищи, люди сознательно-національнаго направленія, выработаннаго здѣсь на почвѣ борьбы сосѣднихъ народностей; явился и кацапикъ въ красной сорочкѣ, симпатичнѣйшій студентъ Ч., котораго мы не разъ поднимали то на плечи, то на окна

въ сборной залѣ. Замѣчу, кстати, что у насъ въ полтавской гимназіи, несмотря на преобладающій въ ней малорусскій языкъ, не было никакихъ сознательныхъ симпатій къ культурѣ его, къ правамъ національнымъ, къ историческому прошлому, равно не было выработано и политическихъ идеаловъ. Кіевъ въ этомъ отношеніи былъ далеко впереди: здѣсь было задумано и Кирилло-Меѳодіевское братство, здѣсь и Максимовичъ, и Костомаровъ, и Кулишъ будили прежде интересы къ изученію народа, здѣсь наконецъ и политическія броженія поддерживали починъ народнаго чувства, обострявшагося въ борьбѣ. Такъ вотъ пришедшій кацапчикъ сталъ развивать компаніи ту мысль, что въ настоящій моментъ подъема духа и симпатій къ меньшему брату все лучшее русское культурное общество пошло въ народъ,—изучить его, научить его, слиться съ нимъ для борьбы съ темными силами, тормозящими наше развитіе и общее благо. Что малороссы, хотя и принимаютъ участіе въ общемъ движеніи и трудятся въ воскресныхъ и другихъ школахъ для просвѣщенія народа, но тѣмъ не менѣе не смотрятъ сознательно въ корень и не борются съ другой силой, стремящейся денаціонализировать здѣшній край.—Вѣдь у васъ, господа,—поднялъ онъ голосъ,—есть своя славная исторія: народъ вашъ кореннѣе нашего русскаго, да и не мало его, за 15 милліоновъ: языкъ у васъ богатый и звучный... ждетъ только литературнаго развитія... По политическимъ и соціальнымъ идеаламъ мы друзья... а по ярму—братья родные... Такъ, какъ же намъ, товарищи, не соединиться вмѣстѣ, коли на нашихъ глазахъ полонизируютъ и древне-русскій городъ, и науку, и народъ! Заявите-же и вы, господа, что считаете весь этотъ юго-западный край—Малороссіей и что стоите за свой народъ, за свою національность, за свою старину и за свою рѣчь... да за политическую, и юридическую и нравственную свободу народа! Поляки надѣли кунтуши и проповѣдуютъ свой катехизисъ: надѣнемъ-же и мы свои косоворотки, поддевки, сиряки, сорочки, жупаны, да свиты... и станемъ проповѣдывать свое «credo»! А наше «credo»—свобода развитія всѣхъ національностей, безъ насилій и притѣсненій другихъ,—демократизмъ, уравненіе правъ ассоціаціи слабыхъ для борьбы съ сильными, развитіе гуманитарныхъ началъ, автономіи и свободы!

Рѣчь кацапа была покрыта дружными рукоплесканіями, пожатіемъ рукъ и объятіемъ. Предложеніе пришлось по душѣ и вызвало оживленную по этому поводу бесѣду. Бывшіе въ гостяхъ кіевляне, сознательные украинцы, развили еще больше намъ, неофитамъ, мысль

кацапа, освоивъ многими фактами состояніе нашей народности и значеніе ея въ будущемъ.

Лисенко просто преобразился и началъ доказывать, что намъ всѣмъ не только съ народомъ, но и между собой нужно говорить по-малорусски, чтобы сдѣлать этотъ языкъ культурнымъ и своимъ... Много было поднято вопросовъ, подано предложеній и намѣчено проектовъ, для совмѣстныхъ работъ.

Придя домой, Лисенко сталъ совѣтоваться со мной, какой-бы заказать намъ костюмъ, и мы, послѣ долгихъ серьезныхъ дебатовъ, порѣшили, что на первый разъ нужно обзавестись хотя двумя: —для будней —чемарка изъ темнокоричневаго драпа, отдѣланная кожей, и шаровары сѣрые, а для праздниковъ—суконные жупаны, бархатные темносиніе шаровары и шелковыя шали для поясовъ... Пока мы только обдумывали покрой верхнихъ «сиряковъ» и выбирали барашекъ для шапокъ, насъ позвали на генеральную сходку въ университетѣ, въ студенческой библіотекѣ, а разомъ и аудиторіи. Мы отправились съ Лисенкомъ туда вечеромъ и застали, кромѣ нашихъ знакомыхъ, массу студентовъ. Собраніе было обставлено таинственно: ночь, большая зала, ряды скамеекъ, столикъ, тусклое освѣщеніе... торжественная тишина, масса головъ и опросы входящихъ: пароль и лозугъ?—все это импонировало ужасно: мы почувствовали себя словно въ средневѣковой ратушѣ на собраніи заговорщиковъ.

Когда выбраны были «голова» и „пысарь", тогда предложенъ былъ собранію для обсужденія рядъ вопросовъ, касающихся самопознанія, убѣжденій, стремленій истиннаго малоросса, а также программа дѣятельности и отношенія его къ другимъ національностямъ. Вопросы обсуждались серьезно, въ строгомъ порядкѣ, чисто по парламентски; все засѣданіе велось на родномъ языкѣ, и мы съ Лисенкомъ услыхали впервые серьезную малорусскую рѣчь, и замѣтили, что кіевляне, волынцы и даже черниговцы владѣли ею далеко лучше насъ, полтавцевъ... На этой сходкѣ рѣшено было единогласно, что малорусскій народъ составляетъ особую національность, богатую всѣми данными для культурнаго развитія и участія полнымъ голосомъ въ славянскомъ концертѣ, что честный, сознательный малороссъ долженъ отдать всѣ свои душевныя силы для поднятія въ народѣ самосознанія и развитія, что ко всѣмъ братьямъ славянамъ онъ долженъ относиться дружески и помогать имъ въ борьбѣ съ угнетателями, что въ политическихъ и соціальныхъ стремленіяхъ онъ исповѣдуетъ тѣ же идеалы, что и пе-

редовыя его братья великороссы, и что съ лучшими партіями этихъ передовыхъ силъ онъ солидаренъ. На этой сходкѣ былъ и кацапикъ, и депутатъ отъ польскаго «кола».

Лисенко вышелъ изъ этого собранія словно пьяный, и съ того момента сталъ самымъ рьянымъ украйнофиломъ, какъ окрестили насъ потомъ. Въ скоромъ времени и малорусскіе, и великорусскіе студенты облеклись въ свои національные костюмы; массы студентовъ и въ университетѣ, и на Крещатикѣ представляли живописную картину.

Но помимо школьныхъ дѣятелей, образовалось тогда еще много кружковъ, преслѣдовавшихъ тѣ или другія просвѣтительныя цѣли: одни занимались этнографіей—записываніемъ преданій, сказокъ, пословицъ, загадокъ, суевѣрій, обрядовъ и т. п.; другіе стали собирать матеріалы для будущаго малорусскаго словаря; третьи принялись за составленіе популярныхъ книгъ для народа; четвертые стали для этого изучать малорусскій языкъ; иные пошли въ народъ...

Широкая волна кипучей жизни и спѣшной работы охватывала насъ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Лисенко, съ присущей его характеру настойчивостью, принялся изучать языкъ, для чего онъ пріобрѣталъ всѣ изданныя и выходившія тогда на малорусскомъ языкѣ книги. Мы выписали «Основу»; съ увлеченіемъ штудировали статью Костомарова „Двѣ русскія народности“ и зачитывались произведеніями Шевченка, Кулиша, Марка Вовчка и другихъ. Теперь мы уже относились къ нимъ гораздо серьезнѣе и замѣчали многое, ускользавшее прежде отъ нашего вниманія... Я сталъ пробовать переводить на малорусскій языкъ басни Крылова и музу Пушкина (кажется первое—«Эхо»). Мы съ Лисенкомъ примкнули къ группѣ, трудившейся надъ собираніемъ матеріаловъ для малорусскаго синтаксиса.

Это было время передъ объявленіемъ воли народу, начертанной Государемъ, но еще не обнародованной. Подъемъ духа и у народа, и у культурныхъ классовъ росъ почти по часамъ, пресса ликовала, загоралась заря свободы. Надвигалась какая то полная чаръ и широкаго счастья эра, туманившая головы несбыточными надеждами и заставлявшая отрадно биться наши сердца. Среди общаго свѣтлаго праздника, темныя силы притихли и должны были попрятаться въ норы.

Лисенко до того былъ увлеченъ роскошной весной, что забылъ даже свою музыку и въ то время мало работалъ надъ техникой игры.

а если и работалъ въ своей сферѣ, то главное надъ записываніемъ народнаго музыкальнаго богатства.

Но если Мыкола занимался тогда меньше этюдами и сонатами, то зато больше создавалъ или пробовалъ создавать въ малорусскомъ вкусѣ разные танцы, и народные и общеевропейскіе. Не помню, по воскресеніямъ, или по субботамъ у насъ устраивались «вечерныци»; были выбраны почтенныя матроны, которыя завѣдывали хозяйственной частью и наблюдали за строго-цензурной порядочностью ихъ. Конечно, всѣ посѣщавшіе эти «вечерныци» обязаны были, безъ исключенія, быть въ народныхъ костюмахъ и говорить по-малорусски; за каждое нарушеніе послѣдняго условія взымался штрафъ, поступавшій въ издательскій фондъ. Мы по-дѣтски ловили другъ друга и взымали штрафы при общемъ смѣхѣ. Угощенія на этихъ вечерахъ велись въ складчину, и всѣ кушанья и напитки были національные. Въ танцахъ допускались изъ иностранныхъ лишь полонезъ да кадриль, остальные же танцы были народные: козачекъ, горлица, вальсъ-козакъ, и метелыця. Вотъ для этихъ то всевозможныхъ танцевъ и создавалъ Лисенко свою прелестную въ народномъ вкусѣ музыку... Онъ вообще былъ душой общества и вносилъ въ него искренность увлеченія—и своимъ заразительнымъ весельемъ, и своей чудной игрой, и даже своими усердными танцами. Кромѣ того, гдѣ Лисенко ни появлялся, сейчасъ же составлялся хоръ, которымъ онъ и дирижировалъ.

Я коснулся кіевскаго движенія 60-хъ годовъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно имѣло неотразимое вліяніе на поворотъ міровоззрѣній и симпатій Лисенка; а это время, богатое событіями, сильными характерами, руководителями, исполненными высокаго ума и великаго сердца,—еще ждетъ занесенія на страницы исторіи.

Замѣчательно то, что мои врожденныя симпатіи къ своему родному языку встрѣтили въ подъемѣ національнаго самосознанія 60-хъ годовъ лишь свое оправданіе и не поразили неожиданнымъ открытіемъ; Лисенко же, хранившій лишь проблески народныхъ симпатій, навѣянныхъ ему съ дѣтства, теперь, словно слѣпецъ послѣ снятія катаракта, прозрѣлъ, и это чудо подѣйствовало на него потрясающе: все, что хранилось въ тайникахъ его сердца, вспыхнуло яркимъ пламенемъ, въ которомъ сгорѣли его барскія воспоминанія, аристократическія тенденціи, свѣтскія привязанности, а всѣ стремленія сплотились въ одну широкую любовь къ своему родному народу и къ ду-

ховному проявленію его личности... однимъ словомъ, Лисенко воспріялъ новыя идеи не спокойно, а съ страстностью.

Такими то завзятыми украинцами мы возвратились на каникулы въ Жовнинъ.

Эти каникулы мы начали тѣмъ, что непосредственно сами отправились на «улицу» и старались перезнакомиться со всѣмъ селомъ, имѣя цѣлью и пропаганду своихъ идей, и сближеніе, сліяніе съ народомъ, и собираніе этнографическаго матеріала. Лисенко съ фисгармоніей проникалъ и на «досвиткы», и на «вечерныци», оживлялъ ихъ своей игрой и выуживалъ всюду народныя мелодіи, которыя и заносилъ въ свой музыкальный портфель: онѣ потомъ въ его обработкѣ составили драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу духовнаго богатства нашего народа. Молодежь сельская насъ не чуждалась, а потребовала, по обычаю, ведро горилки и разрѣшила бывать на всѣхъ своихъ сборищахъ. Болѣе пожилые хозяева смотрѣли, впрочемъ, на насъ съ нѣкоторой подозрительностью. Наше хожденіе въ народъ, простой костюмъ и простая рѣчь объяснялись вообще тѣмъ, что царь, «за те, що знущалысь перше паны надъ людьмы, перенысавъ при „воли“ и ихъ у „простоту“; но было, и другое толкованіе: что «паны переодяглысь у просте и вештаются, щобъ пидслухать, запысаты и донесты на насъ царю»... Въ иныхъ мѣстахъ этнографическихъ собирателей хватали, какъ «шпыговъ» и заключали въ «холодну»...

Эти молодыя увлеченія народомъ вывѣтрили и у меня, и у Мыколы всякія воспоминанія о барышняхъ и о Харьковѣ. Ко всѣмъ сосѣднимъ помѣщичьимъ семьямъ мы относились уже съ недоброжелательностью и высокомѣріемъ, иначе нигдѣ не говорили какъ по-малорусски. Бывали лишь изрѣдка у Алекс. Захар., уже впрочемъ больного. Женитьба его и семья казались намъ идеальными, къ какимъ честный украинецъ долженъ стремиться. Лисенко, увлекавшійся всякой идеей народничества до фанатизма, чуть было не женился на одной дивчинѣ изъ своего мѣстечка; но благоразуміе ея взяло верхъ.

Поздно осенью мы возвратились въ Кіевъ, бурливиій уже подготовлявшимся польскимъ повстаньемъ. Мы завертѣлись въ водоворотѣ сходокъ, въ бурѣ политическихъ дебатовъ, въ разныхъ представительствахъ, въ отстаиваніи правъ своей народности...

Въ 1861 г. наше семейство ранней весной двинулось обратно въ деревню: опасность ожидавшихся крестьянскихъ бунтовъ прошла, средствъ

на житье въ городѣ не было, а введеніе уставныхъ грамотъ и совершеніе актовъ на выкупъ надѣловъ требовало личнаго присутствія владѣльцевъ. Теперь въ этихъ выкупныхъ свидѣтельствахъ помѣщики видѣли единственное средство ликвидировать хоть кое-какъ свою задолженность.

Мнѣ тоже нужно было по этимъ самымъ дѣламъ, и еще по наслѣдству, назначенному къ дѣлежу въ ноябрѣ, остаться въ Жовнинѣ до зимы. Мыкола уже самъ отправился въ Кіевъ; а я въ ноябрѣ простудился, получилъ ревматизмъ и пролежалъ всю зиму и часть весны то у новыхъ родныхъ Старицкихъ, съ которыми сошелся при дѣлежѣ наслѣдства, то въ Жовнинѣ въ своей семьѣ. Всякія хозяйственныя заботы и по своему имѣнію, и по дѣламъ Лисенковъ удержали меня въ селѣ и на другую зиму, въ которую я повѣнчался съ сестрой Лисенка, Софіей Витальевной, и такимъ образомъ совсѣмъ слился съ ихъ семьей.

Я цѣлый годъ не былъ въ Кіевѣ, а тамъ свершилось въ это время много событій, измѣнившихъ настроеніе общества. Была между прочимъ учреждена коммиссія для провѣрки уставныхъ грамотъ и надѣловъ въ юго-западномъ краѣ, и для ея задачъ—мировые съѣзды. Мой тесть получилъ мѣсто предсѣдателя таковаго въ сквирскомъ уѣздѣ, кіевск. губ. Вскорѣ старики отправились въ Сквиру, а Мыкола въ Кіевъ, оставивъ насъ молодыхъ на хозяйствѣ. Мы дали другъ другу слово переписываться, и я написалъ недѣли черезъ двѣ шуточное письмо по-малорусски Мыколѣ, въ которомъ просилъ его пріѣхать къ намъ на праздники. На это письмо я вскорѣ получилъ отъ Мыколы отвѣтъ, полный укора: онъ писалъ, что огорченъ моимъ отношеніемъ къ дорогому нашему языку: «и ты, що мусывъ бы найбильшъ свое слово поважаты и любыты, вжываешъ ёго, якъ забавку на скалозубство, на жартъ, а не берешъ за орудокъ шырокои культуры»—и даже просилъ, чтобы я занялся переводами, кромѣ басенъ, и чего-нибудь серьезнаго изъ сферы поэзіи. Вообще по тону письма было видно, что наши роли теперь перемѣнились: прежде я его подвинчивалъ въ изученіи своего языка, въ демократизмѣ и въ сердечной привязанности къ своей родинѣ, а теперь онъ требовалъ уже отъ меня дѣла, фактическаго участія въ разработкѣ языка, въ приспособленіи его къ высшимъ формамъ поэзіи и въ обогащеніи его лексикой, черпаемой изъ народныхъ сокровищницъ... Конечно, слѣдующія письма я сталъ ему писать педантично-серьезнаго содержанія.

Рождественскіе праздники Лисенко провелъ у насъ, и мы съ нимъ затѣяли сразу не малую штуку—написать украинскую оперу· Сейчасъ же отъ слова къ дѣлу: я, не имѣвшій понятій о разработкѣ оперныхъ сюжетовъ, взялся написать либретто, на почвѣ Стороженковской комедіи «Гаркуша», а Мыкола, не слыхавшій и такой, какъ я, оперы, а знавшій лишь по переложеніямъ для фортепьяна нѣсколько итальянскихъ оперъ,—взялся написать музыку. Тѣмъ не менѣе, ничто-же сумняшеся, мы принялись за дѣло: говорю мы, потому что, кромѣ либретто, я подпѣвалъ и мотивы, конечно изъ итальянскаго запаса. Работа кипѣла, и въ теченіе праздниковъ была написана почти треть перваго дѣйствія. Конечно, въ хорахъ и въ нѣкоторыхъ аріяхъ звучала заимствованная итальянщина, но были номера, скомпанованные Лисенкомъ вполнѣ въ духѣ народномъ, и скомпанованные красиво. У меня сохранился одинъ брульонъ либретто изъ этой оперы, на которомъ имѣется къ словамъ «Ой, Днипре шырокый, чого каламутенъ?»—записанная рукою Лисенка музыка для аріи баритона Шпаргалъ помѣченъ: «Лебехивка 1864 року». Жаль, что не сохранилось клавира. Въ то время я искренно восторгался музыкой этой оперы; жена моя пѣла сотнычыху, я—Гаркушу, а Мыкола—всѣхъ прочихъ дѣйствующихъ лицъ и хоръ. Съ такими силами мы стали демонстрировать эту оперу нашимъ родичамъ и сосѣдямъ, производя вездѣ неимовѣрную сенсацію: намъ стали даже устраивать рауты съ спеціальной просьбой спѣть оперу.

Такъ какъ Николаевка, въ которой жило родственное намъ семейство Деконоровъ, было отъ Лебеховки въ шести верстахъ, то прежде всего и чаще всего мы тамъ и бывали. У Деконоровъ старшая дочь Оля, еще «пидлитокъ», была чрезвычайно красива, жива и симпатична: она обладала миленькимъ голоскомъ, подпѣвала и особенно восторгалась оперой.

Уѣхавши въ Кіевъ, Мыкола попалъ въ волну новыхъ событій. Поднялись доносы на украинофильство. Результатомъ этой травли было гоненье, какъ на языкъ, такъ и на любителей малорусскаго слова и музыки. Цензура не стала пропускать ни одной книжки на малорусскомъ языкѣ, а исполненіе на немъ представленій или пѣсенъ было запрещено.

Когда я, на будущую зиму, устроивъ свои хозяйственныя дѣла, снова возвратился въ Кіевъ кончать университетъ, то засталъ уже почти безнадежное уныніе. Лисенко держалъ тогда окончательный экзаменъ и поселился со мной. Конечно, мы съ Лисенкомъ стали при-

думывать хоть какое-нибудь дѣло, чтобы привлечь къ нему болѣе или менѣе сочувствующихъ людей, сгруппировать хоть малый симпатичный кружокъ. У Лисенка были нѣкоторые знакомые; я присталъ къ нимъ, и мы общими усиліями устроили, съ благотворительною цѣлью, въ городскомъ театрѣ концертъ и живыя картины. Въ концертномъ отдѣленіи намъ вычеркнули весь текстъ малорусскихъ пѣсенъ, а между тѣмъ на нихъ-то мы главнымъ образомъ и обосновывали сборъ. Что было дѣлать? Живыя картины, хотя бы и на Гоголевскія сцены, публики не привлекутъ, равно какъ и игра Лисенка, еще неизвѣстнаго, какъ артиста. Наконецъ придуманъ былъ одинъ исходъ: перевести на французскій языкъ текстъ народныхъ пѣсенъ и подать такую программу. Это удалось,—но за то въ концертѣ вышелъ скандалъ: когда пѣвецъ вышелъ на эстраду и запѣлъ извѣстную пѣсенку «дощыкъ» такъ:

La pluie, la pluie,
Qui tombe doucement..
Je pensais, je pensais,—
C'est un Zaporogue, maman!

то поднялся сначала неимовѣрный хохотъ, а потомъ бурный протестъ и требованіе народнаго текста; само собою разумѣется, что намъ сію-же минуту запретили исполненіе французскихъ пѣсенъ по программѣ, а заставили ихъ замѣнить другими; потомъ еще были и бесѣды...

Добавлю, что во 2-мъ концертѣ, состоявшемся черезъ полгода, уже допущены были 2—3 пѣсенки народныхъ. Очевидно, что запрещеніе шло не отъ высшихъ правительственныхъ сферъ, а отъ мѣстной администраціи, которая вскорѣ стала смотрѣть снисходительнѣе на безвредную симпатію общества къ родному слову.

Концерты насъ познакомили съ просвѣщенной, симпатичнѣйшей семьей Линдфорсовъ, съ которыми мы стали вскорѣ друзьями; а Мыкола встрѣтилъ въ женѣ молодого Л. нашу прежнюю знакомую, Олю Гревсъ, съ которой, какъ съ «пидлиткомъ», играли мы еще въ Гринькахъ.

Вскорѣ мы познакомились съ С-вымъ, преподавателемъ русскаго языка и словесности, человѣкомъ гуманнаго направленія. Онъ примкнулъ къ нашему кружку и предложилъ общую работу: собирать и выбирать матеріалы для составленія грамматики и синтаксиса малорусскаго языка. Этой работой и прежде пробовали мы заниматься, но безполезно,

такъ какъ не было у насъ во главѣ опытнаго специалиста, теперь же въ лицѣ талантливаго С-ва, у насъ явилась полная надежда осуществленія нашихъ желаній, и мы принялись дружно за предложенную работу, а особенно страстно отнесся къ ней Мыкола. Работа и регулярныя собранія то у одного, то у другого сблизили насъ всѣхъ и сдружили; а и было насъ въ грамматической компаніи человѣкъ 5, 6—не больше, но собранія отличались особенной сердечностью и время на нихъ шло въ веселой работѣ. Со временемъ къ нашей кучкѣ стали притекать новыя силы, а съ переводомъ въ кіевскія гимназіи нѣкоторыхъ учителей, бывшихъ нашихъ товарищей, и кругъ занятій расширился. Лисенко стремился участвовать чуть не во всѣхъ рабочихъ кружкахъ, а вѣдь у него было и свое личное дѣло—упорядоченіе пѣсеннаго матеріала, который онъ собиралъ неустанно

Весною Лисенко подалъ диссертацію и, получивъ степень кандидата естественныхъ наукъ, поступилъ кандидатомъ къ мировому посреднику въ Таращанскій мировой съѣздъ. Цѣлью его жизни была, конечно, не служебная карьера, а музыка, къ которой онъ теперь еще больше стремился. Послѣдніе четыре года, закружившіе Лисенка въ вихрѣ новыхъ увлеченій, отняли у него много времени; педантически заниматься техникой было некогда, а получать серьезное развитіе въ области теоріи было—негдѣ. Онъ за это время познакомился съ русскими операми—Глинки, Даргомыжскаго, Сѣрова, занимался самостоятельнымъ изученіемъ Шумана и Вагнера, поражавшаго его звуковыми массами. Но въ этихъ бросаніяхъ изъ стороны въ сторону безъ системы, безъ свѣточа—мало было толку. Консерваторія стала его завѣтной мечтой, а для осуществленія этой мечты нужны были деньги,—вотъ онъ и задумалъ скопить ихъ на службѣ.

Весну и лѣто проработалъ онъ надъ уставными грамотами, отдавая всѣ антракты собиранію музыкальнаго народнаго матеріала, а къ осени въ его жизни совершилась крупная перемѣна. Завѣтная мечта Мыколы окончить консерваторію заставила его выйти въ отставку и отправиться за границу къ началу лекцій въ Лейпцигской консерваторіи; послѣдняя тогда славилась, какъ лучшая въ Европѣ. Въ началѣ сентября мы и выпроводили Лисенка въ Лейпцигъ.

Въ это то время и были изданы Лисенкомъ за границей 1-й томъ народныхъ пѣсенъ и 1-й томъ музыки до Кобзаря. Музыка была

вполнѣ художественна и свидѣтельствовала о несомнѣнномъ талантѣ у нашего украинскаго композитора.

Въ Лейпцигской консерваторіи Лисенко былъ два года съ небольшимъ, и съ свойственной ему страстностью отдался изученію своего искусства. Извѣстный профессоръ фортепьянной игры Рейнеке, послушавъ въ первый разъ Лисенка, заявилъ съ одушевленіемъ: «O, das ist wirklicher Talent!» и съ особеннымъ вниманіемъ относился все время къ своему ученику. У Рейнеке Лисенко проходитъ полный курсъ фортепьянной игры и проходитъ съ блестящимъ успѣхомъ: техника доводится до совершенства, вкусъ и изобразительность въ исполненіи, подъ руководствомъ этого профессора, пріобрѣтаютъ изящество и силу. Лисенко съ особенной тщательностью изучаетъ у Рейнеке, при совѣтахъ и знаменитаго Мошелеса,- друга Бетховена,—весь классическій репертуаръ:—Баха, Моцарта, Мендельсона, Бетховена, Шумана, Шуберта и Шопена, единственнаго Славянина, попавшаго въ среду геніальныхъ нѣмцевъ. Не только въ консерваторскихъ концертахъ, но и въ другихъ Лисенко участвуетъ съ выдающимся пріемомъ. Въ концѣ перваго года онъ былъ вызванъ въ Прагу, какъ представитель украинской музыки, вмѣстѣ со Славянскимъ, представителемъ—великорусской, участвовать въ грандіозномъ славянскомъ концертѣ, состоявшемся въ «Конвисткемъ салю». Извѣстный чешскій патріотъ и музыкантъ Рейеръ, прослушавши Лисенка концертное переложеніе «Гей, не дивуйте!»—вскочилъ со стула и воскликнулъ: «То духи отъ степу!»

Теорію музыки (гармонію, контрапунктъ, фугу) Лисенко проходилъ у Эрнеста-Фридриха Рихтера и считался лучшимъ его ученикомъ: на практическія задачи Мыкола бралъ всегда украинскіе мотивы, обработкой которыхъ восторгалъ своего профессора. Кромѣ того Лисенко проходилъ еще игру на органѣ у доктора Паперитца.

На окончательномъ экзаменѣ, давшемъ Лисенку право на титулъ фортепьяннаго виртуоза, онъ исполнялъ концертъ Бетховена G-dur съ собственной каденціей, восхитившей Мошелеса. Вотъ какой отзывъ объ этомъ экзаменѣ находимъ мы на страницахъ «Leipziger Tageblatt» отъ 10-го апрѣля 1869 г. «Исполненіе г. Николая Лисенка изъ Кіева—было поистинѣ выдающимся. Первую часть труднѣйшаго фортепіаннаго концерта Бетховена (G-dur) онъ провелъ съ воодушевленіемъ и съ артистической передачей (künstlerischer Vollen-

dung). Блестящая каденція принадлежитъ, какъ мы слышали, самому исполнителю. Она оказалась, несмотря на свою длину вполнѣ соотвѣтствующей духу произведенія.

По окончаніи курса консерваторіи, Лисенко съ дипломомъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ и устроился вновь на постоянное житье. Онъ получилъ мѣсто преподавателя въ музыкальной школѣ Шфенига, а потомъ Кологривова и, кромѣ того, массу частныхъ уроковъ. Онъ сразу вошелъ въ моду, такъ что самые аристократическіе дома старались захватить его въ свои салоны. Между тѣмъ въ Кіевѣ опять стало веселѣе и шумнѣе; многіе возвратились изъ дальнихъ странствій, многіе изъ отроковъ превратились въ юношей и стали симпатизировать идеямъ предшественниковъ, да и въ воздухѣ вообще стало легче,—губительныя мятели поулеглись; цензура стала мало-по-малу пропускать наши книжки: представленія на малорусскомъ языкѣ были разрѣшены.

Мы съ Лисенкомъ возобновили снова знакомство съ семействомъ Линдфорсовъ; въ немъ всегда мы встрѣчали радушіе, сердечность, отзывчивость на все доброе и хорошее, и безграничную доброту. Отца ихъ уже не было въ живыхъ, а дочери—Марья Ѳеодоровна и Софія Ѳеодоровна—держали тогда дѣтскую школу. У Линдфорсовъ былъ кружокъ знакомыхъ, людей, съ передовымъ и гуманнымъ направленіемъ съ которыми сошлись и мы дружно. Тамъ-то и зародилась въ 1872 г. мысль сформировать труппу любителей и ставить, по мѣрѣ возможности, спектакли, какъ русскіе, такъ и малорусскіе. Для перваго спектакля выбрали: «Кружевницу» и «Черноморскій побытъ»; послѣднюю пьесу компанія поросила передѣлать на оперетку: я написалъ либретто, а Лисенко музыку. Кромѣ народныхъ пѣсенъ и хоровъ, Мыкола уже создаетъ въ ней свои оригинальные аріи, дуэты, терцеты, ансамбли и эффектный финалъ. Оперетта была исполнена, какъ для любителей, весьма хорошо и произвела громадное впечатлѣніе. Спектакль потомъ повторили съ возрастающимъ успѣхомъ. Этотъ успѣхъ ободрилъ и творцовъ, и исполнителей, заинтересовалъ общество и воодушевилъ милѣйшихъ хозяевъ продолжать это дѣло дальше. На третій спектакль желалось всѣмъ поставить что-нибудь новое, и мы съ Мыколою рѣшили написать оперу на сюжетъ Гоголя «Ночь подъ Рождество», назвавъ ее «Риздвяною Ночью».

Принаравливаясь къ средствамъ сцены, оперетка была первоначально написана лишь въ 2-хъ актахъ, разыгрывавшихся въ хатахъ—

Чуба и Солохи. Либретто было составлено съ разговорной прозой и съ нумерами для пѣнія; послѣдніе были широко написаны, какъ напр. разсказъ Вакулы о путешествіи на чортѣ и о пріемѣ его во дворцѣ. Музыка Лисенка на этотъ разъ превзошла даже наши ожиданія: она обнаружила въ композиторѣ несомнѣнный талантъ къ музыкальной характеристикѣ и національному мелодизму. Въ этой опереттѣ появились серьезные музыкальные номера и ансамбли, а разсказъ Вакулы съ широкимъ финаломъ носилъ уже настоящее оперное развитіе. Исполнена была эта опера сравнительно прекрасно и вызвала у зрителей невыразимый восторгъ: залъ не могъ вмѣстить зрителей; отъ массы публики даже гасли лампы. Второе представленіе привлекло еще болѣе зрителей. Общее желаніе было развить сюжетъ и музыку до настоящей оперной пьесы, какую и дать въ городскомъ театрѣ.

Я немедленно развилъ тексты для музыкальной комедіи, распланировалъ ее на четыре дѣйствія и 5 картинъ. Въ эту оперу вошелъ уже совершенно новый актъ у Пацюка, изображеннаго мною, хотя и «характерникомъ», но въ то же время и патріотомъ, представителемъ обломковъ Запорожской Сѣчи. Все лѣто Лисенко, посѣтивъ славянскія земли для ознакомленія съ ихъ музыкой, проработалъ надъ этой музыкальной комедіей. Актъ Пацюка (II) былъ имъ написанъ въ строго оперномъ стилѣ, безъ разговоровъ; а въ остальныхъ картинахъ, хотя имъ и были допущены разговорныя сцены, но музыкальные номера и ансамбли подавляли рѣшительно прозу. Для исполненія этой оперы составился огромный любительскій кружокъ, подъ покровительствомъ тѣхъ же сестеръ Линдфорсъ. Руководить разучиваніемъ музыкальной части взялся, конечно, Лисенко, а режиссировать прозой и спектаклемъ поручено было мнѣ,

И осень и зима 1873—74 пошли на разучиваніе и репетиціи этой комедіи. Покойные Марковскій, Чубинскій и Драгомановъ принимали въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе. Лисенко просто надрывался въ трудѣ. При огромномъ числѣ уроковъ, онъ долженъ былъ оркестровать оперу, разучивать хоры (студентовъ и любительницъ, совершенно неопытныхъ въ чтеніи нотъ), заниматься отдѣльно съ солистами и присутствовать еще на моихъ репетиціяхъ, однимъ словомъ— исполнять въ одно и то же время должности и учителя музыки и пѣнія, и хормейстера, и капельмейстера, и оркестратора, наконецъ даже собирателя персонажей, потому что ему приходилось разыскивать по городу голоса. Наконецъ, персонажъ былъ установленъ (О. Лисенко—

Оксана, Н. Булахъ—Одарка, Липская—Солоха, Богдановъ—голова, Новицкій—Чубъ, Русовъ—Вакула, Матвѣевъ—Дякъ и Габель—Пацюкъ; послѣдній получилъ высшее образованіе и состоитъ нынѣ профессоромъ С.-Петербургской консерваторіи),—и опера была разучена.

Но нужно было еще заполучить театръ. Содержателемъ городского театра былъ тогда Бергеръ и потребовалъ чудовищной платы: по 750 р. за утро, и то буднее. Онъ отдавалъ намъ хотя и на масляной, но понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ; кромѣ того, всѣ декораціи относилъ на нашъ счетъ. Л. Н. Марковскій, будучи главнымъ распорядителемъ, не рѣшался на такой рискъ; но сестры Линдфорсъ рѣшили, въ случаѣ чего, принять убытки на себя,—и договоръ былъ заключенъ. Опера прошла блестяще, или лучше сказать—принята была публикой съ неимовѣрнымъ энтузіазмомъ: всѣ четыре представленія подъ рядъ были набиты биткомъ, съ приставными стульями, и вырученной суммой не только были покрыты всѣ расходы—по театру, декораціямъ, перепискѣ нотъ и пр., но даже излишекъ въ 375 р. былъ отправленъ въ Самару голодающимъ.

Послѣ «Риздвяной ночи» всѣ, даже враги, признали у Лисенка крупный музыкальный талантъ, способный къ широкой музыкальной изобразительности. Весь Кіевъ твердилъ его имя. Самъ Лисенко получилъ большую вѣру въ свое призваніе и задумалъ писать рядъ оперъ, преимущественно на сюжеты Гоголя. Мы съ нимъ обсуждали тогда двѣ темы—«Страшную месть» и «Тараса Бульбу» на которыя я написалъ програмныя схемы. Лисенко было ухватился за «Страшную месть»; его музыкальное воображеніе заинтересовано было многими эффектными, полными таинственности и драматизма картинами, и онъ импровизируя на роялѣ, уже намѣчалъ музыкальныя темы для этихъ картинъ, но тѣмъ не менѣе писать этой оперы ему не пришлось.

Самъ Лисенко сознавалъ, что пройденный имъ курсъ въ Лейпцигской консерваторіи былъ не вполнѣ законченъ. Хотя онъ тамъ слушалъ теорію гармонизаціи, но каѳедры оркестровки тамъ не было, и Лисенко заплатилъ Рейнеке за нѣсколько частныхъ уроковъ, а потому въ оркестровкѣ онъ чувствовалъ себя не вполнѣ сильнымъ: и практики въ ней не имѣлъ, и отчасти былъ подчиненъ нѣмецкому вкусу. Чтобы заполнить этотъ пробѣлъ, онъ сталъ мечтать о Петербургѣ, гдѣ въ то время царили талантливые представители новаго направленія изобразительной музыки, какъ Кюи, Мусорскій, Римскій-Корса-

ковъ; Лисенку особенно хотѣлось поучиться у послѣдняго, какъ у геніальнаго оркестратора. Жена Лисенка, обладавшая небольшимъ, но чрезвычайно пріятнымъ голосомъ, мечтала тоже о консерваторіи и о сценѣ. Ихъ желанія пошли другъ другу навстрѣчу, и Лисенко рискнулъ бросить упроченное въ денежномъ отношеніи свое положеніе въ Кіевѣ и отправиться на рискъ въ Петербургъ, имѣя впереди одну лишь завѣтную цѣль—пріобрѣсть полный запасъ знаній для служенія звукамъ своей родины. Зима 1875 г. прошла въ усиленной работѣ для составленія денежнаго запаса; онъ продалъ 1-й сборникъ пѣсенъ Корейву, да еще дали помощь ему и отецъ и тесть. Но ко времени отъѣзда его въ Петербургъ разнеслась ужасная вѣсть, поразившая всѣхъ, какъ громомъ: грозило вновь воспрещеніе спектаклей, концертовъ и декламацій на малорусскомъ языкѣ, равно и печатанье на ономъ книгъ. Съ грустью въ душѣ уѣхалъ Николай въ Петербургъ. И дѣйствительно, такое воспрещеніе скоро наступило: онъ успѣлъ лишь издать въ Петербургѣ сборникъ обрядныхъ пѣсенъ и игръ. Кромѣ этого сборника Лисенко передѣлалъ еще въ Петербургѣ музыкальную комедію «Ридзвяну ничь» на оперу, т. е. всѣ разговоры перевелъ въ музыкальные речитативы и ансамбли, а голосамъ—сопрано (Оксанѣ) и тенору (Вакулѣ) далъ болѣе широкій, соотвѣтствующій діапазонъ.

Лисенко пробылъ въ Петербургѣ два года. Его радушно принялъ кружокъ петербургскихъ композиторовъ; сближеніе съ ними способствовало расширенію музыкальнаго кругозора нашего композитора, познакомило его съ особенностями русской гармонизаціи, которая навела его на типичный путь южной гармонизаціи. Наконецъ, занятія у Римскаго-Корсакова увеличили его музыкальную эрудицію и раскрыли передъ нимъ новыя тайны звуковыхъ композицій. Петербуржцы даже предложили Лисенку мѣсто капельмейстера въ частной оперѣ, съ перспективой перехода на императорскую сцену, и такое мѣсто не только обезпечивало его въ матеріальномъ положеніи, но и дало бы гораздо больше времени и средствъ для его творчества. Но Лисенка тянула домой тоска по родинѣ и желаніе служить ей лишь одной, не разсѣиваясь на общеевропейскіе сюжеты.

Лисенко возвратился въ Кіевъ въ 1878 г. и сталъ снова завоевывать себѣ матеріальное положеніе. Но теперь уже ему пришлось отстаивать каждый свой шагъ.

Несмотря на всѣ затрудненія, несомнѣнный виртуозный талантъ Лисенка, его музыкальныя знанія, наконецъ, особенный талантъ преподаванія завоевали ему симпатіи общества: опять появились уроки и стали расти, захватывая все его время на педагогическій трудъ. Но и въ этотъ трудный для него періодъ онъ не покидалъ своего музыкальнаго творчества. Къ этому періоду относятся его элегантныя фортепьянныя вещицы—«Мрія», «На солодкимъ меду», «вальсъ меланхоликъ» и другія. Такъ какъ запрещеніе малорусскаго слова оставалось попрежнему, то онъ въ этотъ періодъ пишетъ преимущественно для фортепьяна и издаетъ лишь сборники народныхъ пѣсенъ: этнографическій матеріалъ можно было проводить, хотя и съ большими затрудненіями. Среди неусыпныхъ учительскихъ трудовъ для добыванія средствъ къ жизни, Лисенко все-таки похищаетъ у своего отдыха и моменты для творчества, и хотя бы для архива, а продолжаетъ писать музыку къ словамъ Шевченка; онъ словно поставилъ своей задачей—возродить въ художественныхъ звукахъ народныхъ геніальную лиру поэта,—и дивныя мелодіи на стоны и вопли души поэта растутъ, развиваются въ своей силѣ и красотѣ, окрыляютъ волшебное слово и, сплетаясь съ нимъ, завоевываютъ другъ другу безсмертіе. Такъ появляются: «Мени однаково», «Мынають дни, мынають ночи», «Доля», «Гетьманы, гетьманы», и многіе другіе романсы, аріи, думы и т. п. Объ операхъ, излюбленномъ родѣ творчества, въ то время нельзя было и мечтать Лисенку: осуществленіе такого творчества на сценѣ было немыслимо, а творить безнадежно, отказывалась фантазія.

Но въ 1880 г. Высочайшей волей отмѣняется тяготѣвшее надъ украинскимъ языкомъ запрещеніе и разрѣшаются снова, хотя и съ ограниченіями, сценическія представленія на малороссійскомъ языкѣ, и печатаніе на немъ произведеній изящной словесности. Этотъ лучъ солнца оживилъ снова сердца истинныхъ патріотовъ, ибо кто не любитъ родины, тотъ не можетъ любить и отечества. У Лисенка воскресла надежда, а съ ней и энергія творчества. Въ 1881 году онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ село, и мы снова затѣваемъ оперу; но Лисенко предпочелъ теперь другую тему: «Тарасъ Бульба». Обдумавши и обсудивши музыкальные моменты, я принимаюсь съ горячностью за либретто и оканчиваю его въ двѣ недѣли, въ чисто оперномъ стилѣ, безъ всякихъ разговоровъ; тамъ же началъ писать музыку и Лисенко, да такъ успѣшно, что за лѣто было окончено почти два акта. Музыка

„Тараса Бульбы“ сдѣлала такой шагъ впередъ въ силѣ композиціи и музыкальной изобрѣтательности, что передъ нею музыка «Риздвяной ночи» совсѣмъ поблѣднѣла. Ободренный и нами, диллетантами, и нѣкоторыми спеціалистами музыки, Лисенко со страстностью принялся работать и въ Кіевѣ надъ «Бульбою», отрывая для него послѣднія крохи у своего отдыха.

Когда было разрѣшено публичное исполненіе всякаго рода музыкальныхъ произведеній съ малорусскимъ текстомъ, Лисенко принимается снова за организацію хора и пишетъ для него массу кводлибетовъ на малорусскіе и славянскіе мотивы. Вообще, творческая дѣятельность его снова направляется на созданіе культурной пѣсенной музыки; Шевченко продолжаетъ иллюстрироваться дальше, къ нему присоединяется и Гейне, въ переводѣ Леси Украинки; издаются написанныя прежде романсы, издаются десятками пѣсни, разложенныя для хорового исполненія.

Между тѣмъ въ Кіевѣ снова возникла мысль организовать изъ любителей украинской сцены драматическое общество и начать рядъ спектаклей. Но душа общества, Марья Феодоровна Линдфорсъ, не была уже въ живыхъ; сестра ея Софія Ф. вышла замужъ за Русова и оставила тоже Кіевъ, а Л. И. Марковскій былъ боленъ; такъ и тянулся вопросъ о составленіи украинской труппы любителей. Впрочемъ, шестимѣсячный трауръ послѣ кончины имп. Александра II-го заставилъ отложить этотъ вопросъ, а пришедшее въ апрѣлѣ извѣстіе, что составилась уже профессіональная украинская труппа, подъ управленіемъ Ашкаренка, упразднила его совсѣмъ.

Лисенко оставилъ на время «Тараса», исполненіе котораго требовало серьезныхъ оперныхъ силъ, а сталъ писать для народившейся труппы въ болѣе легкой формѣ комическую оперу «Утоплену», для которой либретто я немедленно написалъ по Гоголю. Къ осени уже эта опера была готова. Музыка, какъ нельзя болѣе, удалась Лисенку; сохраняя колоритъ народный, она передаетъ весь поэтическій лиризмъ этой майской ночи, этой пѣсни любви, въ изысканной формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ изобразительно и комическіе характеры, и комическія сцены. Эта опера была мною поставлена лишь тогда, когда я сталъ во главѣ украинской труппы и увеличилъ силы оркестра и хора, а также увеличилъ и контингентъ пѣвцовъ. Нечего и говорить, что опера пользовалась вездѣ выдающимся успѣхомъ и давала полные сборы.

Съ появленіемъ на украинскомъ горизонтѣ Ашкаренка, а потомъ и товарищества Кропивницкаго, начинается общее увлеченіе украинской сценой. Въ 1882 г. «Риздвяна ничь», въ оперной передѣлкѣ, ставится антрепренеромъ Пальчинскимъ въ Харьковѣ и имѣетъ большой успѣхъ. Въ слѣдующемъ году другой антрепренеръ, Медвѣдевъ, ставитъ ее въ Одессѣ, еще съ большимъ успѣхомъ. А потомъ я, въ 1887—88 гг., не имѣя оперныхъ силъ, ставилъ ее драматической труппой въ столицахъ, конечно, съ купюрами и разговорами, но тѣмъ не менѣе опера давала прекрасные сборы.

Лисенко безвыѣздно проживалъ въ Кіевѣ, давалъ уроки музыки, занимался ею въ институтѣ, гдѣ получилъ мѣсто инспектора музыки, работалъ и въ частной школѣ Блюменфельда, а потомъ и въ школѣ Тутковскаго, въ которой состоитъ преподавателемъ и по настоящее время. Уроки, уроки, уроки—поглощали все его время, истощали до изнуренія, а между тѣмъ нельзя было ихъ убавить. Жизнь требовала средствъ, семья увеличивалась; а если и оставались минуты для отдыха, то нужно было и ихъ отдать какому-либо общественному дѣлу, какой-либо товарищеской работѣ, такъ какъ Лисенко ни отъ какой обязанности не отказывался. Нужно изумляться, откуда онъ отрывалъ еще мгновенія для творчества. А оно не прекращалось: за это время Лисенко окончилъ «Тараса Бульбу» и почти совершенно оркестровалъ его, написалъ для дѣтей три оперы, создалъ много культурныхъ мелодій для одного, двухъ, трехъ голосовъ, издалъ массу хоровъ, сборниковъ народныхъ пѣсенъ, скомпановалъ много блестящихъ пьесъ не только для фортепьяно, но и для скрипки, флейты, и для оркестра.

Несмотря на годы и страшное переутомленіе въ погонѣ за черствымъ кускомъ хлѣба, несмотря даже на болѣзнь, причиняющую ему въ послѣдніе годы сильныя страданія,—сила духа и вѣра въ правоту своихъ убѣжденій у нашего славнаго композитора на столько глубоки, что поддерживаютъ и до сихъ поръ въ немъ неослабно энергію во всѣхъ родахъ его многосторонней дѣятельности, а передъ силой таланта отступаютъ и побѣждающіе все годы. Болѣзнь и изнурительный трудъ не убили въ немъ творческой продуктивности; онъ все еще творитъ и создаетъ новыя высокохудожественныя произведенія: кромѣ элегическихъ венцицъ для фортепіано, глубоко прочувствованныхъ мелодій для пѣнія, красивыхъ гармонизацій для хора, онъ въ послѣд-

ніе годы написалъ музыку и для моей пьесы «Чаривный сонъ» и пишетъ двѣ двухъ-актныхъ оперы—«Сафо» (либретто Л. М. Старицкой) и «Остання ничъ» (либретто мое).

До какой степени Лисенко скроменъ въ оцѣнкѣ своихъ музыкальныхъ произведеній и даже робокъ въ предложеніи ихъ къ исполненію, можетъ служить иллюстраціей его поведеніе съ «Тарасомъ Бульбой». Болѣе десяти лѣтъ лежитъ въ его портфелѣ совершенно готовая опера, и онъ ее не предлагаетъ кіевскимъ антрепренерамъ, не предлагаетъ изъ боязни показаться навязчивымъ. Между тѣмъ старые знакомые Лисенка, знающіе его талантъ, Альтани, директоръ Императорской московской оперы, и Барцалъ—пѣвецъ и режиссеръ оной, просятъ, чтобъ Лисенко далъ имъ эту оперу, и они немедленно ее поставятъ на Императорской сценѣ; но Лисенко колеблется и не можетъ преодолѣть ревниваго чувства къ своему языку, который для Императорской сцены долженъ быть замѣненъ русскимъ. Наконецъ, друзья уговариваютъ его сдѣлать эту уступку слову, въ видахъ огромной пользы для музыки. Переводъ текста сдѣланъ, но Лисенко все-таки медлитъ отослать въ Москву оперу, отговариваясь тѣмъ, что яко бы что-то недооркестровано... Наконецъ, пріѣзжаетъ въ Кіевъ покойный Чайковскій, навѣщаетъ Лисенка и проситъ демонстрировать своего «Тараса», о которомъ слыхалъ въ Москвѣ. Лисенко смалодушествовалъ (это было при мнѣ) и хотѣлъ было уклониться, но Чайковскій настоялъ... Почти всю оперу прослушалъ нашъ знаменитый маэстро съ глубокимъ вниманіемъ, выражалъ въ иныхъ мѣстахъ восторженныя одобренія; его особенно плѣняли тѣ мѣста, въ которыхъ наиболѣе вырисовывался національный колоритъ. Чайковскій обнялъ Лисенка, поздравилъ его съ талантливымъ произведеніемъ и просилъ ѣхать съ нимъ немедленно въ Петербургъ, гдѣ онъ поставитъ эту оперу непремѣнно. Помню, что Лисенко былъ опьяненъ похвалой такого геніальнаго композитора и собрался было съ оперой въ путь, да призадумался, и такъ надолго, что Чайковскій успѣлъ умереть.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и въ Кіевъ пріѣхалъ бывшій профессоръ Лисенка, Римскій-Корсаковъ; навѣстилъ его и приглашалъ своего ученика въ Петербургъ для постановки «Тараса Бульбы». Лисенко обѣщалъ пріѣхать; но и опять не поѣхалъ: очевидно его пугала мысль, что дорогое дѣтище будетъ преподнесено публикѣ не на родномъ языкѣ, а,

можетъ быть, и свойственная истиннымъ талантливымъ людямъ скромность дѣлала его нерѣшительнымъ.

Я кончаю свои воспоминанія. Послѣдующая жизнь Лисенка протекаетъ передъ глазами всѣхъ, но существенныхъ перемѣнъ, имѣющихъ вліяніе на внутренній складъ его духа, въ ней уже нечего ожидать. Характеръ его, убѣжденія вполнѣ сложились, а 60 лѣтъ тяжелой жизни доказали, что убѣжденій этихъ не могло ничто поколебать. Заканчивая эти строки, я невольно пробѣгаю мыслью всю жизнь нашего композитора—отъ счастливаго дѣтства избалованнаго ребенка, окруженнаго роскошью и обожаніемъ родныхъ, до тяжелыхъ дней старости,—композитора выдающагося таланта, обреченнаго нести лямку учительскаго труда для поддержанія своей многочисленной семьи. Послѣдующіе біографы отмѣтятъ, конечно, болѣе систематически, чѣмъ это сдѣлано мною, вліяніе на Лисенка окружающей среды и эпохи; они установятъ преемственную связь его музыкальнаго творчества съ предшествующей ему украинской музыкальной эпохой, вліяніе на музыку Лисенка новыхъ теченій музыки европейской,—я же хочу отмѣтить въ заключеніе лишь одну черту характера Лисенка, проходящую красной нитью черезъ всю его жизнь.

Эта черта—сила убѣжденія, давшая композитору нашему желѣзную волю, согнуть которую не могли ни внѣшнія бури, ни мелочи жизни, обрушившіяся всей тяжестью на него. Если эта сила убѣжденій да истинный талантъ и стяжали Лисенку симпатію и уваженіе родной страны,—то въ личной его жизни они являлись только источникомъ матеріальныхъ бѣдствій и глубокихъ ударовъ самолюбію артиста. Они помѣшали ему сдѣлать какую-бы то ни было карьеру: талантъ гнушался низменныхъ средствъ для борьбы съ торгашами искусства, пламенная же любовь къ родинѣ, которую онъ всегда отрыто исповѣдывалъ, явилась причиною всевозможныхъ гоненій, преслѣдовавшихъ Лисенка во все время его тернистаго жизненнаго пути. Слабый и поддающійся чужому вліянію въ разныхъ мелкихъ вопросахъ жизни, онъ не поступался своимъ profession de foi ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ!

Эта сила убѣжденія и глубокій патріотизмъ, для котораго Лисенко пожертвовалъ всѣмъ—матеріальнымъ успѣхомъ, славой и даже личнымъ счастьемъ, подымаютъ его біографію до общечеловѣческаго интереса и по справедливости ставятъ его въ ряды героевъ человѣческаго духа.

М. Старицкій.

Нѣсколько словъ о значеніи трудовъ и творчества Н. В. Лисенка для малорусскаго народа.

Устарѣло уже опредѣленіе искусствъ противуположеніемъ ихъ наукамъ. Оставлено мнѣніе, что для созданія художественнаго произведенія достаточно руководиться темными безсознательными представленіями, тогда какъ изложеніе научныхъ истинъ зиждется на вполнѣ ясныхъ опредѣленныхъ понятіяхъ. Какъ въ научныхъ математическихъ умствованіяхъ требуется прежде всего ясность того положенія, ради доказательства котораго опи предпринимаются, такъ и въ художественныхъ образахъ, являющихся плодомъ технической работы въ области того или другого искусства, необходима также ясность основной мысли художника. Мало этого: кромѣ ясности, отъ художественнаго произведенія всѣ критики требуютъ яркости, рельефности, колоритности, красоты и мягкости чертъ, къ которымъ прибѣгаетъ художникъ для выраженія своихъ мыслей и чувствъ въ созданномъ имъ произведеніи. Одаренный большею тонкостью чувствъ воспріятія, большею выразительностью средствъ выполненія задуманныхъ образовъ, художникъ имѣетъ то преимущество предъ ученымъ, что онъ можетъ говорить къ непрошедшей курса наукъ аудиторіи, тогда какъ излагать теоріи вѣроятностей людямъ, не знающимъ ариѳметики и алгебры,—нельзя!

Если бы Венера Милосская или Мадонна Дрезденская не удовлетворяли указаннымъ требованіямъ художественныхъ произ-

веденій, то при всей точности изображенія мускуловъ тѣла и лица, онѣ могли бы быть прекрасными манекенами или чертежами для анатомическаго кабинета,—и только. Если бы при изготовленіи этихъ двухъ великихъ произведеній творчества въ области скульптуры и живописи авторы ихъ не имѣли цѣлью изобразить результатовъ своихъ долгихъ наблюденій и аналитическихъ думъ о человѣческой красотѣ, которую каждый изъ нихъ понималъ по своему, а желали бы выразить конкретное чувство восторга при данномъ впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ красивою и прекрасною женщиною, то у нихъ вышли бы только два этюда съ двухъ натурщицъ. Но въ этихъ произведеніяхъ синтетическое обобщеніе долговременной умственной работы сочеталось съ даромъ и умѣніемъ найти форму для широкаго содержанія и въ сильной, яркой и ясной окраскѣ выразить свою мысль о чувствѣ красоты. Оттого эти произведенія человѣческаго творчества, какъ и Илліада и Одиссея, могутъ, по выраженію Жуковскаго, давать эстетическое наслажденіе и ребенку, и юношѣ, и старцу,—и дикарю, прибавимъ мы отъ себя, и окончившему городское училище, и философу-историку, долго, систематически работавшему надъ вопросами о задачахъ человѣческой жизни.

Чѣмъ болѣе широкая степень обобщенія доступна художнику, тѣмъ большее количество прозелитовъ изъ зрителей или слушателей онъ пріобрѣтаетъ. Широта умственныхъ способностей и размѣръ багажа знаній обезпечиваетъ для него соотвѣтственное количество поклонниковъ изъ болѣе развитыхъ круговъ общества; а колоритность, яркость и ясность, короче сказать—выразительность формъ даетъ большую или меньшую степень впечатлѣнія, производимаго плодами его творчества на зрителей или слушателей. Много анекдотовъ сохранилось о наивности, даже яко-бы невѣжествѣ Глинки въ области географіи, исторіи, политики и обыденной жизни; но ученый историкъ Костомаровъ, всю жизнь изучавшій судьбы народовъ и не пропускавшій ни одного представленія «Жизнь за Царя», любилъ сознаваться, что средствами своей науки онъ никогда не въ состояніи былъ бы дать такой яркой характеристики духа жизни польскаго и великорусскаго

народовъ, какую далъ Глинка въ своей оперѣ. Это достаточно говоритъ въ пользу того положенія, что въ творчествѣ художника главную работу составляетъ индивидуализированіе и конкретизированіе широкихъ обобщеній и воплощеніе ихъ въ удобовоспринимаемую всѣми форму. Пишущему настоящія строки приходилось сидѣть на представленіи «Ревизора» рядомъ съ зрителями разныхъ классовъ по общественному положенію и развитію. Та форма бичеванія взяточничества и мошенничества, какая была доступна таланту Гоголя, до такой степени ясно представляла эти качества и кучеру, и купцу, и профессору, что совершенно не нужно было прохожденія курса юридическихъ наукъ и суммированія всѣхъ статей уголовнаго уложенія, опредѣляющаго ихъ. И вѣроятно ни одинъ членъ окружного суда, разбиравшій сотни дѣлъ о мошенничествѣ и взяточничествѣ и анализировавшій каждое по простѣйшимъ наиконкретнѣйшимъ симптомамъ этого проявленія злой воли, не сумѣетъ подобрать такой яркой формы для опредѣленія названныхъ уголовныхъ проступковъ. Для дикаря, живущаго интересами первобытной семьи, не имѣющаго понятія о той національной разновидности, къ которой онъ принадлежитъ, не думавшаго еще никогда о томъ, въ какихъ формахъ проявляется государственное устройство, останется во многихъ случаяхъ непонятнымъ, чѣмъ волнуется и надъ чѣмъ хохочетъ публика, присутствующая вмѣстѣ съ нимъ въ театрѣ на «Ревизорѣ», но и для него, какъ и для высокообразованной публики, авторъ удѣляетъ удобопонятныя мѣста паденія Добчинскаго и Бобчинскаго съ дверью, натиска Сквозника-Дмухановскаго на купцовъ, колѣнопреклоненія передъ нимъ Пошлепкиной и т. п. Не даромъ самъ Гоголь, объясняющій задачи драматическаго искусства въ «Театральномъ разъѣздѣ», заставилъ высказывать мнѣнія о піесѣ и сановниковъ, и чуекъ.

Гармонія формы и содержанія въ художественномъ произведеніи—вотъ еще одно условіе для художественности произведенія: не можетъ выражаться чувство примитивной физической или нравственной боли, чувство семейнаго горя или патріотическаго плача о гибели родины - веселыми, смѣшными гримасами или

минами, веселыми или торжественными звуками и т. п. Это понятно само собою. Когда форма, удовлетворяя требованію удобопонятности, яркости и ясности выраженія, вполнѣ соотвѣтствуетъ задуманному художникомъ содержанію,—тогда только онъ можетъ ожидать надлежащаго воздѣйствія на чувства и умъ зрителя или слушателя.

Разбирая формы словеснаго художественнаго творчества‘ профессоръ Овсянико-Куликовскій находитъ, что объединеніе соціальныхъ группъ для коллективной умственной работы, при общихъ умственныхъ интересахъ, получаетъ «психическую скрѣпу» въ національности. То же можно сказать и относительно музыки и музыкальнаго творчества, которое внѣ національнаго колорита теряетъ много въ своей яркости и изобразительности. Это—очень старая истина. Въ древнемъ царствѣ Іерусалимскомъ, во времена славы Дaвида и Соломона, много было разнообразныхъ, разнохарактерныхъ по содержанію еврейскихъ пѣсенъ. Были тутъ и іеремiады Іереміи, и хвалебные и торжественные псалмы Давида, и нѣжныя задушевныя пѣсни пѣсней Соломона. Какъ видно изъ Библіи, исполнялись они и въ одиночку, и хорами въ 200-300 человѣкъ, и подъ акомпаниментъ оркестровъ изъ гуслей, свирѣлей, цитръ, псалтырей, цѣвницъ, симфоній, трубъ, кимваловъ, тимпановъ и друг. инструментовъ, переводъ названій которыхъ сначала на греческій, а затѣмъ на другіе языки не даетъ возможности представить себѣ ихъ устройство. Очевидно, что въ звукахъ, какъ въ основной мелодіи пѣсенъ, такъ и въ гармоническомъ сопровожденіи этихъ мелодій при помощи названныхъ инструментовъ, слышались и тѣ «плачъ, стонъ и горе», о которыхъ говоритъ Іезекіиль, и радость и счастье идиллически настроенныхъ и восторженныхъ жениховъ и невѣстъ, выраженіе которыхъ находимъ въ текстѣ другихъ пѣснопѣній. Но мы не имѣемъ мелодій—музыкальной формы для выраженія этихъ чувствъ въ спискахъ Библіи: они сохранили намъ только словесную часть пѣсенъ, сильныхъ по экспрессіи фразъ, задушевныхъ по глубинѣ чувства и широкихъ по содержанію мыслей, въ нихъ заключающихся. А что эти пѣсни имѣли національный

еврейскій колоритъ, отличающій ихъ отъ пѣсенъ другихъ народовъ,—ясно изъ библейскихъ преданій. Когда великій нѣкогда между народами народъ, «князь надъ многими областями», сталъ данникомъ другого народа, когда отъ него, по образному выраженію Іезекіиля, остались одни неодухотворенныя кости, несвязанныя даже мускулами и другими покровами, когда погибли всѣ надежды на возвращеніе былой самостоятельности, когда евреи «оторвались отъ своего корня» и очутились рабами-плѣнниками,—вдругъ эти плѣнники слышатъ приказъ:

«Спойте-ка намъ что-нибудь изъ вашихъ Сіонскихъ пѣсенъ»!

Обратить свою національную святыню, свои пѣсни въ средство увеселенія праздныхъ слушателей было сверхъ силъ для безпомощныхъ плѣнниковъ, и въ отвѣтъ на это обидное предложеніе они разражаются проклятіями и угрозами перебить всѣхъ младенцевъ своихъ поработителей о камни, если руки у нихъ будутъ развязаны, какъ развязаны теперь у турокъ для истребленія македонскихъ дѣтей!

Въ чемъ заключались національныя особенности музыкальной части пѣсенъ еврейскихъ, слова которыхъ отчасти дошли до насъ,—останется навсегда неизвѣстнымъ, какъ бы ни интересно было археологамъ и историкамъ на основаніи этого матеріала судить о степени и характерѣ духовнаго развитія передового въ свое время народа. А вѣдь если признать за доказанное утвержденіе Шопенгауера, что музыкальное творчество есть новѣйшій процессъ духовной дѣятельности человѣка, при томъ тѣсно связанное въ пѣсняхъ съ словеснымъ богатствомъ даннаго народа и его національными отличіями, то прійдется очень пожалѣть, что во времена Соломона не было извѣстно искусство записыванія мелодій и характеристики ихъ при помощи оркестровыхъ партитуръ и клавиръ-аусцуговъ.

Малорусскій народъ будетъ имѣть другую долю въ этомъ отношеніи. Не только то, что онъ создавалъ въ истекшемъ XIX столѣтіи, но и то, что сохранилъ въ памяти кобзарей и другихъ исполнителей изъ своего творчества, начиная съ конца XVI вѣка,—нашло себѣ записывателя и толкователя музыкальными

знаками въ лицѣ Н. В. Лисенка. Сотни пѣсенъ козацкихъ, гайдамацкихъ, рекрутскихъ, любовныхъ, семейныхъ, бытовыхъ, обрядовыхъ—веснянокъ, купальныхъ, колядокъ щедривокъ и т. п., положенныхъ имъ на ноты то для одного, то для двухъ голосовъ, то для цѣлаго хора, въ 15-ти изданныхъ имъ «збирныкахъ» составляютъ трехсотлѣтнюю лѣтопись духовной жизни малорусскаго народа. Страданія этого коллективнаго цѣлаго отъ войнъ, турецко-татарской неволи, рекрутчины, недостатковъ формъ обыденной жизни, отъ бездорожья при веденіи торговли, отъ соціальныхъ золъ и семейныхъ несчастій, ликующіе торжественные моменты общенародной и личной жизни, радость, веселье и юморъ, какъ они выражаемы были за эти триста лѣтъ народною музою въ словахъ и звукахъ,—закрѣплены Н. В. Лисенкомъ въ его сборникахъ, представляющихъ изъ себя не собраніе этнографическаго матеріала, а художественную переработку того, что всю жизнь воспринималъ своими чувствами этотъ художникъ въ мірѣ звуковъ. Совмѣщеніе въ одномъ лицѣ творческаго художественнаго дарованія съ любовью къ этнографическимъ занятіямъ и съ знаніемъ теоріи музыки дало въ результатѣ точное, до мелкихъ подробностей, интерпретированіе Н. В. Лисенкомъ національныхъ особенностей малорусскихъ народныхъ пѣсенъ.

Въ подтвержденіе послѣдней мысли могутъ потребовать перечисленія тѣхъ мелодическихъ и гармоническихъ особенностей, которыя отличаютъ малорусскую народную музыку отъ другихъ, характеристики спеціально-малорусскихъ меллизмовъ, каденцъ, фіоритуръ и т. п. Но мы отказываемся отъ экскурсій въ область діатонизма и хроматизма, контрапункта и генералъ-басса, также какъ отказались бы доказывать грамматическими правилами красоту и національность языка Шевченка, Пушкина или Некрасова, если бы о томъ зашла рѣчь. Какъ словесное, такъ и музыкальное произведеніе, конечно, подчиняется правиламъ, созданнымъ совокупными усиліями націи и находящимъ свое выраженіе въ тѣхъ формахъ, какія для всѣхъ лицъ этой націи представляются умѣстными или неумѣстными, болѣе или менѣе удачными въ данномъ случаѣ. Но даже до объясненія умѣстности той или

другой синтаксической формы понадобились бы очень длинныя и сложныя соображенія. Когда говорять, напр., по-русски: «я ѣду на Кавказъ», то никто не поправитъ говорящаго, что нужно въ данномъ случаѣ употреблять предлогъ «въ» вмѣсто «на»; но если бы кто сказалъ: «я ѣду на Полтаву», (въ смыслѣ—«въ Полтаву»), то, можетъ быть, многіе, знающіе хорошо русскій языкъ, поняли бы въ смыслѣ стараго выраженія кіевскаго князя: «иду на вы!»

Когда-то въ публичной лекціи въ Кіевѣ бывшій помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа М. А. Туловъ разъяснялъ разницу въ способахъ мышленія о переѣздѣ изъ города въ городъ француза, нѣмца, малоросса и великоросса. Одинъ говоритъ: я ѣду—à Kieff, другой—nach Kieff, третій—до Кыйива и четвертый—въ Кіевъ. Оттѣнки отношенія представителей разныхъ народностей къ одному и тому же предмету, явленію, проявленію своей воли или желанія, заставляющія ихъ иначе строить самыя простыя фразы, какъ напр: «2+2=4», «человѣкъ смертенъ» и т. п., давали возможность ученому лектору дѣлать заключенія о тѣхъ или другихъ свойствахъ этихъ народностей. Музыка болѣе тонко выражаетъ тѣ сокровенныя особенности національностей, какія, можетъ быть, недоступны передачѣ посредствомъ грамматическихъ формъ рѣчи. Есть въ пѣніи (пѣсенъ) и такіе оттѣнки, которыхъ, можетъ быть, уловить не удастся и лучшему фонографу, но которыя ощутительны для развитого музыкально слуха, а потому и уловимы для опредѣленія ихъ въ видѣ извѣстнаго правила; на заурядныхъ же слушателей производятъ общее, но характерное для данной національности, впечатлѣніе. Конечно, подсчитавши, сколько какихъ нотъ въ данной характерной каденцѣ, измѣривши и вычисливши, какіе интервалы, въ какой послѣдовательности и при какой метрической долготѣ составляютъ прелесть даннаго національнаго мелизма, фіоритуры или рулады,—можно свести эти замѣчанія къ извѣстнымъ правиламъ. Но можно ограничиться только указаніемъ тѣхъ общихъ впечатлѣній, какія производитъ, напр., каденцы Сусанина «въ мой смертный часъ!», Антониды «время что пташка летитъ!»,

Оксаны «роспустывшы крыла», или изъ «Кобзаря» Лисенка—«Безталанна я!» («Якъ бы мени, мамо намысто!»). Для всякаго и безъ знанія того, какая послѣдовательность тактовъ взята въ томъ или другомъ случаѣ, ясно, что замѣнить двѣ первыя каденцы какою-либо изъ двухъ послѣднихъ было бы то же, что сказать по-русски вмѣсто «въ Полтаву»—«я ѣду на Полтаву», или же въ роль Сусанина вставить каденцу изъ Lacmé—«O vous, que crea Brahma!... Ah!»

Есть такія характерныя формы и украшеній, и основного голосоведенія, относительно которыхъ не нужно объяснять, чистая ли это квинта послѣ малой или большой терціи при квартъ-секстъ-аккордѣ или домикантъ-аккордѣ въ гармонизаціи, а достаточно ихъ исполнить, чтобы всѣ слушатели сказали, что это изъ нѣмецкой, итальянской, польской или малорусской музыкальной піесы. Въ умѣньи пользоваться такими характерными національными интервалами въ извѣстной ихъ послѣдовательности и создавать изъ нихъ своеобразно-національныя мелодіи заключена возможность перевода мелодій съ одного музыкальнаго языка на другой. Всѣмъ извѣстна, напр., народная малорусская пѣсня «Чы я въ лузи не калына була?» Извѣстна также и «Я ли въ полѣ да не травушка была!»—этотъ такой же художественный переводъ малорусской мелодіи на великорусскую, сдѣланный Чайковскимъ, какими были когда-то переводы стиховъ Шиллера Жуковскимъ. Какъ произведенъ этотъ музыкальный переводъ малорусской музыки въ великорусскую, легко можно видѣть даже при поверхностномъ разсмотрѣніи оригиналовъ и перевода.

Проникшись настроеніемъ пѣсни, ясно выраженнымъ въ первой основной темѣ ея («Чы я въ лузи не калына була?»), художникъ простою тематическою разработкою, оставивъ въ сторонѣ вторую часть періода, составилъ отвѣтъ къ первому предложенію его, сохранивъ замѣчательно вѣрно общее элегическое настроеніе духа, передаваемое темою, но выразивъ его характерными великорусскими интервалами («Охъ, ты, горе мое горюшко!»), а затѣмъ, разрабатывая этотъ самостоятельный мотивъ, служащій припѣвомъ ко всѣмъ куплетамъ, создалъ свою

основную тему («Я ли въ полѣ да не травушка была?») и развилъ въ замѣчательно характерную по великорусской формѣ пѣсню съ столь же характерными каденцами. Получилось то же самое настроеніе автора, вызываемое имъ и въ сердцахъ слушателей, какое оставляетъ «Чы я въ лузи»..., но при совершенно отличномъ колоритѣ великорусской пѣсни.

Возможность дать такой колоритъ, чарующій слухъ, является результатомъ не только индивидуальныхъ дарованій того или другого композитора, но и долгой работы его по изученію конструкціи мелодій той или иной національности. Что Н. В. Лисенко при своемъ талантѣ обладаетъ огромнымъ знаніемъ специфическихъ свойствъ не только малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, а и другихъ,—извѣстно всѣмъ, слышавшимъ въ его концертахъ выполненіе польскихъ, великорусскихъ, чешскихъ, моравскихъ, сербскихъ, хорватскихъ и др. славянскихъ пѣсенъ его хоровой аранжировки. Онъ хорошо знаетъ, въ чемъ состоятъ разрѣшенія аккордовъ въ позднѣйшихъ великорусскихъ композиціяхъ и насколько хорошо они соотвѣтствуютъ голосоведенію національныхъ великорусскихъ мелодій; но это, какъ выразился онъ въ одной изъ своихъ статей о гармонизаціи народныхъ пѣсенъ, для малорусскихъ мелодій—«теплый кожухъ, та не на мене шытый!» Потому онъ и избѣгаетъ модныхъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ формъ гармонизаціи, построенной на теоріи діатонизма. Въ силу этого прочнаго знанія наиболѣе широкихъ отличительныхъ чертъ данной національной музыки, у него не можетъ быть погрѣшностей противъ основного духа малорусской музыки. Оттого и сборники народныхъ пѣсенъ, редактированныхъ Н. В. Лисенкомъ подъ освѣщеніемъ его индивидуальнаго художественнаго творчества, останутся не только этнографическимъ матеріаломъ, какъ напр. сборники, издававшіеся Коципинскимъ, Гулакъ-Артемовскимъ, Ѳедоровичемъ и др. (въ одну строчку), но и матеріаломъ для составленія въ будущемъ теоріи малорусской музыкальной композиціи. Можетъ быть и найдутся въ его «збирныкахъ народныхъ писень» аранжировки, составленныя безъ прилива особеннаго вдохновенія, но въ нихъ противорѣчій съ духомъ малорус-

ской музыки не встрѣтятъ послѣдующіе его продолжатели. Онъ въ данномъ случаѣ вполнѣ національный кобзарь въ сферѣ звуковъ, какимъ былъ въ области словесности малорусской Т Г. Шевченко. Всѣ земляки, слышавшіе народныя малорусскія пѣсни съ акомпаниментомъ Лисенка или въ хоровой аранжировкѣ ихъ, не опредѣляя техническими музыкальными терминами особенностей этой аранжировки, послѣ всѣхъ его концертовъ утверждали въ одинъ голосъ, что они не замѣтили ни одной ноты въ этихъ его композиціяхъ, которая навѣвала бы впечатлѣніе музыкальныхъ формъ другой народности.

Что Лисенко—національный малорусскій композиторъ и что музыкальныя формы, къ какимъ онъ прибѣгаетъ для конкретизированія отвлеченныхъ понятій въ образы и окраски ихъ подъ своимъ индивидуальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и національнымъ угломъ зрѣнія на чувства радости, скорби, благодарности, озлобленія, отчаянія, грусти и т. п.,—все это, вѣроятно, безспорно для читателей «Кіевской Старины», въ большинствѣ его земляковъ. Правда, случается между ними встрѣчать и такихъ, которые, прослушавши въ его исполненіи его же собственныя «Сюиту» или «Украинскую рапсодію», находили въ нихъ какія то, по ихъ мнѣнію, несоотвѣтствующія духу малорусской музыки ходы и украшенія; но несостоятельность мнѣній этихъ критиковъ становилась очевидною, когда они принимались сами пѣть хоромъ или въ одиночку свои излюбленныя, яко бы малорусскія, пѣсни. Извращеніе вкуса и отсутствіе національнаго чутья этихъ меломановъ до такой степени ярко выступали наружу, что полная ихъ некомпетентность въ этомъ дѣлѣ оказывалась несомнѣнной. Имъ правилось, напр., пѣть Шевченковское «Реве та стогне Днипръ шырокый» на голосъ романса «Не брани меня, родная!», украшая мелодію послѣдняго совершенно неидущими даже къ словамъ этого прекраснаго романса стакаттами и перерывами въ ея плавномъ теченіи при естественномъ его исполненіи. Если они брались выполнять народныя пѣсни по сборникамъ Лисенка, то и тутъ уснащали свое исполненіе фирматами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на нихъ нѣтъ даже намека въ его печатной транскрипціи,

или при повтореніяхъ второй половины куплета дѣлали какіе-то переходы на нижнюю квинту, вовсе не практикующіеся въ народномъ выполненіи тѣхъ же пѣсенъ, а потому не нашедшіе мѣста въ Лисенковской аранжировкѣ.

Ничѣмъ другимъ, какъ пониженіемъ вкуса (вообще и незнакомствомъ съ безконечно-разнообразнымъ репертуаромъ малорусскихъ народныхъ мелодій, можно объяснить подобныя злоупотребленія въ сочетаніи несовмѣстимыхъ по настроенію и формѣ музыкальныхъ мыслей съ текстомъ какого-либо самостоятельнаго стихотворенія, какія въ послѣднее время встрѣчаются и внѣ сферы малорусской музыки. Есть, напр., очень выразительная музыкальная фраза въ «Лукреціи Борджіи»: «Я, синьора, Мафіо Орсини: брата Вы моего отравили!»—и часто можно слышать, какъ молодежь злоупотребляетъ этою мелодіею, распѣвая хоромъ заключительныя строфы изъ «Параднаго подъѣзда» Некрасова («Укажи мнѣ такую обитель» и т. д.). Эстетически развитой слухъ коробитъ отъ такого сочетанія совершенно несовмѣстимыхъ выраженій слова и музыки; для него оно столь же оскорбительно, какъ для элементарно-развитого слуха было бы сочетаніе мелодіи Комаринскаго или другого разухабистаго козачка съ словами, положимъ, церковныхъ пѣснопѣній. Повторяемъ, что сужденія отличающихъ только самыя элементарныя требованія соотвѣтствія формъ музыки содержанію музыкальныхъ мыслей не могутъ имѣть значенія при характеристикѣ музыкальныхъ композицій; поэтому, мнѣнія, что, напр., «Chant sans paroles Лисенка или любого нумера изъ его «Сюиты» лишены національнаго колорита,—мы считаемъ совершенно неосновательными и некомпетентными.

Въ фортепьянныхъ піесахъ Лисенка, носящихъ даже опредѣленно названія формъ, заимствованныхъ отъ другихъ національностей (полонезъ, гавотъ, вальсъ и т. п.), какъ и въ пѣсняхъ безъ словъ, романсахъ, ноктурнахъ, баркароллахъ, рапсодіяхъ и и т. п. для фортепьяно, подготовительный для воспріятія фортепьяныхъ звуковыхъ сочетаній человѣкъ вездѣ слышитъ тѣ особенности, какія отличаютъ малорусскую народную музыку отъ

всѣхъ другихъ. Въ этихъ фортепьянныхъ піесахъ есть и неприкосновенныя темы народныхъ пѣсенъ, разработанныя и украшенныя композиторомъ, есть и чуждыя малорусской музыкѣ темы, но переодѣтыя въ національно-малорусскую одежду при спеціально Лисенковскомъ индивидуальномъ стилѣ изложенія. Le style—c'est l'homme, а у такого человѣка, который, какъ Лисенко, постоянно накоплялъ въ своей головѣ сотни музыкальныхъ образовъ народной музы, другого стиля и не могло явиться, какъ національный. Но, при всей національности, стиль Лисенка имѣетъ свою индивидуальность, какъ имѣютъ ее и другіе выдающіеся компóзиторы разныхъ народовъ.

Перейдемъ теперь къ отвѣту на вопросъ,—могутъ ли нравиться и быть пріятными для слуха его собственныя композиціи, а не сопровожденія и гармонизаціи народныхъ пѣсенъ, которыхъ изученію онъ посвятилъ всю жизнь? Не страдаютъ ли онѣ характеромъ эклектизма, какъ скомпанованныя этнографомъ, собирателемъ пѣсенъ? Красивы ли онѣ по формѣ, глубоки ли по чувству, выражаемому въ нихъ, широки ли по замыслу и содержанію?

Тутъ мы встрѣчаемся съ понятіями «красивый», «пріятный», «прекрасный», «изящный» и т. п., которыя разграничить брался нѣсколько лѣтъ тому назадъ графъ Л. Толстой, но, кажется, пришелъ къ тому же старинному опредѣленію Канта, по которому прекрасное и изящное отличается отъ пріятнаго и красиваго тѣмъ, что оно замѣчается не въ дѣйствительномъ существованіи предмета или явленія, а въ вымыслѣ, переработанномъ въ художественный образъ: пріятнымъ можетъ быть ощущеніе отъ красиваго предмета, даннаго явленія, тогда какъ прекрасное, изящное произведеніе художника воспринимается не столько чувствомъ, сколько сознаніемъ, хотя и говорятъ, что оно непосредственно вызываетъ то чувство у слушателя, которое композиторъ перевелъ изъ абстрактнаго понятія въ удобовоспринимаемый образъ.

Пріятно влюбленному юношѣ подъ теплымъ украинскимъ небомъ, завѣшаннымъ снизу, какъ говоритъ Гоголь «кудрявыми вѣтвями вишенъ», вызвать серенадою изъ хаты свою возлюбленную и отводить душу безсодержательными разговорами о томъ,

что если ея ножки смерзнуть, то онъ надѣнетъ свою шапку на нихъ и т. д.; а пріятно ли брошенной покрыткѣ колыхать въ люлькѣ свое дитя, имѣя увѣренность, что, когда оно выростетъ, то будетъ проклинать и отца и мать? А эти два конкретныя чувства—пріятное и слишкомъ непріятное—могутъ найти «прекрасные» образы въ звукахъ, если за изображеніе ихъ возьмется такой художникъ, какимъ является Лисенко въ своей «Утопленой» и въ «Музыци до Кобзаря». При самомъ посредственномъ выполненіи серенады Левка «Ничка спускается» и колыбельной пѣсни «Ой люли, люли!», слушатели должны дать справедливый отзывъ о томъ, что Н. В. Лисенко умѣетъ поднять ихъ до той степени «прекраснаго и изящнаго», какая доступна была ему при претвореніи обоихъ вышеназванныхъ чувствъ въ «красивые» звуки. Красота этихъ звуковъ заключается въ послѣдовательности тѣхъ или другихъ интерваловъ, при томъ или другомъ ритмическомъ достоинствѣ нотъ; но эти красивыя собранія звуковъ остались бы только «красивыми», «пріятными» для слуха, если бы они ничего не говорили уму и внутреннему чувству (а не только чувству слуха), если бы они не выражали собою идеи довольства, или угнетеннаго состоянія духа, какія сумѣлъ изобразить композиторъ. Какъ основныхъ цвѣтовъ на палитрѣ у живописца только семь, такъ и основныхъ нотъ гаммы у композитора тоже семь; подборъ разнообразнѣйшихъ сочетаній ихъ и ихъ оттѣнковъ въ игрѣ калейдоскопа или одномъ аккордѣ богатаго инструментами оркестра можетъ быть очень «красивъ». Но «прекрасное» художественное произведеніе требуетъ независимо отъ изящной и красивой формы еще большого плюса—содержанія художественнаго произведенія.

Допустивши даже недоказанное для насъ хулителями музыки Лисенка утвержденіе, что она не можетъ нравиться однимъ—потому что въ ней по формѣ они видятъ откликъ вагнеризма и направленій еще какихъ то нѣмецкихъ композиторовъ, другимъ—потому что имъ слышится въ его стилѣ италіанщина, остановимся на содержаніи хотя нѣкоторыхъ изъ піесъ этого композитора, ибо разсмотрѣть ихъ всѣ—трудъ непосильный въ на-

стоящее время ни для кого—просто уже потому, что важнѣйшія изъ его произведеній (напр. опера «Тарасъ Бульба») и болѣе мелкія по величинѣ, но характерныя по смыслу ихъ (напр. «Жалибный плачъ», «Заповитъ» и т. п.)—еще не напечатаны. Оставляя пока въ сторонѣ техническія, такъ сказать грамматическія и стилистическія особенности его твореній, постараемся опредѣлить, что занимало художника, когда онъ настраивалъ свою лиру и обращался къ помощи своей музы? Это дастъ намъ возможность высказать болѣе опредѣленное мнѣніе и о внѣшнихъ достоинствахъ его произведеній, болѣе извѣстныхъ, чѣмъ неизданныя до сихъ поръ.

Проникшись съ дѣтства народно-національными малорусскими звуковыраженіями, еще оканчивая музыкальное свое образованіе въ Лейпцигѣ, Н. В. Лисенко начинаетъ творить «музыку до Кобзаря Т. Шевченка». Его вниманія не привлекаютъ произведенія Шиллера, Байрона и другихъ корифеевъ словеснаго творчества. Садокъ вышневый коло хаты, шырокый та дужый Днипро, его саги, долыны съ червоною калыною, туманами, разстилающимися надъ ними, плетневые огороды, яры и гаи съ кукованьемъ зозули и съ раздающимися среди нихъ пѣснями о скромномъ идеалѣ доли мужички, имѣющей черныя брови, поля, которыя когда то чернѣли отъ крови и т. д.—и вся эта обстановка, и идеалы жизни, о которыхъ кобзарь Тарасъ пѣлъ пѣсни безъ музыки, едва ли могли затронуть чувствилище лейпцигскихъ профессоровъ будущаго композитора. Имъ могло казаться, что, осиливши музыкальныя формы царя музыки Бетховена въ передачѣ ихъ на фортепьяно, молодой артистъ для композицій романсовъ и пѣсенъ переиметъ способы музыкальнаго выраженія также у царей этихъ видовъ музыки—Шуберта и Шумана. Но присылавшіяся изъ Лейпцига въ Кіевъ первыя пробы композиторскаго пера Лисенка приносили не запахъ Саксонскихъ лѣсовъ, а ароматъ травъ широкаго «степа» Украйны. Тѣмъ, кто утверждаетъ, что Лисенко, въ силу воспитанія у нѣмцевъ, не могъ освободиться въ своемъ композиторствѣ изъ-подъ вліянія космополита въ музыкѣ—родомъ изъ Зальцбурга, Моцарта, и націоналиста Вебера,

не мѣшаетъ пройти нота за нотою весь первый выпускъ «Музыки до Кобзаря» и отыскать въ изящныхъ по простотѣ ритурнеляхъ и заключеніяхъ, а также и въ пассажахъ основныхъ мелодій пѣсенъ что-либо хоть сколько-нибудь напоминающее пріемы нѣмецкихъ композиторовъ. Просмотрите и всѣ послѣдующія композиціи Лисенка; въ нихъ зоилы находятъ небольшія фразы, взятыя почти безъ измѣненія у другихъ композиторовъ (напр. въ дуэтѣ «И широкую долыну»). Но вѣдь и у Шевченка встрѣчаются реченія или фразы, взятыя изъ стихотвореній Пушкина, а у Пушкина—такія же реченія, взятыя изъ Державина; но это никому не давало повода утверждать, что поэзія того или другого не самостоятельна.

Какъ по стилю, такъ и по содержанію національно-малорусская музыка Лисенка не имѣетъ ничего подражательнаго ни великорусскимъ, ни иностраннымъ композиторамъ. Заимствованія отдѣльныхъ образовъ при дальнѣйшемъ развитіи темы въ самостоятельной разработкѣ, какъ мы только что сказали, ничего не обозначаютъ. Заимствованіе темъ изъ извѣстныхъ народныхъ пѣсенъ такъ же мало говоритъ о его несамостоятельности въ творчествѣ, какъ и заимствованія Глинкою, напр., темы «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» для заключительной характеристики Сусанина въ его борьбѣ съ поляками, или вступительныхъ фразъ героя «Жизни за Царя» изъ пѣсни Лужскаго мужика, или, наконецъ, народной татарской пѣсни: Каланин ди бин да бир даш улэйдым» для хора въ «Русланѣ и Людмилѣ»—темы, разработанной Штраусомъ совершенно иначе въ его персидскомъ маршѣ. Заимствованія Лисенка для главнѣйшаго содержанія отдѣльныхъ пѣсенъ изъ «Кобзаря» Шевченка—тоже указываетъ только на родство его музыкальнаго таланта съ талантомъ пѣвца Украины въ словѣ.

Напротивъ, сосредоточеніе музыкальнаго творчества на темахъ «Кобзаря» въ то время, когда публика, любящая малорусскія пѣсни, распѣвала «Чы йе въ свити молодыця, якъ та Гандзя билолыця», «Танцювала рыба зъ ракомъ» и т. п. показываетъ, что нашъ композиторъ поставилъ себѣ задачи болѣе широкія, чѣмъ стремленіе увеселять публику на семейныхъ танцовальныхъ

вечерахъ. Какъ справился онъ съ своею задачею истолковать музыкальными звуками скорбныя думы великаго пѣвца Украины?

«Думы мои, думы мои!
Лыхо мени зъ вамы»!

восклицалъ послѣдній, представляя себѣ судьбу ихъ, о которой въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что и черезъ 10 лѣтъ послѣ перваго изданія «Кобзаря»—

Нихто не гавкне й не лайне,—
Неначе не було мене!

Сумѣлъ ли композиторъ Лисенко утѣшить здѣсь поэта тѣмъ, что въ горнилѣ своего музыкальнаго творчества подыскалъ вѣрныя и выразительныя мелодіи, которыя могутъ помочь большему распространенію его думъ и пѣсенъ?

Можно брать широкія и высокія по содержанію темы, напр., о равноправности женщины съ мужчиною, но при разработкѣ этой темы и воплощеніи ея въ художественные образы остаться на степени безъизвѣстности передовой статьи, написанной по заказу съ обычными «нельзя не допустить, но слѣдуетъ сознаться» и съ ледянымъ холодомъ выраженій. Дѣйствительно же художественное музыкальное произведеніе, имѣющее задачею передать исполнителю и его слушателямъ извѣстное настроеніе души даннаго лица въ данный моментъ, требуетъ, при соотвѣтствующей этому лицу тесситурѣ, не погони за внѣшними эффектами и колоратурными украшеніями, дающими возможность исполнителю показать свою виртуозность, а умѣнья дать вѣрное выраженіе этого настроенія. Шевченко изображаетъ горе бѣдной дѣвушки, которой хочется танцовать подъ городскую музыку съ парубкамы и дивчатамы, но которой не въ чемъ пойти «на мисто»; всѣ ея соображенія о томъ, сколько нужно работать въ наймахъ, чтобы пріобрѣсти черевыкы и намысто, приводятъ ее къ тому заключенію, что это счастье—недостижимо для нея. Лисенко умѣетъ подобрать для выраженія этихъ примитивныхъ чувствъ и соображеній трогательныя мелодіи, и такія изящныя по своей простотѣ, какія вполнѣ отвѣчаютъ настроенію этой sanctae simplicitatis и всякаго слу-

шателя заставляютъ сочувствовать ея горю. Другая дѣвица побойчѣе: наторговавши на бубликахъ 5 коп., она на 1 копѣйку выпиваетъ водки, на другую нанимаетъ не тройисту музыку—недосягаемый идеалъ первой, а—одиночку дудныка и, забывъ горе, подманиваетъ къ себѣ своею веселостью жениха. Звуки вступленія и веселое сопровожденіе развеселой мелодіи Лисенка сразу вводятъ насъ въ другое настроеніе. А вотъ—Шевченковская «московка», т. е. женщина, вышедшая замужъ за сироту солдата Николаевской службы, оставшаяся до старости въ чужой хатѣ и не дѣвицею, и не женою, и не вдовою, а чѣмъ-то совершенно лишнимъ среди людей,—и на это у Лисенка находятся заунывныя, полныя тупого отчаянія ходы звуковъ. Молодой козакъ задумывается надъ вопросомъ, гдѣ лучшая доля: быть кутилой при достаткахъ, чумаковать, или воевать, и затѣмъ приходитъ къ заключенію, что причина журбы его—холостяцкая жизнь и что спасеніе отъ нея—«у рушныку та въ хустыни» его будущей невѣсты и жены. Ободряющія ноты заключенія послѣ эпическаго спокойнаго разсказа въ музыкѣ объ этомъ козакѣ замѣчательно соотвѣтствуютъ тексту Шевченка. А вотъ другой козакъ разсуждаетъ у Шевченка на ту же тему и приходитъ къ заключенію, что ни на богатой ни на бѣдной не слѣдуетъ жениться, а слѣдуетъ избрать козацкую долю со всѣми ея случайностями. Мрачные ходы мелодіи Лисенка держатся въ этой пѣснѣ до тѣхъ поръ, пока изливающій свои сомнѣнія о выборѣ рода жизни не пришелъ къ опредѣленному рѣшенію: тутъ въ звукахъ брызжетъ уже рѣшимость и опредѣленность.

Все это—темы обывательскія, если можно такъ выразиться, нашедшія себѣ, какъ въ народныхъ по складу стихотвореніяхъ Шевченка, такъ и въ музыкѣ къ нимъ Лисенка, силу выраженія одной степени; а вотъ сфера выше и шире обывательскихъ заботъ о тѣхъ или другихъ обычныхъ злобахъ жизни: у Шевченка представленъ образъ неудачника, проведшаго молодость «безъ прыгоды», жалѣющаго, что его высшіе запросы и недовольство протекшей жизнью не даютъ ему возможности такъ же искренно смѣяться и танцовать, какъ танцуетъ подъ звуки полонеза болѣе

непосредственная молодежь. Откиньте изъ этой пѣсни божественныя слова Шевченка и выполняйте одну музыку Лисенка на эти слова, и вы увидите, что звуки, выражающія то «радисть и надію» молодежи, то противопоставленное ей отчаяніе пережившаго молодые годы субъекта съ его щемящею тоскою, дышать до такой степени правдою, что и англичанинъ, и итальянецъ, и нѣмецъ, и французъ въ такой chant sans paroles найдутъ не что иное, какъ музыкальное воспроизведеніе даннаго стихотворенія Шевченка.

Чѣмъ шире и космополитичнѣе содержаніе Шевченковскихъ стихотвореній, тѣмъ дальше отступаетъ и музыка Лисенка отъ формы народной пѣсни съ повтореніями мелодіи при нѣкоторомъ лишь ея измѣненіи въ куплетахъ. «Мынають дни, мынають ночи», «Мени однаково», «Учитеся браты мои» и другія подобныя произведенія Лисенка требуютъ не общей лишь характеристики ихъ, а подробныхъ критическихъ этюдовъ о каждомъ, съ разборомъ какъ отдѣльныхъ частей, такъ и общей структуры, каковая задача для любителя-меломана является непосильною, а для короткой замѣтки—неумѣстною. Тоже, къ сожалѣнію, приходится намъ сказать и о болѣе сложныхъ композиціяхъ Лисенка, какъ «Ой Днипре, мій Днипре!», «Гетьманы, гетьманы!», «Бьють порогы», «Катерына», «Плачъ Ярославны», «У недилю въ ранци рано» и т. п. Въ каждомъ отдѣльномъ музыкальномъ предложеніи и періодѣ этихъ, какъ и вышеуказанныхъ болѣе короткихъ произведеній, кромѣ сочетанія красивыхъ мелодій въ извѣстной послѣдовательности, вездѣ мы находимъ глубоко вѣрное воспроизведеніе и радостей и скорбей человѣческихъ, вылившихся изъ чувствилища одареннаго широкимъ талантомъ композитора. Это не эклектическое сочетаніе отдѣльныхъ, не имѣющихъ между собою связи музыкальныхъ мыслей и образовъ, а продуманныя и прочувствованныя части одного цѣлаго, изображающія вмѣстѣ одну общую картину,—или же одного даннаго чувства, или, наконецъ, рядъ чувствъ, возникающихъ на данной психической почвѣ. Написанныя на данный поэтомъ сюжетъ, части эти, отвѣчая каждому измѣненію текста, представляютъ изъ себя одинъ общій фонъ, на

которомъ или разыгрывается смѣна чувствъ одного и того же лица, или противопоставляются музыкальныя характеристики разныхъ лицъ. Для нагляднаго убѣжденія въ томъ, что общее настроеніе, выраженное въ одной піесѣ, отвѣчаетъ именно ея содержанію, а не любому другому, мы можемъ предложить сомнѣвающимся въ этомъ произвести такой опытъ: приведши къ одной тональности двѣ піесы, допустимъ «Плачъ Ярославны» и «У тіеи Катерыны», исполнить (безъ словъ) одно или два предложенія изъ одной піесы и непосредственно за тѣмъ одну изъ частей другой: вы сразу почувствуете, что такое сеединеніе столь же невозможно, какъ соединеніе, напр., части стихотворенія Лермонтова съ другою частью любой пѣсни Кольцова въ одно цѣлое, или языка геометрической теоремы въ одномъ цѣломъ повѣствованіи съ языкомъ ученія массоновъ.

Мало того, что каждая музыкальная фраза произведеній Лисенка имѣетъ свое опредѣленное значеніе, т. е. выражаетъ только данное чувство или мысль извѣстнаго лица, поставленнаго въ извѣстныя условія, и потому не можетъ быть замѣнена другою фразою его же композицій, т. е. фразою того же національно-малорусскаго стиля, индивидуализированнаго Лисенкомъ,—въ его произведеніяхъ мы находимъ еще установку исторической перспективы съ характеристикою времени, въ которое совершается данное воспѣваемое событіе, или выражается данная мысль и чувство. Неподдающіяся уясненію отличія въ ходѣ интерваловъ, въ украшеніи ихъ тѣми или другими мелизмами и фіоритурами даютъ въ результатѣ его творчества такую окраску піесѣ, которая, кромѣ точной обрисовки настроенія и лица, находящагося подъ властью этого настроенія, указываетъ слушателямъ, что дѣло идетъ не въ семейномъ или общественномъ кругу XIX вѣка, а лѣтъ 150—300 назадъ, при другихъ условіяхъ общественности, другомъ темпѣ и характерѣ жизни: насколько крѣпостная обстановка жизни дивчины, бабы, мужчины разнится отъ обстановки жизни представителей обоего пола въ XVII и XVIII вѣкѣ, настолько разнятся и формы музыкальныхъ образовъ произведеній Лисенка жизни того или другого періода.

Характеристика однихъ и тѣхъ же личныхъ чувствъ въ средѣ козацкой, гайдамацкой, крѣпацкой и т. п. находитъ мѣсто въ его произведеніяхъ,—и, при первыхъ звукахъ вступленія къ «У недилю вранци рано» или къ «У тіеи Катерыны» или къ «Садокъ вышневый коло хаты», слушатель уже подготовленъ къ тому, о чемъ будетъ рѣчь въ послѣдующемъ музыкальномъ изложеніи.

Въ этомъ отношеніи особенно характерна музыкальная транскрипція думы Шевченка о выѣздѣ отряда козаковъ въ Черное море и о трагической судьбѣ отамана этого отряда Степана. На сколько поэтъ сумѣлъ сохранить стиль и колоритъ старыхъ думъ въ словесныхъ выраженіяхъ, на столько же образно по формѣ—«старыми словесы», какъ выражается «Слово о плъку Игоревѣ»—старинными музыкальными пріемами подъ звуки фортепьяно, замѣнившаго собою бандуру, воспѣта Лисенкомъ эта гибель флота за островомъ Тендеромъ и ослѣпленіе Степана въ плѣну. Повторяемъ, что въ выборѣ средствъ для музыкальной характеристики разныхъ періодовъ исторіи малорусскаго народа и для претворенія въ музыкальные образы мыслей и чувствъ его представителей на протяженіи трехъ столѣтій Лисенко оказался полнымъ хозяиномъ. Оттого онъ былъ въ правѣ и имѣлъ полную возможность посвятить свой творческій талантъ на созданіе высшихъ формъ малорусской національной музыки—симфоній и оперъ.

Что касается оперъ, то о главнѣйшей—«Тарасѣ Бульбѣ»—сказать мы ничего не можемъ, такъ какъ она извѣстна только близкимъ знакомымъ композитора, имѣющимъ возможность слышать нумера ея при личномъ его исполненіи. «Утоплена» и «Риздвяна ничъ» изрѣдка появлялись на сценѣ и отчасти знакомы немногочисленному кругу читающей ноты малорусской публики. Оркестровой же симфоніи среди произведеній Н. В. Лисенка нѣтъ ни одной. Были ли тому причиною внѣшнія обстоятельства жизни композитора, удѣлившія ему роль преподавателя фортепіанной игры, а не капельмейстера хорошо организованнаго оркестра, готоваго всегда подчиняться его палочкѣ, или

субъективный характеръ его дарованія—вопросъ далеко не праздный. Извѣстно, что почти всѣ композиторы сложной симфонической музыки имѣли возможность осуществить свои стремленія благодаря содѣйствію меценатовъ изъ графскихъ, княжескихъ, королевскихъ и даже императорскихъ семей, или же широко развитому спросу на концерты, театры и оперы въ крупныхъ центрахъ жизни и столицахъ. Въ Кіевѣ въ прошломъ столѣтіи, при малоразвитости средствъ для исполненія сложныхъ музыкальныхъ произведеній, малорусскому композитору приходилось быть и хормейстеромъ, и режиссеромъ, и антрепренеромъ, и конторщикомъ, и собирателемъ пѣвцовъ и музыкантовъ, цѣнящихъ не столько художественныя достоинства произведенія, сколько размѣръ заработка. Такія условія, конечно, не давали возможности Н. В. Лисенку организовать предпріятія для насажденія симфонической музыки. Помощниковъ къ осуществленію своихъ художественныхъ задачъ онъ находилъ только въ средѣ интеллигентной молодежи высшихъ учебныхъ заведеній, не имѣющей въ виду обезпеченія своихъ семей заработкомъ въ видѣ опредѣленнаго жалованья за игру на скрипкѣ, контрабасѣ, гобоѣ или барабанѣ, какъ нуждаются въ томъ профессіональные музыканты. Эта молодежь, кромѣ желанія провести время при благородномъ занятіи, имѣетъ вокальныя средства, а не технику въ рукахъ для выполненія партіи флейты или арфы. При такихъ внѣшнихъ условіяхъ, естественно, вмѣсто симфоній, изъ-подъ пера композитора выходили «Кантаты», оцѣнить достоинство которыхъ мы оставляемъ на обязанности спеціалистовъ.

Но съ другой стороны, и въ субъективныхъ особенностяхъ таланта Н. В. Лисенка можно видѣть причину того, что изъ его произведеній, вѣроятно, не менѣе (а можетъ быть и болѣе) $^3/_4$ относятся къ вокальной, а не къ инструментальной музыкѣ. Предыдущая посильная характеристика наша его творчества указываетъ, что оно отличается предилекціею къ возможно большему конкретизированію музыкальныхъ образовъ того или другого положенія, той или иной обстановки, той или иной думы—въ національно-малорусской формѣ. При такомъ направленіи творчества

нѣтъ мѣста для экскурсій въ область абстрактныхъ средствъ инструментальной музыки съ разработкою ея техники: стремленія таланта Шуберта отличны отъ стремленій Россини, Вагнера или Листа. Какъ между врачами соматическихъ болѣзней одинъ по призванію дѣлается окулистомъ, другой—хирургомъ или акушеромъ, одинъ—при помощи микстуръ внутрь, другой—при помощи гигіеническихъ наставленій, такъ и у желающихъ служить излѣченію умственныхъ и нравственныхъ заблужденій нашихъ средствами своего искусства могутъ быть естественныя наклонности къ той или другой сферѣ и способу этого лѣченія.

Въ данномъ случаѣ мы не рѣшаемся такъ или иначе покончить съ вопросомъ объ отсутствіи среди произведеній Лисенка симфоній, а скажемъ еще нѣсколько о томъ, какъ онъ проявилъ себя въ написаніи своихъ оперъ.

Разработка и уясненіе любви двухъ разновидностей человѣческаго рода въ разныхъ ея проявленіяхъ и чувствъ любви къ своему родному, къ завѣтнымъ идеаламъ, созданнымъ данною національною, сословною, религіозною, соціальною и т. п. группою,—въ этомъ, кажется, задача всѣхъ оперъ, до сихъ поръ написанныхъ. Изображеніе чувства личной любви двухъ особъ мужескаго и женскаго пола съ характеристикою ихъ обоихъ въ дуэтахъ Лисенка такъ же ярко выразительно, какъ и чувствъ единичныхъ лицъ. Для подтвержденія этого достаточно напомнить читателю такіе его дуэты, какъ «Зацвила въ долыни червона калына», «Чы мы ще зійдемося знову?», «И широкую долыну», «Колы розлучается двое» и др. Философы-психологи экспериментальнаго направленія находятъ, что въ кульминаціонный періодъ разгара чувства любви двухъ влюбленныхъ особъ является и найвысшее напряженіе синтетической дѣятельности умственныхъ способностей обоихъ, при чемъ взглядъ на міръ, на людскія отношенія и т. п. у обоихъ совпадаютъ до степени идентичности. Если это такъ, то и музыкальные образы выраженія ихъ мыслей должны тоже совпадать. А поэтому найболѣе отвѣчающими существу дѣла являются дуэты, въ которыхъ то теноръ или басъ, то сопрано или альто поочередно повторяютъ одну и ту же ме-

лодію, при чемъ контрапунктированіе перваго во второмъ куплетѣ повторяется также совершенно идентично другимъ голосомы. Изъ старинныхъ музыкальныхъ формъ такого дуэта можно указать на дуэтъ Петра и Наталки въ «Наталкѣ Полтавкѣ»:

«Души наши зйедынылысь,—
Зйедынятся й рукы»!

То же мы видимъ и въ дуэтѣ Лисенка—«И широкую долыну», гдѣ для исполнителя и исполнительницы ему пришлось въ текстѣ Шевченка въ одномъ мѣстѣ замѣнить слово *я* на *ты* («*Я* въ неволи, *ты* вдовою» и обратно: «*Ты* въ неволи, *я* вдовою»). Въ остальномъ какъ словесное, такъ и музыкальное содержаніе, какъ словесный, такъ и музыкальный языкъ обоихъ пожилыхъ людей (предположительно—Н. И. Костомарова и его бывшей невѣсты) одинъ и тотъ же. Въ дуэтѣ «Чы мы ще зійдемося знову» при расхожденіи мнѣній способъ контрапунктированія обоихъ голосовъ противоположными ходами интерваловъ указываетъ на это несогласіе мужчины и женщины; но когда они оба обращаются къ воспоминаніямъ объ одинаково дорогомъ для обоихъ Днѣпрѣ, ихъ голоса льются параллельно и почти сливаются въ самомъ ближайшемъ гармоническомъ сочетаніи терцій. Развѣ въ этомъ случаѣ музыкальное содержаніе и его форма хоть въ одной нотѣ грѣшатъ несоотвѣтствіемъ? А это—одно изъ главнѣйшихъ условій художественности въ творчествѣ.

Но Лисенко является большимъ мастеромъ въ примѣненіи не только простого, но и двойного контрапункта. Оставляя въ сторонѣ тѣ его аранжировки хоровыхъ народныхъ пѣсенъ, гдѣ рядомъ съ фугою и канономъ является и двойной контрапунктъ, мы укажемъ на замѣчательный по содержанію и блестящій по формѣ двойной контрапунктъ въ его «Туманъ хвылямы лягае», которымъ открывается опера «Утоплена». Два настроенія двухъ коллективныхъ единицъ (парубочого и дивочого гуртивъ), переходящія затѣмъ въ одно общее желаніе—погулять на всю пропалую послѣ тяжелыхъ полевыхъ работъ, до такой степени реально, правдиво и ярко выражены въ музыкѣ, что всѣ слушатели оперы

подъ конецъ нумера, проникаются тѣмъ же настроеніемъ, какое царитъ на сценѣ. Не касаясь другихъ частей этой оперы, которую намъ привелось слышать только одинъ разъ въ исполненіи ея труппою Карпенка-Карого (почему и не считаемъ себя компетентными судить о ней), остановимся еще нѣсколько болѣе подробно на разсмотрѣніи «Риздвяной ночи», чтобы закончить настоящую замѣтку.

О «Риздвяной ночи», которая, за 30 лѣтъ со времени ея написанія, была нѣсколько разъ поставлена при слабомъ персоналѣ исполнителей въ Кіевѣ, Одессѣ и Харьковѣ, въ періодической печати былъ только одинъ обстоятельный отзывъ композитора и критика Сокальскаго. Отзывъ этотъ, въ общемъ неблагопріятный, можетъ быть, имѣлъ послѣдствіемъ своимъ то, что провинціальныя труппы перестали разучивать и ставить на сцену эту оперу. Не имѣя возможности добыть рецензіи г. Сокальскаго, напечатанной въ одной изъ одесскихъ газетъ, все же по памяти мы постараемся возстановить ея сущность и вытекающія изъ нея положенія, не принимая на себя отвѣтственности за правильную передачу подробностей.

Отдавая должную дань Лисенку, какъ композитору отдѣльныхъ арій, дуэтовъ, тріо и хоровъ, баллады, или «оповидання» Вакулы, критикъ утверждалъ, что Лисенко не могъ справиться съ болѣе сложною задачею—созданія цѣлой оперы на такой богатый сюжетъ, какой далъ ему Гоголь. Онъ упрекалъ композитора, что тотъ не понялъ роли чорта во всемъ движеніи дѣйствія. Далѣе по словамъ Сокальскаго выходило, что если бы Лисенко и захотѣлъ стать на правильную, по мнѣнію критика, точку зрѣнія касательно совершившагося чуда—полета Вакулы въ Петербургъ и обратно,—то у него не стало бы художественныхъ средствъ для подходящей характеристики демона зла, ибо потуги его изображать мистико-демоническую фигуру сатаны ограничились лишь слабыми и мало-выразительными музыкальными штрихами въ сценѣ Пацюка съ Вакулою. Оттого, по мнѣнію г. Сокальскаго, изъ «Риздвяной ночи» вышла не опера, отвѣчающая замыслу Гоголя, а лишь этнографическая картинка, въ которой

есть милыя жанровыя сцены, но нѣтъ центральнаго содержанія, какое должно бы было занять мѣсто въ увертюрѣ къ этой оперѣ и въ самой оперѣ.

Критикъ, какъ видно изъ этого, разбиралъ не то, что было представлено на его сужденіе, а высказывалъ мысли о томъ, какъ бы онъ написалъ эту оперу; при этомъ высказалъ свой формально-близорукій взглядъ на композицію оперъ вообще и совершенно неосновательныя и ошибочныя мнѣнія о темѣ, послужившей матеріаломъ для данной оперы.

Повѣсть Гоголя «Ночь предъ Рождествомъ» (или по поправкѣ Кулиша—«на Рождество») вовсе не есть фантастическая сказка, какъ «Вій»; задача ея была показать, какъ колядуютъ на Украинѣ, какъ колядникамъ даютъ огромные кныши и куски сала, чуть не по цѣлому кабану, и какъ въ силу такого обычая почтенные люди странствовали по селу на санкахъ, заключенные въ мѣшкахъ, какія кокетки бываютъ малорусскія дивчата, и съ другой стороны, какіе дебелые бываютъ тамъ же парубки, ковали по ремеслу. Чортъ, вставленный Гоголемъ въ эту бытовую картинку, вовсе не играетъ роли Лермонтовскаго Демона, или Гетевскаго Мефистофеля, съ которымъ не можетъ справиться и болѣе высшая сила добра. Это, по представленію и всего малорусскаго народа,—не владыка грозныхъ скалъ Кавказа, или Брокена, рѣшающій судьбы подвластныхъ ему людишекъ, а нѣчто мизерное, пакостное, низкое, мерзкое и довольно смѣшное,—существо, которое стремится дѣлать пакости людямъ, какъ какая-нибудь полевая мышь, прогрызающая мѣшки съ зерномъ; это чортеня юлитъ почти безуспѣшно передъ вѣдьмою, а если попадетъ на такого парубка, какъ Вакула, которому ничего не стоитъ скомкать и расплющить въ кулакѣ подкову, то конечно спасуетъ передъ нимъ. Вакула, по удостовѣренію Гоголя, даже не замѣтилъ, что несетъ въ мѣшкѣ со «струментомъ» этого владыку міра по представленію нѣмцевъ; а по тексту Старицкаго въ «Риздвяной ночи»—онъ вовсе даже и не одинъ: ихъ много, этихъ чортенятъ, и когда на Рождество имъ «хвосты повтыкають», то они—«коверзують въ останне», чтобъ хоть какую-нибудь мерзость

устроить кому-нибудь изъ надземныхъ существъ. Да и по Гоголю данный чертенокъ вовсе не имѣлъ цѣлью наслать всевозможныя бѣды на родъ человѣческій, а хотѣлъ лишь отомстить Вакулѣ за личное оскорбленіе. Онъ въ эту ночь сводилъ съ Вакулою свои мелкіе личные счеты, ибо зналъ, что руками Вакулы вмѣсто него на воротахъ церкви будетъ така «кака намалёвана», что каждая баба сплюнетъ и будетъ пугать расплакавшихся дѣтей его мерзкой образиной. Гдѣ же тутъ у Гоголя величественный духъ тьмы, грозный владыка міра и людей? Развѣ пристали къ этому сатанѣ демоническіе тоны и аккорды, которыми яко-бы хотѣлъ Лисенко характеризовать чорта въ сценѣ Пацюка и Вакулы? У Пацюка было что-то демоническое, ибо и вареники ему сами въ ротъ летѣли; но чортъ, жалкій любовникъ Солохи, прячущійся въ мѣшокъ наравнѣ съ представителями трусливаго рода человѣческаго, просящій у Вакулы помилованія, когда тотъ стряхнулъ его, какъ таракана, съ своей шеи и грозилъ перекрестить,—какой же это Демонъ? Его нѣтъ ни на сценѣ, ни въ музыкѣ Лисенка. И прекрасно сдѣлали и либретистъ, и композиторъ, что его не вывели на посмѣшище крещеному міру. Вѣдь если-бы они такъ поступили, то по Гоголю этому «нѣмцу проклятому во фракѣ», вынутому изъ кармана широкихъ штановъ Вакулы, пришлось бы выслушать отъ послѣдняго фразу: «Эй, сатана! веди меня къ запорожцамъ!... выручай!»—да еще получить тумака въ шею или спину.

Въ данномъ пониманіи чорта à allemand г. Сокальскій также не правъ, какъ не правъ былъ и другой одесскій критикъ, жалѣвшій, что на сценѣ чародѣю-Пацюку не летали галушки изъ миски съ сметаною прямо въ ротъ. «Вотъ какъ обезображенъ, говорилъ онъ, грандіозный образъ Гоголевскаго Пацюка!» Этотъ второй критикъ забылъ, что про чародѣйство Пацюка болтали лишь однѣ бабы; но вѣдь эти же самыя бабы утверждали, что Вакула утопился, или повѣсился. Потому совершенно правильно при характеристикѣ Пацюка перемежаются то «поважные», то юмористическіе ходы инструментовъ въ оркестрѣ. Если же Вакула самъ видѣлъ, какъ вареники и галушки сами себя обмакивали въ сметану, то вѣдь это вовсе не чародѣйство при помощи духа тьма,

а одна изъ такихъ Гоголевскихъ гиперболъ, разсчитанныхъ на смѣхъ читателя, какая, напр., заставила владѣльца «Носа» увидѣть свой собственный носъ на одной изъ Петербургскихъ улицъ. Неужто и сцену этой встрѣчи носа съ своимъ владѣльцемъ нужно и можно представить въ оперѣ на сценѣ?.

Чорта нѣтъ на сценѣ въ «Риздвяной ночи»: о немъ только разсказываетъ Вакула въ своемъ «оповиданни»; о немъ нѣтъ и упоминанія ни въ одной музыкальной фразѣ; выслушивая «оповиданя», дивчата и парубкы больше удивляются храбрости Вакулы («не злякався навить чорта!»), чѣмъ пугаются дѣйствій чорта, о которыхъ тотъ повѣствуетъ («Чортъ порвався, мовъ скаженый», «Ото мабудь за хреста винъ такъ тоби оддячывъ!» и т. п.). Но за то какъ въ началѣ и концѣ увертюры Лисенка, такъ и въ теченіе всей оперы вы слышите звуки колядокъ, опредѣляющихъ и мѣсто дѣйствія, и жалкую роль чорта тамъ, гдѣ люди вѣрятъ, что послѣ Рождества онъ долженъ стушеваться и не можетъ повредить Вакулѣ въ его домогательствахъ руки Оксаны. Довольно съ него и того, что, не появляясь на сцену, онъ доставилъ нѣсколько минутъ злости и отчаянія Вакулѣ и неутѣшнаго горя Оксанѣ, а намъ—возможность слышать изображеніе этихъ реальныхъ, а не мистическихъ чувствъ вагнеризма въ истолкованіи ихъ музыкальными средствами, какими располагаетъ творчество Лисенка.

Дѣйствительно, высокое эстетическое наслажденіе можно получать, слушая, какъ подруги утѣшаютъ расплакавшуюся Оксану и какъ она отвѣчаетъ имъ:

«Дивчаточка, голубонькы! Жаль вагы не майе»!

А когда она въ первомъ дѣйствіи разсыпаетъ свое кокетство передъ твердымъ, какъ дубъ, но передъ ея красотою безсильнымъ парубкомъ, когда она жартъ свой доводитъ до требованія черевиковъ съ ножки самой царицы, когда Вакула выливаетъ въ звукахъ всю силу своей любви къ ней или тщетно объясняетъ это заполонившее все существо его всевластное чувство запорожцу, знающему одно только ремесло—рубить поганыхъ турокъ,—развѣ не тѣ же эстетическія наслажденія получаетъ слушатель?

И безъ чорта персонажъ дѣйствующихъ лицъ въ «Риздвяной ночи» довольно многочисленъ. Тутъ, кромѣ двухъ главныхъ героевъ, любовныя мелодіи которыхъ то противоположны по диспозиціи ихъ, то объединяются и ассимилируются въ звукахъ смотря по положенію, въ которомъ находятся герои,—есть еще сколько хотите разнообразныхъ типовъ: и Чубъ, и Голова, и Одарка, и Солоха, и Императрица, охарактеризованная легкими изящными пассажами арфы въ живой картинѣ и въ «оповиданни» Вакулы, и бабы, перебивающія одна другую, разнося свои сплетни, и Пацюкъ, вспоминающій свои запорожскіе дни, и дьякъ съ своими характерными напѣвами, и, наконецъ, хоръ парубковъ и дивчатъ съ Грицькомъ и другими корифеями. Каждому удѣлено вниманіе художника, каждый очерченъ тѣми музыкальными штрихами, какіе присвоить можно только ему одному. У каждаго съ измѣненіемъ внѣшняго его положенія на сценѣ и внутренняго настроенія, мѣняются напѣвы при сохраненіи окраски его индивидуальности. Тотъ же Вакула, оставаясь собою, выражаетъ то непреклонность и настойчивость, то растерянность и сомнѣніе, то мольбу или мечтательныя восхваленія предмета своей страсти; та же Оксана, вѣрная своему характеру и темпераменту, какъ очертилъ ихъ Гоголь, проявляетъ въ музыкальныхъ формахъ то игривость и кокетливый задоръ передъ кучею парубковъ, то сомнѣніе и раздумье, то отчаяніе и горе. Влюбилась она, по Гоголю, въ послѣдующую ночь послѣ заигрыванія съ Вакулою и проявленія кокетства, въ чемъ пришлось ей такъ горько каяться; Вакула же и до перваго выхода своего на сцену уже не зналъ, куда дѣться отъ любви къ ней. И это—до такой степени правдиво, реально и ясно представлено въ музыкѣ «Риздвяной ночи», что послѣднюю никакъ нельзя считать, какъ казалось г. Сокальскому, искусственнымъ соединеніемъ отдѣльныхъ арій, пѣсенъ, балладъ, написанныхъ на другія темы, а затѣмъ насильно втиснутыхъ въ рамки даннаго либретто.

Нѣтъ, это—не арабески, не эклектическое соединеніе разныхъ «opus'овъ», составившихъ потомъ одну «оперу», что имѣло бы мѣсто когда-то при возникновеніи оперы, какъ особаго вида му-

зыкальныхъ произведеній, а продуманное отъ начала до конца одно художественное произведеніе, написанное на тему, разработанную великимъ художникомъ въ области образовъ, выражаемыхъ словеснымъ творчествомъ. Артисты, разучивавшіе роли «Риздвяной ночи», даже второстепенныя (напр., дьяка, Шпортуныхи, или бабы Ткачихи), говорили пишущему эти строки, что чѣмъ больше они вникали въ сущность своей партіи, тѣмъ болѣе изумлялись соотвѣтствію до мельчайшихъ подробностей избранныхъ звуковыраженій характеру той роли, какой эти звуковыраженія даны, при чемъ каждое лицо оставалось вѣрно своему національному малорусскому происхожденію. При такихъ особенностяхъ «Риздвяна ничь» является оперою, вполнѣ талантливо написанною согласно тѣмъ требованіямъ, какія существуютъ въ настоящее время.

Намъ случалось слышать еще и такіе отзывы не въ пользу «Риздвяной ночи». Говорятъ, что она болѣе сильное впечатлѣніе производитъ при выполненіи ея нумеровъ самимъ авторомъ на фортепьяно, тогда какъ много теряетъ на сценѣ при оркестровой обстановкѣ; что она слишкомъ простонародна и музыкальные штрихи въ ней очень рѣзки и грубы. На послѣднее замѣчаніе можно отвѣтить поговоркою: «хто любыть грыбкы, а хто печерычкы»! Одному нравится стиль доведенныхъ до декадентства, вылощенныхъ и затемненныхъ съ намѣреніемъ выраженій раздушенныхъ гостинныхъ, другому—хотя и рѣзкія, но правдивыя и искреннія выраженія чувствъ и мыслей, въ самой непосредственной формѣ. Но не могъ же композиторъ влагать въ уста Вакулы и Оксаны несвойственныхъ имъ формъ музыкальнаго выраженія, отъ которыхъ разливается такое амбре, о какомъ мечтала m-me Сквозникъ-Дмухановская въ своей будущей петербургской квартирѣ. Онъ сдѣлалъ бы въ такомъ случаѣ крупную ошибку, какая допустима была только въ періодъ псевдо-классическихъ композицій. Находившіеся подъ вліяніемъ отшедшихъ въ вѣчность понятій обладатели гостинныхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія называли музыку «Жизни за Царя»—une musique de cochers за такую же грубость и неотесанность ея мужицкихъ му-

зыкальныхъ выраженій; но это не умалило нисколько художественныхъ достоинствъ непревзойденной еще никѣмъ изъ позднѣйшихъ композиторовъ великорусской національной оперы.

Относительно перваго замѣчанія можемъ сказать, что оно имѣетъ за себя много основаній. Дѣйствительно, доля музыканта-композитора—не та, какою судьба надѣлила скульпторовъ и живописцевъ: эти показываютъ публикѣ то, что непосредственно вышло изъ-подъ ихъ рукъ. Со временемъ, можетъ быть, дикари какіе-нибудь пооббиваютъ ноги, пальцы, руки у статуи; на полотнѣ выцвѣтутъ плохо составленныя краски; но то, что останется въ сохранности на долгіе годы, сохранитъ навсегда форму, какую далъ самъ художникъ, и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нашелъ нужнымъ исполнить свое произведеніе. Для творца же музыкальныхъ произведеній авторъ не совпадаетъ съ исполнителемъ. Есть исполнители и исполнители! Для иного не нужно писать въ партитурѣ: piano, forte, crescendo, ritenuto, ritardando, dolce, audace и т. п., ибо онъ исполнитъ и безъ этихъ обозначеній то, что желалъ выразить авторъ. Но бываютъ и такіе исполнители, для которыхъ что ни пиши въ ремаркахъ, они сумѣютъ обезсмыслить и обезобразить то, что для композитора представлялось совершенно яснымъ. За примѣрами ходить недалеко. Думы, записанныя съ голоса Вересая Н. В. Лисенкомъ, исполнялись этимъ послѣднимъ кобзаремъ Украины такъ вдохновенно и проникновенно, что выжимали слезы и у ученыхъ академиковъ, и у первоклассныхъ артистовъ. Намъ не забыть, какъ знаменитая артистка Императорскихъ театровъ, пѣвшая въ одномъ концертѣ съ Вересаемъ и мало понимавшая текстъ малорусскихъ думъ, сидя за сценою и слѣдя по либретто за выполняемою на сценѣ думою «про трёхъ бративъ», встала, обратилась вся въ слухъ и, съ напряженнымъ волненіемъ дослушавши думу до конца, воскликнула со слезами на глазахъ:

— Что если бы я обладала тою силою экспрессіи, съ какою поетъ этотъ старикъ!..

Но и старику пришлось затѣмъ позавидовать, когда его увели за кулисы, а въ концертной залѣ стали разливаться чару-

ющіе звуки богатѣйшаго contralto. Онъ тоже расплакался и воскликнулъ:

«Чого бъ то я не зробывъ, якъ бы мени такый голосъ, якъ у ціеи барыни!»

У нынѣ оставшихся кобзарей, сколькихъ намъ ни случалось слышать, нѣтъ ни той характерности выполненія, ни той силы и вдохновенія; средствъ ихъ вокальной выразительности хватаетъ на выполненіе псальмъ и сатирическихъ пѣсенъ, но они безсильны для передачи общаго настроенія козацкихъ думъ и даже правильной характеристики ихъ мелодій, какъ этнографическаго матеріала. Насколько они искажаютъ текстъ безсмысленною замѣною однихъ словъ другими, настолько же и мелодіи ихъ думъ измѣнены, обезличены и лишены того общаго колорита, какой проникалъ музыкальное содержаніе образцовъ, сохраненныхъ Вересаемъ. Хорошо еще, что они могутъ по напечатаннымъ Лисенкомъ нотамъ до извѣстной степени возвратиться къ правильной интонаціи записанныхъ думъ и соотвѣтствующему строю бандуры для акомпанированія имъ; при выполненіи ими думъ, впечатлѣніе на слушателя производитъ только словесная половина этихъ произведеній творчества давнопрошедшаго, а не звуковыя формы вокальной части ихъ. То же самое бываетъ и при исполненіи арій, дуэтовъ, и цѣлыхъ сценъ: подъ руками самого композитора и одни абстрактные звуки фортепьяна могутъ больше и лучше сказать, чѣмъ неумѣлое исполненіе тѣхъ же нумеровъ цѣлымъ оркестромъ, хоромъ и солистами. Но это не значитъ, что художественные образы, созданные композиторомъ, мало выразительны.

И въ этомъ отношеніи судьба не благопріятствовала произведеніямъ Лисенка. Они по существу написаны для малорусскаго народа; но наша народная школа не даетъ еще и полной грамотности, ибо курсъ ея заканчивается первою частью ариѳметики («до дробей»); о возможности же слушать концерты съ сопровожденіемъ фортепьяна или даже на самомъ фортепіано тѣмъ, кто воспринялъ бы звуки своей національной музыки въ интерпретаціи Лисенка, едва ли можно мечтать при степени развитія, доставляемой начальною школою. Меломаны же изъ высшихъ классовъ

малорусскаго общества привыкли относиться къ родному и національному свысока и не считаютъ нужнымъ знакомиться съ тѣмъ, что творилъ и творитъ Лисенко. Когда онъ пріѣхалъ въ одинъ изъ большихъ городовъ Украины и тутъ появилась афиша съ его именемъ, насъ спрашивали: «Это не скрипачъ ли?» Даже люди по обязанности своей профессіи не хотятъ знать Лисенка, и въ музыкальныхъ магазинахъ, когда вы спросите его сочиненія, въ свою очередь спрашиваютъ: «котораго Лисенка сочиненія угодно вамъ: М. Лисенка, или N. Lissenko?» Они различаютъ только начертанія буквъ на оберткѣ и, не будучи знакомы съ содержаніемъ нотъ подъ разными обложками, полагаютъ, что есть два композитора Лисенка—М. и Н. Индиферентное отношеніе къ тому, что творитъ и печатаетъ Лисенко, редакціи органа, слѣдящаго за развитіемъ музыкальной литературы—«Русской музыкальной газеты», видно изъ того, что до 1900 года ей были извѣстны только три оперы Лисенка: «Наталка-Полтавка», «Чорноморци» и «Коза дереза»; расточая похвалы композитору за его проникновеніе въ духъ народнаго творчества, газета эта утверждаетъ, что «только увертюра и антракты нѣсколько приближаютъ эти труды Н. В. къ нашему представленію объ оперѣ» [1]); объ остальныхъ пяти операхъ газета не упоминаетъ и, какъ видно изъ общаго контекста статьи, и вовсе ихъ не знаетъ.

При такомъ отношеніи спеціалистовъ-критиковъ къ творчеству Лисенка, можетъ закрасться сомнѣніе: прочна ли та слава его, какъ спеціальнаго малорусскаго композитора, какую критики, знакомые лишь съ частью его произведеній, единогласно признаютъ за нимъ? будетъ ли онъ пользоваться вниманіемъ небольшого круга любителей музыки какой-нибудь десятокъ лѣтъ, чтобы потомъ быть забытымъ, или, наоборотъ, произведенія его пріобрѣтутъ большую извѣстность и распространеніе, чѣмъ теперь имѣютъ, и останутся нерукотворнымъ памятникомъ для всѣхъ будущихъ поколѣній малорусскаго народа?

---

[1]) «Русская музыкальная газета», 1900 г., № 12, стр. 333.

Отвѣчать на эти вопросы можно исходя изъ сущности и достоинства самихъ сочиненій Лисенка; но при этомъ можно припомнить и судьбу произведеній другихъ художниковъ слова и звуковъ. Случается, что извѣстное произведеніе, отвѣчая минутной злобѣ дня, получаетъ сильное распространеніе немедленно по выходѣ его въ свѣтъ; имъ интересуются всѣ, всѣ спѣшатъ съ нимъ познакомиться; но черезъ нѣсколько лѣтъ вниманіе къ нему вытѣсняютъ другія новинки, а при новомъ изданіи оно уже залеживается въ складахъ и не имѣетъ сбыта. Другія произведенія испытываютъ противоположную судьбу: ближайшіе современники почти не замѣчаютъ ихъ появленія, или относятся какъ къ чему то незаслуживающему особаго вниманія, а проходитъ лѣтъ 10—20, и является другое отношеніе и другая оцѣнка, болѣе основательная, съ признаніемъ за произведеніями выдающихся достоинствъ. Выше приводили мы сѣтованія Шевченка на холодное равнодушіе къ его первому «Кобзарю». Дѣйствительно, только лишь черезъ 18 лѣтъ, когда по выраженію Некрасова, «прорвало съ пятьсятъ этакъ съ пятаго» года прошлаго столѣтія болѣе вольнымъ духомъ въ литературѣ, а Шевченко возвратился въ С.-Петербургъ, начинается большее распространеніе его сочиненій. Подобнаго же рода судьба, какъ и «Кобзаря» Шевченка, выпала на долю оперы Глинки «Русланъ и Людмила», которая стала появляться на сценахъ лишь съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Оперы Лисенка, сданныя въ архивъ антрепренерами южнорусскихъ оперныхъ труппъ, не могутъ залежаться тамъ очень долго, такъ какъ въ нихъ есть достаточно богатаго мелодическаго матеріала и имъ воспользуются артисты и артистки, у которыхъ не заглохло чувство любви къ родному. То же можно сказать и относительно соло, дуэтовъ и другихъ произведеній камеральной и концертной музыки Лисенка, въ которыхъ слышится тотъ же общій колоритъ національной малорусской музыки. Нельзя ничѣмъ опровергнуть того восторженнаго отзыва о напѣвахъ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, какой сдѣлалъ когда то Гоголь. Если же въ Лисенковскихъ композиціяхъ для одного голоса, какъ то всѣ признаютъ, сохранены основныя черты малорусской

народной музыки, при чемъ данному содержанію придана то граціозная веселость, то нѣжная задушевность, то глубокое чувство тоски и грусти,—то недалеко то время, когда артистки и артисты для упражненія въ осмысленной экспрессіи будутъ брать, напр., «Плачъ Ярославны» или «Катерыну» Лисенка и черпать изъ нихъ указанія своеобразной отдѣлки при выполненіи какъ этихъ, такъ и другихъ вокальныхъ піесъ. Въ смыслѣ поднятія и регулированія вкуса у исполнителей въ направленіи реально-эстетическомъ, желательно, чтобы скорѣе настало то время, когда учителя пѣнія возьмутся за серьезное изученіе Лисенковскихъ мелодій и будутъ давать ихъ учащимся для развитія въ себѣ изящныхъ техническихъ пріемовъ при выраженіи того или другого душевнаго движенія въ звукахъ.

Высказывая такое пожеланіе, мы вовсе не имѣемъ въ виду во что бы то ни стало закончить нашу замѣтку панегирикомъ композитору, хотя произведенія его нравятся только извѣстной категоріи или даже кастѣ меломановъ. Нами руководитъ лишь простое желаніе сохранить послѣдовательность во всѣхъ силлогизмахъ. Если малорусская народная музыка обладаетъ средствами для выраженія тончайшихъ оттѣнковъ и простыхъ, заурядныхъ, и возвышеннѣйшихъ чувствъ, то уже труды, потраченные на ея изученіе, составляютъ большую заслугу. Если же талантливый артистъ, посвятившій себя изученію этихъ средствъ въ области своего искусства, не остался только подневольнымъ рабомъ ихъ, а сумѣлъ силою своего генія разобраться въ нихъ и примѣнить ихъ специфическія особенности согласно съ особенностями своего индивидуальнаго таланта, то ему можетъ принадлежать честь толкователя для всѣхъ другихъ народовъ національныхъ мыслей и чувствъ своего народа. Едва ли есть преувеличеніе въ томъ, что мы сказали выше о способности Лисенка въ музыкальныхъ произведеніяхъ раскрыть душу своего народа съ характеристикою ея не только въ данный моментъ, но и въ разные періоды времени. А въ такомъ случаѣ не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что выраженіе «народъ Шевченка и Лисенка»—будетъ столь же точно и опредѣленно, какъ, напр., и выраженіе—«на-

родъ Данте», или «народъ Гете и Шиллера». Собирателю же, хранителю и выразителю чувствъ и думъ цѣлаго народа несомнѣнно принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи этого народа. И такое видное мѣсто Н. В. Лисенко занялъ уже съ честью на страницахъ исторіи малорусскаго народа.

А. Русовъ.

Средняя Лубенщина.

(Окончаніе [1]).

Западнѣе Хорошковъ, на лѣвомъ берегу Слѣпорода расположены Черевки у оврага, по почтовой дорогѣ изъ Лубенъ на Золотоношу и Переяславъ. Они мало напоминаютъ малорусское село. Убогія хаты разбросаны на голыхъ горбахъ. Не видно ни садовъ, ни рощъ, даже отдѣльныя деревья рѣдки. Также обнажена и главная улица вдоль почтовой дороги; въ концѣ села у Слѣпорода постройки еще бѣднѣе. Вдоль праваго берега тѣнистой рѣчки потянулись луга и лѣсъ. По предположенію А. М. Лазаревскаго [2]), Черевки—козачій выселокъ изъ Хорошковъ, а мѣстныя преданія указываютъ на нѣкоего козака Череваня, Черевка или Череватого, какъ на основателя села. О немъ, однако, ничего неизвѣстно. Древнѣйшимъ родомъ признаются Сабадаши или Хоружи,—«воны стари хазяины» [3]). Они живутъ надъ провальемъ на Муховцѣ,

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 11.

2) Истор. очер. Полт. Луб., 99.

3) Часть ихъ образовала въ степи хуторъ въ 50 дворовъ. Урочища кругомъ села: Байстрюки, Бридъ, Бушывчыха, Казаны, Лейбиха, Переволочня и Тарануха.

вблизи Слѣпорода. Затѣмъ слѣдуютъ куты: Шульгивка—жилье Шульгъ, Подилъ—Деркачивъ, Дикихъ, Евченковъ, хорошковскихъ переселенцевъ, Киверей и Козловъ, Грозивка—Кирилленковъ и Мачехъ. Послѣдніе сохранили слѣдующее воспоминаніе: «Була колысь гетьманщына, лукамы стрилялы. Мій батько ходывъ у Йиськивци учыться воювать. Батько було розсказують, шо одъ десяты дворивъ справлялы козака зъ конемъ и зброею. Предкы ще двохъ чужыхъ бралы на свою фамилію». Посреди села на пригоркѣ помѣщается довольно обширная Воскресенская церковь, обновленная въ 1844 году. Старая церковь 1759 г., по воспоминанію церковной лѣтописи, была въ формѣ корабля и составлялась какъ бы изъ трехъ отдѣльныхъ церквей; какъ церковь, такъ и алтарь были граненые, своды стрѣльчатые. При поправкѣ церкви найдена была замѣтка 1844 г. объ обновленіи храма при настоятелѣ А. Верховскомъ, старостахъ: Мачухѣ и Евченкѣ съ участіемъ прихожанъ: Мавольскаго, Березняка, Оробьевскаго и козаковъ Шульгъ [1]). Среди образовъ выдѣляются: сооруженная Кондратомъ Евченкомъ икона св. Варвары великомученицы, наступившей на мечъ, въ тяжелой серебряной шатѣ, и—Маріи Магдалины, изображенной свѣтлой блондинкой съ голубоватыми глазами, въ спущенной съ плечъ рубашкѣ, напоминающей нѣсколько извѣстную картину Бетони. У изображеній Пресвятой Дѣвы виднѣются шитые рушники и бѣлые восковые цвѣты, согласно поэтическому обыкновенію, жертвуемые невѣстами [2]). Населеніе, достигавшее въ половинѣ XVIII в. 500 душъ, въ настоящее время учетверилось; оно исключительно козацкое. Тѣмъ не менѣе экономическое положеніе его нельзя признать удовлетворительнымъ; правда, есть нѣсколько семей, владѣющихъ 30-ю дес. каждая, да нѣсколько 5—10-ю, но большинство «такыхъ, що нема и упруга». Кромѣ

---

[1]) Старѣйшій мѣстный священникъ подписывался: попъ Ѳеодоръ Одинецъ.

[2]) Между книгами встрѣчается цвѣтная Тріодь съ «предмовой», обращенной къ черниговскому и всего сѣвера архіепископу Лазарю Барановичу «кіевской митрополіи администраторовѣ».

беззмелья, причиной бѣдности мѣстные жители считаютъ еще: пьянство, лѣнь и щегольство молодежи. Населеніе вообще довольно красивое, выше средняго роста, а въ фамиліяхъ: Деркачей, Сабадашей [1]) и Шульгъ—высокаго, производитъ однако невыгодное впечатлѣніе. Среди заплатанныхъ одеждъ стариковъ, иногда почти рубищъ, мелькаютъ: картузы, пиджаки, узкія панталоны молодежи. Женскіе очипки низкіе часто замѣнены такъ называемой повязкой, похожей на капоръ или сборникъ, открывающій много волосъ спереди и сзади. Невѣсты прикалываютъ бѣлые цвѣты къ волосамъ. И женщины, и дѣвицы «запынаются» платками. У щеголихъ грудь литнячокъ, длинныхъ и съ зубчиками на рукавахъ, красиво расшита черными или цвѣтными нитками. Корсеты хорошенькіе, «до складокъ», съ пуговками сзади; больше кофтъ. Зачастую увидишь дивчыну въ кофтѣ, длинномъ платьѣ и шиньонѣ [2]).

За Черевками, въ сторонѣ отъ проѣзжей дороги, надъ долиной Слѣпорода, на крутизнѣ помѣстился хуторъ Мавольщина, крайне бѣдный, оборванный. Основанъ онъ былъ черевковскимъ козакомъ Ереміемъ Москаленкомъ, выслужившимся въ дворянство, а сынъ его, Тимофей, прозваніемъ Лецикъ, былъ уже майоромъ. О немъ сохранилась добрая память: «Лецикъ жаливъ людей. Було дитей насклыка, медомъ накормыть, каже: «Се мои погоныччи, орачи, пастухы». Вдова Лецика вышла замужъ за ремонтера, подполковника Мавольскаго, «лытвына» изъ Черниговской губ. Мавольскій отличался чудачествомъ: «Прыйде було молодыця воливъ напувать; якъ не затанцюе передъ нымъ, то не дасть и напоить. Въ Черевкахъ жывъ панокъ Горобець и Мавольскій ёго прыгласыть: пьють соби, и веде ёго Мавольскій у комору, перекыда у засикъ; а разъ посáдылы пьяного Горобця, и два чоло-

---

[1]) Мѣстные Сабадаши ростомъ и болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ похожи на Литвяковскихъ однофамильцевъ (Снѣт. Стар. 11, 20, 23), хотя родства между ними нѣтъ.

[2]) См. мое «Житье бытье лубенск. крест. Одежда». Въ Кіев. Стар. 1902 г., X, 67, 68, 71.

вика ведуть. Мавольскій бувъ чмуть [1]), любывъ насмихаться. Лецыкъ жаливъ людей, а Мавольскій, якъ посердытся, такъ такъ пожаліе—абы вставъ». Крестьяне (40 дворовъ, 256 душъ) «пидхожи». «Тоди, якъ выйшовъ у друге село, тамъ ёго и не шукають» [2]). Фамиліи ихъ: Верескуны, Голубенки, переименованные въ Пелыпенкивъ, Деревянки—черевковскіе, Крайсвитни—хорошковскіе, Лисаненки—изъ «Гадячого», Савченки, Сластены и Толошни. Кромѣ шутовства Мавольскій былъ еще и неустаннымъ хозяиномъ. Хозяйство было значительно: два пруда и остатки плотины съ отвѣсной почти стѣной существуютъ и теперь. По словамъ крестьянъ: «паны загатылы и одвернулы Слипородъ къ Черевкамъ». Было шесть экономическихъ и шесть крестьянскихъ плуговъ. «Винъ кохався у волахъ, хлибопаха велыкый». Воловъ было 37 паръ, 12 возовъ посылалъ за солью. Въ табунѣ ходило 25 матокъ, больше рыжихъ, при двухъ жеребцахъ: рыжемъ и буланомъ. Было 200 штукъ баранты; коровъ же и гулевого скота немного. На панскихъ земляхъ выпасывались и 15 крестьянскихъ коровъ.

Далѣе по Слѣпороду расположены ближайшіе хутора лазорской волости Пріймины, состоящіе изъ трехъ отдѣльныхъ сливающихся хуторовъ: Андрущины, Гомеливщины и Пріймовщины. Они выстроены по плану возлѣ двухъ просторныхъ квадратныхъ выгоновъ съ мельницами. Андрущина принадлежала прежде Андрусскимъ, сначала Владиміру, потомъ его сыну Николаю, котораго сестра Варвара вышла замужъ за Павла Прійму; затѣмъ родъ Андрусскихъ прекратился въ уѣздѣ, а хуторъ перешелъ Пріймамъ. Крестьяне (239 душъ) носятъ фамиліи: Бганы, Калениченки, за высокій ростъ прозванные Дрохвами, Клемки, по уличному чудаки, потому что дѣдъ ихъ былъ «чудный» (оригиналъ), Клёменки, Чуприны, Шевченки. Хозяйство въ хуторѣ было довольно значительно: винокурня, 5 плуговъ экономическихъ и 1 людской. Часть Пріймовщины, прилегающей къ Андрущинѣ, на-

[1]) Вѣроятно шутливъ, шутъ.

[2]) Воспоминаніе о вольномъ переходѣ.

зывается Гомеливщиной отъ уличнаго прозванія бывшаго владѣльца И. Ф. Пріймы-Гомела [1]). Здѣсь живутъ: Бараненки, Гарбузы, Мартенки и Шаповалы. Людямъ у него жилось недурно, нерѣдко онъ и распивалъ съ ними. Главнымъ его занятіемъ была пасика, съ зимы выходило 100 иней. Въ Пріймовщинѣ живетъ старинная фамилія Пріймъ. «Воны крипосни паны»—говорятъ крестьяне, соединяя съ этимъ словомъ понятіе: потомственные, владѣвшіе крестьянами. Основаніе извѣстности рода положено Семеномъ Пріймой, весьма послѣдовательно двигавшимся по службѣ. «Въ 1724 г.,—читаемъ въ дневникѣ генеральнаго подскарбія Я. Марковича,—сотники дали вотумъ быть Пріймѣ Семену атаманомъ въ Лубнахъ». Судя по приказу Маркевича: «Казалемъ атаманови Пріймѣ о сливахъ старатись [2]), видно, что, последній вскорѣ послѣ вотума вступилъ въ должность. Въ 1740 г. встрѣчаемъ его сотникомъ первой лубенской сотни, въ 1744 г. лубенскимъ обознымъ, а съ 1749—1750 г. эсауломъ [3]). Жителей въ Пріймовщинѣ съ Гомеливщиной 233; они называются: Демченки (Джухили), Зузули, Иваньки, Нестеренки и Пономаренки (Чохлы). Особеннаго развитія достигло хозяйство при Павлѣ Пріймѣ. У него была винокурня, три шинка, топчакъ (земляный млынъ), на которомъ мололи волами и лошадьми, пять экономическихъ плуговъ, стадо коровъ при двухъ быкахъ мѣстной сѣрой породы, до 1000 шпанокъ и табунъ въ 15 матокъ при двухъ жеребцахъ: «Кони булы сыво-зализни, яблукови, просто якъ вырисувани. Кони, покы не запобигъ манифестъ, ходылы по козацькымъ землямъ и козацьки заходылы ажъ у двиръ».

За Пріймовщиной съ холма, занятаго обширной усадьбой Ѳ. И. Дейкуна, бывшаго предсѣдателя лубенской земской управы,

---

[1]) Другая вѣтвь Пріймъноcитъ названіе Индутныхъ, можетъ быть отъ слова индукта.

[2]) Въ Кіев. Стар. 1801 г., VIII, 67, 69, и XII, 142.

[3]) А. Лазаревскій. Историческ. очер. 76, 83, 84, 90. Памятная книжка, 1888 г., 37. У Пріймъ свой домъ въ Лубнахъ. Въ 1764 г. Андрей Прійма былъ сотеннымъ писаремъ Миргородскаго полка (А. Грановскій. Полт. епар., 385).

и крестьянскими хатами [1]), открывается видъ на долину Слѣпорода, перерѣзанную длинной греблей, съ рядами вербъ, кустами лозы и очерета, и на село Воронинцы, расположенное на невысокихъ берегахъ рѣки. По мѣстнымъ преданіямъ село основано Вороною, одновременно съ двумя другими осадчими: Черевкомъ, оселившимъ Черевки, и Лазаремъ, основателемъ Лазирокъ. При основаніи Ворона успѣлъ оббѣжать верхомъ и занять землю со стороны Черевокъ, а повернувшись увидѣлъ Лазаря, объѣзжавшаго отъ Лазорокъ, почему воронинская дача пошла къ Черевкамъ. Это темное народное преданіе подтверждается предположеніемъ покойнаго А. М. Лазаревскаго [2]) объ основаніи на Слѣпородѣ въ «княжинѣ», т. е. въ имѣніяхъ Вишневецкихъ, въ первой половинѣ XVII в. поселка полякомъ Вороной, бѣжавшимъ потомъ во время возстанія Хмельницкаго въ королевскій городъ Яблоновъ. Вѣроятно дочь его Христина Вороновна продала поселокъ мгарскому монастырю. Начало села предполагается у плотины, у которой издавна былъ колодязь. Здѣсь живутъ козаки: Васильченки, Гришки, Колесники, Кононовскіе, Макаренки, Слипченки, Шовкоплясы, и казенные крестьяне: Брыли, Бондаренки, Деревянки, Дроныкы, Мотричи, Стрильченки, Холодняки и Федоренки. Казенные крестьяне имѣютъ и свой кутокъ—Казенщину, жилье: Лысенковъ, Прыймаченкивъ, Якуней и др. Сличивъ эти фамиліи съ фамиліями жителей древнихъ владѣній мгарскаго монастыря: Мгаремъ, Васильшанкой, Лукой и др., видно, что Воронинцы не были колонизованы изъ тѣхъ владѣній. Мѣстныя преданія указываютъ, что часть крестьянъ переведена изъ слѣпородскаго монастыря, двѣ семьи изъ выкрестовъ и одна изъ «мандровавшихъ» Пріиминскихъ крестьянъ. Въ другихъ частяхъ села

---

[1]) Михновскихъ переселенцевъ: Гирмана, Гребыша, Драгана и Шолудывого.

[2]) Истор. Очер. 99.—Петръ Ворона былъ въ 1660 г. судьей, въ 1672 г. Яблоновскимъ сотникомъ; онъ же присутствовалъ при избраніи Самойловича (Ib. 75. Лѣт. Велич. II, 317. Максимовичъ. Соб. соч. 1.

—Загребельи и Новоселовкѣ или Причипиловкѣ—живуть вѣтви перечисленныхъ родовъ и Клюшниченки, а прежде «Собкы якись жылы, поносылы ихъ». Кромѣ того въ Воронинцахъ живетъ еще нѣсколько крестьянъ бывшаго священника Аронскаго [1]). Мѣстная церковь въ честь Рождества пр. Богородицы основана въ 1725 г., а въ 1765 г. перестроена «коштомъ и стараніемъ священника Т. В. Костырки и козака сѣчи Запорожской Кондрата Горкуши». Отдѣльная колокольня появилась только съ 1796 г. Только въ 1808 г. церковь покрыта желѣзомъ, подъ нее подложенъ фундаментъ и постланъ полъ, а также устроены притворы [2]). Священники были только двухъ фамилій: Костырокъ съ 1725—1740 и Аронскихъ съ 1740—1898 г. Воронинцы средней величины село. Въ концѣ XVIII в. въ приходѣ числилось 1200 душъ, въ сороковыхъ годахъ XIX в. болѣе 1500, въ семидесятыхъ—около 1900 и теперь—2800. Занятіе жителей теперь земледѣліе, а прежде и небольшое чумачество, бывали валки въ 20—25 вознвъ. Населеніе средняго роста, хорошо сложено, темнорусое, черты лица довольно тонкія. Моды слѣпородскія: у мужчинъ ровныя шапки, пояса, выбойчатыя штаны; у женщинъ средней величины головныя повязки, корсетки мережани только у дѣвицъ.

Ближайшій къ западу отъ Воронинецъ хуторокъ называется Максимовкой, прежде Ларіоновщиной по имени основателя Иларіона, по фамиліи неизвѣстнаго. Онъ былъ добрый, и люди работали себѣ два дня, а ему третій, но однажды у добраго пана соскочила челюсть и никто не могъ помочь, только Калайдинскій житель Курило-Сементовскій «допонявъ дило» и ловкимъ ударомъ поставилъ челюсть на мѣсто. За этотъ ударъ получилъ онъ и хуторокъ въ подарокъ, который переименовалъ въ Максимовку; а

---

[1]) Отдѣльно живетъ семья козака Игнатенка въ х. Колошинѣ. Вокругъ села могилы: Засувайлова и двѣ Цюрлови. «Тамъ впадына, таке, якъ лёхъ бувъ». Также: Величкина, Лыськови и Негодына; степь Гончаривщына, ярки: Садки, Загонъ, Мочаря и прудъ Язивець.

[2]) Грановскій. Полт. епарх., 385.

когда выдалъ дочь свою за Лацыну, то хуторокъ превратился въ Лацынщину. При Лацынѣ жить людямъ стало хуже, всѣ стали пѣшими, «не було ни одного часу дома робыть». Лацына не садился и за обѣдъ, не наказавъ предварительно кого-нибудь. Часть Максимовки, принадлежавшая генералу Остроградскому, находилась въ другомъ положеніи, въ ней люди отбывали тридневу, а женщины ничего не отпрядали въ зиму. Генералъ сначала подарилъ крестьянамъ надѣлъ, а затѣмъ продалъ имъ и остальную землю. Всѣхъ жителей Максимовки, со включеніемъ владѣнія Велички и хуторка Сердюковки, 229, носящихъ фамиліи: Бондаренки, изъ которыхъ приказчикъ Сементовскаго Ярема полновластно распоряжался хуторомъ, Будники, Дядовскіе, Литвиненки, Маловѣчки, Турліи, Фуркайлы и Якимки. Послѣдніе родомъ изъ черниговской губ., а часть предыдущихъ изъ с. Калайдинецъ.

Слѣдующій хуторъ Довжокъ раскинутъ также на правомъ берегу Слѣпорода. О старомъ панѣ, имени котораго крестьяне не называютъ точно, сохранились добрыя воспоминанія: «Винъ бувъ панъ хорошый, жывъ у Москви. Люде тоди жылы, якъ вильни, на оброци и платылы панови дань». По болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ Довжокъ входилъ въ обширныя владѣнія фамиліи Боярскихъ и принадлежалъ секундъ-майору Н. И. Боярскому. У него купила хуторъ вдова Шульжевская, при которой люди были на общемъ положеніи панщины. Исполняли тридневу. Въ хуторѣ было два плуга: панскій и крестьянскій. Производя запашку своимъ плугомъ, крестьяне кормились дома, такъ какъ экономія харчей не давала. Дочь Шульжевской вышла за чиновника приказа общественнаго призрѣнія Еременка, и, можетъ быть, ему возили оброкъ крестьяне. Фамиліи послѣднихъ: Гагары, Нестреляи, Педорки, по уличному Жалуны, Хавери, изъ черниговской губ. и др.

Вслѣдъ за этими хуторами съ нагорнаго праваго берега Слѣпорода за широкой рѣчной долиной, заросшей камышемъ и греблей, виднѣется небольшое село Лазирки, окаймленное съ трехъ сторонъ мелкой рѣчкой, а съ четвертой—примыкающее къ степи. Лазирки состоятъ изъ ряда тѣсно застроенныхъ хатъ и

дворовъ, лишенныхъ всякой растительности, какъ въ Черевкахъ. Дерево здѣсь плохо растетъ и скоро пропадаетъ. Село раздѣлено посрединѣ большой дорогой изъ Полтавы на Переяславъ и Кіевъ. Влѣво отъ дороги, на югъ, расположены Перервинцы, въ которыхъ живутъ: Бондаренки, Шостаки, Нестреляи, прозванные Лисицами [1]), и часть знатнѣйшей мѣстной козачьей фамиліи Николаенковъ, изъ которыхъ М. Д. Николаенко былъ послѣднимъ черевковскимъ волостнымъ головой, двадцатипятилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, потомъ членомъ и предсѣдателемъ лубенской земской управы. У плотины живутъ Гребляне, бывшіе крестьяне Голенковскихъ и Маслова. Вправо отъ дороги, къ сѣверу, расположена Николаевщина, занятая, кромѣ основного рода Николаенковъ, еще дворянами Иваненками и крестьянами: Нестреляями, Тищенками, Шаповалами, Шовкоплясами и Яровыми. Различныя версіи о происхожденіи села соединены съ именемъ Лазаря. «Лазарь завивъ Лазиркы, Рудь—Рудку, а Ворона—Воронынци». «Сюды на Слипоридъ зайихавъ якыйсь Лазарь, поселывсь на Николаевщыни, бо тамъ и грунты звалысь Лазаривщына». «Лазирки осажены Лазоремъ, изъ йимъ прыйшлы тры симьи изъ Повстына» [2]). Затѣмъ, по ревизіи 1764 г., они значились въ Яблоновской сотнѣ, при учрежденіи уѣздовъ отнесены къ пирятинскому уѣзду и перечислены въ лубенскій только съ 1806 г. [3]) Да и теперь село ничѣмъ не напоминаетъ Лубенщину и экономически тяготѣетъ къ Пирятину. На Николаевкѣ стоитъ церковь св. Николая, узкая, высокая, старинняго образца, съ крутыми крышами предѣловъ, построенная на новомъ мѣстѣ; старая же была во дворѣ помѣщика Боярскаго, на что указываетъ каменный памятникъ. Время основанія первой церкви неизвѣстно, но что она существовала уже въ началѣ XVIII в., видно по чашѣ, пожертвованной въ

---

[1]) За то, что часть ихъ, выселившись въ поле, живетъ въ вы-балкѣ, какъ въ лисьей норѣ.

[2]) Лѣтописный Полкостѣнъ. (Ляскоронскій. Переясл. земля. 179), пирятинскаго уѣзда.

[3]) А. Грановскій. Полт. епар. 384.

1705 г. писаремъ М. Троцкимъ. Имъ же въ званіи бунчуковаго товарища «надано» въ церковь евангеліе. Самая же церковь перестроена въ 1782 г. помѣщикомъ И. М. Боярскимъ [1]). Такимъ образомъ къ устроенію церкви приложили стараніе обѣ мѣстныя древнія фамиліи. Троцкіе, какъ можно заключить изъ словъ Я. Маркевича, котораго сестра Олеся была замужемъ за Троцкимъ, «пріехалемъ до Лазурокъ села Троцкой»—жили нѣкогда въ самомъ селѣ, впослѣдствіи имѣли только землю въ лазорскихъ дачахъ и воспоминаній о нихъ не сохранилось. Имѣнія Боярскихъ были гораздо значительнѣе: «Коло Лазирокъ усе Боярщына»,—говорятъ крестьяне,—маіоръ Иванъ Боярскій бувъ крывый и ёго водылы дви дивкы». У него была своя пѣвчая—«капелія» [2]). Имѣніе пошло въ приданное за дочерьми. На вдовѣ Боярскаго былъ женатъ владѣлецъ Богодаровки Санковскій, имѣвшій и въ Лазоркахъ хозяйство. Лазирки небольшое село (771 душа), на одну треть козачье. Жители средняго роста, худощавы, легко сложены, черты лица правильныя, лица овальныя, волосы и глаза свѣтлѣе, чѣмъ у смежныхъ жителей пирятинскаго уѣзда. Моды лубенскія: у мужчинъ одежды короче пирятинскихъ, застегиваются крючками, а не пуговицами, какъ въ пирятинскомъ у. Предпочитаютъ черный цвѣтъ, штаны покупныхъ матерій (крамни), поясовъ никогда не носятъ, чѣмъ и отличаются отъ другихъ лубенцевъ. Очипки у женщинъ небольшіе, круглые, повязки съ клапономъ и маленькими рожками; начосы и мычки видны изъ подъ платка. Въ пирятинскомъ у. повязки выше и острѣе, впереди платокъ «гулею». Лазирскія молодицы уже чаще носятъ капоры. Разноцвѣтные корсеты сзади «до клепокъ», пышно расшиты на груди; литнячки же только черныя андреяновыя. Кожушанки съ стоячимъ воротникомъ и съ хвостомъ къ спинѣ, у таліи мережка; въ пирятинскомъ же уѣздѣ кожушанки съ пелериной (баранкой). Мѣстный весильный ритуалъ тождественъ съ

---

[1]) Ib.

[2]) Дневн. Кіев. Ст. 1895 г. II, 49, 50.

[3]) Павловскій. Кіев. Ст. 1902 г., IX, Док. 103.

сѣверно-лубенскимъ; святочнаго маскарада (меланки) нѣтъ. Земля [1]) около Лазорокъ «золотая», тучный черноземъ [2]), тѣмъ не менѣе это одинъ изъ печальнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ уголковъ лубенскаго уѣзда. Козачество, кромѣ Николаенковъ, мелкое; крестьянство окрестныхъ хуторовъ еще въ болѣе бѣдственномъ положеніи. «Нема села скупійшаго на землю якъ Лазирки». А между тѣмъ населеніе исключительно земледѣльческое; ремесло, кустарное производство не существуютъ, одно подспорье—заработки [3]).

Лазирки окружены владѣльческими хуторами. Ближайшій къ селу съ востока—Величкинъ, нѣкогда Квитницкаго, переименованный по выходѣ замужъ дочери Квитницкаго за В. К. Величка. При Квитницкомъ крестьяне: Каблученки, Кочіи, Кочерженки (всѣхъ 195 душъ) были тяглыми, потомъ спѣшились, и обращеніе съ ними стало суровымъ. «Якъ объявлена воля, то люде подумалы, що на свитъ народылысь».

Рядомъ хуторъ Филонивъ, потомковъ бывшаго въ 1795 г. сотеннаго атамана Григорія Филоненка-Бородича, населенный крестьянами: Безгубенками, изъ Оробьевъ, Гопками, Клепаченками, Крикуненками и Паламаренками, всего 162 души. Старикъ Филоненко былъ хорошій хозяинъ, велъ простой образъ жизни, содержалъ мѣстную почтовую станцію, у него было 2—4 плуга экономическихъ и одинъ крестьянскій.

Рядомъ расположенъ и третій хуторокъ Димнивщына, состоящій изъ холма—Покотунивщыны и Загребелья. Прежде онъ

---

[1]) Окрестныя поля называются: Рокиты, Зубрыновщина, Пороплове озеро. Могилы: Три брата, здѣсь выкопали деньги, Бондарка, Близнецы. Въ курганѣ близъ Лазорокъ найденъ желѣзный мечъ (Лясконскій. Переяслав. зем. 216).

[2]) Содержитъ 5% гумуса Мат. оц. земель полт. губ. II. луб. у 34; Сборн. хоз. стат. IV, луб. у. 4.

[3]) Въ 1861 г.,—записано въ церковной лѣтописи,—въ Лазоркахъ появилась саранча и уничтожила просо и отавы, а хлѣбъ былъ уже убранъ. Въ слѣдующемъ году она отродилась и уничтожила всѣ посѣвы, такъ что люди разсѣялись по сосѣднимъ селамъ и заработывали за снопъ.

принадлежалъ Фесенку, уроженцу зиньковскаго уѣзда, женатому на дочери помѣщика хорольскаго уѣзда Бузиновской. За лѣнь и домосѣдство Фесенки прозваны димными (т. е. домашними), откуда и названіе хутора. Крестьяне подошли частью изъ сс. Таранлинецъ и Савинецъ. Ихъ теперь 252 души, носящихъ фамиліи: Бурхацкихъ, Качіивъ, Копотунивъ, по уличному Покотунивъ, Ставицкихъ и Якубъ. Потомъ хуторъ перешелъ во владѣніе Волковицкаго. Въ старину у пана былъ 1 плугъ, и у крестьянъ по 2—4 пары воловъ у каждаго, такихъ, «що й до рогъ не достанешъ» [1]).

Самые значительные хутора Лазорской волости расположены къ западу, по направленію къ пирятинскому у., на земляхъ, прежде принадлежавшихъ Боярскимъ. За плотиной на горкѣ, съ которой открываются всѣ Лазорки, видна обширная усадьба съ вѣковыми итальянскими тополями, прежде принадлежавшая Рудановскимъ; около нея по обѣимъ сторонамъ дороги построенъ хуторъ, носившій разныя названія: Слободы, Рудановщины, Павловки. Хуторъ этотъ купленъ былъ у Боярскихъ проживавшей въ Москвѣ помѣщицей Анной Рудановской [2]), перенесенъ на новое мѣсто [3]) и заселенъ частью изъ московской губ., частью изъ с. Сухоносовки, а частью и прежними крестьянами, всего теперь 321 душа, фамиліи которыхъ: Винниченки, Гетьманы, Геты, Довгали, Ластовецкіе, Полонскіе, Шапурины, Яковлевы и др. Въ

---

[1]) Около Димного есть три могилы: Гаврышыха, «тамъ була Гаврылова нывка», Макарыха и Хоружа. Затѣмъ, къ сѣверу отъ Лазорокъ, не доѣзжая Пирятинской дороги, есть еще хуторки: Ламахивщына у крутой безымяной балки, населенный крестьянами Ламахами и Ковбами, прежде принадлежавшей Пѣщанскому, и х. Антоненкивъ, жилье Бутовъ у Поваліивъ, выходцевъ изъ Гонцовъ и Тарандинецъ.

[2]) Фамилія Рудановскихъ встрѣчается въ черниговской губ. (См. Графъ Милорадовичъ. Родосл. книги; I, 285 и II, 477.

[3]) «Давнійшъ хутиръ бувъ коло Александровки, тамъ хуторыще, загоны, тамъ и пастовыще»—разсказываютъ старожилы.

старину здѣсь было большое хозяйство, но и тогда уже, повидимому, обремененное долгами. Такъ, однажды казна хотѣла арестовать мериносовъ, но крестьяне будто бы угнали ихъ. Былъ табунъ, главный жеребецъ котораго погибъ чрезъ упрямство пана. «Такый бувъ жеребець, шо якъ побачыть чужу конячку, то и задавыть. Выпустылы табунъ и панъ выйшовъ старый, Иванъ. А вовкъ выйшовъ зъ ярка. Люде кажуть: «Ото, пане, вовкъ». Панъ крычыть: «Не трогай!» А жеребець пиднявъ голову, хотивъ вовка понюхать, вовкъ ёго за шію и задавывъ. Потимъ ставъ вовкъ землю рыгать». Кромѣ лошадей было паръ 10 воловъ, 25—30 красныхъ коровъ и 100 головъ шпанки.

На лѣвомъ берегу съуженной долины Слѣпорода, тонкой, кочковатой съ опасными трясинами (опарями) расположенъ другой хуторъ того же владѣльца—Сюмаки или Павловщина, населенный крестьянами (192-мя душами) съ тѣми же фамиліями, что и въ Рудановщинѣ: Войтенками, Запарами, Оболонскими и др. При крѣпостномъ правѣ у крестьянъ было 2 плуга и обыкновенная триднева, но существовала и особая натуральная подать, совершенно неизвѣстная въ восточной окраинѣ лубенскаго у., а встрѣчавшаяся въ Самборѣ, Прилукскаго полка [1]), въ подольской губерніи [2]), Галиціи, Буковинѣ и на Украинѣ при польскомъ владычествѣ [3]); именно: крестьяне должны были отдавать пану половину ежегоднаго приплода: гусятъ, утятъ и цыплятъ, никакъ не менѣе десятка, также по десятку яицъ къ «Велыкодню и Риздву». Неудивительно, что народъ чутко прислушивался ко всякимъ толкамъ о волѣ; такъ, въ 1859 г. мужья, бросивъ женъ и дѣтей, потянулись толпами на югъ въ Бессарабію за какой то настоящею волею. Наконецъ вышла и настоящая воля.

«Выйихавъ Снитынській Андреевъ и вычытавъ волю. Панъ и пани заплакалы и сказалы людямъ: «Кушайте теперъ и яйця

---

[1]) Лазаревскій. Прилукск. полкъ въ Кіев. Стар. 1901, VII, VIII, Прилож. 290.

[2]) Кіев. Стар. 1901 г., XII, Док. 162.

[3]) Велич. Лѣтоп. IV, 301.

и куры самы»... Впрочемъ экономическое положеніе крестьянъ мало улучшилось съ отмѣной крѣпостного права. Они взяли малый надѣлъ и были отрѣзаны отъ воды, а когда имѣнія Рудановскихъ достались еврею Лимбергу, то это положеніе еще ухудшилось [1]). «Ниде й сорочкы вымыть,—говорятъ крестьянки,—жыдови одробляемъ за воду».

Противъ Сёмаковъ на правомъ, крутомъ берегу Слѣпорода стоитъ хуторъ Рождественскій на оффиціальномъ языкѣ, Высокій—на народномъ. Онъ также входилъ въ составъ имѣній Боярскихъ, купленъ Рудановскими и отданъ въ приданное за Рудановскою Ограновичу. Жители, числомъ 231, по фамиліямъ: Безрученки, Кудрявци, Парпуры и т. д. частью мѣстнаго происхожденія, частью приведены изъ с. Чевельчи. При крѣпостномъ правѣ было три крестьянскихъ и одинъ панскій плуги, люди работали только два дня, но имъ накидались уроки [2]).

На плоской возвышенности праваго же берега Слѣпорода тѣснится выровнявшаяся въ одну линію Александровка или Рейховка. Только и видны ряды хатъ безъ промежутковъ. Прежде хуторъ принадлежалъ Боярскимъ и за Александрой Ильяшенковой, внукой перваго владѣльца, отданъ въ приданое черниговскому дворянину штабъ-ротмистру Рейхъ-Топольницкому [3]). Отъ этихъ супруговъ происходятъ оба названія хутора. Населеніе (347 душъ) смѣшанное: частью здѣшнее, частью переведенное изъ черниговской губерніи, носитъ фамиліи: Бедрики, Гончари, Мамлыги, Сеси, Червышни и др. При крѣпостномъ правѣ земля обрабатывалась только двумя крестьянскими плугами, помѣщичьяго плуга не было. На каждую крестьянскую семью отводи-

---

[1]) Сб. хоз. стат. IV, луб. у. 233.

[2]) Въ хуторахъ: Высокомъ и Сёмакахъ есть особенность произношенія крестьянъ. Третье лицо глаголовъ настоящаго времени единственнаго числа оканчивается на е, а не на ыть, какъ принято въ лубенскомъ у. Напр., здѣсь говорятъ: робе, косе, молоте, а не робыть, косыть, молотыть

[3]) Графъ Милорадовичъ. Родосл. кн. черн. двор. II, 468.

лось по 3 дес. земли и на пару воловъ еще по 3. Въ Александровкѣ, также какъ и въ Рудановщинѣ, была дань помѣщику: 5 гусей, 10 курченковъ, яйца, масло и молоко, да вдобавокъ помѣщикъ нанималъ людей на сахарные заводы, станціи и отдѣльнымъ хозяевамъ. «Якъ выйшла воля, ни въ кого ничого не було».

Послѣдній хуторъ при входѣ Слѣпорода въ лубенскій уѣздъ, Асауловщина, разрѣзанъ на двѣ неравныя части поперечной уличкой сажня въ три, составляющей границу двухъ уѣздовъ. Лубенская часть меньше, заключается въ выгонѣ и прилегающихъ къ нему хатахъ. «Лубенська часть зветься Стара Осауловщына; вона завелась зъ Боярскихъ. Хутиръ бувъ велыкый, малось и церкву, такъ паны розигналы людей, найбильшъ перевелы у Александровку». При крѣпостномъ правѣ распоряжался А. А. Ильяшенко, женатый на Санковской, а его дочь вышла за Рейхъ-Топольницкаго. Жители, числомъ 215, называются: Ганжи, Дяченки, Кулики, Перепелицы, Шандры и др. Моды всё еще лубенскія. Пирятинцы зовуть жителей лубенской Асауловщины Павливцями, а тѣ ихъ—попивцями, но смыслъ этихъ прозвищъ утерянъ [1]).

Въ концѣ описанія средней полосы лубенскаго уѣзда само собой напрашивается сравненіе ея восточной и западной окраины. Обѣ онѣ степныя, но какая разница въ характерѣ этихъ степей! На востокѣ все живетъ, цвѣтетъ, волнуется, на западѣ—блѣднѣетъ, меркнетъ, замираетъ, точно здѣсь не Лубенщина, не Малая Русь даже.

И тамъ степы, и тутъ степы,
Та тутъ не такыи...
. . . .
А тамъ голубыи,

---

[1]) Возлѣ хутора Гостра могыла. «На самый велыкдень свичи горилы. Гроши закопани не въ велыкій могыли, а въ малихъ коло неи».

Зелеными, мережани
Нывамы, ланамы,
Высокымы могыламы,
Темнымы лугамы.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Хозяйственное положеніе населенія средней Лубенщины при крѣпостномъ правѣ и по отмѣнѣ его.

При всемъ разнообразіи типовъ, одеждъ, обыкновеній, обстановки и поземельныхъ отношеній на пространствѣ средней полосы лубенскаго уѣзда, послѣдняя совершенно естественно дѣлится на три части: 1) открытую восточную равнину до побережья Сулы съ ясно выраженнымъ преобладаніемъ панскихъ владѣній, появившихся между прочимъ и вслѣдствіе простора мѣстности, пригоднаго къ образованію крупной собственности,—и съ совершеннымъ почти отсутствіемъ козачьяго населенія; 2) средній участокъ, страну горъ и яровъ, охватывающій лубенскія окрестности: побережье Сулы у города, области: Булатца, Вязовка и восточное теченіе Слѣпорода до большой золотоношской дороги, со включеніемъ д. Остаповки за нею. Участокъ этотъ благопріятный крайне пересѣченной мѣстностью развитію мелкихъ хозяйствъ, искони былъ настоящимъ козацкимъ муравейникомъ, съ почти незамѣтнымъ панскимъ элементомъ. Въ то же время, защищенный топкими болотами, горами, оврагами отъ вторженій, средній участокъ давно заселенъ, какъ видно изъ приведенныхъ въ III-й главѣ фамилій жителей [1]), а

[1]) Записываніе и приведеніе фамилій жителей ревизскихъ и уличныхъ, хотя и не указано въ программахъ, тѣмъ не менѣе необходимо, какъ указывающее: 1, на первоначальную національность лица, 2, мѣстность, откуда оно пришло, 3, занятія предковъ, 4, лицо, замѣненное пришедшимъ (тріймаки), 5, урочища, носящія иногда названія по именамъ владѣльцевъ, также должны быть записываемы.

глухой характеръ мѣстности содѣйствовалъ въ частяхъ, удаленныхъ отъ города, наилучшему сохраненію преданій, поэтическихъ обыкновеній, обрядовъ, пѣсенъ и стариннаго языка. Послѣднюю треть разсматриваемой полосы занимаетъ западная степная окраина, находящаяся, подобно восточной, большею частью въ панскомъ обладаніи, частью въ козачьемъ, съ огромнымъ численнымъ превосходствомъ крестьянскаго сословія надъ прочими. Въ цѣломъ средняя Лубенщина представляется рядомъ дворянскихъ, козачьихъ и крестьянскихъ владѣній. Изъ этихъ сословій коренным слѣдуетъ признать козачье, потому что оба другія произошли изъ него; такъ, многія панскія фамиліи тождественны съ козачьими, о многихъ свѣжи еще воспоминанія перехода въ дворянство, о другихъ подобныя воспоминанія забылись вслѣдствіе большей давности перехода. Если же и встрѣчаются фамиліи шляхетскаго происхожденія, то, пройдя чрезъ козацкое горнило еще во время гетманщины, они успѣли окозачиться и войти въ общую колею. Крестьянство средней Лубенщины появилось различными путями. Большинство, особенно въ центрѣ, образовалось изъ такъ называемыхъ пидхожихъ (пидходычивъ, пидходцивъ), т. е. изъ добровольно поддавшихся панамъ козаковъ со всѣмъ своимъ добромъ: землей и волами для избѣжанія отбыванія воинской и финансовой повинностей. На окраинахъ способъ образованія крестьянскаго сословія былъ отчасти другимъ: здѣсь много крестьянъ переведено помѣщиками какъ изъ другихъ уѣздовъ полтавской губерніи—лохвицкаго, роменскаго, хорольскаго, миргородскаго, кременчугскаго и пирятинскаго, такъ и изъ губерній кіевской и черниговской. Къ этой категоріи можно причислить и крестьянъ, прибывшихъ извнѣ при вольномъ переходѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ изъ пидхожихъ получились при крѣпостномъ правѣ тяглые, а изъ переведенныхъ и приставшихъ при вольномъ переходѣ—пѣшіе крестьяне, хотя, разумѣется, эти разряды не были постоянными и переходъ изъ одного въ другой былъ всегда возможенъ. Подъ тяглыми разумѣлись хозяева, имѣвшіе отъ 1 —6 воловъ и такимъ образомъ сохранявшіе хоть тѣнь самостоятельности. Нормой тягла считалась пара воловъ. На содержаніе во-

ловъ выдавалось различное количество земли въ разныхъ экономіяхъ отъ $^3/_4$ десят. на вола и до $1^1/_2$, а на тяглую семью 5—6 дес. земли. Тяглый не вездѣ имѣлъ безусловное право на своихъ воловъ, иногда онъ долженъ былъ просить у пана разрѣшенія на промѣнъ и продажу. Количество тяглыхъ и пѣшихъ въ разныхъ имѣніяхъ не поддается опредѣленію: были цѣлые хутора, состоявшіе изъ однихъ тяглыхъ, и другіе, гдѣ всѣ были пѣшими. Одно замѣтно: количество тяглыхъ повсемѣстно уменьшается по мѣрѣ приближенія ко времени освобожденія, и, быть можетъ, одной изъ причинъ, почему великое преобразованіе принесло въ экономическомъ отношеніи не всю предполагавшуюся пользу, создавъ благосостояніе лишь отдѣльныхъ лицъ, а не всего освобожденнаго класса, было небольшое количество инвентаря у населенія, иначе сказать его экономическая неподготовленность къ веденію самостоятельнаго хозяйства. Положеніе тяглыхъ тѣмъ существенно отличалось отъ положенія пѣшихъ, что для первыхъ только опредѣлялись 2—3 дня въ недѣлю для уборки своего хлѣба: три дня, если подушное платилъ крестьянинъ, четыре—если помѣщикъ. Пѣшіе же должны были, какъ и повсемѣстно [1]), въ пору уборки сѣна и хлѣба работать всё время, за что получали треть урожая: 3-й, рѣже 4-й, преимущественно пшеницы, снопъ, при чемъ урочная работа (косарю накосить $^1/_2$ дес. въ день, а жнецамъ нажать 2, накосить и связать вдвоемъ—6 копъ въ такое же время) опредѣлялась лишь, какъ исключеніе; 3—4 дня въ недѣлю опредѣлялось пѣшимъ лишь по окончаніи страды. Женская работа

---

[1]) Въ соч. Иванюкова и Ковалевскаго «Въ Сванетіи» (Вѣстн. Евр. 1886 г., VII, 606) сказано: «въ пахоть, посѣвъ, уборку хлѣба и сѣна выходило всё крестьянское населеніе, какъ на англосаксонское lovebones. Въ Англіи же хотя въ древнѣйшемъ цензуаріи XIII в. и опредѣлена была трехдневная работа крѣпостныхъ, но во время посѣва, сѣнокоса и жатвы требовался дополнительный трудъ, и крестьяне должны были выходить всей семьей на поле. (М. М. Ковалевскій. Разв. хоз. въ зап. Европѣ 1899 г. 42, 149, 150). Въ Австріи въ страдную пору работы отнимали у крестьянъ всю или почти всю недѣлю (Ингрэмъ. Истор. раб. 1896 г., 163).

чаще бывала урочной: кромѣ участія въ полевыхъ работахъ и выбиранія пшеницы, толченія проса и сѣмени, дратья перьевъ, женщина должна была спрасть трижды въ годъ по 60 пасомъ конопли, а кое-гдѣ еще 10 фунтовъ рядовины и 10 ф. шерсти.

Какъ крѣпостное состояніе выработалось незамѣтно движеніемъ самой жизни, такъ и экономическія отношенія свободнаго населенія вначалѣ сходны были съ крѣпостными. Обладавшій волами, тяглый—по крѣпостной терминологіи—дѣлался половинщикомъ землевладѣльца, пѣшій убиралъ хлѣбъ со снопа. Но въ противоположность западно-европейскимъ [1]) прочнымъ, наслѣдственнымъ формамъ пользованія чужимъ имуществомъ, выражавшимся въ отдачѣ собственнику половины урожая (métayage, culture á mifruits), малорусское половничество постоянно уменьшалось въ долѣ половинщика, сообразно расширенію хозяйствъ и увеличенію населенія. Въ XVII, XVIII и даже въ началѣ XIX в. съемщикъ давалъ землевладѣльцу лишь десятую копу, десятину, повидимому начальную, основную форму малорусской испольной системы [2]). «За моеи памяты,—разсказывалъ Михновскій, старожилъ,—10-ту копу давалы хазяину». На глазахъ старожиловъ

---

[1]) Еще Плиній младшій думалъ поднять благосостояніе мелкихъ собственникомъ половничествомъ («Прогр. и регр. въ истор.» Рус. Мысль 1900 г., VII, 153). Затѣмъ оно было распространенно въ Италіи въ XIII, XIV в., и теперь еще сохранилось въ Тосканѣ, и во Франціи въ Берри. (М. Ковалевскій. Развит. нар. хоз. въ зап. Евр. 95 и 135. «Соломен. шляпа» въ Рус. Мыс. 1899 г. IX, 172).

[2]) А. Лазаревскій. Акты по истор. землевл. въ Малор. 15. Я. Шульгинъ. Разв. крѣп. права въ Малор. Сѣверн. Вѣстн. 1887 г., VI, 56. Мякотинъ. Прикр. крест. Рус. Богат. 1894 г., II, 37. Костомаровъ. Богд. Хмельн. 1859 г. II, 313. И. Лучицкій: Сборн. мат. общ. землевл. въ Малор. 142 и Крест. и кр. реф. въ вост. Австріи. Кіев. Стар. 1901 г., III, 321, 337, 338, 351. Гр. Купчанко. въ Ю. Зап. Отд. Геогр. Общ. II, 342. Десятина господствовала и въ древнемъ мірѣ: какъ основной налогъ римской провинціи Сициліи былъ десятое зерно. М. И. Ростовцевъ. Капит. и нар. хоз. Рус. Мыс. 1900 г., III, 209.

сс. Шершневки и Ерковецъ происходила въ теченіе XIX в. такая перемѣна: съемщикъ давалъ хозяину 10, потомъ 6, 5, 4, и 3 копы [1]). Третина держалась дольше другихъ частей; встрѣчается и теперь, но уже осложненная. Такъ, въ Засульской и части Лубенской волостей съемщикъ получаетъ еще $^2/_3$ урожая, а $^1/_3$ отвозитъ хозяину, молотитъ и вѣетъ, но долженъ доплатить $1—1^1/_2$ р. и отработать: 2--3 дня, или убрать $^3/_4$ дес. хлѣба или поставить косаря и подводу съ десятины. Въ другихъ частяхъ Лубенской волости и въ Волчковской еще существуетъ половина въ такомъ видѣ· половинщикъ пашетъ, засѣваетъ, убираетъ и свозитъ половину урожая хозяину. Въ с. Остаповкѣ половникъ отрабатываетъ день, а въ Александровкѣ—два хозяину съ каждой десятины. Но и съ такими осложненіями половничество сохранится не надолго. Съ вздорожаніемъ земли оно невыгодно владѣльцу [2]).

Уборка пѣшими чужого хлѣба складывалась и у крѣпостного и у свободного населенія по одному образцу; такъ, въ нѣкоторыхъ хуторахъ и при крѣпостномъ правѣ козаки допускались на панское поле зажинать за снопъ. Въ началѣ такой снопъ, приходящійся на долю рабочаго, былъ 3-й. Онъ показанъ у Короновскаго [3]); затѣмъ въ лубенской и Черевковской волости держался нѣкоторое время 3—4 снопъ, но уже на харчахъ рабочаго и съ отработкомъ по востребованію: пахать, сѣять, возить и прясть, однимъ словомъ работать съ весны до возовицы. Потомъ въ лубенской, засульской и волчковской волостяхъ былъ 4-й снопъ съ отработкомъ 2—5 дней на харчахъ рабочаго и 10—20

---

[1]) И по Чубинскому (Очер. нар. юрид. обыч. VI. 64, 74 и Очер. юрид. понят. въ Малор. 1869, 31) съемщикъ отдавалъ 4, 3, потомъ половину.

[2]) Цѣна земли въ лубенскомъ у: 150—300 р. дес. полевой; наемъ: 9—20 на паръ, 7—20 на зябь, облоговъ по 25 р. Отработочная система: съемка десятины земли съ обязанностью съемщика убрать владѣльцу 2, $2^1/_2$ дес. также уже уничтожается.

[3]) Кор. Статистич. опис. лубенск. и Полт. губ. вѣдом. 1890 г., № 47, 2—3.

—на хозяйскихъ, или съ отработкомъ отъ начала жатвы до конца по востребованію. Четвертый снопъ скоро перешелъ въ пятый, сохранившійся безъ отработка лишь въ Вязовкѣ, въ другихъ мѣстахъ 5 снопъ соединенъ съ отработкомъ въ 1—5 дней отъ десятины или 5—15 дней вообще; 5—6 [1]) и одинъ послѣдній соединяются также съ отработкомъ въ 1—2 дня и лишь последующіе 7—12 и выше пока еще не соединены съ отработками. Система заработковъ доказываетъ, кажется, какъ недостаточность платежныхъ средствъ населенія, такъ и недостатокъ капитала у хозяевъ, и поэтому обоюдное стремленіе расчитаться трудомъ, въ неопредѣленной его формѣ—отработокъ по востребованію, весьма близкимъ къ крѣпостному, отбываемому только не за треть урожая, а за меньшую часть, и не панамъ, аболѣе зажиточнымъ козакамъ, частью наѣзжимъ изъ другихъ уѣздовъ, отпущенникамъ и т. д.

И сѣнокосы часто убираютъ съ части: прежде съ половины, потомъ съ третьей копны [2]); теперь только болотистый сѣнокосъ, осоку, да отаву соглашаются хозяева отдавать на такихъ условіяхъ, степное же сѣно и мелкое лучное отдается съ 5—8 копицъ, принимая во вниманіе и урожай травы. Очеретъ жнутъ серпами или сбиваютъ короткими косами и остатками послѣднихъ (скисками) худшій съ половины, лучшій съ третьяго куля [3]).

Сѣно и хлѣбъ свозятъ съ полей и луговъ, какъ въ жатву по праздникамъ, такъ особенно съ 15 августа по 8 сентября (межъ пречыстымы) и до Покровы. Половникъ обязанъ свезть своими волами прежде хозяину, потомъ себѣ; снимающіе за снопъ

---

[1]) И по Чубинскому (Ш, 522, и VI, 73, также Очер. юрид. пон., 30, 31) первоначальный 3—4 снопъ перешелъ въ 5—6.

[2]) Послѣдняя указана и у Чубинскаго (Очер. юрид. понят., 32).

[3]) Сѣнокосы нанимаютъ и за деньги: 3—4 руб. за десятину болотнаго и 15—20 лучнаго, причемъ иногда (въ Мацковой лучкѣ) 2 подводы басаринку. Высчитано, что копица обходится въ 1 руб. Продажная цѣна хорошаго сѣнокоса свыше 300 руб.—Лучшій очеретъ идетъ на кровли хатъ и клунь, худшій на повитки. Лучшій стоитъ 1—3 коп. куль, а кучав—оза въ два (кýрганъ)—отъ 1—4 рублей.

также свозятъ прежде хозяину, потомъ себѣ, но хозяйской «худобою».

Молотьба свезеннаго хлѣба производится различно: посредствомъ молотниковъ, получающихъ за свой трудъ 4—5 мѣру (коробку) прежде, 8—12 теперь, смотря по тому, на чьихъ кормахъ молотникъ, но во всякомъ случаѣ хозяину насыпается коробка гладко (ущерть), а молотнику—съ верхомъ. Другой способъ молотьбы—конною молотилкой, за которую уплачивалось прежде 7 руб., теперь 2½—5 руб. въ день, или обыкновенными поденщиками, или съ примѣненіемъ къ новымъ обстоятельствамъ старой формы коопераціи—толоки, для чего собирается 12—20 душъ родичей и сосѣдей, безплатно, поочередно къ каждому хозяину съ 4—6 лошадьми или парой воловъ и четырьмя лошадьми. Иногда примѣняется смѣшанный способъ молотьбы: озимую пшеницу и всѣ ярины молотятъ машиной, кромѣ гречки; послѣднюю, также рожь, сбиваютъ цѣпами для предохраненія отъ порчи нѣжнаго гречневаго зерна, и съ цѣлью получить ржаную солому, годную для кровли.

В. Милорадовичъ.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа.

V.

Въ предѣлахъ Абхазіи.

Гагринскія тѣснины. Гагры, какъ курортъ. Пицундская низина. Гадаутъ. „Культурное“ значеніе Новаго Афона. Пребываніе на Новомъ Афонѣ. „Метеорологическія“ наблюденія. Частновладѣльческое хозяйство и земельная спекуляція. Сухумъ, какъ курортъ. Лихорадки Сухума. Сухумская бухта и купанье въ ней. Кое-что о прошломъ Сухума. Внѣшность города. Уличная жизнь. Сады. Окрестности. Природа. Поти. Батумъ.

Съ десятой версты послѣ Адлера береговая полоса сильно суживается подступающими къ морю горами. Эти горы, подступая къ морю, образуютъ здѣсь величественныя Гагринскія тѣснины, тянущіяся на 7 верстъ южнѣе Гагръ до имѣнія князей Шервашидзе. Береговая полоса мѣстами здѣсь такъ узка, что для проведенія шоссе пришлось взрывать горные утесы. Тѣснины эти въ древнія времена служили единственными воротами для прохода народовъ то съ юга на сѣверъ, то съ сѣвера на югъ. Поэтому здѣсь издревле воздвигаемы были прежними жителями страны укрѣпленія для защиты отъ иноземныхъ вторженій. У древнихъ грековъ была здѣсь своя колонія, на устройство которой они потратили многіе годы усиленнаго труда и большія средства. Въ эпоху владычества римлянъ ихъ легіоны не разъ

вступали здѣсь въ борьбу съ храбрыми горцами, оттѣсняя ихъ въ горы, а на мѣстѣ блестящей греческой колоніи римлянами возведено было укрѣпленіе для защиты отъ горцевъ и набѣговъ морскихъ пиратовъ. Римскіе патриціи отдыхали здѣсь въ своихъ изящныхъ виллахъ. Въ средніе вѣка венеціанцы и генуезцы вели тутъ оживленную торговлю. Мѣстныя горскія племена не разъ вступали въ этихъ тѣснинахъ въ кровавый бой съ иноземцами, защищая эти мѣста отъ ихъ вторженія. Въ 1841 г., въ первые годы занятія побережья русскими, здѣсь возведено было укрѣпленіе для защиты Абхазіи отъ вторженій въ нее убыховъ съ сѣвера, уничтоженное во время войны 1855 года. Въ 1857 г. на развалинахъ крѣпости устроенъ былъ военный лазаретъ, уничтоженный въ 1876 г. Въ 1891—2 г.г. помѣщеніе лазарета служило мѣстомъ жилья для рабочихъ, устраивавшихъ голодное Анненковское шоссе. Теперь же небольшая часть его обращена въ помѣщеніе для надобностей инженернаго вѣдомства, а большая часть зданій безжалостно расхищается по камнямъ окрестными жителями на постройки.

Такимъ образомъ Гагринскія тѣснины еще въ отдаленномъ прошломъ видѣли счастливые времена кипучей жизни. Живыми свидѣтелями былой культуры являются сохранившіеся здѣсь остатки древняго храма, воздвигнутаго, по предположеніямъ, еще въ VI вѣкѣ. «Теперь же... теперь размышляя о славномъ прошломъ Гагры,—говоритъ проф. Пастернацкій [1])—мы чувствовали себя на историческомъ кладбищѣ; развалины, словно разрушенныя надмогильные памятники, еще болѣе способствовали этому впечатлѣнію»... «Странное чувство овладѣло нами при видѣ Гагры и его развалинъ»...—сколько усиленнаго труда и средствъ и сколько народныхъ силъ затрачено было здѣсь на насажденіе культуры греческой, римской, горской, генуезской, венеціанской... и вотъ «пришли русскіе, и страна, имѣвшая болѣе чѣмъ 2000-лѣтнюю древность, опустѣла. Какимъ то смертельнымъ холодомъ вѣетъ

---

[1]) Черном. побер., 164—165.

отъ этихъ сѣрыхъ развалинъ. Зловѣще высятся надъ ними неприступныя горы. Кругомъ ни звука, кромѣ глухого ропота горнаго потока да грознаго раската морскимъ волнъ, подступающихъ къ развалинамъ, какъ-бы съ намѣреніемъ окончательно стереть Гагры съ лица земли»... Всѣ изслѣдователи и писатели, видѣвшіе Гагры, совершенно правильно описываютъ ихъ грозно-живописными, мрачно величественными. Высокія крутыя горы, величественное мрачное ущелье, узкая береговая полоса около моря, развалины крѣпости и церкви около ущелья и тутъ же нѣсколько жилыхъ построекъ, конюшни, бараки для рабочихъ, а выше на скалѣ—на 75 с. высоты надъ уровнемъ моря новое грандіозное зданіе «курорта», южная растительность вокругъ и то грозное, то ласкающее море внизу—вотъ Гагры—эта «русская Ницца», доступная только вліянію моря и закрытая отъ холодныхъ вѣтровъ цѣпью зеленыхъ горъ. По мнѣнію проф. Воейкова растительность и весь обликъ Гагръ напоминаютъ знаменитую chemin de Corniche, построенную Наполеономъ по сѣверному побережью Средиземнаго моря, но только мѣстная дикая растительность здѣсь богаче. Проф. Красновъ также держится мнѣнія, что здѣсь кажется всѣ условія соединились для того, чтобы создать самую южную растительность на побережьѣ; но именно поэтому онъ находитъ, что мѣстная растительность гораздо менѣе роскошна, чѣмъ, повидимому, можно было бы ожидать при данныхъ условіяхъ. Онъ вполнѣ соглашается съ проф. Воейковымъ, что «теоретически» Гагры должны быть «самымъ теплымъ мѣстомъ на всемъ побережьѣ» благодаря его теплой сухой известковой почвѣ, отличной защитности отъ холодныхъ вѣтровъ и полной открытости теплымъ вѣтрамъ и вліянію моря. Но онъ неувѣренъ въ томъ, что и въ этомъ отношеніи теорія вполнѣ подтверждается дѣйствительностью: «проведите—говоритъ онъ [1])—ночь, какъ то пришлось мнѣ, противъ ущелья Джоэквара вблизи крѣпости и вы *замерзнете* отъ холода. Сочинскіе жители не знаютъ *такого пронизывающаго сквозняка*». Однако онъ все-таки находитъ, что «въ

---

[1]) Недѣля 1901 № 1.

Гаграхъ вы уже чувствуете себя въ Закавказьѣ. Это—обстановка долинъ Ріона, окрестностей Кутаиса, это—настоящій югъ, а не неопредѣленная переходная полоса Сочинскаго района»... Во всякомъ случаѣ это одно изъ теплѣйшихъ мѣстъ побережья, но въ этомъ, пожалуй, и горе! Южное солнце здѣсь жжетъ безпощадно, въ безвѣтренную погоду здѣсь душно и жарко «какъ нигдѣ на южномъ побережьѣ», потому что Гагры доступны только вѣтрамъ съ моря и не вентилируются горными вѣтрами съ ледяныхъ горъ. Покрывающая горныя откосы травянистая растительность здѣсь вымираетъ къ концу лѣта подъ вліяніемъ жары и природа носитъ пожелтѣлый осенній характеръ, совсѣмъ не похожій на тотъ полный свѣжести ландшафтъ, которымъ въ это же время можно наслаждаться нѣсколько сѣвернѣе—въ Сочинскомъ районѣ. Что касается замѣчательной красоты Гагринскаго пейзажа, то она имѣетъ ту слабую сторону, что за обступающими Гагры высокими зелеными горами скрывается прелестный видъ на стоящія сзади снѣговыя горы; изъ самихъ же Гагръ видно только море и море.

Пляжъ для купанья здѣсь удобный, бухта очень красивая и сравнительно защищенная [1]). По мнѣнію проф. Воейкова, климатъ здоровъ и «*врядъ-ли* зима холоднѣе, чѣмъ въ Сухумѣ»; но «къ сожалѣнію, эта чудная мѣстность *въ полномъ запустѣніи*, лишь въ верстахъ пяти къ В. начинаются поля и хаты» (далѣе, гдѣ шоссе удаляется отъ берега и входитъ въ холмистую Абхазію населеніе уже становится нѣсколько гуще). По заявленію всѣхъ, касавшихся этого вопроса, изслѣдователей, лихорадки здѣсь отсутствуютъ, вода ключевая и здоровая, но... «но пока жить здѣсь *почти негдѣ и ѣсть почти нечего*» [2]). Впрочемъ, въ данное время въ Гаграхъ уже устроено роскошное, грандіозное, дорогое помѣщеніе курорта на средства принца А. П. Ольденбургскаго, получившаго въ свое пользованіе въ прилегающей мѣстности 15000 дес. казенной земли, изъ которыхъ онъ 1000 дес. пріобрѣтаетъ

---

[1]) хотя не всегда безопасная для стоянки судовъ,—см. Карльгофъ, „Военно-статистич. обозрѣніе“, стр. 16.

[2]) Москвичъ. Путеводитель по Кавказу. 1900 г.

отъ казны по 30 р. за дес., а 1000 дес. можетъ распродать частнымъ лицамъ [1]). Но это курортъ «дорогой, блестящій, который несомнѣнно могутъ посѣщать *одни только богатыя лица*. Людямъ *средняго* достатка жить въ Маграхъ *немыслимо*, можно только пріѣхать на одинъ—на два дня, чтобы «побачить», какъ говорятъ малороссы» [2]). При томъ, узкая береговая полоса земли у самыхъ Гагръ, къ сожалѣнію, представляетъ небольшую площадь недостаточную для образованія на ней сколько-нибудь значительнаго курорта. Правда, что эта полоса можетъ быть отчасти расширена включеніемъ въ нее прилегающихъ горныхъ склоновъ, но не слѣдуетъ забывать, что тамъ на склонахъ, жара бываетъ еще сильнѣе, еще тягостнѣе, чѣмъ въ самихъ Маграхъ. Таковъ новомодный курортъ, называемый Маграми [3]).

Съ Гагръ, какъ было сказано, начинается Кутаисская губернія,—собственно Сухумскій ея уѣздъ. Въ климатическомъ и флористическомъ отношеніи «Сухумскій отдѣлъ въ сѣверо-западной его части отъ Гагръ и до Сухума, по мнѣнію проф. Пастернацкаго, можно сравнить съ побережьемъ Ривьеры отъ Каппа до Санъ-Ремо, которая у французовъ носитъ названіе corniche». Однако не надо очень увлекаться указаннымъ сходствомъ. Уже въ 8 верстахъ на югъ отъ Гагры постепенно понижающаяся мѣстность, переходитъ хотя и въ очень плодородную, но чрезвычайно нездоровую лихорадочную Пицундскую низину по теченію рѣки Бзыбъ [4]).

---

[1]) Васюковъ С. П. «Край гордой красоты», стр. 140.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Кстати, Гагры въ исторіи извѣстны тѣмъ, что тамъ убитъ былъ горцами писатель Марлинскій.

[4]) «Съ укрѣпленія Св. Духа (нынѣшній Адлеръ)—говорится у Карльгофа въ «Военно-статистическ. обозрѣніи вост. бер. Черн. моря». 1853 г.,—начинается *абхазскій климатъ* и продолжается *въ одинаковой степени злокачественности,* хотя и не подъ этимъ названіемъ, до самой турецкой границы». «Абхазія пользуется особою извѣстностью по губительному своему климату, за исключеніемъ возвышенныхъ ея плоскостей Псху и Цебельды, имѣющихъ благорастворенный и здоровый воздухъ».

Мѣстечко Пицунда, древній Pythius византійцевъ, было прежде обширнымъ и важнымъ городомъ, извѣстнымъ по Страбону еще за 66 лѣтъ до Р. Х. Въ Пицундскомъ монастырѣ умеръ находившійся въ ссылкѣ Хризостомъ (св. Іоаннъ Златоустъ). Пицундскій храмъ построенъ въ 551 году Юстиніаномъ I въ сосновой рощѣ близъ моря въ память Софіи (вслѣдствіе чего и Пицундскій мысъ въ тѣ времена назывался моряками Capo santa Sofia). Онъ долгое время лежалъ въ развалинахъ и возобновленъ былъ въ 1885 г. Возобновленіе это произведено на средства Ново-Афонскаго монастыря, въ вѣдѣніе котораго переданъ Пицундскій храмъ съ окружающей его «рѣдкостной» сосновой рощей въ 420 дес. Ново-Афонскій монастырь получилъ здѣсь надѣлъ въ 1049 дес. и богатое рыбою озеро Инкитъ. Теперь на мѣстѣ этого уголка, служившаго византійцамъ мѣстомъ ссылки и обращеннаго затѣмъ генуэзцами въ самый оживленный торговый пунктъ Черноморскаго побережья Кавказа, производится за счетъ Ново-Афонскаго монастыря, расчистка заглохшихъ и запущенныхъ окрестностей Пицунды. Веселый пейзажъ блещущихъ изобиліемъ зелени окрестностей Пицунды представляетъ рѣзкій контрастъ угрюмому грандіозному ландшафту Гагръ. Это одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ *зеленыхъ* угловъ побережья, которые какъ Сочи, какъ Гадаутъ, Афонъ, Сухумъ и масса другихъ мною не названныхъ, а часто и неимѣющихъ названій пунктовъ, вѣрнѣе, какъ почти все побережье, начиная по крайней мѣрѣ отъ Туапсе, производитъ на человѣка посѣщающаго это побережье впервые, «первое и самое сильное *впечатлѣніе зелени свѣжей, яркой, веселой зелени*». «Впечатлѣніе бываетъ тѣмъ сильнѣе, что проѣзжая ранѣе берегами Крыма, путешественникъ видитъ передъ собой однѣ (почти) голыя, сѣрыя скалы, покрытыя тамъ и сямъ тощей растительностью, на восточной же окраинѣ Крыма между Ѳеодосіей и Керчью, берега представляютъ настоящую пустыню, гдѣ глазъ не встрѣчаетъ ни кустика»[1])....

---

[1]) См. «Землевѣдѣніе» 1896 т. III. «Очерки растительности Колхиды», статья Н. М. Альбова.

Несмотря однако на роскошь зелени Пицундской низины, на тотъ яркій контрастъ, который она представляетъ своеобразному ландшафту Гагръ, окрестности Пицунды не болѣе какъ.... «грандіозная пустыня зелени, яркая, живописная, *но... пустыня.* Въ самомъ дѣлѣ на огромномъ пространствѣ церковь, монахи, маякъ и только!... Впрочемъ забылъ: въ 6 верст. отъ Пицунды среди зелени лѣса притаилась и скрывается жалкая абхазская деревушка Лзоа»...[1]) и тутъ же свила крѣпкое гнѣздо зловредная малярія.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Пицунды находится слѣдующая пароходная пристань Гадаутъ, у которой пароходъ опять останавливается вдали отъ берега. Гадаутъ—это и селеніе и оживленное торговое мѣстечко, расположенное въ плодородной мѣстности на берегу рѣки того же имени, на возвышенной террасѣ около моря. Это—одинъ изъ наикрасивѣйшихъ пунктовъ побережья, гдѣ неописуемая прелесть пейзажа зависитъ отъ дивнаго сочетанія красотъ сверкающаго на солнцѣ снѣжнаго хребта съ красотами прибрежныхъ зеленыхъ горъ, ущелій, лощинъ и предгорій, съ красотою свободно раскинувшейся прибрежной долины и плещущаго у ея подножія моря. Море воды то гладкой, какъ зеркало, то грозно волнующейся, то лазурное, нѣжно-голубое, или синее, то мрачное, почти черное, сѣдое, рокочущее и—море зелени, разнообразной, роскошной, всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ,—зелени, прихотливо раскинувшейся въ долинѣ, въ ущельяхъ, по широкимъ переваламъ, по узорчатому рельефу предгорій! И позади всего этого, какъ роскошная рамка чудной картины, величавый горный хребетъ съ цѣлымъ моремъ снѣговъ, то окутанныхъ мрачными тучами, или засланныхъ легкимъ флеромъ тумана, то ярко-бѣлыхъ, или отливающихъ фіолетовыми, розовыми, багровыми оттѣнками. Небольшая красивая бухта съ удобнымъ купаньемъ, свободно раскинувшееся, оживленное селеніе съ широкими улицами и небольшимъ бульваромъ у моря, съ разнообразнымъ населеніемъ изъ грековъ, турокъ, русскихъ, абхазцевъ, мингрельцевъ, смѣшеніе

---

[1]) С. Н. Васюковъ. «Край гордой красоты», стр. 146.

русскихъ построекъ съ постройками мѣстнаго типа, кофейни, духаны, уличная жизнь подъ теплымъ южнымъ небомъ, богатая растительность, изобиліе цвѣтущихъ деревьевъ. Все это незатѣйливо, просто, разнообразно, оригинально, красиво; все это интересно и стоитъ, очень стоитъ повидать. Но... но улицы немощены и въ сырую погоду очень грязны... Но въ Гадаутѣ бываютъ лихорадки .. Но, по мнѣнію проф. Пастернацкаго, «въ климатическомъ отношеніи Гадаутъ едва ли заслуживаетъ вниманія»... За то почвенныя условія весьма благопріятныя, условія для разнообразныхъ культуръ самыя подходящія, сады процвѣтаютъ и даютъ прекрасные фрукты, табакъ родится роскошно... Но съ 1902 г. въ Гадаутѣ, гдѣ до этого времени, не въ примѣръ остальному побережью, запрещалась продажа земельныхъ участковъ, разрѣшены отводы ихъ частнымъ лицамъ въ аренду на условіяхъ выкупа и, такимъ образомъ, Гадаутъ пріобщенъ уже къ побережной спекулятивно-земельной горячкѣ. Кромѣ того, въ скоромъ времени ожидается, по слухамъ, введеніе въ немъ городового положенія, т. е. обращеніе въ городъ-курортъ какъ Сочи, какъ Хоста, какъ Романовскъ...

Какъ ѣдущему повидать побережье нельзя не посѣтить Новаго Афона, такъ и описывающему это побережье нельзя не сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя его описаніе и не можетъ представить интереса съ точки зрѣнія вопросовъ колонизаціи, «заселенія и оживленія», выясненіе которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ предлежащихъ «очерковъ». Полоса годныхъ подъ культуру прибрежныхъ земель вообще такъ не велика на побережьѣ, что нельзя обойти молчаніемъ вопросъ о положеніи тѣхъ тысячъ десятинъ ея, которыя отведены Новому Афону.

Роль и значеніе долины рѣчки Псыртсхи и прилегающей къ ней части побережья—ихъ будущее, даже болѣе или менѣе отдаленное, достаточно уже опредѣлились самимъ обращеніемъ этой мѣстности въ вѣдѣніе Новороссійскаго монастыря путемъ отвода ему (въ 1877 г. при его открытіи и частію въ 1898 г.) земли въ количествѣ 3899 дес. Изъ этой земли теперь подъ культурою 139 дес., въ томъ числѣ подъ высшими культурами 79 дес.,

а 60 д. подъ хлѣбопашествомъ и посѣвами клевера. Слѣдовательно 3760 дес. надѣленной здѣсь монастырю земли лежитъ пока впустѣ—несмотря на то, что «крошечное афонское гнѣздышко, пріютившееся среди нетронутаго горнаго міра, во всемъ его суровомъ величіи, болѣе всего поражаетъ кипучей дѣятельностью трудолюбивой братіи;—нѣтъ той отрасли сельскаго хозяйства, которая не обрабатывалась бы и при томъ весьма образцово. Монастырь завелъ у себя строгій порядокъ,—всюду видны слѣды заботливой руки, выхолившей каждый виноградный кустикъ, старательно, съ соблюденіемъ симметріи, посадившей каждый экземпляръ изъ числа многихъ, имѣющихся здѣсь образчиковъ богатой южной флоры» [1])...

Такимъ образомъ дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Монастырю, живущему какъ большинство монастырей, на средства, притекающія извнѣ, въ сущности, и нѣтъ нужды спѣшить съ расширеніемъ культуры ради извлеченія дохода съ возможно большаго пространства земли. Напротивъ одною изъ его задачъ на первыхъ же порахъ существованія, при неизбѣжномъ недостаткѣ средствъ и силъ въ первое время, сама собою являлась забота о внѣшней, такъ сказ., казовой сторонѣ дѣла,—о той внѣшней благоустроенности, хозяйственности, «симметріи», благочиніи и благолѣпіи, стоустая молва о которыхъ превлекала бы поломниковъ съ ихъ доброхотными жертвами. И въ этомъ отношеніи Ново-Афонскій монастырь несомнѣнно достигъ своей цѣли. Онъ въ высшей степени умѣло воспользовался для этого естественною красотою даннаго мѣста, образцово утилизировалъ и сами по себѣ очень богатыя дары мѣстной природы, ввелъ и можно сказать взлелѣялъ у себя такія высокія культуры, о которыхъ до него не было здѣсь и помину. Теперь онъ уже достигъ того, что молва о красотѣ и благолѣпіи «гнѣздышка» дѣйствительно распространилась по «святой Руси». И, если бы захотѣлъ и если бъ это понадобилось, то могъ бы теперь начать распространять культуру въ ширь своего громаднаго надѣла, потому что главное

---

[1]) Г. Москвичъ. Путеводитель по Кавказу, 1900 г.

дѣло уже сдѣлано: вниманіе привлечено, средства получены и «рука дающаго не оскудѣваетъ»... Такимъ образомъ Ново-Афонскій монастырь являетъ собою «поучительный для мѣстнаго населенія примѣръ» замѣчательнаго умѣнья воспользоваться всѣми дарами и силами природы, примѣръ образцоваго хозяйничанья, образцы умѣлаго воздѣлыванія цѣнныхъ культурныхъ растеній. Въ этомъ такъ сказать качественная сторона дѣла. Но при сужденіи о значеніи ея не слѣдуетъ все-таки забывать тѣхъ совершенно особенныхъ условій, при которыхъ созидалась въ этомъ «крошечномъ гнѣздышкѣ» вся эта высокая культура, эти «симметрія», благолѣпіе и благоустройство. Всѣхъ монашествующихъ, доставляющихъ, слѣдовательно, даровой трудъ, въ настоящее время 750 человѣкъ, постоянныхъ нанятыхъ рабочихъ 280, оборотный капиталъ непрерывно пополняется доброхотными даяніями, да и не безъ того, чтобы посильно не «постарались для святыни» своими руками и тѣ поломники изъ простонародья, которые, приходя помолиться, живутъ здѣсь по нѣскольку дней на недорогомъ монастырскомъ иждивеніи. И вся эта масса труда и средствъ, начиная съ 1877 г., была употреблена на «крошечный уголокъ», успѣвшій пока распространить свою культуру на 137 дес., изъ которыхъ собственно подъ высшими культурами 79. Хозяйство— несомнѣнно образцово устроенное; но такое хозяйство—не примѣръ для обыкновенныхъ смертныхъ—для частныхъ предпринимателей или жителей окрестныхъ селеній. Это—*только* образчикъ того, *что* можно сдѣлать здѣсь при *тѣхъ условіяхъ*, какими обладалъ монастырь, и только показатель тѣхъ культуръ, которыя возможны въ данной мѣстности *при соотвѣтствующихъ обстановкѣ и уходѣ*, потому что, гдѣ же вы найдете частныхъ владѣльцевъ или тѣмъ болѣе простыхъ сельскихъ жителей, обладающихъ почти тѣми же силами и средствами, какими обладалъ Новый Афонъ?..

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія культурное значеніе Новаго Афона не такъ ужъ велико, почему и искать его приходится не въ этомъ, а скорѣе въ просвѣтительной и благотворительной дѣятельности обители. Въ монастырѣ имѣются грандіозный выдающійся по изяществу архитектуры соборный

храмъ и кромѣ него еще пять церквей. Обширныя помѣщенія для братіи, для служащихъ, гостинницы для богомольцевъ, масса хозяйственныхъ построекъ, свои прекрасные обширные кирпичные заводы, каменноломни, своя водяная мельница, свои огороды, свои прекрасно устроенные сады, виноградники, апельсинныя, лимонныя и оливковыя рощи, образцовая ферма, конскій заводъ, большая пасѣка, своя больница, аптека, врачъ, лавка для продажи церковныхъ предметовъ и, наконецъ, своя школа. Таковы главнѣйшія учрежденія обители, изъ которыхъ однако даже и такія, какъ больница и аптека, устроены для нуждъ обители же,—такъ сказать для себя, а только школа—для другихъ. Школа основана съ миссіонерскими цѣлями, такъ какъ ради этихъ именно цѣлей правительство и оказывало покровительство основанію здѣсь Ново-Афонской обители. Учреждена она одновременно съ основаніемъ обители, но разсчитана только на 20 учениковъ, которые и состоятъ обыкновенно на полномъ содержаніи монастыря. Не считая учителя, весь составъ служащихъ при школѣ, начиная съ завѣдывающаго ею, состоитъ обыкновенно исключительно изъ монашествующихъ, «вслѣдстіе чего школа носитъ строго монастырскій характеръ, который придаетъ свой отпечатокъ и самому внутреннему складу ученической жизни»[1]) Всѣ они родомъ абхазцы, почему и предполагается, что по окончаніи курса, они окажутся естественными просвѣтителями своихъ «коснѣющихъ въ невѣжествѣ язычества» сородичей. Изъ окончившихъ до сихъ поръ (т. е. съ 1877 г.) курсъ 64 учениковъ, одинъ, по окончаніи военнаго училища, служитъ офицеромъ, одинъ учится на механическомъ заводѣ въ Новороссійскѣ, двое были потомъ учителями этой же монастырской школы, двое служатъ священниками и двое псаломщиками, нѣсколько человѣкъ поступило въ учительскія семинаріи и, слѣдовательно, сдѣлались (или будутъ затѣмъ) учителями въ разныхъ мѣстахъ, остальные возвратились въ свои семьи. Таковы данныя, характеризующія

---

[1]) Уманецъ, С. И. «на Новомъ Афонѣ», «Истор. Вѣстн. 1902 г. № 4.

просвѣтительное значеніе обители. Нельзя по этому поводу не повторить слова покойнаго Е. Маркова [1]): «жаль только, что эта сторона дѣятельности Новаго Афона развивается далеко не такъ успѣшно и энергично, какъ его собственное благосостояніе. Двадцать учениковъ—слишкомъ ничтожное число для цѣлой страны полуязыческой дикости и невѣжества»... «Въ настоящее время, когда средства обители возрасли такъ значительно, что дали возможность украсить монастырь громадными дорого-стоющими зданіями и раскошными садами, обставить его всевозможными удобствами и усовершенствованіями,—надо надѣяться»... и проч. Такимъ образомъ вопросъ о дѣйствительно просвѣтительной роли Афона, это, пока еще вопросъ будущаго. Поговоримъ же пока объ его настоящемъ.

Свѣтлымъ раннимъ утромъ пароходъ нашъ подошелъ къ Новому Афону. Видныя обыкновенно съ моря снѣжныя вершины главнаго кавказскаго хребта были еще застланы пленкою утренняго тумана. Но ближайшія перспективы, какъ на ладони. Слѣва на остроконечной вершинѣ огромной Иверской горы надъ темной зеленью чинаровъ, дубовъ и лавровъ виднѣются развалины римской крѣпости временъ Траяна и кажущаяся совсѣмъ маленькою иверская часовня. Прямо передъ нами открываются пышно заросшія лѣсами зеленыя горы Афона во всей красѣ прекраснаго горнаго пейзажа, изукрашеннаго живописно расположившимися зданіями и церквами. Надо сказать правду, что безъ этихъ зданій, ярко выдѣляющихся на зеленомъ фонѣ горъ своею бѣлизною, безъ этого высоко поднятаго на подножіе горъ и высящагося надъ всѣми зданіями величественнаго храма св. Пантелеймона, картина, несмотря на всю свою самобытную красоту, несомнѣнно много теряла бы въ блескѣ и оживленіи. Прекрасный горный пейзажъ казался бы и пустыннымъ и болѣе мрачнымъ. Его оживленію много способствуетъ также и многочисленныя аллеи вы-

---

[1]) «Русскій уголокъ» «Недѣля», 1900 г. № 3. Обращаю кстати вниманіе, что вездѣ, гдѣ я упоминаю «Недѣлю», надо подразумѣвать такъ назыв. «Книжки Недѣли».

сящихся къ небу стройныхъ кипарисовъ, низбѣгающихъ отъ храма св. Пантелеймона къ роскошнымъ кристальнымъ прудамъ у устья р. Псыртсхи и красивое сочетаніе разнообразной зелени виноградниковъ, фруктовыхъ и пальмовыхъ садовъ, оливковыхъ, апельсинныхъ и лимонныхъ рощицъ и рощъ.

На берегу, около зданій такъ назыв. гостинницъ, снуютъ люди; на пристани, о желѣзо которой разбиваются прибойныя волны, толпа любопытныхъ. Одинъ за другимъ мы выходимъ на нее изъ биткомъ набитыхъ фелюгъ, выѣзжавшихъ къ остановившемуся на якорь пароходу. Пристань эта здѣсь только для того, чтобы удобнѣе было причаливать фелюгамъ, которыя однако въ бурную погоду даже и при наличности пристани бываютъ не въ силахъ выйти въ море на встрѣчу пароходу. Тутъ, на пристани, мы топчемся довольно долго, не зная куда направиться, или, вѣрнѣе, куда направятъ насъ хозяева обители—монахи, вышедшіе на встрѣчу пассажирамъ. Они присматриваются къ пассажирамъ, о чемъ то совѣтуются другъ съ другомъ, оглядываютъ пассажировъ съ ногъ до головы и постепенно отсылаютъ насъ группами подъ командою кого-нибудь изъ монаховъ. Мы чувствуемъ себя въ полной власти этихъ хозяевъ сей красивой обители и безропотно шествуемъ туда, куда насъ ведутъ и отдаемъ свои паспорты по первому требованію [1]). Протестовать— и то слабо—пробую я только тогда, когда меня разлучаютъ съ женою, разводя насъ по разнымъ номерамъ, находящимся далеко другъ отъ друга. Мой слабый протестъ быстро смиряется однако передъ вразумительнымъ разъясненіемъ разводящаго хозяина, что такое разлученіе необходимо «во избѣжаніе соблазна» и я внѣдряюсь въ одну келію съ какимъ то сумрачнымъ господиномъ, тоже, какъ оказывается, разлученнымъ съ своей супругой. Супружество это по какимъ-то непріятностямъ судьбы осталось въ Сухумѣ безъ квартиры и заработка

---

[1]) Потомъ ихъ возвращаютъ только при выѣздѣ изъ монастыря съ предложеніемъ пойти за ними къ отцу-гостиннику, который, возвращая виды, предлагаетъ книгу для записи добровольнаго посильнаго пожертвованія на обитель.

и четвертый день уже «говѣетъ» въ обители, испросивъ разрѣшенія поговѣть (на иждивеніи обители) еще съ недѣлю. Это дѣлаетъ сожительство съ нимъ крайне неудобнымъ, потому что сумрачный сожитель вскакиваетъ ночью къ каждому «бдѣнію» и будитъ своимъ хожденіемъ; днемъ же онъ смущаетъ меня мрачнымъ видомъ, съ которымъ, въ промежутки между трапезами, поѣдаетъ взятый въ запасъ монастырскій хлѣбъ и тайно сорванныя въ монастырскихъ садахъ фрукты. Но пока я радъ и этому, потому что имѣю возможность сложить куда-нибудь свой дорожный багажъ, умыться и вообще привести себя въ порядокъ.

Когда я выхожу въ корридоръ, тамъ уже съ унылымъ видомъ слоняются изъ одного конца въ другой прибывшіе вмѣстѣ съ нами пассажиры, съ нетерпѣніемъ ожидая утренняго чая. Публика что называется «средненькая» и держитъ себя просто, безъ жеманства, и особыхъ стѣсненій, вслухъ острить надъ своимъ положеніемъ людей съ пустыми желудками, «чающихъ движенія воды»... Вѣроятно помятый и неумытый видъ мой и моихъ спутниковъ произвелъ на встрѣчавшихъ монаховъ не совсѣмъ отрадное впечатлѣніе: оказывается, что насъ помѣстили въ номера для средней публики, тогда какъ кое-кого изъ ѣхавшихъ одновременно съ нами на пароходѣ отвели въ такъ наз. «дворянское отдѣленіе». Поэтому нѣкоторые изъ пассажировъ съ завистью посматриваютъ чрезъ окна на номера для «благородной» публики, гдѣ по ихъ предположенію уже началась чайная трапеза.

Двухдневное наше пребываніе въ обители проходитъ въ осмотрѣ достопримѣчательностей и окрестностей монастыря, которыхъ я однако описывать не буду, потому что онѣ подробно описаны до меня. Достопримѣчательностей этихъ, въ видѣ разнообразнѣйшихъ тропическихъ культуръ, садовъ и рощъ, наконецъ, прудовъ съ лебедями, фонтановъ, водопада, пещеръ, огромной картины масляными красками подъ открытымъ небомъ на стѣнѣ отвѣсной скалы, многочисленныхъ отдѣльныхъ живописныхъ пунктовъ въ обители, грандіознѣйшаго вида на море, видовъ развалинъ римской крѣпости на Иверской горѣ съ окрестностями и пр. и пр., такъ много, что для бѣглаго осмотра ихъ едва хватитъ двухъ—

трехъ дней, обычно употребляемыхъ паломниками на посѣщеніе обители.

Несмотря на жару, гористость мѣстности и довольно значительныя разстоянія, осмотры эти приходится производить пѣшкомъ, что, конечно, въ концѣ концовъ сильно утомляетъ. Оказывается однако, что для нѣкоторыхъ «почетныхъ» посѣтителей монастыря дѣлается исключеніе и монастырь предоставляетъ имъ своихъ лошадей и экипажи для такихъ поѣздокъ. Въ первый же день нашего посѣщенія монастыря мы, дѣйствительно, наткнулись на довольно умилительную сцену посадки въ монастырскую коляску какой-то старомодно, но богато одѣтой пожилой дамы.

— Благотворительница большая, женщина добродѣтельная и въ отношеніи обители нашей весьма заботливая. Отлила нашему храму во имя Великомученика и Цѣлителя Пантелеймона большой колоколъ и посѣщаетъ монастырь по времени, не забывая о его существованіи, а также и поклониться св. угодникамъ... Радѣетъ о души-спасеніи, входя въ насущныя нужды обители. Надѣемся, что и впредь, по произволенію свыше, не оставитъ ее своимъ вниманіемъ!—пояснилъ намъ одинъ изъ подсаживавшихъ ее иноковъ.

Однако главное неудобство этихъ прогулокъ для осмотра достопримѣчательностей и окрестностей монастыря заключалось не въ необходимости совершать ихъ пѣшкомъ, а въ другомъ обстоятельствѣ. Въ монастырѣ нельзя купить ничего съѣстного и потому неизбѣжно надо считаться съ временемъ, установленнымъ для трапезъ. При посѣщеніи болѣе отдаленныхъ пунктовъ, какъ напр. Иверской горы, это безусловно невозможно, приходится неизбѣжно пропускать одну изъ трапезъ. Между тѣмъ трапезы эти, несмотря на обиліе подаваемаго, насыщали насъ, по непривычкѣ къ такого рода пищѣ, довольно плохо: то подадутъ соленый «сыръ» (великорусскій «творогъ»), сильно потемнѣвшій вслѣдствіе давности своего происхожденія, то—по случаю скоромнаго дня—введутъ въ меню трапезы пересоленую рыбу весьма непрезентабельнаго вида, при употребленіи которой невольно задаешься вопросомъ объ историческомъ происхожденіи этого продукта потребленія и

т. п. Правда, что принимая во вниманіе, съ одной стороны, способствующій скорой порчѣ продуктовъ жаркій климатъ, съ другой, количество богомольцевъ (за трапезу насъ садилось человѣкъ 200, а сколько ихъ было еще «въ третьемъ классѣ»!) трудно и претендовать на лучшую пищу. Правда, что намъ давали въ то же время къ каждой трапезѣ въ достаточномъ количествѣ даже и мѣстное вино изъ винограда изабелла. Впрочемъ, вино было порядочно кислое, такъ что я отличилъ его отъ уксуса лишь потому, что выпилъ случайно того и другого: имѣя передъ собою два наполненныхъ красноватой жидкостью графинчика, сначала я налилъ себѣ именно уксуса. Такимъ образомъ, я на опытѣ могъ убѣдиться, что уксусъ несомнѣнно кислѣе вина.

Каждый рейсовый пароходъ привозитъ обыкновенно въ монастырь все новыхъ и новыхъ богомольцевъ. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ[1]) каждый пароходъ привозилъ ихъ отъ 10—30 человѣкъ—«преимущественно изъ Черноморья[2]) и Кубанской области»—а къ храмовымъ праздникамъ число ихъ доходило и до 500 человѣкъ. Теперь число богомольцевъ гораздо многочисленнѣе и увеличивается съ каждымъ годомъ; Новый Афонъ привлекаетъ уже паломниковъ не только съ Кубани и Черноморья, но изъ всѣхъ частей Россіи. «Тутъ уже—говоритъ Е. Марковъ[3])—подлинная православная Русь, несмотря на Абхазію. Русскіе бородачи и русскія бабы, родныя фигуры русскихъ солдатиковъ и мастеровыхъ наполняютъ дворы и улицы»... Свитки, азямы, кожухи, армяки, кафтаны, спинжаки, очипки, спидницы, все это соединяется въ оживленную пеструю толпу, двигающуюся въ разныхъ направленіяхъ по кипарисовымъ аллеямъ Афона. Тутъ, дѣйствительно, можно найти чуть ли не всѣхъ представителей «подлинной православной Руси»; не видно только папахъ и черкесокъ абхазцевъ, тѣхъ абхазцевъ, ради просвѣщенія которыхъ и устроенъ этотъ монастырь.

---

[1]) См. А. Л. «Абхазія и въ ней Ново-Афонскій симоно-канаитскій монастырь», Москва, 1885 г., стр. 104.

[2]) Названіе, присвоенное исключительно Томанскому краю, служившему мѣстомъ поселенія черноморскихъ козаковъ въ концѣ XVIII в.

[3]) «Недѣля», 1900 № 3, стр. 109.

Все это очень интересно, все это безусловно стоитъ посмотрѣть; но когда обойдешь и увидишь главнѣйшее, начинаешь почему то чувствовать не то скуку, не то какую то никчѣмность и ненужность свою въ этомъ мѣстѣ. Хочется скорѣе возвратиться «въ жилое мѣсто», въ обычную обстановку, къ живымъ людямъ. При томъ же я думаю, что продолжительное пребываніе на Афонѣ и не безопасно для здоровья—въ отношеніи возможности получить малярію. Мѣстность около прудовъ безусловно очень сырая, почва пропитанная влагой. Въ монастырской больницѣ постоянно имѣется извѣстный процентъ больныхъ исключительно маляріей. Новый Афонъ вообще извѣстенъ несвободностью отъ маляріи.

Для характеристики его климатическихъ условій весьма небезъинтересно привести кстати выдержки изъ «метеорологическихъ наблюденій», записанныхъ въ восьмидесятыхъ годахъ[1]):

«5 марта 1880 г. выпалъ на Псыртсхѣ снѣгъ по колѣни; 8 числа прибавилось еще на четверть, снѣгъ лежалъ до 9 числа. Девятаго снова шелъ снѣгъ, 10-го снѣгъ и морозъ. 15 апрѣля 1882 г. послѣдняя топка келій; мартъ и первая половина апрѣля были очень холодны. Въ 1884 г. въ апрѣлѣ въ истопленныхъ келіяхъ было отъ 10 до 13° тепла. Въ маѣ до 22 числа было 15 и 16°; 22 мая былъ первый теплый день: 19° въ комнатахъ и 22° на солнцѣ. 5 іюня на солнцѣ 29°. Жары начались съ половины іюня и продолжались до сентября; въ сентябрѣ дожди». Къ этимъ «метеорологическимъ» записямъ добавлена такая характеристика «климата мѣстности»: «Зима итальянская; морозы доходятъ едва до 3°. Изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ май и іюнь хороши, іюль и августъ жарки и требуютъ бережливости отъ лихорадки, но особенно хороши и благопріятны для здоровья сентябрь и октябрь. Лѣтніе жары большею частію умѣряются вѣтрами съ моря, чего *нѣтъ* на Афонской горѣ, гдѣ въ лѣтнія ночи на прибрежьѣ бываетъ *весьма душно и томительно*».

На Афонѣ разводятся маслины, апельсины и лимоны. Но садъ, гдѣ разведены лимоны, апельсины и померанцы, вмѣстѣ съ агавами,

---

[1]) См. А. Л. «Абхазія»... стр. 134.

пальмами и другими экзотическими растеніями, расположенъ на полномъ солнечномъ припекѣ нижняго склона и защищенъ отъ холодныхъ вѣтровъ не только высокою горою, но и каменнымъ заборомъ значительной вышины. Тѣмъ не менѣе въ очень холодную на Побережьѣ зиму 1897—98 г.г. лимонныя деревья очень пострадали отъ холода, что доказываетъ невозможность оставлять ихъ здѣсь на зиму безъ окутыванія.

Между Новымъ Афономъ и Сухумомъ 23 версты и на этомъ протяженіи, параллельно берегу, по ровной плоскости, составляющей подножіе уходящихъ здѣсь отъ берега горъ, тянется весьма удобное шоссе. Небольшіе поселки, населенные преимущественно мелкими арендаторами мѣстныхъ частновладѣльческихъ земель, ушли въ сторону отъ шоссе, расположившись по скатамъ и холмамъ, гдѣ безопаснѣе отъ лихорадокъ. Населеніе ихъ занимается преимущественно табаководствомъ, не проявляя, какъ и большинство случайныхъ арендаторовъ, никакихъ особенныхъ заботъ о поддержаніи плодородія почвы: съ истощеніемъ земли посѣвами табаку, они переходятъ на новые участки, оставляя пустовать заброшенные. Частновладѣльческія земли эти, не въ примѣръ большинству таковыхъ же въ уже описанныхъ мѣстностяхъ (гдѣ онѣ находятся почти исключительно въ рукахъ русскихъ владѣльцевъ) принадлежатъ здѣсь частію прежнимъ абхазскимъ владѣльцамъ: князьямъ Шервашидзе, Лодарію, Амухвари и др. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ значительному проценту земель въ нихъ оставаться не культивированнымъ такъ же, какъ и въ имѣніяхъ русскихъ владѣльцевъ этого района. Изъ числа послѣднихъ, во владѣніяхъ г. Богданова также усиленно разводится табакъ, а г. Беклемишевъ устроилъ близъ монастыря плантацію розъ и заводъ душистыхъ маслъ [1]). Хотя культивируемыя земли располо-

---

[1]) Однако по мнѣнію проф. Воейкова («Черн. поб.» отд. III) въ такомъ влажномъ климатѣ, какъ здѣсь, растенія не вырабатываютъ достаточно эфирныхъ маслъ для того, чтобы ихъ выработка была выгодна.

жены по преимуществу около шоссе, гдѣ нерѣдко кромѣ табачныхъ плантацій можно видѣть плантаціи кукурузы, а мѣстами и небольшіе виноградники, однако значительная часть шоссе проходитъ лѣсами. Но, увы, лѣса эти находятся въ жалкомъ видѣ, благодаря безпощадной, по истинѣ варварской вырубкѣ изъ нихъ на продажу заграницу за послѣдніе десятки лѣтъ всего наиболѣе цѣннаго. Цѣнный самшитъ (кавказская пальма) и орѣхъ вырублены почти поголовно. Толстые пни буковъ, дубовъ и грабовъ, на которые здѣсь, для сбереженія отъ чрезмѣрной сырости, накладываются цѣлыми копнами кукурузная солома и сѣно, свидѣтельствуютъ лишь о быломъ величіи этихъ лѣсовъ, представляющихъ теперь перевитое ліанами и истощаемое густоразросшеюся омелой разношерстное мелколѣсье, годное только на плетни и дрова. Мѣстами интервалы между этими лѣсами заняты обширными зарослями выросшихъ на заброшенныхъ поляхъ папоротниковъ,—этого главнаго здѣшняго бурьяна, разростающагося до высоты, при которой всадникъ закрывается ими съ головой. И это въ странѣ, гдѣ въ сравнительно недавнюю пору—еще въ періодъ завоеванія ея русскими—были такія дивныя могучія лѣса,—въ странѣ, гдѣ, бывало, русскіе солдаты употребляли вѣтви лавроваго дерева себѣ па вѣники! [1]) Такое очищеніе отъ лѣса пригородныхъ холмовъ Сухума ради насажденія тамъ высшихъ культуръ отозвалось уже тамъ усыханіемъ водныхъ источниковъ, засыханіемъ и исчезновеніемъ на нихъ нетронутыхъ еще кое-гдѣ остатковъ прежней растительности и даже тѣхъ самыхъ высшихъ культуръ, ради которыхъ произведено это лѣсоистребленіе.

Частновладѣльческія лѣса истребляются, земельныя владѣнія даютъ ничтожный доходъ, земли истощаются или заростаютъ папоротникомъ, неумѣло насаждаемыя на оголенныхъ отъ лѣса и неукрытыхъ отъ солнопека склонахъ «высшія культуры» посыхаютъ, владѣльцы болѣе крупныхъ имѣній поголовно абсентеи-

---

[1]) Когда въ 1836 г. гр. Воронцовъ, посѣтивъ Сухумъ, выразилъ желаніе имѣть нѣсколько вѣтокъ лавроваго дерева, солдаты, думавшіе, что онѣ нужны ему на вѣники, натаскали ему ихъ цѣлый возъ. (Филипсонъ, «Воспоминанія», стр. 196).

руютъ, а земля въ цѣнѣ все растетъ и растетъ! Цѣны на пустующія некультивируемыя земли въ 180—190—200 р. за дес. даже въ сторонѣ отъ шоссе совсѣмъ не рѣдкость, а о цѣнахъ въ пригородномъ районѣ Сухума и говорить нечего! «Земля, удобная для дачъ въ городѣ доходитъ иногда до 50 и даже до 100 руб. за квадратную сажень, а это выходитъ отъ 120—240 тысячъ за десятину [1])». На сколько быстро идетъ повышеніе цѣнъ можно судить потому, что участки, продававшіеся по извѣстной цѣнѣ два года назадъ, теперь идутъ въ продажу уже не по удвоенной цѣнѣ, а по цѣнѣ въ 7—8, а иногда свыше даже чѣмъ въ 10 разъ большей противъ прежней. Явленіе совершенно ненормальное, обусловленное непомѣрнымъ ростомъ спекуляціи землею,—спекуляціи, расчитывающей на прихоти богатыхъ людей, на модное увлеченіе «собственной русской ривьерой», на слухи о замѣчательномъ будущемъ курорта, о проведеніи побережной желѣзной дороги и пр.

При подобныхъ цѣнахъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ организаціи сельскихъ поселеній на пріобрѣтенныхъ въ собственность земляхъ, а надѣлы, по крайней мѣрѣ, въ побережной полосѣ, какъ находящейся уже въ частныхъ рукахъ—отвести было бы уже не изъ чего. Остается, слѣдовательно, возможнымъ только поселеніе на правахъ аренды, которое, конечно, не можетъ считаться желательнымъ въ интересахъ ни обезпеченности производительности земли, ни обезпеченности положенія самихъ посельщиковъ. Между тѣмъ хозяйство на земляхъ частныхъ владѣльцевъ положительно не идетъ. Одни предоставили свои земли въ руки арендаторовъ—турецкихъ армянъ и мингрельцевъ, частію грековъ, эстовъ, болгаръ и изрѣдка русскихъ, т. е. оставили ихъ почти на произволъ судьбы,—лишь бы получить съ земель хотя что-нибудь. Другіе, задавшіеся цѣлью введенія «высшихъ культуръ», не считаютъ нужнымъ изучить мѣстныя условія, а руководствуются какъ основнымъ правиломъ, общимъ убѣжденіемъ: «тутъ все растетъ, природа тутъ на все способна и все должно расти, что только ни захочешь!» И садятъ гдѣ что попало, гдѣ кто что вздумалъ,

---

[1]) Е. Марковъ. «Русскій уголокъ Италіи», «Недѣля» 1903 № 3

обыкновенно и не тамъ и не такъ, какъ слѣдуетъ, вырубая, уничтожая при этомъ то, что уже растетъ на своемъ мѣстѣ и успѣшно развивается, оголяютъ почву, затѣмъ получаютъ отрицательные результаты, превращаютъ мѣсто въ пустыню, терпятъ убытки и тогда ищутъ покупателя на землю. Въ тоже время цѣлая серія спекулянтовъ занимается тѣмъ, что скупаетъ такія земли, устраиваетъ на предназначенныхъ къ продажѣ участкахъ соотвѣтственную—«для видимости»—декорацію и успѣшно сбываютъ ихъ съ прибылью тѣшущимъ свою прихоть богачамъ не безъ надежды, что со временемъ этотъ же участокъ можно будетъ перекупить для новой выгодной перепродажи. И дѣла этихъ спекулянтовъ идутъ весьма успѣшно, потому что число охотниковъ на покупку не оскудѣваетъ, а «колонизація» мѣстности виллами и дачами растетъ. Но и она растетъ далеко не въ соотвѣтствіи съ ростомъ цѣнъ на земли: цѣны, можно сказать, скачутъ, какъ сумасшедшія, а расширеніе площади подъ виллами и дачами идетъ сравнительно медленно: въ нѣсколько разъ болѣе медленными шагами, чѣмъ увеличеніе цѣнъ на нихъ. И культурное значеніе этого расширенія весьма слабое: купятъ участокъ, построютъ виллу, устроютъ при ней соотвѣтственную обстановку—декорируютъ пальмами, олеандрами, эвкалиптусами и конецъ всей культурѣ!

При-сухумскія дачи расположены, главнымъ образомъ, по склонамъ горъ въ сѣверо-восточной части окрестностей Сухума,—единственной мѣстности, считающейся безопасною отъ лихорадокъ въ Сухумѣ и его окрестностяхъ; самъ Сухумъ расположенъ на низинѣ и къ нему съ запада прилегаетъ еще бо́льшая низина, извѣстная своими зловредными лихорадками. Эта низина представляетъ оригинальное явленіе: только прибрежная полоса ея немного выше уровня моря и образуетъ естественный барьеръ, защищающій низину отъ заполненія водами моря. По мѣрѣ же удаленія отъ моря, низина, видимо для глаза, понижается все болѣе и болѣе. Она покрыта яркой и сочной травянистой зеленью, но сильно пропитана влагой. Это главный источникъ сухумскихъ лихорадокъ—тѣхъ лихорадокъ, отъ которыхъ, по показаніямъ мѣстныхъ врачей, «люди умираютъ въ два-три дня». Благодаря,

главнымъ образомъ, ей, конечно, въ сороковыхъ годахъ «Сухумъ казался каменнымъ гробомъ: нельзя было встрѣтить свѣжаго здороваго лица, а еще лѣто и не начиналось»[1]). Вопросъ объ осушеніи этой зловредной низины имѣетъ свою исторію, начало которой надо отнести къ тридцатымъ (!) годамъ прошлаго столѣтія. «Здѣсь—говоритъ Филипсонъ о посѣщеніи Сухума въ 1844 г.—было все гнило, ветхо, уныло и болѣзненно. У насъ со временъ Раевскаго шла безконечная переписка объ ассигнованіи суммы на осушку вокругъ крѣпости болотъ, которыхъ міазмы губили несчастныя войска и жителей города»... «Въ Сухумъ мы ежегодно посылали 16% штатнаго числа нижнихъ чиновъ на укомплектованіе, т. е. средняя жизнь считалась почти въ *шесть* лѣтъ. Поневолѣ хочется спросить: по что гибель сія бысть?»[2]) Однако болото это существуетъ и до сихъ поръ. Впрочемъ, къ успокоенію читателя, долженъ сказать, что переписка объ его осушеніи, какъ говорятъ, еще не кончена.

Дальше за этимъ болотомъ извѣстный Сухумскій мысъ— «это болото, отъ котораго всѣ бѣгутъ какъ отъ чумы; недаромъ здѣсь устроенъ и чумный баракъ»[3]). Безусловно нездоровою, порождающею лихорадки, считается и восточная часть самаго г. Сухума, омываемая болотною рѣчкою Беслеткою.

Тѣмъ не менѣе многіе изслѣдователи и путеводители считаютъ и называютъ Сухумъ хорошею климатическою станціею, однако не безъ оговорокъ относительно неустроенности города для жизни больныхъ и въ особенности относительно лихорадокъ. Проф. Пастерницкій удобнѣйшимъ временемъ для жизни въ Сухумѣ съ климатолѣчебными цѣлями считаетъ позднюю осень и зиму, какъ время, отличающееся наибольшимъ числомъ солнечныхъ дней и прекращеніемъ (зимою) лихорадокъ. Поселеніе больныхъ въ самомъ городѣ надо вообще считать рискованнымъ. Въ

---

[1]) Филипсонъ. «Воспоминанія»; отзывъ этотъ относится къ 1841 г.

[2]) Филипсонъ. «Воспоминанія», стр. 256—7.

[3]) Ѳ. И. Пастернацкій «Черном. побер.», стр. 174.

санитарномъ отношеніи онъ оставляетъ желать очень многаго; улицы грязныя, а, главное, мѣсто, занимаемое городомъ безусловно сырое—по краямъ улицъ канавы для осушки мѣстности, въ которыхъ стоитъ гніющая грязь. Такимъ образомъ и части города, не примыкающія къ сухумской низинѣ и р. Беслеткѣ, тоже нельзя считать безопасными отъ лихорадокъ. Вполнѣ безопасными отъ нихъ считаются только помянутыя возвышенности, занятыя дачами и между проч. нѣсколькими «санаторіями». Но часть этихъ дачъ построена богатыми людьми только для себя, сдающихся же не такъ много и помѣщеніе въ нихъ и въ санаторіяхъ не дешево, такъ что пользоваться ими могутъ лишь люди съ извѣстными средствами. Правда, въ мѣстности, расположенной по побережью къ востоку отъ города, береговая полоса роздана подъ такъ наз. «санитарные» участки. Поглядѣть на нихъ, такъ придешь въ восторгъ отъ свободно растущей въ черноземномъ грунтѣ роскошной зелени лавровъ, пальмъ, мимозъ, магнолій, кактусовъ, эвкалиптовъ, олеандровъ и др. южныхъ растеній, въ которыхъ положительно утопаютъ расположенныя тамъ дачныя постройки. Но самая эта роскошь растительности служитъ доказательствомъ чрезвычайной влажности мѣстности. Участки эти лежатъ на береговой низинѣ и, какъ справедливо говоритъ проф. Пастернацкій, въ климатическомъ отношеніи доказываютъ только, что мѣста эти не имѣютъ зимней стужи, которая препятствовала бы произрастанію этихъ субтропическихъ растеній. Пользоваться же этими садами «*даже для прогулокъ* въ нихъ больныхъ, *нужно съ большою осторожностью*: для жилья же больныхъ, по причинѣ сильной заболоченности, они *совершенно непригодны*».

Кромѣ того и вообще мѣстный климатъ имѣетъ извѣстные дефекты. Влажность еще больше, чѣмъ въ Сочи и если, по отзыву нѣкоторыхъ, «Сочи—баня», то по сравненію съ Сухумомъ, это, пожалуй еще только предбанникъ. Жаръ въ Сухумѣ еще чувствительнѣе, чѣмъ въ Сочи. Жара здѣсь усиливается, благодаря защищенности Сухума отъ прохладныхъ и пріятныхъ дневныхъ вѣтровъ съ з. и съ з. с. з. въ лѣтнее время, вслѣдствіе чего неудивительно, что проф. Воейковъ наблюдалъ здѣсь лѣтомъ темпе-

ратуру въ 27° уже въ 9 ч. утра. Идешь, изнывая отъ жары, по лишеннымъ тѣни улицамъ Сухума въ одной только чесучовой сорочкѣ—косовороткѣ, замѣняющей блузу, и тѣмъ не менѣе, когда случайно прекоснешься къ защищенной этою легкой одеждой части тѣла—чувствуешь, что оно сплошь покрыто почти неиспаряющимся слоемъ пота. Словно на тѣло надѣта какая то теплая водяная пленка. Такъ и хочется завернуть въ какой нибудь садъ, чтобы скрыться въ тѣнь какого-нибудь раскидистаго гиганта, куда невольно тянетъ постоянно царствующій тамъ полусумракъ и пріятное послѣ жары ощущеніе холода. Но опытный старожилъ сейчасъ же предупреждаетъ:

— Не сидите долго—тамъ сырость. Вы еще не акклиматизировались. Съ непривычки, пожалуй, получите лихорадку.

Другой дефектъ мѣстнаго климата—чрезвычайная неправильность въ распредѣленіи атмосферныхъ осадковъ, создающая то цѣлые недѣли безпрерывныхъ ливней (весна, напр. въ Сухумѣ сильно дожливая и вѣтреная), то цѣлыя мѣсяцы жаркаго бездождія. Это впрочемъ черта, присущая вообще климату Колхиды, какъ и наличность здѣсь бризовъ и фёнъ: къ той жарѣ, которая такъ тягостна въ Сухумѣ, прибавляются иногда срывающіеся съ горъ необыкновенно сухіе и теплые вѣтры (альпійскіе фёны), дурно отзывающіеся на привычной къ влагѣ растительности, непріятные для здоровыхъ и вредные для больныхъ. Съ другой стороны, при недоступности Сухума дневнымъ прохладительнымъ бризамъ съ з. с. з. и з., ночные бризы, тянущіе съ материка и съ особенной силой дующіе изъ ущелій, даютъ слишкомъ большой контрастъ тепературы и небезопасный для больныхъ сквознякъ въ мѣстахъ незащищенныхъ контрфорсами горъ [1]). Съ ноября и по апрѣль здѣсь, кромѣ того, дуютъ съ материка, холодные и временами довольно сильные вѣтры съ с. з. и с. с. з.

---

[1]) Явленіе, обусловливающее между прочимъ и контрастность растительности въ предѣлахъ различныхъ частей одной и той же мѣстности;—характерная черта для всей Колхиды и даже вообще побережья.

Одно изъ неудобствъ Сухума для пріѣзжающихъ сюда больныхъ—это отдаленность купанья отъ той здоровой части предмѣстій города, гдѣ имъ рекомендуется жить: до купанья надо пройти черезъ весь городъ. Кромѣ того и самыя мѣста для купаній, по моему мнѣнію, не отличаются удобствомъ. Съ восточной части города, гдѣ менѣе благоустроенная купальня имѣетъ въ тоже время лучшій пляжъ для купанья, неудобство заключается въ близости рѣчки, опреснѣющей морскую воду. Въ купальнѣ, находящейся въ западной части города, наоборотъ неудобенъ пляжъ для купанья вслѣдствіе присутствія камней. Неудобна кромѣ того и невозможность купаться во всякое время, такъ какъ купанье здѣсь общее для мужчинъ и женщинъ, вслѣдствіе чего приходится считаться съ временемъ, назначеннымъ для каждаго пола. Вообще же купанье въ Сухумской бухтѣ имѣетъ большое неудобство въ открытости берега прибойной морской волнѣ, нерѣдко составляющей непреодолимое препятствіе для купанья [1]).

Сухумская бухта издавна считается одною изъ лучшихъ на кавказскомъ побережьѣ, но это, очевидно, только по сравненію— въ виду вообще недостатка бухтъ на пространствѣ между Новороссійской и Батумомъ. Еще въ 1853 г. Карльгофъ [2]), сравнивая Сухумскую бухту съ болѣе сѣверными, писалъ о нихъ, что «не говоря уже о борѣ», Геленджикская и Новороссійская бухты имѣютъ тотъ недостатокъ, что входъ въ нихъ затрудненъ отходящими отъ береговъ мелями, а дно песчаное и мѣстами каменистое»; Геленджикская же при томъ «не довольно просторна». «Между тѣмъ Сухумская бухта обращена широкою своею стороною къ морю и имѣетъ иловатый вязкій грунтъ, въ которомъ лучше держатся якоря». «Хотя она обращена къ морю широкимъ отверстіемъ и повидимому не прикрыта отъ южныхъ вѣтровъ, но ни одинъ морской вѣтеръ не доходитъ до внутренности бухты. Причину тому

---

[1]) Въ этомъ отношеніи она не можетъ быть даже и сравниваема съ геленджикскою и новороссійскою бухтами.

[2]) «Военно-стат. обозрѣніе».

должно искать въ окружающихъ ее горахъ. Нижній слой воздуха надъ бухтою, встрѣчая въ горахъ препятствіе своему теченію, сгущается отъ напора вѣтра и упругостью своею останавливаетъ движеніе его въ бухту[1]). Грунтъ дна ея, состоящій изъ ила, превосходенъ для якорной стоянки».

Но и Карльгофъ и всѣ описатели Сухумской бухты не считаютъ возможнымъ умолчать объ одномъ ея существенномъ недостаткѣ, который значительно умѣряетъ ея достоинства и заставляетъ сомнѣваться въ ея правѣ называться «лучшею на черноморской береговой линіи». Недостатокъ этотъ заключается въ чрезвычайно быстромъ углубленіи дна ея по мѣрѣ удаленія отъ берега. Это значительно суживаетъ то пространство бухты, гдѣ суда могутъ становиться на якоря, такъ что остальная—наибольшая—часть бухты оказывается безполезной, а прославленная ширина ея, съ точки зрѣнія удобствъ судоходства, теряетъ значеніе и въ сущности сводится, такимъ образомъ, только къ излишней открытости бухты морскимъ вѣтрамъ. Но и это бы еще ничего, а главное то, что крутой спускъ дна бухты («въ видѣ котла»), несмотря на вязкость грунта, даетъ «меньшую степень твердой стоянки на якоряхъ, чѣмъ при пологой покатости дна. Поэтому если береговой вѣтеръ успѣетъ сдвинуть судно съ мѣста, то по скорому переходу на большую глубину, оно—по мнѣнію самаго Карльгофа—не удержится на якоряхъ». По удостовѣренію Филипсона «при скорой перемѣнѣ вѣтра судно можетъ быть выкинуто на берегъ, оставаясь на якорѣ». Недаромъ же принято за правило, что всѣ останавливающіеся въ Сухумской бухтѣ суда, обязательно становятся на два якоря!

Такимъ образомъ отъ Новороссійска и до Сухума на этой береговой линіи нѣтъ ни одной дѣйствительно хорошо защищенной бухты, которая не обладала бы тѣми или иными серіозными дефектами.

---

[1]) Филипсонъ говоритъ по этому же поводу: «Сухумская бухта открыта отъ S. O. до W, но сильные морскіе вѣтры сюда рѣдко доходятъ, а разражаются дождями».

Пріѣхавъ въ первый разъ въ Сухумъ на лошадяхъ и выйдя на единственный на берегу моря маленькій, но симпатичный бульварчикъ, я былъ пріятно изумленъ зрѣлищемъ обширной далеко вдающейся въ море пристани, присутствіе которой давало мнѣ надежду избавиться отъ непріятной посадки на пароходъ при помощи фелюгъ. Но вскорѣ же я долженъ былъ сильно разочароваться, потому что пароходы ни къ этой, ни къ какой другой пристани не пристаютъ, а останавливаются въ бухтѣ на якорѣ.

— Но почему же?

— Говорятъ, что пристань недостаточно длинна; вотъ когда нибудь со временемъ пристроютъ еще порядочный кусокъ, тогда можетъ быть и будутъ приставать.

Такимъ образомъ огромная и, очевидно, дорого стоящая пристань служитъ только для прогулокъ сухумской публики и для приставанія фелюгъ, употребляемыхъ для катанья по бухтѣ. Посадка же на фелюги для переѣзда на пароходъ производится съ коротенькихъ деревянныхъ пристаней, гдѣ нерѣдко при неимовѣрной давкѣ и тѣснотѣ рискуешь быть помятымъ или даже столкнутымъ въ воду.

Заговоривъ объ этой пристани (или молѣ,—я не знаю какъ правильнѣе назвать это сооруженіе, соотвѣтственно его истинному назначенію), не могу не подѣлиться съ читателемъ однимъ связаннымъ съ нею воспоминаніемъ. Первое лѣто, когда я ѣздилъ по побережью, отличалось замѣчательною особенностью— всѣ дали были застланы дымкой, не было той прозрачности воздуха, которая даетъ возможность обозрѣвать обширные горизонты, которая въ особенно ясные дни даетъ возможность видѣть весьма отдаленныя перспективы (напр. изъ Сухума черезъ море Трапезундскія горы, удаленныя отъ него свыше чѣмъ на 300 верстъ). Тщетно, ѣдучи на пароходѣ и справляясь съ взятыми съ собою путеводителями, мы искали глазами въ надлежащихъ мѣстахъ выступающія изъ-за зеленныхъ предгорій побережья снѣговыя вершины Кавказа. Несмотря на безоблачность, на хорошую погоду, ихъ не было видно и мы на каждомъ шагу отмѣчали невѣрность показаній путеводителей, пока знающіе люди

не разъяснили въ чемъ дѣло. И вотъ, желая полюбоваться въ Сухумѣ видомъ на снѣговыя вершины, я рѣшилъ воспользоваться для этого раннимъ утромъ, когда чистота воздуха бываетъ обыкновенно всего сильнѣе. Я вышелъ при восходѣ солнца на эту самую пристань и, обратившись спиной къ морю, а лицомъ къ городу и горамъ, наконецъ, увидѣлъ то, что мнѣ нужно. Передо мной открывался прелестный видъ на городъ, на окружающее его море зелени, на красивую пышно зеленую панораму его окрестностей, составленную изъ живописно разбросанныхъ горъ и предгорій и, наконецъ, на виднѣвшіяся вдали величественныя снѣговыя вершины, игравшія подъ лучами восходящаго солнца непередаваемыми ни словами, ни красками, самыми эффектными, самыми нѣжными переливами, розовыми, багровыми, фіолетовыми... Я стоялъ въ нѣмомъ очарованіи. Въ одно и тоже время я и хотѣлъ скорѣе бѣжать къ своимъ, чтобы разбудить и дать возможность повидать имъ эту чудную картину и боялся оторваться отъ нее, боялся упустить всѣ эти скоро проходящія чисто волшебныя смѣны дивныхъ красокъ. Вдругъ я неожиданно услышалъ чьи то шаги и, отнявъ бинокль отъ глазъ, увидалъ подошедшаго уже къ концу пристани господина, одѣтаго въ лѣтнее пальто поверхъ выглядывавшей изъ-за воротника ночной сорочки. Очевидно, онъ только что всталъ съ постели и, наскоро набросивъ пальто, какъ и я, тоже вышелъ полюбоваться видами. Однако, онъ очень равнодушно глянулъ на очаровавшую меня картину и съ видомъ не то отчаянія, не то изнеможенія, ставъ лицомъ къ морю, оперся на перила. Это заставило меня заговорить съ нимъ.

— Любуетесь!... Должно быть нравится? Ну, конечно, нравится, какъ же не нравиться!—говорилъ онъ, видя какъ я, ведя съ нимъ разговоръ, то и дѣло посматривалъ въ бинокль на уже тускнѣющія снѣговыя вершины.—Мѣста дѣйствительно красивыя, надо правду сказать, очаровательныя... Любуйтесь, любуйтесь: для того и пріѣхали! Любуйтесь скорѣе и скорѣе же уѣзжайте!

— Какъ такъ?

— Любуйтесь, пожалуйста, любуйтесь, пока есть возможность,—продолжалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ. Для чего же и пріѣзжать, какъ не для того, чтобы любоваться—не для того же, чтобы оставаться, чтобы жить?!

— А вы здѣсь... живете?

— Я?—услышалъ онъ мой вопросъ. Я не живу, а медленно умираю... Я здѣшній житель—вотъ уже третій годъ... Бывало я такъ же, какъ вы, тоже любовался... всѣмъ вотъ этимъ!—онъ какъ то безнадежно и вмѣстѣ вяло двинулъ рукою. Надо вамъ сказать, что я педагогъ, обремененъ семьею, жилъ на сѣверѣ Кавказа и у меня заболѣла грудь—оказались непорядки въ легкихъ. Вотъ врачи и послали меня на житье въ Сухумъ, гдѣ наилучшее мѣсто для грудныхъ больныхъ. Не мало трудовъ стоило мнѣ выхлопотать у начальства переходъ сюда, но я этого добился... И вотъ я въ Сухумѣ, гдѣ я ожидалъ полнаго исцѣленія отъ своего недуга и въ какомъ же я восторгѣ былъ отъ всѣхъ этихъ видовъ, отъ горъ, отъ моря, отъ всей этой дивной природы!...

— Воображаю.

— Воображаете? Нѣтъ вы не можете вообразить, потому что пріѣхали сюда здоровый и только для того, чтобы любоваться. А я пріѣхалъ еще и больнымъ, ждалъ исцѣленія и при томъ очень быстро ощутилъ благіе результаты вліянія теплаго влажнаго климата для больной груди. Слѣдовательно, вы вполнѣ не можете даже представить моего блаженства...

— Такъ въ чемъ же дѣло?—невольно прервалъ я его, не улавливая никакой связи между продолженіемъ разговора и его началомъ.

— Въ чемъ дѣло? А въ томъ, что нѣтъ подлѣе этого мѣста на свѣтѣ! Въ томъ, что я здѣсь потерялъ уже сына, въ три дня сгорѣвшаго отъ маляріи, въ томъ, что и я, и жена, и всѣ мои дѣти, теперь уже почти взрослыя, заболѣли сухумской лихорадкой. Въ томъ, что мы постепенно безсилѣемъ, изнуряемся, изнываемъ, медленно умираемъ!...

— А хина?

— Никакая тутъ хина не помогаетъ! Тутъ остается одно—уѣхать, но въ этомъ я не воленъ, потому что на службѣ. А давно ли я просился сюда прямо Христа ради?! И судите сами, какъ посмотритъ начальство, вообще, какъ извѣстно, не любящее, чтобы его безпокоили,—какъ оно посмотритъ на такія просьбы: сегодня сюда, завтра—обратно!.. Проситься «ради здоровья», и уходить теперь тоже «ради здоровья»!... Вы вотъ говорите «хина»!... Вы, конечно, думаете, что лихорадка, какъ лихорадка, сегодня ознобъ и жаръ, завтра полегчаетъ... словомъ, какъ въ Россіи. Не знаете вы нашихъ лихорадокъ, это нѣчто совсѣмъ иное. И не знобитъ какъ будто и жару нѣтъ, а лихорадка есть и прежестокая. И сколько разнообразныхъ ее проявленій, такъ розберетъ развѣ дьяволъ, а простой смертный часто и не догадается, что съ нимъ такое! Мы, напр., всей семьей изводимся потомъ. Потъ и потъ, проливной, обезсиливающій, изнуряющій! Ляжешь спать совсѣмъ даже безъ одежды и все-таки обливаешься потомъ такъ, что простыню изъ подъ себя выжимаешь—вся мокрая до нитки! И понятно, спать не можешь. Весь исходишь потомъ, слабѣешь, изнуряешься безсонницей и бѣгаешь вотъ ночью хоть бы на эту пристань, потому что всеравно сна нѣтъ и дома невыносимо... Проклятый городъ, подлый городъ; проклятое, трижды проклятое мѣсто! Красивая, дьявольски живописная, но сплошь зловредная міазма!...

Расположенъ Сухумъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, на мѣстѣ древняго города Діоскуріи. Вѣрно это, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ въ бухтѣ Сухума на нѣсколькихъ футахъ глубины видны, по изслѣдованіямъ Чернявскаго [1]), остатки цѣлаго города съ улицами, площадями, фундаментами зданій.

Съ 1578 г. турками основано было здѣсь на мѣстѣ генуэзской крѣпости укрѣпленіе Сухумъ-Кале, остатки котораго сохранились понынѣ.

Завоеваніе Сухума русскими относится къ 1809 г., но «долгое еще время послѣ этого край оставался въ прежнемъ враждеб-

---

[1]) Извѣстія Р. Геогр. О. 1877 № 5.

номъ къ намъ положеніи». Въ 1839 г. Сухумъ имѣлъ еще «очень печальный видъ. Высокія каменныя стѣны, подмываемыя морскимъ прибоемъ, были очень повреждены со стороны моря, внутреннее пространство занято деревянными помѣщеніями гарнизона и службами. Все это было ветхо, гнило, грязно. Жители имѣли видъ болѣзненный, изнуренный, апатичный. Форштатъ состоялъ изъ нѣсколькихъ духановъ, гдѣ армянскіе торгаши продавали водку, спиртъ, табакъ и другіе подобные товары, необходимые для солдатъ» [1]).

Э. Реклю въ послѣднемъ изданіи «Земля и Люди» назвалъ еще Сухумъ «незначительнымъ мѣстечкомъ, претендующимъ на названіе города». Съ 1866 г. Сухумъ сталъ административнымъ центромъ новообразованнаго Сухумскаго округа. Въ послѣднюю войну съ турками 187⁷/₈ г. Сухумъ подвергся сильной непріятельской бомбардировкѣ турецкой эскадрой при участіи возставшихъ окрестныхъ абхазцевъ, сожженъ и въ значительной части разрушенъ. Слѣды ея видны на нѣкоторыхъ зданіяхъ и нынѣ.

Теперь Сухумъ имѣетъ около 11 тысячъ жителей разныхъ національностей. Въ общемъ онъ производитъ впечатлѣніе полуевропейскаго, полуазіатскаго города. Часть города почти сплошь занята лавками, торгующими преимущественно мелочнымъ и притомъ азіатскимъ товаромъ: коврами, кавказскими поясами, кинжалами, разными кавказскими серебрянными издѣліями, кавказскими матеріями, башлыками и т. п. Тутъ же ютятся фруктовыя лавки, лавки съ продажею винъ, но большею частію не мѣстныхъ, а кахетинскихъ, потому что вино изъ мѣстнаго винограда изабелла довольно плохо. Тутъ же и столовыя для простонародья, чувячныя мастерскія, раскрытыя настежь цирульни.

Жизнь Сухума—на улицѣ. Кофейни и рестораны при гостинницахъ начинаютъ работать съ ранняго утра. Съ ранняго утра до самаго поздняго вечера тутъ постоянно народъ. Играютъ въ кости, пьютъ, ѣдятъ, устраиваютъ сдѣлки, все это на виду, на затѣненныхъ легкими крышами верандахъ кофеенъ и ресторановъ.

---

[1]) Филиппсонъ. Воспоминанія, стр. 195

Мѣстами ночью на тѣхъ же столахъ, гдѣ раньше ѣла и пила вся эта разношерстная публика изъ туземцевъ, инородцевъ и русскихъ, можно видѣть утомленныхъ дневной работой лакеевъ, мирно спящихъ на этихъ импровизированныхъ кроватяхъ. На улицахъ, на бульварѣ, на пристаняхъ видишь европейскіе костюмы сухумской и пріѣзжей интеллигенціи, рядомъ съ русскими босяками, съ разношерстной толпой инородцевъ и туземцевъ. Тутъ и красивые стройные обхазцы въ черкесскахъ и папахахъ, осетины, грузины, мингрельцы въ ихъ національныхъ костюмахъ, и турецкіе греки и рабочіе-турки въ фескахъ или съ открытой головой, но непремѣннымъ башлыкомъ на плечахъ. Почти не видно только туземныхъ женщинъ.

Слышится чуждый говоръ, говоръ на разныхъ незнакомыхъ языкахъ. Иной по русски не понимаетъ ни слова, иной хотя и пробуетъ отвѣчать на ваши вопросы, но лопочетъ что то совсѣмъ мало понятное. По временамъ слышенъ призывной рожокъ проводника дилижанса, ѣдущаго на Афонъ или Гадаутъ, проѣзжаютъ извощики, линейки, дилижансы, ломовики везутъ грузъ на пароходную пристань. Но оживлены, главнымъ образомъ, набережная и торговая сторона. Въ остальныхъ частяхъ города довольно безлюдно.

Постройки въ городѣ обыкновенныя, какъ во всякомъ русскомъ уѣздномъ городѣ, въ общемъ довольно чистенькія (я не говорю о затѣйливыхъ виллахъ въ дачномъ районѣ, которыя впрочемъ сохраняютъ тотъ же характеръ, какъ напр., подъ Одессой на Фонтанахъ и во всѣхъ дорогихъ дачныхъ мѣстностяхъ). Улицы широкія, прямыя, хорошо распланированныя. На набережной нѣсколько гостинницъ, въ большинствѣ которыхъ однако довольно шумно и неособенно чисто, но сравнительно дешево [1]). Вообще

---

[1]) Въ ресторанѣ на набережной близъ бульвара, гдѣ я жилъ, такса на кушанья: порція супу, борща, щей 20 к., отбивныхъ котлетъ телячьихъ, ростбифа 30 к., бефъ-строгоновъ 30 к., котлетъ рубленыхъ 25 к. Въ 1901 г. лѣтомъ стоили: сахару фунтъ 16 к., яицъ десятокъ 18—20, бутылка молока 10 коп., лимоны были сравнительно доро-

человѣку здоровому, нетребовательному, негоняющемуся за удобствами, холостяку, могущему, напр., питаться въ ресторанахъ, жизнь обойдется не дорого.

Но неприспособленность большинства жилищъ (въ особенности для пріѣзжихъ больныхъ) [1]), отсутствіе въ нихъ многихъ удобствъ, дороговизна построекъ и плановыхъ участковъ, дороговизна рабочихъ рукъ и пр. имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что для пріѣзжихъ больныхъ, требующихъ извѣстныхъ условій жизни, въ особенности для пріѣзжающихъ цѣлыми семьями,—тѣмъ болѣе «въ сезонъ»—жизнь въ Сухумѣ складывается не дешево Въ болѣе культурныхъ центрахъ сравнительно много большія удобства жизни можно получить, если не за меньшую, то, по крайней мѣрѣ, за ту же цѣну.

Многое однако можно простить Сухуму за его роскошные сады, какъ находящіеся въ самомъ городѣ, такъ и расположенные въ его окрестностяхъ: ботаническій, городской, великаго князя Александра Михайловича, г.г. Рукавишникова, Ноева и др. О нихъ однако слишкомъ много писалось, чтобы можно было сказать еще что либо новое. Едва вы вступаете въ одинъ изъ такихъ садовъ, едва успѣетъ захлопнуться за вами калитка сада и вы уже среди тропической природы! Чудныя и разнообразныя пальмы, бананы, гитантскіе кактусы, великолѣпные драцены, олеандры, стройныя магноліи, высокіе бамбуки, эвкалипты, пробковое дерево, чайное, элегантныя криптомеріи, рѣдкіе экземпляры хвойныхъ деревьевъ, апельсины, лимоны, лаковое и восковое дерево, японская хурма, славящіяся нѣжнымъ колоритомъ и замѣчатель-

ги—4 к. штука (они здѣсь хотя и созрѣваютъ, но разводятся въ маломъ количествѣ и потому привозятся изъ Трапезунда). Сыру и колбасы нельзя было достать (кромѣ копченой) потому что при здѣшней жарѣ они скоро портятся; мясо, несмотря на то, что оно, по недостатку скота (вслѣдствіе рѣдкости сельскаго населенія) въ окрестностяхъ, выписывается изъ Новороссійска, обходится 12 к. за фунтъ.

[1]) Многіе дома безъ двойного пола, нерѣдко безъ сѣней, безъ двойныхъ рамъ, многія квартиры, сдаваемыя пріѣзжимъ, не имѣютъ мебели.

ною тонкостью красокъ сухумскія розы, сотни самыхъ разнообразныхъ цвѣточныхъ растеній—все это сосредоточено въ этихъ по истинѣ роскошныхъ садахъ и растетъ подъ открытымъ небомъ! Недаромъ же наши ученые изслѣдователи побережья—проф. Красновъ и Постерницкій единогласно находятъ, что Колхида, обладающая флорою болѣе пышной и болѣе богатой мѣстными видами, чѣмъ атлантическое побережье Западной Европы, даетъ возможность какъ культурѣ западно-европейскаго, средиземноморскаго, такъ и культурѣ китайскаго и японскаго типовъ. *Именно въ этомъ* они находятъ залогъ *культурнаго будущаго* этой части побережья, лишь бы были только необходимыя «*знанія* и *средства*».

Прекрасны и разнообразны также горныя окрестности Сухума. Онѣ не только живописны, онѣ оригинальны, своеобразны, крайне интересны. Куда не двинешься, повсюду все не то, съ чѣмъ свыкся, что обыкновенно ожидаешь отъ сельскаго пейзажа: не тѣ посѣвы, не тѣ постройки, не тѣ люди, не та у нихъ одежда, не тотъ скотъ и пр. и пр.

Вотъ рядомъ съ дорогой, по которой вы выѣхали изъ города, громадная лужа топкой черной грязи—цѣлое грязевое болото—и въ ней застряла двухколесная арба, запряженная парой буйволовъ! Они легли на дно грязевой лужи, надъ поверхностью которой видны только ихъ черныя морды съ широко раскинутыми рогами и съ наслажденіемъ помахиваютъ въ ней хвостами, разбрасывая при этомъ цѣлыя хлопья грязи. Арба тоже наполовину въ грязи и на краяхъ ея съ восточнымъ спокойствіемъ сидятъ другъ противъ друга два туземца въ ожиданіи, когда упрямыя животныя, которыхъ они не могли во-время удержать отъ наслажденія поваляться въ грязи, освѣжатся настолько, чтобы послушаться палочныхъ ударовъ и выйти опять на дорогу. Навстрѣчу вамъ верхомъ ѣдетъ абхазецъ въ черкескѣ и папахѣ, ведя въ поводу пару лошадей, навьюченныхъ какимъ то грузомъ. Тамъ на пригоркѣ, въ тѣни обрыва огромной горы въ самыхъ небрежныхъ позахъ расположилась отдыхать группа мингрельцевъ въ своихъ «испанскихъ» костюмахъ изъ короткихъ курточекъ и суживающихся

книзу цвѣтныхъ шароваръ. Къ откосу скалы приткнута сложенная изъ камня низкая хатка, а на крышѣ ея и надъ нею на отвѣсныхъ откосахъ горы бродятъ козы. Дорогой вы перегоняете группы возвращающихся изъ города съ базара сельчанъ въ ихъ разнообразныхъ костюмахъ, ведущихъ иногда въ поводу маленькихъ ишаковъ, навьюченныхъ какимъ то товаромъ. Дорога ваша идетъ то по ровной пышно зеленой полянѣ, обрамленной съ обѣихъ сторонъ круто подступающими къ ней горами, то переходитъ черезъ узенькій мостикъ надъ журчащимъ внизу на большой глубинѣ ручейкомъ. За ручьемъ она тянется по самому краю крутого обрыва, дна котораго совсѣмъ не видно съ вашего экипажа, или вздымается по краю горы на большую высоту, откуда вамъ открываются все новые и все болѣе живописные виды.. Все это ново, оригинально, красиво, интересно!

Но обратите вниманіе на природу Колхиды, на ея оригинальную фауну, на разнообразіе и оригинальность роскошной флоры ея!

Со всѣхъ сторонъ съ того момента, какъ вы въѣхали въ лѣсъ, раздается мелодичное пѣніе цикадъ, масса розпообразныхъ жуковъ и разноцвѣтныхъ крупныхъ размѣровъ бабочекъ порхаетъ вокругъ; въ ночное время эти бабочки смѣнются массою летающихъ свѣтляковъ, тогда какъ музыка цикадъ замѣнится пѣніемъ сверчковъ въ перемежку съ непріятнымъ воемъ шакаловъ. Но вотъ вы остановились гдѣ нибудь въ тѣни, чтобы отдохнуть и перекусить и едва вы открыли свои дорожные запасы, какъ уже осы почуяли съѣстное и начинаютъ вамъ надоѣдать своимъ приставаніемъ; съ ихъ надоѣдливостью приходится бороться здѣсь почти такъ же, какъ у насъ съ мухами и комарами. Они опустошаютъ фруктовые сады, вмѣстѣ съ муравьями портятъ домашніе запасы [1]).

Интересную особенность колхидской растительности составляетъ роскошь зеленыхъ покрововъ при сравнительной бѣдности

[1]) а масса разнообразныхъ насѣкомыхъ, заводящихся въ деревѣ, приводятъ въ негодность постройки.

ихъ цвѣтами. «Здѣсь если есть цвѣты—говоритъ проф. Красновъ [1])—они ютятся или на болѣе сыромъ мѣстѣ, или разцвѣтаютъ, какъ дряква (Cyclamen), раннею весною или даже зимою»... «Нива остается совершенно голою»... «Украшеніе лѣсовъ Колхиды, какъ и другихъ субтропическихъ областей, составляютъ цвѣтущія *деревья и кустарники»*. За то рядомъ съ этою характерною чертою мѣстной флоры [2]) является присутствіе вѣчно зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ, каковы лавръ, радодендронъ, самшитъ, лавровишня, пáдубъ. Эти вѣчно зеленыя формы—говоритъ по этому поводу тотъ же проф. Красновъ [3])—дѣлаютъ здѣшнія зимы [4]), какъ и зимы Японіи и Ю. Штатовъ Америки, *зелеными зимами*».

Интересна, разноообразна и отливаетъ яркой, веселой, сочной зеленью растительность ближайшихъ сельскихъ окрестностей Сухума. На предгорьяхъ лѣсныя заросли красиво чередуются съ голыми уступами скалъ, съ плантаціями табаку, маиса и разбросанными въ разныхъ мѣстахъ хижинами, между которыми прихотливо извиваются узкія горныя дороги и тропинки. Чѣмъ ближе къ вершинамъ этихъ предгорій, тѣмъ болѣе увеличивается лѣсистость мѣстности. Чѣмъ дальше въ горы, тѣмъ лѣсъ пышнѣе, роскошнѣе, гуще. Тамъ лѣсъ проникъ всюду, захватилъ все подъ себя. Не довольствуясь пологими склонами горъ, лѣсныя поросли вскарабкались на отвѣсные обрывы и оттуда съ отвѣсныхъ, наклонившихся надъ горной тропою уступовъ скалъ, спускаются свѣсившіяся съ деревьевъ зеленыя гирлянды ліанъ ломоноса, цѣпкой ежевики, плюща, сассапарели.

Удалитесь по возможности въ глубь этой горной страны, въ ея лѣсныя чащи! Внизу почва пропитана влагой, въ густой лѣсной чащѣ она не просыхаетъ даже въ сильные лѣтніе жары, потому что зеленая шапка сплошь перевитаго ліанами лѣса

---

[1]) Русская Колхида. «Кавк. Вѣстникъ» 1901 г. № 1.

[2]) т. е. бѣдностью травяной растительности цвѣтами.

[3]) Тамъ же.

[4]) Надо сказать, что снѣгъ здѣсь бываетъ почти каждую зиму но обыкновенно не болѣе одного—двухъ разъ и лежитъ не болѣе 1—5 дней.

почти не пропускаетъ свѣта. Тамъ полусумракъ, сыро и душно словно въ теплицѣ, а одуряющій ароматъ цвѣтущихъ жасминовъ и азалій кружитъ голову. Карагачъ, бѣлый тополь, липа, дубъ, ольха, грабъ, кленъ, каштанъ, лавръ, букъ все это сплотилось въ густую заросль, перевитую ліанами настолько густо, что черезъ лѣсъ нѣтъ прохода безъ помощи топора или кинжала. Немудрено, что лѣтомъ здѣсь вѣчная сырость—вѣчный источникъ лихорадокъ. Но недоступный и опасный въ лѣтнюю пору, лѣсъ этотъ и доступенъ и прекрасенъ весною. Тогда онъ «дѣлается полнымъ очарованія, чѣмъ то сказочнымъ» [1]). Благодаря тому, что лѣсъ еще не сполна одѣлся зеленью и не успѣли еще разростись ліаны, въ немъ есть широкіе просвѣты и можно найти проходъ въ чащѣ лѣса. Тогда на путника «со всѣхъ сторонъ свѣшиваются съ вѣтокъ деревьевъ благовонныя гроздья нѣжнорозовыхъ цвѣтовъ каприфоли; дикая роза, взобравшись высоко на дерево, падаетъ внизъ пышными гирляндами. Благовонія льются отовсюду рѣкой. Вѣчнозеленая лавровишня, въ своемъ весеннемъ нарядѣ изъ снѣжнобѣлыхъ цвѣтовъ, испускаетъ тонкій ароматическій запахъ, напоминающій черемуху». Сплошная чаща вѣчнозеленаго понтійскаго рододендрона, «красы и гордости колхидскихъ лѣсовъ», вся усыпана крупными букетами лиловыхъ и розовыхъ цвѣтковъ. «Едва ли въ какой-нибудь оранжереѣ можно найти болѣе пышное сочетаніе цвѣтовъ и ароматовъ!»

По мѣрѣ подъема въ гору густота лѣса уменьшается, ліаны постепенно исчезаютъ, за то деревья становятся выше, стройнѣе; сопровождаемые купами густоразросшихся лавровишенъ и рододендроновъ могучіе каштаны, буки и дубы высоко поднимаются къ небу. Поднимитесь еще выше въ гору—тамъ на первое мѣсто выступаютъ уже гигантскіе хвойные исполины, имѣющіе своимъ подножіемъ пышныя кавказскія лиліи, огромныя зонтичныя—«гигантскую подальпійскую растительность, скрывающую за собой всадника съ лошадью»...

---

[1]) Альбовъ. Очеркъ растительности Колхиды. «Землевѣдѣніе» 1896 г. т. III.

Такова вообще пышная, своеобразная и разнообразная растительность Колхиды тамъ, гдѣ ее не коснулась рука человѣка. Ясно, что и для человѣка, бывавшаго на югѣ Европы, здѣсь найдется много такого, своеобразнаго, оригинальнаго, невиданнаго, что посмотрится съ большимъ интересомъ. Немудрено, что, повидавъ такія мѣста, обозрѣвъ красоты Гагръ, Гадаута, Афона, Сухума Кодора, Цебельды, Ольгинскаго [1])... невольно увлечешься мыслью объ этомъ чарующемъ глазъ царствѣ зелени, объ этомъ *своемъ* тепломъ чудномъ югѣ, чудномъ, очаровательномъ... хотя и небезопасномъ, который... который, если не увлекаться имъ слишкомъ... на нѣкоторомъ пространствѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ можетъ служить даже и «ривьерой»...

Сухумомъ кончается тотъ районъ побережья, съ которымъ мнѣ удалось познакомиться не только по литературнымъ источникамъ, но и по возможности непосредственно. Дальше я не былъ. Но для полноты картины, для полноты характеристики побережья, такъ сказ., съ курортной точки зрѣнія, я приведу здѣсь краткіе отзывы послѣднихъ по времени описателей побережья о болѣе выдающихся пунктахъ остальной части его.

Слѣдующая послѣ Сухума остановка рейсового парохода у мѣстечка Очемчиръ, расположеннаго на низменномъ песчаномъ берегу моря при устьѣ р. Гализги. «На всемъ Кавказѣ нѣтъ болѣе злокачественной и продолжительной лихорадки, какъ здѣсь» [2]).

Далѣе—г. Поти. «Улицы грязныя, бульваръ жалкій, купаленъ нѣтъ». «Въ санитарномъ отношеніи оставляетъ желать многаго» [3]). «Лихорадка, явленіе совершенно обычное въ городѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водами». «Окрестности верстъ на 40 отъ Поти представляютъ собой низкія, болотистыя мѣста съ корявою растительностью» [4]).

---

[1]) Отдаленныя окрестности Сухума.

[2]) Москвичъ. Путевод. по Кавказу.

[3]) Тамъ же.

[4]) Васюковъ. «Край гордой красоты».

Затѣмъ Батумъ. «Самое зло Батума, зло едва ли поправимое—это малярія, несомнѣнный результатъ громадной влажности климата и обширныхъ болотъ, окружающихъ этотъ городъ». «Берегитесь батумской маляріи и пріѣзжайте въ Батумъ посмотрѣть, полюбоваться на дѣйствительно чудную батумскую флору, на оригинальный городъ и на красивое море. Поживите, но не заживайтесь». «Дно морского берега каменистое и вообще купанье въ Батумѣ не важное». «Климатъ тепличный». «Влажность необычайная». «Въ такой атмосферѣ организмъ становится вялымъ, голова работаетъ лѣниво, постоянная жажда и выдѣленіе пота мучитъ человѣка, испытывающаго при этомъ адскую жару, жару удушливую, трудную жару» [1])

---

[1]) Тамъ же.

VI.

Земельные вопросы Побережья.

Исторія частнаго землевладѣнія въ краѣ. Условія образованія частной собственности. Результаты частновладѣльческаго хозяйства. Причины неуспѣха его. Вредныя послѣдствія мѣропріятій по усиленному насажденію частнаго землевладѣнія. Повышеніе цѣнъ и земельная спекуляція. Неблагопріятное ихъ вліяніе на распространеніе культуры. Послѣдствія увлеченія „русской ривьерой".

Итоги прошлой колонизаціи берега трудовымъ земледѣльческимъ элементомъ. Вопросъ о колонизаціи русскими и „чужеземцами". Племенной составъ населенія. Вліяніе чужеземцевъ и мѣстныхъ условій на русскихъ засельщиковъ края. Новая надѣльная норма. Организація заселенія побережья по закону 1897 г. Первые шаги переселенца на побережьи. Бурлаки и босяки. Заготовленіе переселенческихъ участковъ, дефекты ихъ, недостатокъ путей сообщенія. Заключеніе.

Курортъ за курортомъ, мы обозрѣли въ предыдущихъ главахъ все побережье отъ Новороссійска до Батума. Обозрѣніе это, начиная со второй главы, какъ знаютъ читатели, касалось преимущественно именно курортовъ. Этому были двѣ причины. Во-первыхъ то, что центръ и сущность колонизаціонной политики послѣднихъ лѣтъ сводились именно къ обращенію побережья въ рядъ курортовъ. А такъ какъ цѣль настоящихъ очерковъ заключается между прочимъ въ выясненіи, насколько правильно поставлено дѣло колонизаціи побережья, то о курортахъ и приходилось говорить главнымъ образомъ. Во-вторыхъ, погоня за курортами, а также и за насажденіемъ здѣсь частнаго

владѣнія, привела, съ одной стороны, даже къ отселенію и выселенію части сельскаго населенія подальше отъ курортовъ (нѣкоторые случаи этого были уже указаны выше), съ другой, къ обращенію значительной части—и лучшихъ—побережныхъ земель въ частную собственность лицамъ привиллегированныхъ сословій. Такимъ образомъ, въ полосѣ курортовъ оказалось весьма малое количество мужика, почему и говорить о немъ каждый разъ особо нѐ имѣло смысла.

Но само собою понятно, что если не имѣло значенія останавливаться на описаніи отдѣльныхъ сельскихъ поселковъ, то это не исключаетъ необходимости (въ дополненіе къ тому, что уже говорилось о немъ въ предыдущихъ главахъ) поговорить наконецъ теперь и о мужикѣ. Поэтому ему будетъ предоставлено свое мѣсто вслѣдъ за окончательнымъ выясненіемъ вопроса о «заселеніи и оживленіи» побережья курортами и насажденіемъ здѣсь «интеллигенціи» на раздававшихся въ частное владѣніе земляхъ побережья, такъ какъ такое «оживленіе» края находится въ тѣсной связи съ судьбой мужика.

Собственно говоря, стремленіе насадить на побережьѣ частное землевладѣніе, отдавъ при этомъ значительную часть его земель въ руки привиллегированныхъ классовъ, имѣетъ своимъ началомъ сравнительно отдаленное время. Главный ревнитель этого дѣла покойный гофмейстеръ Абаза (онъ же и мѣстный землевладѣлецъ) въ этомъ отношеніи былъ только настойчивымъ продолжателемъ того, что до него было придумано и начато уже другими. Съ того времени, какъ край былъ завоеванъ русскими войсками, коренное горское населеніе вытѣснено изъ него и лишено права пользованія землями, вся земля, естественно, принадлежала только нашей «матушкѣ-казнѣ» и, слѣдовательно, никакого частнаго землевладѣнія тогда не было [1]). Но «казна», съ одной стороны, хотѣла

---

[1]) Читатель, разумѣется, замѣтилъ уже, что частновладѣльческія земли принадлежащія владѣльцамъ не русскаго происхожденія сохранились только, начиная съ Абхазіи. Это произошло благодаря особымъ обстоятельствамъ имѣвшимъ мѣсто при присоединеніи Абхазіи къ

скорѣе колонизовать край какими бы то ни было путями, съ другой, не очень и цѣнила эти ненаселенныя, «впустѣ лежащія» земли. Извѣстно кромѣ того, что у насъ въ Россіи насажденіе частнаго землевладѣнія всегда считалось въ правительственныхъ сферахъ полезнымъ для государства. Раздача же земель въ частное владѣніе лицамъ привиллегированныхъ сословій, съ одной стороны, давала нѣкоторую надежду на приложеніе къ землѣ извѣстныхъ научныхъ познаній, съ другой, давала правительству возможность вознаграждать землею своихъ служащихъ. Совершенно понятно поэтому, что насажденіе въ краѣ частнаго землевладѣнія было вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ такого отношенія къ данному вопросу.

Читатель помнитъ, разумѣется (см. главу I), что насажденіе его началось еще съ момента поселенія здѣсь козаковъ, такъ какъ охотники, шедшіе сюда съ Кубани добровольно, сверхъ участія въ долѣ общиннаго надѣла, получали право на 10 десятинъ въ личную собственность. Въ предыдущемъ изложеніи упомянуто было также, что по закону 1870 г. бывшее офицерство козаковъ, при обращеніи козаковъ въ крестьянство, получило въ потомственную собственность всѣ находившіяся въ фактическомъ пользованіи офицеровъ общинныя усадьбы и сверхъ того по 200—400 десят. на семью.

Но насажденіе частной собственности этимъ не ограничилось. Кромѣ того, много земель было пожаловано разнымъ лицамъ преимущественно изъ числа героевъ кавказской войны. Въ старыя времена раздача этихъ, не имѣвшихъ тогда цѣнности, земель въ вознагражденіе за заслуги могла, конечно, считаться даже операціей весьма выгодной для казны. Но нельзя не сказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ она иногда могла быть разсматриваема и какъ «на тебѣ, Боже, что намъ не гоже». На побережьѣ мнѣ

Россіи. Но и тамъ много земель роздано уже въ частное владѣніе лицамъ привиллегированныхъ сословій русскаго происхожденія (да и то, что осталось за туземными владѣльцами, является большею частію тоже какъ вновь пожалованное имъ).

по этому поводу пришлось, между прочимъ, слышать анекдотическій, но очень характерный разсказъ о томъ, какъ одинъ получившій подобное пожалованіе генералъ сообщалъ эту вѣсть своей супругѣ. Жена въ первый моментъ пришла было въ восторгъ отъ мысли, что и у нихъ будетъ наконецъ «своя собственность» и при томъ на столь тепломъ югѣ. Но затѣмъ она тотчасъ же пришла въ ужасъ, вспомнивъ о тамошнихъ смертельныхъ лихорадкахъ, о возможности разбойничьихъ нападеній оставшихся еще въ горахъ горцевъ, объ отсутствіи мало-мальски удобныхъ путей сообщенія и заявила генералу категорически, что ни она, ни дѣти ея ни за какія блага въ мірѣ не поѣдутъ туда не только жить, но даже и посмотрѣть пожалованыя земли. Высказанное женою предположеніе, что за эту бездоходную землю «заставятъ можетъ быть еще платить какіе-нибудь налоги», напомнило и генералу о неизбѣжности при ненаселенности мѣстности крупныхъ затратъ на постройку тамъ хотя небольшой хаты, о трудности и дороговизнѣ полученія продуктовъ. Все это привело генеральшу въ такой ужасъ, что она категорически потребовала отъ генерала сейчасъ же отказаться отъ пожалованія. Но на этомъ пунктѣ всегда послушный генералъ оказался неустрашимымъ и неприступнымъ, «такъ какъ отказаться отъ пожалованнаго невозможно». Тогда состоялся компромисъ на томъ, что супруги рѣшили про пожалованную землю забыть, а въ случаѣ если прикажутъ платить какіе-либо за нее налоги, то при настойчивомъ требованіи по возможности уплачивать ихъ изъ пенсіи...

Къ розданнымъ, такимъ образомъ, землямъ принадлежитъ напр., большая часть земель на упоминавшемся выше громадномъ пространствѣ береговой полосы и прилегающихъ къ ней земель между р.р. Псезуапе и Шахе, которые, проф. Пастернацкій характеризовалъ какъ оставленные владѣльцами «въ первобытномъ состояніи и схоронившими подъ зарослями лѣса культуру черкесовъ». Таковы также частновладѣльческія земли близъ Геленджика на Михайловскомъ перевалѣ, гдѣ имѣется девять такихъ Высочайше пожалованныхъ участковъ (всего около 8000 дес.). Большая часть изъ нихъ перепродана уже и перешла отъ получив-

шихъ пожалованія въ другія руки. Но и тѣ и другіе почти сплошь или даже и на всемъ пространствѣ пустуютъ, кромѣ одного, сданнаго было въ аренду на 10 л. (въ количествѣ около 500 д. изъ 1000) грекамъ изъ не русскихъ подданныхъ. Греки эти начали было ихъ разрабатывать, но съ изданіемъ закона, запрещающаго сдавать земли не русскимъ подданнымъ, удалились, другихъ же маломальски сносныхъ арендаторовъ не находится. Во время пребыванія моего на побережьѣ владѣльцы большей части этихъ участковъ па Михайловскомъ перевалѣ искали покупщиковъ (на цѣны 75—150 руб. за дес.), но охотниковъ на нихъ не находилось. Вообще, количество пожалованныхъ земель доходитъ на побережьѣ до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ при размѣрахъ приблизительно отъ 250 до 7000 десят. на одно лицо [1]).

Когда въ 1866 г. на побережье командирована была особая коммиссія для его изслѣдованія, ей поручено было обратить вниманіе на тѣ участки, «которые могутъ быть отводимы частнымъ лицамъ». Затѣмъ въ 1872 г. повелѣно было продать въ предѣлахъ Черноморскаго округа до 65.000 дес. и обратить выручку на дорожныя сооруженія. Земли продавались «только въ прибрежной полосѣ» за плату по 10 р. за десятину въ разсрочку на 10 лѣтъ безъ процентовъ и этимъ путемъ къ 103 лицамъ отошло 60.568 десятинъ казенной земли въ одномъ только этомъ округѣ,—въ разныхъ частяхъ его.

Въ семидесятыхъ же годахъ организованъ былъ комитетъ по устройству лотереи въ пользу благотворительныхъ и женскихъ учебныхъ заведеній, состоящихъ подъ покровительствомъ велик. княг. Ольги Θеодоровны, для *розыгрыша кавказскихъ казенныхъ земель*, разбитыхъ на участки по 50—200 дес. каждый, и до-

---

[1]) Въ Абхазіи, по свѣдѣніямъ И. В. Захарьина («Истор. Вѣстн.» 1901 г., № 8), у однихъ только князей Шервашидзе болѣе 20 тыс. дес. пожалованной земли, тянущейся на протяженіи 50 в. по берегу «на пожалованныхъ земляхъ въ большинствѣ случаевъ и владѣльцы ихъ и не живутъ и хозяйства не ведутъ».

ставшихся затѣмъ разнымъ лицамъ. «Такъ какъ билеты лоттереи продавались всюду по Россіи—говоритъ по этому поводу Я. Г. Сиповичъ [1])—то многіе изъ новыхъ владѣльцевъ, которымъ достались участки, навѣрное, и не представляли ясно, гдѣ именно находятся ими пріобрѣтенныя земли. Поѣхать и посмотрѣть на свои участки въ тѣ времена было трудно, такъ какъ ни желѣзной дороги до Новороссійска, ни шоссе изъ Новороссійска еще не было. Поэтому до начала 90-ыхъ годовъ всѣ эти земли лежали впустѣ; только нѣкоторые изъ этихъ участковъ арендовались греками, которые, пользуясь отсутствіемъ надзора за оставленными участками, эксплуатировали и ихъ». При этомъ они старались эксплоатировать, конечно, только то, что давалось безъ труда, безъ расхода на расчистку, т. е. то, что и такъ было почти совсѣмъ готово для посѣвовъ и посадокъ тѣхъ или другихъ сельско-хозяйственныхъ растеній. Вслѣдствіе этого, распространеніе культуры на еще неразработанныя земли, разумѣется, очень мало подвигалось впередъ [2]).

Такіе и купленные отъ казны и выигранные въ лотерею участки имѣются во всѣхъ частяхъ побережья, но большинство ихъ тоже пустуетъ [3]). Пустуютъ они въ большинствѣ и въ Сочинскомъ и во всѣхъ другихъ округахъ, и около Геленджика и близъ Туапсе и въ окрестностяхъ Сухума; большинство же вла-

---

[1]) Очеркъ развитія хозяйства въ Джанхотѣ. Труды съѣзда виноградовлад. и виноградарей Черноморской губерніи въ Новороссійскѣ, въ 1899 г.

[2]) что надо сказать также и о покупавшихся земляхъ.

[3]) «Въ былое время—говоритъ проф. Пастернацкій—у черкесовъ здѣсь (въ предѣлахъ Сочинскаго округа—въ средней и нижней терасѣ побережья)—больше всего было пахатныхъ полей, ауловъ и садовъ, а нынѣ земли этихъ мѣстностей, составляя собственность частныхъ владѣльцевъ, находятся подъ зарослями и въ запустѣніи, не принося никакого дохода владѣльцамъ ихъ—если не считать небольшихъ участковъ, отдаваемыхъ армянамъ и грекамъ въ аренду отъ 1—2 р. за дес.».

дѣльцевъ ихъ живетъ гдѣ то на сторонѣ «въ Россіи», вообще гдѣ угодно, но только не на своихъ земляхъ.

Но изложеннымъ еще не исчерпываются способы, при помощи которыхъ созидалась частная собственность въ краѣ. Къ той же категоріи мѣръ, направленныхъ къ развитію личной поземельной собственности, надлежитъ отнести и раздачу такъ называемыхъ культурныхъ участковъ, которые на основаніи устава о сельск. хоз. и закона 1866 г. раздавались подъ высшія сельско-хозяйственныя культуры съ обязательствомъ развести на нихъ въ теченіе 10 лѣтъ извѣстное количество туты, плодовыхъ деревьевъ, или виноградной лозы. Цѣна земли для выкупа ея въ собственность назначалась по 10 руб. за десятину съ уплатою въ разсрочку по 1 р. въ годъ, т. е. почти даромъ. Такимъ путемъ отведено было въ 63 участкахъ 3.965 десятинъ [1]). Въ 1896 г. опубликовано было одинъ за другимъ два мнѣнія Государственнаго Совѣта «объ основаніяхъ отвода частнымъ лицамъ казенныхъ свободныхъ земель» въ окрестностяхъ Новороссійска, Туапсе и Сочи на условіи, что въ теченіе пяти лѣтъ владѣлецъ каждаго участка долженъ для полученія права на закрѣпленіе его за собой закультивировать не менѣе $^1/_4$ части полученной земли. Въ силу этого, лицо, получившее такой участокъ, обыкновенно и принимало всѣ мѣры (преимущественно путемъ подряда кого-либо изъ мѣстныхъ людей для этой цѣли), чтобы къ концу пятаго года четвертая часть участка имѣла видъ земли обращенной подъ культуру. Положеніе владѣльца участка въ этомъ отношеніи облегчалось, повидимому, еще и снисходительнымъ отношеніемъ контролирующихъ лицъ, знавшихъ какъ трудно распространяется культура въ краѣ и на сколько затруднительно лицу, въ немъ не живущему, полностью и съ надлежащей добросовѣстностью исполнить въ этомъ отношеніи требованія закона. Въ результатѣ участокъ надлежащимъ образомъ закрѣплялся за лицомъ, его получившимъ. Нечего и говорить, что этимъ самымъ устранялась необходимость

[1]) Клингенъ. „Основы хоз. въ соч. окр.“, стр. 71. Данныя относятся къ «Черноморскому округу».

не только дальнѣйшаго распространенія культуры на остальные $^{3}/_{4}$ участка, но даже и веденія настоящей, а не показной только, культуры на первой четверти. Въ то же время этимъ закрѣпленіемъ участка за лицомъ, его получившимъ, открывалась полная возможность его продажи за хорошую цѣну, что и было завѣтною цѣлью многихъ владѣльцевъ такихъ участковъ. Раздача такихъ участковъ продолжается и нынѣ. Изъ предыдущаго извѣстно также, что кромѣ такой раздачи практиковалась и практикуется еще и раздача дачныхъ и городскихъ участковъ, а частію и продажа таковыхъ; о «культурныхъ» результатахъ такой раздачи сказано уже было въ своемъ мѣстѣ, когда рѣчь шла о заселеніи Хосты и Романовска.

Результатъ этихъ пожалованій, продажъ, лоттерей и раздачъ видѣнъ на слѣдующемъ распредѣленіи цифры земли въ (одной только) черноморской губерніи,—цыфры, очевидно неполной, такъ какъ она, съ одной стороны, не исчерпываетъ 15.000 десятинъ изъ всей площади земли въ ней, съ другой—относится къ 1899 г., послѣ котораго происходили новыя раздачи. Вотъ это распредѣленіе:

		% къ общему числу.
Казенныхъ	444.843 дес.	66
Надѣльныхъ	110.072 „	17
Частновладѣльч. . . .	110.636 „	17 [1])
Итого всѣхъ земель въ губерніи .	657.551 дес.	100

Изъ этого видно, что въ 1899 году количество земель этой губерніи, находящихся въ частномъ владѣніи уже равно было количеству надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ.

Если бы не послѣднія мѣропріятія Абазы, то столь значительный процентъ частновладѣльческихъ земель могъ бы пока-

---

[1]) Въ томъ числѣ 5153 дес. «надѣла» г. Новороссійску, отнесеннаго къ категоріи частновладѣльческихъ земель, потому что городскіе домовладѣльцы владѣютъ своими землями на правахъ частной собственности, какъ и самъ городъ. Данныя взяты изъ «Справ. книги» г. Леонтьева.

заться даже сомнительнымъ и невѣроятнымъ каждому, кто знакомъ съ исторіей этого вопроса на побережьѣ и съ отзывами по этому поводу прежнихъ изслѣдователей края. Вотъ, напр., каковы были результаты изслѣдованія положенія частновладѣльческаго хозяйства Я. К. Васильевымъ[1]) въ 1878 г., т. е. въ то время, когда въ рукахъ «интеллигентнаго класса землевладѣльцевъ, или какъ называютъ ихъ въ округѣ—помѣщиковъ» находилось уже около «65000 дес. *лучшей, производительной, удобнѣйшей* земли». Сѣверные, болѣе близкіе къ Новороссійску хозяйства, были сравнительно обезпечены рабочими руками и положеніе ихъ было облегчено сравнительной дешевизной предметовъ первой необходимости, въ отличіе отъ южныхъ близь Сочи и Адлера, находившихся въ совершенно обратномъ положеніи. По изслѣдованію Я. К. Васильева, въ большинствѣ имѣній не дѣлалось до того времени даже и попытокъ заводить хозяйство; въ нѣкоторыхъ были произведены «затраты значительныхъ суммъ, но дѣло велось безъ заранѣе обдуманнаго плана, за-глаза, посредствомъ лицъ некомпетентныхъ, скажемъ больше – невѣжественныхъ въ знаніи раціональной сельскохозяйственной науки» и въ ничтожнѣйшемъ меньшинствѣ къ хозяйству приложены были «трудъ, раціональныя знанія и капиталъ». Изъ купившихъ себѣ земли большинство купило ихъ «за-глаза, даже не видавши ихъ» и въ большинствѣ съ цѣлями спекулятивными—перепродать ихъ съ барышемъ!» Изъ 65,000 дес. къ 1876 г. подъ садами и виноградниками числилось только 200 дес. и большинство этихъ, тронутыхъ уже культурою, земель находилось въ сѣверной части округа близъ г. г. Новороссійска и Анапы... «Интеллигентный классъ, по выводу Я. К. Васильева изъ всѣхъ осмотрѣнныхъ имъ имѣній, *не оправдалъ ни задачъ колонизаціи, ни надеждъ общества и правительства* на развитіе въ краѣ высшей культуры. Его присутствіе въ округѣ является къ прискорбію *крайне вреднымъ*, во-первыхъ, потому что 7—8 лѣтъ тому назадъ превосходныя горскія угодья, сады, луга, пахатныя пространства и

---

[1]) Сборникъ Кавк. О. С. Х. 1879, в. II.

др. исчезли подъ пологомъ молодыхъ лѣсовъ и, во-вторыхъ, принадлежащіе нынѣ ему 65.000 десятинъ отняты для культуры у рабочаго элемента», а 65.000 десятинъ это—«площадь, вполнѣ достаточная для поселенія свыше 2.000 семействъ трудолюбиваго элемента!?» [1])

Заключенія, къ которымъ пришелъ по этому вопросу Я. К. Васильевъ, были на столько неблагопріятны для колонизаціоннаго дѣла побережья, что онъ высказался даже тогда, т. е. 25 лѣтъ тому назадъ, при значительно меньшемъ сравнительно развитіи частнаго землевладѣнія на побережьѣ, за необходимость *экспропріаціи* розданныхъ въ частное владѣніе земель (кромѣ разумно эксплоатируемыхъ ихъ владѣльцами) для разселенія на нихъ сельскаго туземнаго населенія.

Впослѣдствіи совершенно аналогично Я. К. Васильеву высказался о послѣдствіяхъ раздачи земель въ частную собственность и изучавшій этотъ вопросъ генералъ-лейтенантъ Старосельскій въ докладѣ главноначальствующему на Кавказѣ: по его мнѣнію, продажа земель въ частныя руки и раздача участковъ на выкупъ, на основаніи устава о сельскомъ хозяйствѣ, потерпѣла «*полную неудачу*».

Казалось бы, что такое прошлое не должно было располагать къ дальнѣйшему распространенію частнаго землевладѣнія; однако, какъ оказывается, на уроки исторіи далеко не всегда обращаютъ вниманіе. Доказательствомъ этому служитъ введеніе новыхъ мѣръ къ насажденію частнаго землевладѣнія (раздача культурныхъ участковъ, участковъ въ новообразуемыхъ городахъ и т. п.), которыми ознаменовалась дѣятельность гофмейстера Абазы по «заселенію и оживленію» края. Нетрудно было предвидѣть уже по даннымъ,

---

[1]) Повторяя эти выдержки, разъ уже употребленныя мною въ спеціальной статьѣ по вопросу о колонизаціи побережья («Народное хозяйство», 1902 г., № 6), долженъ оговориться, что въ настоящей главѣ мнѣ неизбѣжно придется частію повторить кое-что изъ того, что я писалъ тогда, дополнивъ изложенныя въ той статьѣ данныя новыми свѣдѣніями, въ то время мнѣ еще неизвѣстными.

собраннымъ предшествовавшими изслѣдователями, что и эти новыя мѣропріятія приведутъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и предыдущія раздачи и распродажи земель въ частную собственность. О результатахъ этихъ и состояніи частновладѣльческихъ хозяйствъ въ настоящее время читатель имѣетъ уже понятіе изъ предыдущаго изложенія. Слѣдовательно, распространяться по этому вопросу нѣтъ уже болѣе надобности, развѣ что привести лишнюю ссылку на слова еще одного компетентнаго изслѣдователя побережья за послѣдніе годы—И. Н. Клингена, опытнаго спеціалиста по сельскому хозяйству[1]), констатировавшаго, что *большинство* частновладѣльческихъ участковъ «представляютъ изъ себя по большей части *пустыню*, гдѣ цѣпкія ліаны схоронили жалкіе остатки нерѣдко крупныхъ капитальныхъ затратъ». Особенно любопытно то, что такой отзывъ высказанъ лицомъ, производившимъ изслѣдованіе побережья по спеціальному порученію, въ программу котораго входило это изученіе хода и положенія частновладѣльческаго хозяйства и что съ результатами этого изслѣдованія своевременно ознакомленъ былъ самъ Абаза, который однако даже и не подумалъ принять послѣ этого какія-либо мѣры къ сокращенію раздачи земель въ частное владѣніе.

Причинъ неуспѣха частновладѣльческаго хозяйства было, конечно, много и многія изъ нихъ были причинами общими— какъ неуспѣха частновладѣльческаго, тамъ и неуспѣха крестьянскаго, общиннаго хозяйства (которыя въ большинствѣ уже выяснены были въ I главѣ). Таковы: громадныя трудности, которыхъ вообще требуетъ устройство хозяйства на-ново въ ненаселенномъ и некультурномъ краѣ (такъ какъ извѣстно, что горская культура успѣла погибнуть до заселенія страны русскими), крайне нездоровый климатъ, отсутствіе путей сообщенія, отрѣзанность отъ населенныхъ мѣстностей непроходимыми горами, ненаселенность мѣстности, отсутствіе сбыта, нерѣдко (а у крестьянъ и часто) недостатокъ средствъ на первоначальное обзаведеніе и пр. и пр.

---

[1]) «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 71.

Главною изъ этихъ общихъ причинъ, повидимому, надо считать незнакомство тѣхъ и другихъ засельщиковъ съ краемъ, съ почвенными и климатическими условіями, съ связанными съ этими условіями способами веденія хозяйства, благодаря чему каждый, изъ дѣйствительно желавшихъ вести хозяйство, долженъ былъ начинать его по своему усмотрѣнію, наугадъ, на ощупь, дѣлая массу ненужныхъ пробъ и терпя убытки. Эту причину, какъ и нѣкоторыя другія (недостатокъ путей сообщенія и т. п.) разумѣется, при раціональной постановкѣ дѣла можно было бы до извѣстной степени устранить, принявъ извѣстныя мѣры къ предварительному ознакомленію засельщиковъ съ тѣми и другими (воспользовавшись опытомъ горцевъ, произведя, въ случаѣ надобности, необходимыя предварительныя изслѣдованія и т. п.). Но объ этомъ никто изъ руководителей колонизаціи побережья позаботиться не думалъ, да вѣроятно немногіе изъ этихъ руководителей и сами сколько-нибудь сносно знали эти условія. Отсюда такіе казусы, какъ казусъ съ описанной исторіей Хлудовскаго имѣнія. Отсюда тѣ неудачи въ дѣлѣ воздѣлыванія винограда, о которыхъ я говорилъ уже въ III главѣ (даблари и маглари). Отсюда вообще масса ошибокъ, неудачъ и убытковъ; отсюда фактъ, констатированный И. Н. Клингеномъ въ словахъ: «доходнаго же хозяйства (въ Сочинскомъ округѣ) я не знаю ни одного, такъ какъ самыя выдающіяся изъ нихъ находятся все еще въ періодѣ опытовъ». Отсюда, наконецъ, тотъ печальный фактъ[1]), что изъ сравнительно немногихъ владѣльцевъ, которые все-таки хотѣли устроить хозяйство на своихъ имѣніяхъ, «громадное большинство не добилось желательныхъ результатовъ *даже цѣною огромныхъ расходовъ*». «Размѣръ непроизводительно затраченныхъ суммъ на всѣ эти попытки къ устройству хозяйства безъ знанія и выдержки *по истинѣ ужасенъ;* только 22 лицами (въ одномъ лишь Сочинскомъ округѣ) затрачено на опыты безвозвратно, не считая стоимости земли, *до трехъ милліоновъ рублей,* но ни съ одного изъ нихъ не получено *ни копѣйки дохода,* кромѣ хозяйства барона

[1]) И. Н. Клингенъ «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 71.

Штейнгеля, находящагося уже въ Туапсинскомъ округѣ. *Болѣе поразительнаго неуспѣха трудно себѣ представить*»!...

Дюбуа-де-Моннере писалъ много лѣтъ тому назадъ: «Россія хочетъ колонизовать Кавказъ своимъ народомъ.... но раньше надо изучить результаты опытности аборигеновъ и обучить въ этомъ смыслѣ русскихъ колонистовъ»...

«Вообще нѣкоторыя общія понятія о климатѣ страны и о томъ, на климаты какихъ культурныхъ странъ онъ похожъ—говоритъ проф. Воейковъ[1])—въ высшей степени полезны для лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ въ обширномъ смыслѣ. Въ этомъ богатомъ краѣ піонеры его культуры избѣгли бы многихъ ошибокъ и разочарованій, если-бы обладали такими знаніями; точно также и мѣропріятія правительства на пользу края были бы удачнѣе, еслибъ лица, ихъ вырабатывавшіе, были нѣсколько знакомы съ климатомъ страны и культурными растеніями, могущими хорошо расти въ такомъ климатѣ». «Благодаря незнанію климата побережья и того, что именно годится для него, хозяева самой богатой ю.-в. части побережья сдѣлали массу ошибокъ, стоившихъ имъ не дешево и надолго повредившихъ репутаціи края».

— Милліоны денегъ уже затрачены,—говорилъ мнѣ одинъ изъ серіозно и лично занимавшихся хозяйствомъ на побережьѣ крупныхъ владѣльцевъ, живущій въ немъ около 15 лѣтъ и имѣющій участки въ разныхъ частяхъ побережья,—а мы пока все не можемъ приспособиться, потому что не знаемъ еще мѣстныхъ условій и пока только пробуемъ, изучаемъ, стараемся примѣниться. Одинъ развелъ фурму—пошла хорошо, но сбыту нѣтъ. Другіе занялись виноградомъ, но одному у моря вредятъ туманы, другой развелъ не тѣ сорта винограда, третій примѣнилъ не соотвѣтствующіе способы посадки, четвертому, разведшему виноградъ въ горахъ, оказалось, вредятъ какія-то микробы. Начали разводить въ Батумѣ рами, пошло великолѣпно, но обработка этихъ прекрасныхъ волоконъ обходилась дороже китайскаго рами. Пробовали разводить яблочное промышленное садоводство, но на сѣ-

[1]) «Черном. Побер.» стр. 110, 112.

верѣ яблоку, оказалось, вредитъ нордъ-остъ, а въ тепло-влажной полосѣ Абхазіи повидимому ему слишкомъ много и тепла и влаги и кромѣ того яблони страдаютъ отъ кровяной тли. Оливковыя деревья идутъ какъ будто бы хорошо, но посмотрите хоть бы на славящійся своими оливковыми рощами Новый Афонъ—даже и тамъ плоды ихъ малосочны, горьковаты и малы, далеко не то, что на родинѣ оливкъ! Будетъ ли спросъ на продукты разводимаго уже здѣсь мѣстами воскового и лаковаго дерева—кто еще знаетъ, а на счетъ батумскаго чаю мы уже знаемъ, что растетъ то онъ и хорошо, да спросу пока на него нѣтъ! Во многихъ мѣстахъ прекрасны, положительно роскошны плантаціи цвѣтовъ, но сбытъ ихъ еще не организованъ. На персики, груши и виноградъ нападаютъ мѣстами грибныя болѣзни, а абрикосы и миндаль, оказывается, цвѣтутъ мѣстами на столько рано—до послѣднихъ зимнихъ заморозковъ,—что отъ этихъ заморозковъ кое-гдѣ погибаетъ ихъ цвѣтъ, а слѣдовательно и сборъ плодовъ. И опять все это—гдѣ какъ: въ одномъ мѣстѣ одно удается, а другое нѣтъ и наоборотъ. Что удается въ Туапсе, не удается въ Сочи и часто не потому не удается, что тамъ ему не мѣсто, а потому, что требуетъ иныхъ условій посадки, ухода, другой климатической обстановки, т. е. иной защитности отъ тѣхъ или иныхъ вѣтровъ, той или иной открытости вліянію солнца, той, а не иной близости почвенныхъ водъ и еще тамъ мало ли чего,—а ты вотъ поди все это угадай и испробуй! Прибавьте къ этому, что многіе сорта хоть бы, напр., винограда или яблокъ быстро и неожиданно перерождаются: выпишешь лучшее—переродится въ дрянь, обзаведешься чѣмъ нибудь средненькимъ—вдругъ выйдетъ прекрасно, а почему—подите разберите! Растетъ великолѣпно, а плоды даетъ скверные, или растетъ-то такъ себѣ, а плоды хороши! И при томъ тоже—опять гдѣ какъ!»...

Таковы многочисленныя и разнообразныя условія неуспѣха многихъ культуръ и многихъ хозяйствъ у такихъ даже владѣльцевъ, которые дѣйствительно хотѣли что-нибудь сдѣлать, но не могли, благодаря одному общему для нихъ обстоятельству—незнанію мѣстныхъ условій. Но такое незнаніе еще не главная все-таки

причина неуспѣха частновладѣльческаго хозяйства. Не главная уже потому, что заниматься этимъ хозяйствомъ стали немногіе, а у громаднаго большинства хозяйство даже не начиналось и земли его пустуютъ.

Главнѣйшею причиною неуспѣха колонизаціи побережья путемъ созиданія частнаго землевладѣнія—причиною уже не общею съ крестьянскимъ хозяйствомъ, а относящеюся только къ частновладѣльческому—надо, разумѣется, считать раздачу земель въ частное владѣніе не тѣмъ, кому слѣдуетъ, не людямъ, знающимъ мѣстныя условія, уже фактически занимающимся хозяйствомъ и живущимъ въ краѣ, и даже и не собирающимся жить въ немъ, а по преимуществу людямъ совершенно чуждымъ краю, постоянно живущимъ внѣ его и даже не имѣющимъ надлежащаго понятія ни о какомъ сельскомъ хозяйствѣ. «Прежде розданныя крупныя владѣнія—пишетъ объ этомъ И. Н. Захарьинъ[1])—естественнымъ порядкомъ попали въ руки людей съ большимъ общественнымъ положеніемъ и огромными средствами, т. е. людей очень занятыхъ, очень высоко стоящихъ, очень озабоченныхъ другими серіознѣйшими интересами, а потому не имѣвшихъ ни времени, ни охоты посвятить много вниманія своимъ новымъ пріобрѣтеніямъ въ какой-то далекой и полудикой, хотя прекрасной пустынѣ. Забота о нихъ либо откладываласъ съ года на годъ, либо принимала характеръ забавы, иногда очень недешевой. Были, конечно, счастливыя исключенія, но ихъ немного. Поэтому розданные участки въ лучшемъ случаѣ разрабатывались достаточно неумѣло и безъ толку, а въ худшемъ—лежали нетронутыми»...

Вотъ эта причина—раздача земель въ частное владѣніе чуждымъ, не понимающимъ хозяйства и не желающимъ заниматься имъ людямъ—эта причина только и объясняетъ факты, указанные въ помянутомъ докладѣ генералъ-лейтенанта Старосельскаго, что изъ 63 участковъ, отведенныхъ въ частную собственность въ Черноморскомъ округѣ устроено только 7, или показанія И. Н. Клингена[2]), что изъ 103 обслѣдованныхъ имъ крупныхъ частныхъ

[1]) «Кавказъ и его герои», стр. 108—9.

[2]) «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 71.

владѣній въ 78 еще не приступлено даже къ устройству этихъ имѣній, потому что владѣльцы ихъ смотрѣли на свою покупку только какъ на спекуляцію; приступило же къ устройству своихъ имѣній только 23 (но и то многіе, можетъ быть, лишь съ цѣлью скорой и выгодной продажи?). Этою только причиной объясняется не разъ отмѣчавшійся мною выше фактъ почти сплошного мѣстами пустованія частновладѣльческихъ земель на весьма большихъ пространствахъ (въ предѣлахъ одной только Черноморской губ. пустуетъ приблизительно около 90 т. десятинъ частновладѣльческихъ земель).

Такимъ образомъ раздача земель въ частную собственность имѣла однимъ изъ главныхъ своихъ слѣдствій запустѣніе и одичаніе пространствъ, предназначенныхъ для насажденія культуры (и въ прежнее время культивировавшихся горцами), т. е. раздача эта на громаднѣйшемъ пространствѣ не только не привела къ осуществленію главнаго своего назначенія—распространенія культуры въ завоеванномъ краѣ, но напротивъ явилась элементомъ, задержавшимъ ее распространеніе. Даже г. Захарьинъ, такъ деликатно выражавшій (въ предыдущей цитатѣ) свое мнѣніе о роли «высоко стоящихъ» владѣльцевъ пустующихъ земель, не могъ не замѣтить (въ другомъ, впрочемъ, мѣстѣ своей книги[1]), что «въ прежнее время раздавались такіе участки и въ нѣсколько сотъ десятинъ величиною, и это было *большимъ зломъ, порождавшимъ лишь аферы и злоупотребленія*, выражавшіяся между прочимъ, и въ *хищническомъ истребленіи мѣстныхъ дорогихъ породъ:* пальмы, дуба и краснаго дерева».

На это хищническое истребленіе лѣса на пространствѣ частныхъ владѣній я уже указывалъ, говоря о владѣльческихъ земляхъ, расположенныхъ между Н. Афономъ и Сухумомъ. На него указываетъ также при описаніи Сочинскаго округа и проф. Красновъ [2]), приводя факты варварскаго отношенія къ лѣсу рус-

---

[1]) «Кавказъ и его герои», стр. 139.

[2]) Русская ривьера. «Недѣля» 1900 № 2.

скихъ рабочихъ и армянъ—арендаторовъ такихъ имѣній, конечно, ни мало не заинтересованныхъ въ сохраненіи чужихъ лѣсовъ.

Не менѣе важный вредъ эти мѣропріятія по распространенію частнаго землевладѣнія принесли и тѣмъ, что изъяли огромное количество и при томъ лучшихъ болѣе выгодно расположенныхъ земель изъ того земельнаго фонда, который могъ бы служить для заселенія края трудовымъ земледѣльческимъ элементомъ, на долю котораго осталось и меньше земель и худшія земли—(на что еще въ 1879 г. указывалъ Я. К. Васильевъ) [1]). Рядомъ съ этимъ, результатомъ названныхъ мѣръ было увеличивающее недоступность этихъ земель людямъ трудовыхъ классовъ. непомѣрное повышеніе цѣнъ на земли и погоня за скупкой земель для перепродажи—земельная спекуляція.

Нужно ли говорить, что и погоня эта за курортными и вообще всякими землями и ростъ цѣнъ на нихъ были слѣдствіемъ непомѣрнаго увлеченія побережьемъ, дарами его богатой природы, надеждами на ее высокую производительность?...

«Уже первыя надежды, связанныя съ развитіемъ Кавказа, говоритъ И. Н. Клингенъ [2]), были необыкновенно восторженны. Новая страна представлялась земнымъ раемъ, гдѣ не нужно ни сѣять, ни жать, а все уже готово: сады, фрукты, драгоцѣнныя деревья, безчисленныя цвѣты и чудныя ягоды; стоитъ только собирать и сдѣлаешься богачемъ».

---

[1]) Извѣстно,—говоритъ кн. Тумановъ,—что Закавказье (часть котораго и составляетъ побережье)—см. «Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ», стр. 92 и 50—и безъ того страдаетъ крестьянскимъ малоземельемъ, что еще болѣе усиливается стремленіемъ мѣстнаго чиновничества и купечества прибирать къ своимъ рукамъ земли, оставшіяся безъ хозяина при эмиграціи»... «Много разъ уже заявлялось въ печати, что на Кавказѣ удобные для хлѣбопашества участки давно уже несвободны», «а существующія здѣсь свободныя земли неудобны для культуры, и прежде, чѣмъ ихъ обратить въ хлѣбопахотныя, необходимо затратить много милліоновъ»...

[2]) «Основы хоз. въ Соч. окр.», стр. 67.

«Восточный берегъ съ его великолѣпною красой—восклицалъ генералъ Фадѣевъ, въ «Письмахъ съ Кавказа» (стр. 154),—составляетъ теперь часть Россіи. Береговая полоса ожидаетъ теперь, какъ неразработанный рудникъ, только людей, которые воспользовались бы ее природными богатствами. Здѣсь во всемъ просторъ человѣку: въ тепломъ и здоровомъ климатѣ пашни, пастбища, лѣса и вездѣ вода и все у него подъ рукой. На южномъ склонѣ растительность роскошна не по европейски»... «Прибрежная страна Кавказа—не узкая полоса земли между горой и моремъ, какъ южный берегъ Крыма; она сама по себѣ представляетъ цѣлую область, обставленную какъ теплица, закрытую отъ сѣверныхъ вѣтровъ и открытую южнымъ. Глубокія долины, спускаясь отъ вѣчныхъ снѣговъ къ морю, разсыпаются у берега холмами, образующими прелестнѣйшую страну, какую только можно видѣть»...

«Въ трехъ параллельныхъ поясахъ, въ сѣверномъ, нагорномъ и южномъ, природа одинаково великолѣпна, но въ каждомъ поясѣ она блистаетъ особенною оригинальной красотой»... «И эта роскошная новооткрытая страна лежитъ не на Тихомъ океанѣ, а на берегу Чернаго моря»!..

Но въ первое время—пока страна была еще не вполнѣ безопасна для жизни, пока она была не населена, пока въ ней не было ни мужика, ни болѣе или менѣе сносныхъ путей сообщенія и пр., восторги эти были только платоническія. Однако постепенно дѣло стало измѣняться.

Въ первые періоды раздачи земель въ частную собственность (за службу на Кавказѣ) цѣнъ на земли совсѣмъ не было и лица, продавшіе свои земли до 80 годовъ, продали ихъ буквально за безцѣнокъ. Съ проведеніемъ новороссійской вѣтви Владикавказской жел. дор. цѣны на земли стали постепенно расти и предусмотрительные люди, имѣвшіе цѣлью нажиться на перепродажѣ земель, стали скупать лучшіе участки, но все еще за сравнительно дешевыя цѣны, тѣмъ болѣе, что большинство владѣльцевъ жило внѣ Кавказа и не знало истиннаго положенія дѣла и настоящей цѣны своихъ земель. Болѣе значительный подъемъ зе-

мельныхъ цѣнъ произошелъ въ это время, какъ и слѣдовало ожидать, близь линіи жел. дороги и г. Новороссійска. Стоимость земель къ югу отъ Новороссійска стала замѣтно повышаться послѣ того, какъ Русское общество пароходства и торговли постепенно увеличило число остановочныхъ пунктовъ для своихъ пароходовъ и, главнымъ образомъ, послѣ проведенія побережнаго (съ Новороссійска на Сухумъ) голоднаго, анненковскаго шоссе (1892 г.), которое, при всѣхъ своихъ недочетахъ, все-таки связало между собой хотя нѣкоторые отдѣльные населенные пункты побережья. Это улучшеніе путей сообщенія облегчило возможность ознакомленія съ различными мѣстностями побережья и возможность поселенія въ нихъ; оно облегчило доступъ къ побережью, такъ сказать, приблизило его къ Россіи. Параллельно съ этимъ, въ Россіи началъ возбуждаться интересъ къ побережью. Пошла молва о прелестяхъ побережья, объ его тепломъ климатѣ, роскошной природѣ. Благополучные россіяне увлекались мыслью, что у насъ въ холодной Россіи оказалось, «что то субтропическое», что то похожее на Меранъ, Ниццу и т. п., что у насъ оказалась своя, своя собственная *русская* ривьера, которая можетъ быть заткнетъ даже за поясъ итальянскую! Возникла мода на побережье. Цѣны на земли быстро стали расти, а предпріимчивые люди принялись болѣе усиленно скупать земли. Съ другой стороны, и нѣкоторые владѣльцы, надѣясь на еще бóльшее повышеніе цѣнъ, начали придерживаться съ продажей своихъ земель, неособенно заботясь, однако, о приложеніи рукъ къ ихъ культурѣ, потому что быстрый ростъ цѣнъ обезпечивалъ выгодный сбытъ земель безъ всякихъ на нихъ затратъ. Скупщики-спекулянты и тѣмъ болѣе объ этомъ не думали, такъ что подъемъ цѣнъ весьма мало зависѣлъ отъ культуры земель. Слава побережья росла. Теплый климатъ, роскошная могучая природа, богатая разнообразная растительность, слухи и толки о высокой производительности земель, дающихъ при благорастворенномъ климатѣ возможность воздѣлыванія какихъ только угодно «высшихъ» чрезвычайно доходныхъ культуръ, и пр. и пр.—и наконецъ самый этотъ быстрый ростъ земельныхъ цѣнъ и наплывъ раз-

нообразнаго люда извнѣ—все это создавало и создало побережью его нынѣшнюю громкую славу. Масса лицъ устремилась въ побережье съ цѣлью пріобрѣсти себѣ сколько-нибудь земли. Изъ нихъ находились и такіе, которые мечтали, занявшись разведеніемъ высшихъ культуръ, быстро добиться легкаго и значительнаго обогащенія; другіе—разсчитывали на выгодную ихъ перепродажу теперь или въ будущемъ, третьи—хлопотали для себя только объ уголкахъ для дачъ, четвертые—заботились только о томъ, чтобы безъ особыхъ затратъ стать землевладѣльцами въ побережьѣ, а «тамъ будетъ видно»!.. и т. д., и т. д. Все это привело къ невѣроятному подъему цѣнъ на побережныя земли въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, въ которомъ не малую роль сыграла скупка земель для перепродажи быстро сформировавшимся классомъ спекулянтовъ-перекупщиковъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мнѣ уже приходилось указывать на образовавшіяся въ тѣхъ или иныхъ мѣстахъ высокія цѣны на земли и громадный ростъ ихъ во времени, такъ что въ данномъ случаѣ мнѣ придется ограничиться лишь указаніемъ максимальныхъ величинъ этихъ цѣнъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Такъ, верещагинское имѣніе около Сочи куплено Министерствомъ земледѣлія, по показанію г. Васюкова, «очень выгодно»—въ количествѣ 54 дес. за 35000 р., т. е. по 648 р. за дес.; 989 дес. изъ Хлудовскаго имѣнія пріобрѣтены тѣмъ же Министерствомъ «всего за 560000 р.» т. е. по 566 р. за дес., «а теперь квадратная сажень продается по 8 р.» Проф. Красновъ[1]) констатируетъ фактъ, что подъемъ цѣнъ на земли по пути между Сочи и Адлеромъ достигъ уже до «сумасбродной суммы 2400 р. за десятину». Нечего и говорить, что доходность этихъ земель ни мало не оправдываетъ такой продажной стоимости ихъ и что она при данныхъ условіяхъ можетъ покрывать лишь незначительную часть процента на затраченный капиталъ, откуда ясно, что такія высокія продажныя цѣны могутъ быть только

---

[1]) Русская ривьера «Недѣля», 1900 № 8, стр. 98.

слѣдствіемъ спекуляціи на земли. Такъ оно именно и есть въ дѣйствительности.

По поводу этого повышенія цѣнъ надобно теперь же кстати сказать о томъ неблагопріяномъ вліяніи, какое они оказали и оказываютъ на распространеніе культуры. Уже указанное громадное несоотвѣтствіе доходности съ цѣнностью земли должно повидимому являться однимъ изъ серьезныхъ препятствій къ распространенію культуры, такъ какъ пріобрѣтеніе столь дорогихъ земель, не обѣщающихъ при своей дороговизнѣ достаточнаго процента на затраченный капиталъ, должно устранять въ намѣревающихся заниматься культурой всякое желаніе затрачивать съ этою цѣлью свой капиталъ на пріобрѣтеніе дорогихъ побережныхъ земель. Совершенно ясно, что покупающій такой участокъ долженъ разсчитывать не на ежегодный доходъ отъ него, а на тотъ доходъ—тотъ процентъ на свой капиталъ, который онъ получитъ въ концѣ концовъ благодаря продолжающемуся росту продажныхъ цѣнъ. Отсюда стремленіе покупать эти земли не для культуры, а для наживы путемъ ихъ перепродажи. Ясно также, что обладатели участковъ и имѣній на побережьѣ, по тѣмъ или инымъ причинамъ не интересующіеся хозяйствомъ или не могущіе его вести вслѣдствіе постояннаго пребыванія внѣ Кавказа, при наличности такихъ цѣнъ не имѣютъ и особенной надобности заботиться объ ихъ культурѣ, такъ какъ на капиталъ, затраченный для ихъ пріобрѣтенія, и безъ того (благодаря быстрому росту цѣнъ) получается болѣе чѣмъ достаточный процентъ.

Насажденіе частной собственности въ краѣ, какъ само собою понятно, имѣетъ тѣснѣйшую связь съ политикой «оживленія» побережья курортами и обращенія его въ «ривьеру». Образованіе курортовъ было бы неосуществимо безъ обращенія въ частную собственность земель подъ нихъ предназначенныхъ. Наибольшее повышеніе цѣнъ произошло именно по отношенію къ землямъ, предназначавшимся подъ курорты. Спекулянты какъ разъ на этихъ земляхъ болѣе всего набивали и набиваютъ свои карманы. Погоня за пріобрѣтеніемъ побережныхъ земель болѣе всего сказа-

лась именно на земляхъ, предназначенныхъ подъ курорты—подъ городскіе и дачные участки.

Ради созданія этихъ же курортовъ, кстати сказать, произведенъ былъ даже цѣлый рядъ выселеній съ береговъ моря крестьянскихъ поселковъ, уже устроившихся и обзаведшихся хозяйствомъ, что едва ли могло отозваться благопріятно на имущественномъ положеніи этихъ трудовыхъ засельщиковъ края. Таково, напр., селеніе Агуры въ предгоріяхъ, прилегающихъ къ шоссе Сочи—Адлеръ, состоящее изъ переселенцевъ владимірской, орловской и частію херсонской, таврической и екатеринославской губ., и немало другихъ, о которыхъ проф. Красновъ[1]) говоритъ, что «*многіе* изъ бывшихъ здѣсь поселенцевъ даже выселены *подъ разными предлогами* въ горы, потерявъ разработанные ими участки и въ настоящее время на побережьѣ имѣется весьма немного поселковъ старожиловъ, раскиданныхъ другъ отъ друга на десятки верстъ». Такова же и отмѣченная мною въ предыдущемъ изложеніи судьба поселенцевъ Красной Поляны, отселяемыхъ изъ-за нежеланія обратиться въ мѣщанъ г. Романовска.

Это созиданіе курортовъ, какъ видно, признавалось настолько необходимымъ, что ради нихъ можно было игнорировать интересами и даже судьбою трудовыхъ засельщиковъ края, ради нихъ можно было отмѣнить прежній планъ колонизаціи побережья трудовымъ элементомъ, ради нихъ возможно было довести дѣло до неимовѣрной, тормозящей культуру, спекуляціи землями, ради нихъ возможно было не считаться ни съ какими расходами. Въ тоже время оно признавалось еще и настолько спѣшнымъ, что предпринятое именно только для этой цѣли изслѣдованіе побережья учеными спеціалистами (г.г. Воейковымъ, Пастернацкимъ и Сергѣевымъ) поручено было исполнить въ одну кратковременную командировку,—обстоятельство, которое, сдѣлало, къ великому сожалѣнію, не мало выводовъ изслѣдованія необоснованными и сомнительными. Любопытно также, что задачею работъ этихъ изслѣдователей, которые могли бы собрать много полезныхъ дан-

---

[1]) Русская Ривьера. „Недѣля“, 1900 № 1, стр. 46.

ныхъ для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ заселеніемъ края сельскимъ трудовымъ элементомъ, было поставлено исключительно только изученіе края «въ климатическомъ или бальнеологическомъ», т. е. именно только въ курортномъ, такъ сказать, отношеніи.

Слѣдя за изложеннымъ описаніемъ, хотя иногда и краткимъ, отдѣльныхъ пунктовъ побережья, читатель, надо надѣяться, уже составилъ себѣ о немъ представленіе достаточное для того, чтобы судить о степени пригодности всей береговой полосы побережья къ обращенію въ сплошную полосу курортовъ и о необходимости столь спѣшнаго устроенія ривьеры, такъ сказать, однимъ залпомъ.

Читатель замѣтилъ, конечно, что неудачи колонизаціи побережья и неудачи разводимыхъ на ней культуръ являются слѣдствіемъ стороннихъ причинъ, но не непригодности дѣйствительно богатой его природы. Но, съ другой стороны, онъ, разумѣется, замѣтилъ также, что въ восторгахъ этой природой было и не мало увлеченій, что она далеко и далеко не вездѣ—«роскошна не по европейски», какъ писалъ г. Фадѣевъ, что мѣстныя условія разнообразны, неодинаково для всякихъ культуръ пригодны, не одинаковы и въ своемъ вліяніи на человѣческое здоровье.

Совершенно вѣрно, что мы нашли на этомъ побережьѣ природу, сходную мѣстами съ Лузитаніей, мѣстами съ Ю. Чили, мѣстами съ итальянской ривьерой, съ Японіей, нашли и роскошную мѣстами растительность и живописнѣйшія мѣстности и много пунктовъ полезныхъ для здоровья въ томъ или иномъ отношеніи, но... но во всѣхъ этихъ находкахъ оказалось много «но», съ которыми неизбѣжно считаться. Сходства съ Японіей, съ итальянской ривьерой и пр. оказались не полныя, а лишь въ тѣхъ или иныхъ частностяхъ. Кромѣ того о сходствахъ этихъ по отношенію къ нѣкоторымъ мѣстностямъ возникъ еще споръ между учеными специалистами. О степени пригодности нѣкоторыхъ излюбленныхъ уже климатолечебныхъ пунктовъ тоже возникли разногласія между лицами, производившими ихъ изслѣдованіе. Не только многіе, но, можно сказать, всѣ устраиваемые курорты, какъ замѣтилъ читатель, оказались съ различными дефектами,

иногда и довольно важными. Одни оказались пригодными только для извѣстнаго сорта больныхъ, другіе только для другого, но благодаря спѣшности произведенныхъ изслѣдованій, этотъ вопросъ остался все-таки недостаточно выясненнымъ. Даже въ предѣлахъ одного и того же курорта условія для жизни больныхъ оказались далеко неодинаково благопріятными.

Все это показываетъ, что съ превращеніемъ побережья въ полосу курортовъ совсѣмъ не слѣдовало такъ торопиться, что сначала надо было, не спѣша, обстоятельно изслѣдовать край во всѣхъ отношеніяхъ[1]); потомъ на основаніи этого изученія составить приноровленный къ мѣстнымъ условіямъ типъ колонизаціи побережья (отнюдь не увлекаясь скорѣйшимъ его «оживленіемъ») и постепенно, обдуманно приводить его въ исполненіе. Приводить отнюдь не спѣша, хотя бы уже потому, что въ спѣшности этой нѣтъ рѣшительно никакой надобности и что побережныя земли могли бы въ извѣстной степени служить Россіи земельнымъ фондомъ для разселенія ея населенія въ будущемъ.

Все это показываетъ, на сколько вредно оказалось это чрезмѣрное увлеченіе побережьемъ и какую жестокую и во многихъ отношеніяхъ уже непоправимую ошибку сдѣлалъ «знатокъ края» покойный Абаза столь спѣшнымъ и настойчивымъ обращеніемъ его въ почти сплошную «ривьеру».

Конечно, все сказанное выше можетъ быть совсѣмъ не убѣдительно съ точки зрѣнія тѣхъ собственниковъ, которые уже такъ или иначе пріобщились къ раздававшемуся на право и на лѣво земельному пирогу побережья, или успѣли нажиться на перепродажѣ земельныхъ участковъ. Но такіе вопросы нельзя разсматривать съ точки зрѣнія интересовъ отдѣльныхъ личностей, или какого нибудь одного класса. Ихъ нужно разсматривать только съ общегосударственной точки зрѣнія, а съ таковой дѣло, очевидно, не можетъ подлежать спору.

«Оживленіе» края по плану покойнаго Абазы привело лишь къ искусственному созданію курортовъ и заселенію ихъ безпо-

---

[1]) Въ чемъ онъ продолжаетъ нуждаться и нынѣ.

лезными для края и большею частію лишь временно живущими въ нихъ «дачниками», «мысли которыхъ, употребляя выраженіе С. И. Васюкова[1]), направлены къ тому, чтобы создать ротонду и бульваръ, гдѣ бы игралъ оркестръ музыки и гдѣ они могутъ показать свои костюмы и обмѣняться свѣжими сплетнями. Развѣ это элементъ нужный и полезный»?!..

Въ курортахъ черноморской губ.: Геленджикѣ, Джубгѣ, Туапсе, Адлерѣ и Сочи коренное населеніе составляло[2]) къ 1899 году 1746 душъ об. пола, а сверхъ того въ нихъ числилось 2671 душъ иногородныхъ, т. е. въ полтора раза большее число лицъ живущихъ обыкновенно въ другихъ городахъ и только временно пребывающихъ въ этихъ пунктахъ!

Развѣ это *заселеніе* края?

Какъ же происходило заселеніе края трудовымъ земледѣльческимъ элементомъ?

Изгнавъ аборигеновъ страны «мы—говоритъ г. Клингенъ—взяли на себя тяжелый нравственный долгъ удовлетворить цивилизацію за утраченныя силы и за погибшую культуру, которая копилась 3000 лѣтъ, а погибла въ 30 лѣтъ подъ напоромъ чудовищно-творческой силы природы, уже не сдерживаемой опытною и сильною рукой аборигена» [3]).

Очевидно, нравственный долгъ этотъ еще лежитъ на насъ, потому что, какъ видно изъ сообщеній позднѣйшихъ изслѣдователей побережья, современное общее состояніе края представляетъ картину весьма неутѣшительную: «до послѣдняго времени населеніе побережья не прибавлялось, а скорѣе регрессировало, и колоніи прозябали, а не процвѣтали; ничтожная производительность земли, всюду жалкая культура, уныніе въ сердцахъ, вѣчные вздохи о покинутой родинѣ, бѣдность, болѣзни, невозможныя

---

[1]) Край гордой красоты.

[2]) По даннымъ «справочной кн. черном. губ. на 1899 г. II. С. Леонтьева.

[3]) Основы хоз. въ Соч. окр., стр. 3.

дороги, отсутствіе мостовъ, общій упадокъ и одичаніе,—вотъ что рѣжетъ глаза на каждомъ шагу[1]).

Какимъ образомъ уплачивяли мы этотъ долгъ путемъ устройства собственной «ривьеры»--объ этомъ только что говорилось. А какъ мы его начали уплачивать на первыхъ же порахъ по завоеваніи края, заселяя его, на основаніи упоминавшихся выше законовъ 1866 и 1870 г.г., козаками и вольными засельщиками и какія, сравнительно съ громадными жертвами, слабые успѣхи дала эта колонизація—объ этомъ читатель знаетъ уже изъ первой главы. Причины этого неуспѣха, въ громадномъ большинствѣ отнюдь не зависѣвшія отъ самихъ засельщиковъ, хорошо извѣстны читателю изъ предыдущаго изложенія и потому повторять ихъ нѣтъ надобности.

Подводя итогъ результатамъ описанной колонизаціи побережья по законамъ 1866 и 1870 г., можно сказать, что она далеко не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ и результаты ея далеко не соотвѣтствовали огромнымъ затратамъ, произведеннымъ на нее казною. Кромѣ этихъ крупныхъ жертвъ деньгами она потребовала еще огромныхъ жертвъ людьми, живыми жизнями, безвременно погибшими въ этой красивой, но совершенно чуждой переселенцамъ странѣ, которую многіе изъ оставшихся въ живыхъ вынуждены были навсегда покинуть окончательно разоренными. И изъ большого числа переселявшихся семей, по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, осталось въ концѣ концовъ сравнительно немного, приблизительно не болѣе одной трети.

Но разъ они остались, этимъ все-таки было положено начало заселенію края.

Законъ 1866 г. имѣлъ одну безусловно хорошую сторону: избѣгая колонизовать край подборомъ людей по усмотрѣнію начальства, онъ допускалъ широкое примѣненіе личной иниціативы какъ въ дѣлѣ свободнаго выбора мѣстъ для поселенія, такъ и въ группировкѣ посельщиковъ и въ устройствѣ хозяйства, не

[1]) Тамъ же, стр. 1; г. Клингенъ окончилъ изслѣдованіе. Сочин. округа въ 1897 году.

стремясь заселить край только чисто русскимъ элементомъ и допуская свободный доступъ всякихъ сословій и національностей. И еслибы рядомъ съ его опубликованіемъ были приняты соотвѣтственныя мѣры къ разъясненію новоселамъ мѣстныхъ особенностей климата и почвъ, проведены хотя необходимѣйшія дороги и пр., то результаты этой колонизаціи были бы, несомнѣнно, гораздо значительнѣе.

Благодаря закону 1866 г., на побережье, кромѣ переселяющихся «изъ Россіи» крестьянъ-малороссовъ и великороссовъ, приходили селиться и люди другихъ національностей. Большинство посельщиковъ стремилось устроиться по возможности ближе къ морю, такъ какъ при недостаткѣ путей сообщенія сношенія съ міромъ удобнѣе было производить моремъ или по береговой низинѣ, тамъ же было и больше пространствъ безлѣсныхъ и ровныхъ, напоминавшихъ родныя равнины засельщикамъ «изъ Россіи». Благодаря этому «вся горная часть осталась незанятой, и такъ почти совершенно пустуетъ и донынѣ». Только «немногіе изъ пришельцевъ-иноземцевъ, въ поискахъ за удобными землями поднялись на нагорныя высоты и, найдя здѣсь отличныя земли, обширныя пастбища и прекрасный климатъ, осѣли, никѣмъ невѣдомые, въ старыхъ черкесскихъ аулищахъ» [1].. Черезъ 14 лѣтъ по изданіи закона 1866 г., Я. К. Васильевъ, объѣзжая всѣ устроившіеся на побережьѣ поселки и придя къ (цитированнымъ выше въ первой главѣ) неблагопріятнымъ выводамъ о результатахъ русской колонизаціи края, отозвался совершенно иначе о послѣдствіяхъ заселенія его другими народностями: «Излишне говорить, что греки, армяне, молдоване и чехи»... «должны быть признаны, на основаніи приведенныхъ о каждомъ изъ нихъ данныхъ, *наиболѣе стойкимъ, вполнѣ соотвѣтственнымъ и производительнымъ элементомъ*, даже и при настоящихъ экономическихъ условіяхъ округа»... Объясненіемъ этой большей стойкости названныхъ элементовъ является, очевидно, бо́льшее знакомство этихъ народовъ съ данными условіями края, сравни-

---

[1]) «Черном. побер.».

тельно съ поселыщиками изъ равнинной Россіи (на что уже указываетъ самое поселеніе ихъ въ горахъ, чего такъ боялись великороссы и малороссы)[1]) и сравнительно большая ихъ культурность.

Надо замѣтить, что этотъ вопросъ о преимуществахъ чисто русской и инородной колонизаціи (рѣшенной впослѣдствіи по инициіативѣ покойнаго Абазы въ пользу заселенія края только чисто русскими элементами—изданіемъ закона 1897 г.) и до сихъ поръ возбуждаетъ споръ въ литературѣ о побережьѣ.

Изъ прежнихъ изслѣдователей края гр. Варгасъ-де-Бадемаръ[2]) находилъ даже, что «только призывомъ колонистовъ изъ южной Германіи, которые хорошо знаютъ виноградство, табаководство, пчеловодство и садоводство...» «колонистовъ домовитыхъ и весьма трудолюбиваго характера можно будетъ въ скоромъ времени привести эту землю въ цвѣтущее состояніе. Колонисты эти могутъ составить ядро будущаго населенія и знакомить переселяющихся русскихъ людей съ этими культурами»... Съ этою цѣлью онъ предлагалъ разселять ихъ не большими общинами, а сравнительно мелкими «участками» или отдѣльными фермами,—чтобы они были, такъ сказ., вкраплены по возможности повсюду между будущими русскими колонистами. Приблизительно въ томъ же смыслѣ высказались изслѣдовавшіе побережье около того же времени, уже упоминавшіеся выше г.г. Хатисовъ и Ротиньянцъ. Считая степное населеніе неподходящимъ для заселенія этого края они находили, что для этого «слѣдовало бы остановиться на такихъ горскихъ племенахъ, которые, слѣдуя христіанскому ученію, были бы преданы правительству, какъ коренные русскіе». Къ такимъ племенамъ они относили армянскихъ и греческихъ вы-

---

[1]) Однако и часть русскихъ поселковъ тоже оказалась закинутой въ горы частію вслѣдствіе принудительнаго ихъ выселенія съ берега въ горы (ради освобожденія ривьеры отъ мужика), частію вслѣдствіе того, что инородцы мѣстами опередили ихъ, захвативъ лучшія мѣста, что ближе къ берегу.

[2]) «Записка объ осмотрѣ Зап. берега Закавк. края»—Записки Кавк. О. С. Х., 1867 г., № 3—4.

ходцевъ изъ Турціи, нѣмцевъ изъ южной нагорной Германіи и христіанъ изъ нагорной Имеретіи—рачинцевъ и лечгумцевъ.

Позднѣйшіе изслѣдователи И. Н. Клингенъ и проф. Пастернацкій нашли эти «не русскія» поселенія и въ настоящее время болѣе приспособившимися, ведущими болѣе подходящую къ мѣстнымъ условіямъ культуру, находящимися въ экономически лучшихъ условіяхъ, чѣмъ чисто русскія поселенія. Кромѣ большей приспособленности къ климату и прочимъ мѣстнымъ условіямъ и бóльшаго знанія ими таковыхъ, причина ихъ успѣха лежала, по мнѣнію И. Н. Клингена, также въ той сплоченности, которой такъ недоставало большинству русскихъ поселковъ, составленныхъ изъ незнавшихъ другъ друга пришельцевъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, и которою наоборотъ отличались эти «инородческіе» поселки, основанные большею частію группами людей родственныхъ и хорошо знакомыхъ другъ другу.

Однако другой современный изслѣдователь побережья—проф. Красновъ протестуетъ противъ заселенія края инородческими элементами. Наблюденные имъ поселки малороссовъ и великороссовъ оказались совсѣмъ не такъ плохи, какъ можно было бы ожидать въ виду поселенія ихъ въ совершенно чуждой имъ странѣ при всѣхъ изложенныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Нѣкоторые оказались даже устроившимися замѣтно лучше окрестныхъ поселковъ изъ иноплеменныхъ элементовъ, что можетъ служить доказательствомъ возможнаго успѣха чисто русской колонизаціи. Въ то же время культура на земляхъ, обрабатываемыхъ этими иноплеменниками, оказалась мѣстами совсѣмъ невысокаго достоинства, особенно на земляхъ, арендуемыхъ ими (гдѣ они наименѣе всего, конечно, заботятся о поддержаніи плодородія почвы). Въ особенности проф. Краснова возмущаетъ повидимому то обстоятельство, что въ то время, какъ поселившіеся по новому закону (1897 г.) русскіе пользуются правомъ только на трехдесятинный надѣлъ, иноплеменники «разжились» на 30—десятинныхъ участкахъ (полученныхъ по закону 1866 г.) и что на побережьѣ такъ много роздано земель чужеземнымъ элементамъ. «Вмѣсто того, чтобы рекомендовать—говоритъ онъ, возражая главнымъ образомъ И. Н.

Клингену[1])—составлять этнографическія коллекціи изъ инородцевъ своего и сосѣднихъ государствъ, во всѣхъ отношеніяхъ правильнѣе позаботиться о возможно лучшемъ устройствѣ русскихъ поселенцевъ». Однако, хотя его патріотическое чувство и возмущается противъ того, что «слишкомъ много земель роздано чужеземцамъ», тѣмъ не менѣе онъ самъ же приводитъ, напр., факты изъ жизни турецко-подданныхъ армянъ-*арендаторовъ*[2]), затратившихъ «громадный трудъ» на приведеніе снимаемыхъ ими земель въ культурное состояніе. Онъ не скрываетъ при этомъ, что «въ культурномъ отношеніи ими сдѣлано *много*»[3]), «ихъ піонерская работа не остается безслѣдною въ краѣ» и сами они «симпатичный и многообѣщающій народъ». Таже патріотическая жилка впрочемъ сквозитъ отчасти даже и у признающаго полезность чужеземной колонизаціи края въ извѣстныхъ предѣлахъ И. Н. Клингена въ словахъ[4]): «главнѣйшее и самое основательное возраженіе противъ *особенно* широкой колонизаціи упомянутыми элементами,—это сознаніе, что въ Россіи первая забота и лучшее мѣсто должны принадлежать русскому народу, а не чужеземцамъ»...

Между тѣмъ вѣдь дѣло именно только въ томъ и состоитъ, чтобы допущеніемъ болѣе приспособленныхъ и болѣе культурныхъ «чужеземцевъ», ихъ трудами, опытомъ и примѣромъ создать благопріятную почву и удобныя условія для самихъ русскихъ же, для заселенія и экономическаго оживленія края. Притомъ изъ этихъ «чужеземцевъ» не мало есть такихъ, которые, какъ, напр., нѣкоторые армяне, имеретинцы, молдаване состоятъ русскими подданными. Вѣроятно, если бы съ нихъ начать, то наша колонизація не принесла бы столько жертвъ, какъ заселеніе, начатое съ жителей равнинной Россіи, особенно, еслибы разселеніе этихъ чужеземцевъ происходило не по ихъ только

---

1) Русская ривьера. «Недѣля», 1900 г., № 8.

2) «Недѣля», 1900 г., № 5.

3) Курсивъ подлинника.

4) Основы хоз. въ Соч. окр.

усмотрѣнію, а болѣе или менѣе планомѣрно,—въ порядкѣ очень практично намѣченномъ (см. выше) гр. Варгасъ-де-Бадемаромъ, при осуществленіи котораго переселяющіеся русскіе могли бы видѣть поблизости примѣры хозяйства уже оклиматизировавшихся «чужеземцевъ».

Посмотримъ однако составъ сельскаго населенія края въ отношеніи его распредѣленія на русскихъ и чужеземцевъ. Въ Сухумскомъ округѣ онъ долженъ быть совсѣмъ иной, чѣмъ, въ черноморской губ., въ виду того, что тамъ осталась на мѣстѣ значительная часть его коренного населенія. И дѣйствительно, русскихъ тамъ только 20%[1]), на 80% самурзаканцевъ, абхазцевъ и мингрельцевъ[2]). Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія исторіи заселенія, намъ долженъ быть интересенъ собственно «черноморскій округъ», т. е. нынѣшняя черноморская губернія, гдѣ заселеніе происходило, послѣ изгнанія горцевъ, на-ново. Кромѣ самаго Новороссійска *во всей губерніи* къ 1898 г оказалось (вмѣстѣ въ Сочи, Туапсе, Джубгой, Геленджикомъ и Адлеромъ) всего только *шестьдесятъ одинъ* населенный пунктъ (!)[3]) съ составомъ кореннаго населенія отъ 27 до 1000 душъ обоего пола на одинъ поселокъ. Изъ этого коренного населенія греки, армяне, эсты, чехи, молдаваны, нѣмцы, мингрельцы, турки, черкесы и грузины составляли около 50% населенія, остальную же его часть составляли русскіе—главнымъ образомъ малороссы и частію великороссы и пришлецы изъ новороссійскихъ губерній, (а съ г. Новороссійскомъ ихъ болѣе 50%). Слѣдовательно въ указанномъ отношеніи населеніе распредѣлилось почти пополамъ. Что касается распредѣленія его по поселеніямъ, то чисто русскихъ или почти исключительно русскихъ селеній имѣется 14 (изъ нихъ 9 въ одномъ Туапсинскомъ округѣ), таковыхъ же (т. е. съ однороднымъ составомъ населенія) 5 армянскихъ (всѣ въ Туапс. округѣ), 5 греческихъ (4 въ Сочинск. округѣ),

---

1) Съ г. Сухумомъ.

2) Г. Марковъ. «Русскій уголокъ Италіи», «Недѣля», 1903 г., № 3.

3) Безъ временныхъ арендаторскихъ поселковъ на частновладѣльч. земляхъ.

5 черкесскихъ и 4 чешскихъ. Остальные составляютъ смѣсь разныхъ племенъ, изъ нихъ въ 8 русскіе составляютъ свыше 50% и въ 8 имѣется та или иная примѣсь русскаго населенія (въ итогѣ русскіе крестьяне живутъ въ 30 изъ 61 населеннаго пункта). Туапсинскій округъ характеризуется наибольшимъ преобладаніемъ селеній съ одноплеменнымъ составомъ населенія, тогда какъ Сочинскій наоборотъ—наличностью сравнительно бо́льшаго числа населенныхъ пунктовъ съ разноплеменнымъ составомъ населенія.

Что касается количества произведенныхъ этимъ населеніемъ разработокъ, то вопросъ этотъ выясняется слѣдующими цыфрами:

	Десятинъ всей надѣльн земли на 1 налич. душу м. п. въ десятин.	Количесттво разработ. земель въ % къ общему количеству надѣльныхъ.	Средній размѣръ разработки (десятинъ) на 1 нал. душу м. п.
Въ итогѣ по всей губерніи:	12	12	1,55
Въ селен. съ искючит. русск. населеніемъ:	13	11	1,6
Въ селен. съ исключит. не русск. населеніемъ:	9	16	1,5
Въ томъ числѣ у чеховъ:	11	24	2,7

Изъ этихъ цыфръ [1]) выясняется, что чисто русское населеніе обезпечено надѣльными землями, въ среднемъ выводѣ, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ инородное (у первыхъ 13, у вторыхъ 9 дес. на душу). Процентъ разработанныхъ среди надѣла земель у нихъ меньше (11%), чѣмъ у «чужеземцевъ» (16%). Но это могло зависѣть отъ двухъ причинъ, во первыхъ, отъ того, что общее количество надѣльныхъ земель у нихъ больше, во вторыхъ, потому, что нѣкоторыя изъ ихъ селеній, какъ было указано, частію удалены (съ ривьеры), частію и сами устроились въ предгорьяхъ, гдѣ труднѣе разработка и при заселеніи было меньше (чѣмъ на равнинныхъ частяхъ побережья) мѣстъ (какъ, напр.,

---

[1]) сведенныхъ изъ данныхъ «Справочн. книги» на 1899 г. г. Леонтьева.

сѣнокосныя поляны), почти нетребовавшихъ расчистки[1]). Но рядомъ съ этимъ русскіе разработали въ среднемъ на душу (1,6 дес.) нѣсколько болѣе «чужеземцевъ» (1,5 дес.), что, съ одной стороны, свидѣтельствуетъ о ихъ трудоспособности, а съ другой, даетъ основаніе думать, что какъ незнакомыя съ «высшими культурами», требующими меньшей культурной площади, они стремились къ расширенію запашки для прывычной имъ культуры зерновыхъ растеній. Впрочемъ разница въ среднихъ на душу разработкахъ русскихъ и «чужеземцевъ»—1,6 и 1,5 дес.—въ сущности очень незначительна. Однако ближайшее разсмотрѣніе состава отдѣльныхъ селеній, занимающихся мѣстными культурами—виноградарствомъ и табаководствомъ—указываетъ все-таки, что ими занимаются преимущественно селенія, состоящія или только изъ одниxъ инородныхъ элементовъ, или же—лишь съ нѣкоторою примѣсью русскихъ. Селеній же съ чисто-русскимъ населеніемъ, занимающихся этими культурами сравнительно немного. Это до нѣкоторой степени свидѣтельствуетъ о томъ, что «чужеземцы» дѣйствительно были для русскихъ пришельцевъ тѣми «опытными хозяйствами», съ которыхъ они могли брать примѣръ для введенія мѣстныхъ и «высшихъ» культуръ[2]).

Нечего и говорить, что, приспособляясь къ мѣстнымъ условіямъ, присматриваясь къ тому, какъ живутъ посельщики изъ числа «чужеземцевъ» (турецкихъ грековъ, армянъ, черкесовъ и т. п.), засельщики изъ Малороссіи и Великороссіи многое у нихъ перенимали, измѣняя въ свою очередь многое изъ того, къ чему привыкли на родинѣ. Напр., во многихъ мѣстахъ Сочинскаго

---

[1]) Достойно вниманія, что извѣстные своей культурностью чехи, тоже люди пришлые на Кавказѣ, имѣя надѣлъ по величинѣ почти одинаковый съ русскими, произвели несравнимо болѣе значительныя разработки (см. вышепривед. табличку).

[2]) Нельзя не пожалѣть, что, за неизслѣдованностію края и отсутствіемъ достаточно полныхъ данныхъ о занятіяхъ и условіяхъ жизни его населенія, на всѣ эти вопросы нельзя отвѣтить съ должной категоричностью.

округа, отличающихся, какъ было сказано, своею влажностью, они стали строить и хаты и хозяйственныя постройки на столбахъ, на извѣстной высотѣ надъ землею, во избѣжаніе сырости. Традиціонныя соломенныя крыши замѣнились деревянными—преимущественно изъ драни. Теплый климатъ, дозволяющій большую часть жизни проводить внѣ дома, самъ собою привелъ къ тому, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ прежнія малороссійскія хаты оказались снабженными верандами, настолько просторными, что на нихъ можно поставить столъ, обѣдать и пр.; веранды эти затѣнены обыкновенно навѣсомъ удлиненной надъ ними и подпертой столбиками крыши хаты. Бываетъ, что кромѣ печи въ хатѣ, устраивается еще печь близъ дома на открытомъ воздухѣ, чтобы въ особенно жаркую пору, во избѣжаніе духоты, не топить печку въ хатѣ. Расположеніе поселковъ далеко не всегда соотвѣтствуетъ типу россійскихъ селеній съ улицею и двумя рядами домовъ по ея сторонамъ. Нерѣдко оно болѣе или менѣе разбросано. Если же съ «улицей», то нерѣдко тоже съ настолько просторнымъ расположеніемъ отдѣльныхъ хатъ, что такія хаты съ примыкающими къ нимъ небольшими садами и огородами производятъ впечатлѣніе небольшихъ хуторовъ. При всѣхъ этихъ измѣненіяхъ въ расположеніи и характерѣ построекъ, многіе малороссы не забываютъ однако бѣлить свою хату внутри и снаружи.

Въ предыдущемъ изложеніи (глава II), говоря о геленджикскомъ районѣ, я уже касался отчасти вопроса о вліяніи мѣстныхъ условій на формы землевладѣнія въ крестьянской средѣ. Здѣсь, говоря объ этихъ мѣстныхъ вліяніяхъ, мнѣ хотѣлось бы кстати, указать на весьма интересный фактъ, наблюденный проф. Красновымъ [1]) въ двухъ селеніяхъ Сочинскаго округа, образовавшихся изъ крестьянъ подольской губ., гдѣ, какъ извѣстно, существуетъ подворно-наслѣдственное владѣніе. Оба селенія—Верхняя и Нижняя Николаевка получили по 30 дес. на семью. «Но собственниками земли считаются только владѣльцы усадебной земли или земли, засаженной фруктовыми деревьями и виногра-

---

[1]) Русская «ривьера», Недѣля 1900 г. № 8.

домъ. Остальная земля, хотя она и очищается отъ лѣса и огораживается, считается собственностью расчистившаго только около 6 лѣтъ,—т. е. то время, въ теченіе котораго расчистившій ее успѣетъ вознаградить свои труды по ея расчисткѣ». «Послѣ того наступаетъ передѣлъ и земля распредѣляется подушно»... «Въ виду того, что сравнительно небольшой % занятой лѣсами территоріи расчищенъ изъ подъ лѣса, душевой надѣлъ de facto не превосходитъ господствующій въ Россіи. остальная же территорія является запасною общественною землею». Подобный фактъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ проф. Красновъ, представляетъ естественное слѣдствіе борьбы новоселовъ съ природою, нерѣдко заставлявшей ихъ сообща отвоевывать у лѣса клочки земли, годной подъ засѣвы,—борьбы, которая была бы не подъ силу отдѣльнымъ засельщикамъ.

Очевидно, и своебразныя мѣстныя условія и вліяніе примѣра чужеземцевъ и, наконецъ, самыя условія поселенія въ ненаселенной странѣ должны были породить у русскихъ засельщиковъ края массу разнообразныхъ отклоненій отъ ихъ прежняго быта (что, конечно, давалось имъ весьма нелегко),—отклоненій весьма интересныхъ и въ бытовомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, которыя было бы тоже весьма интересно и поучительно уяснить путемъ спеціальнаго мѣстнаго изслѣдованія.

Помянутые 61 поселокъ, составляющіе всю сумму населенныхъ пунктовъ въ губерніи представляютъ результатъ дѣйствія законовъ 1866 и 1870 гг. Въ 1897 году изданъ уже новый законъ объ его заселеніи и немногіе устроившіеся по этому закону поселки въ это число (61) не вошли.

Изданію закона 1897 г. предшествовало (отмѣченное въ Ш главѣ) переименованіе Черноморскаго округа—въ видахъ споспѣшествованія «заселенію и оживленію» края—въ Черноморскую губернію. Самый же законъ изданъ не послѣ упомянутыхъ выше, произведенныхъ по спеціальнымъ порученіямъ, научныхъ обслѣдованій края гг. Воейковымъ, Клингеномъ, Пастернацкимъ и Сергѣевымъ, а до нихъ, какъ будто нельзя было подождать какіенибудь одинъ-два года и какъ будто изданіе законовъ должно

предшествовать изслѣдованію, предназначенному для выясненія правильной постановки того или иного дѣла, а не наоборотъ. Законъ этотъ представляетъ результатъ дѣятельности упомянутой уже въ предыдущемъ изложеніи комиссіи по заселенію края, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Н. С. Абазы. Но въ собраніи узаконеній законъ этотъ (отъ 31 марта 1897 г.) во всеобщее свѣдѣніе полностью не опубликованъ (такъ что офиціально онъ долженъ быть извѣстенъ во всей полнотѣ только мѣстному начальству), хотя на самомъ дѣлѣ онъ, какъ оказывается, извѣстенъ въ достаточныхъ подробностяхъ многимъ интеллигентнымъ жителямъ побережья [1]). Да и независимо отъ этого о немъ можно до извѣстной степени судить по тѣмъ фактамъ, въ которыхъ онъ такъ или иначе проявлялся.

На сколько можно судить по собраннымъ о немъ свѣдѣніямъ и наблюденнымъ фактамъ проведенія его въ жизнь, одною изъ характерныхъ чертъ этого закона можно повидимому считать «чисто русское»» его направленіе, прекращающее, всякій доступъ какимъ бы то ни было иноземнымъ и инороднымъ и неправославнымъ элементамъ. На сколько раціональна такая постановка здѣсь переселенческаго дѣла, объ этомъ не буду распространяться въ виду только что приведенныхъ по этому вопросу данныхъ, по которымъ читатель самъ уже можетъ составить соотвѣтствующее заключеніе.

Другою характерною чертою новаго закона является предварительное заготовленіе переселенческихъ участковъ особою поземельно-устроительною партіею съ намѣченіемъ для усадебной осѣдлости мѣстъ по возможности безопасныхъ отъ маляріи (болѣе

---

[1]) но не приселяющимся сюда крестьянамъ, для которыхъ знаніе его было бы всего важнѣе. Этотъ вопросъ о причинахъ неопубликованія закона является весьма трудно объяснимымъ. Совершенно непонятно, чего въ данномъ случаѣ боялась названная коммиссія во главѣ съ Н. С. Абазой: льготы имъ предоставляемыя совсѣмъ не настолько заманчивы, чтобы повліять на усиленіе движенія сюда переселенцевъ, а надѣлъ съ прежнихъ 30—20 дес. сокращенъ даже до 3 дес. на нал. душу.

возвышенныхъ), при чемъ надѣльная норма, не въ примѣръ прежнимъ 20 и 30 десятиннымъ нормамъ, не превышаетъ уже 3 десятинъ удобной земли на наличную душу м. п. Противъ этой нормы въ 3 десятины усиленно сѣтуетъ проф. Красновъ въ одной изъ своихъ статей [1]), протестующій, что русскимъ предоставляется только 3 дес., когда чужеземцы имѣютъ уже по 30. Но эти 30 дес. достались имъ по отмѣненному закону, на равныхъ правахъ съ русскими, а теперь имъ уже, по новому закону, не дадутъ и тѣхъ 3 дес., которыми надѣляютъ русскихъ. Однако, нельзя не признать, что эти 3 дес. на душу, представлящія въ сущности только *право на разработку* 3 дес. въ указанномъ новому поселку надѣлѣ, а не разработанную уже землю, являются величиною достаточно мизерною и по сравненію съ прежней нормой надѣла и само по себѣ.

Не надо забывать, что помянутыя 1,6 дес. на наличн. душу м. п. оказались разработанными къ нынѣшнему времени при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ поселенія во враждебной (для первыхъ засельщиковъ) совершенно чуждой странѣ. Слѣдовательно при болѣе благопріятныхъ условіяхъ разработка была бы значительно больше. Не слѣдуетъ также забывать, что нельзя требовать, чтобы поселяющіеся здѣсь крестьяне жили только «высшими культурами», подъ которыя, повидимому, предполагается обратить все побережье. Вѣдь и горцы, имѣвшіе здѣсь высшія культуры, сѣяли здѣсь зерновыя хлѣба. Конечно, высшія культуры, разъ онѣ заведены какъ слѣдуетъ и имѣютъ сбытъ, тоже могутъ дать средства для покупки хлѣба. Но для мужика прежде всего на обзаведеніе ими нужно имѣть деньги и деньги большія, которыхъ обыкновенно у него нѣтъ; кромѣ того ему нужно на что-нибудь жить уже въ первое время по поселеніи, а высшія культуры даютъ доходы обыкновенно только чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ насажденія. А главное «поселянинъ безъ собственнаго хлѣба—игрушка въ рукахъ любого кулака; значитъ, краеугольнымъ камнемъ крестьянскаго хозяйства

[1]) „Русская Ривьера“. Недѣля 1901 г. № 1.

должно быть хлѣбопашество, дающее ему независимость и устойчивость во всѣхъ его дальнѣйшихъ предпріятіяхъ» [1]).

Вышеуказанное предварительное заготовленіе участковъ, долженствующее сводиться къ предварительному осмотру земель съ точки зрѣнія пригодности ихъ для культуры; наличности всѣхъ необходимыхъ угодій, опредѣленія предѣльнаго размѣра количества лицъ, могущихъ на нихъ поселиться, предварительнаго устройства дорогъ и пр., будучи исполняемо какъ слѣдуетъ, должно представлять, конечно, значительный шагъ впередъ. Для осуществленія этихъ задачъ организована особая поземельноустроительная партія, содержаніе которой обходится около 30000 р. въ годъ. Самое переселенческое дѣло вѣдаетъ Общее Присутствіе Черноморской губерніи и въ качествѣ исполнительнаго органа имѣется еще особый чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ.

Въ то время, какъ по закону 1866 г. каждый представившій увольнительное свидѣтельство съ мѣста прежней своей приписки имѣлъ право поселенія въ побережьѣ съ свободнымъ выборомъ мѣста по своему усмотрѣнію, теперь этого уже недостаточно. О каждомъ, заявившемъ желаніе переселиться на побережье, собираются справки чрезъ полицію о семейномъ и имущественномъ положеніи, образѣ жизни и пр. и по этимъ полицейскимъ справкамъ Общее Присутствіе составляетъ для доклада Министерству свое заключеніе о томъ, пригоденъ ли проситель стать въ ряды засельщиковъ края. Перечисленіе съ родины и причисленіе къ мѣсту новаго поселенія обставлено, конечно, всѣми неизбѣжными у насъ формальностями. При этомъ оно нерѣдко еще очень осложняется и замедляется, къ сожалѣнію, самымъ фактомъ неопубликованія закона во всеобщее свѣдѣніе. Это происходитъ благодаря тому, что бывшему начальству посельщика, живущему въ Россіи, новый законъ этотъ, благодаря его неопубликованію, обыкновенно неизвѣстенъ и неизвѣстны ему тѣ права и льготы, которыя предоставляются переселяющимся на побережье въ отношеніи порядка отчисленія ихъ отъ

---

[1]) Клингенъ И. Н. «Основы хоз. въ Соч. окр.».

прежнихъ обществъ [1]). Слѣдствіемъ этого являются нерѣдко недоразумѣнія, разъясняемыя только перепискою. Въ этой иногда весьма длительной перепискѣ мѣстному кавказскому начальству приходится знакомить недоумѣвающихъ «россійскихъ» чиновниковъ съ требованіями неизвѣстнаго имъ закона, «отговариваться незнаніемъ» котораго, какъ таковаго, по основнымъ требованіямъ нашихъ законовъ, «никто не можетъ» и тѣмъ менѣе чиновники, обязанные руководствоваться имъ.

Эти неизбѣжныя затяжки ставятъ иногда посельщиковъ въ тяжелое положеніе. Дѣло въ томъ, что рѣшенія присутствія утверждаются министромъ, но до утвержденія проситель увѣдомляется присутствіемъ о состоявшемся о немъ рѣшеніи, посланномъ на утвержденіе въ Петербургъ. Получивъ такое извѣщеніе, обрадованный крестьянинъ, по обыкновенію многихъ нашихъ крестьянъ-переселенцевъ, не ожидая конца чуждой и неизвѣстной имъ канцелярской волокиты, ликвидируетъ хозяйство на родинѣ и приходитъ на побережье, не имѣя еще формальныхъ правъ на причисленіе. Справедливость требуетъ сказать, что мѣстное губернское начальство старается войти въ положеніе такихъ засельщиковъ и оказать имъ посильное содѣйствіе до окончательнаго рѣшенія ихъ судьбы. Но, во первыхъ, до этого времени посельщикъ все-таки по нѣскольку мѣсяцевъ живетъ и «проѣдается» въ неопредѣленномъ положеніи, во-вторыхъ, изъ министерства могутъ приходить иногда и отрицательные отвѣты, которыми дальнѣйшая судьба «самовольно пришедшаго» переселенца опредѣляется большею частью въ видѣ постояннаго бездомнаго батрачества гдѣ-нибудь (преимущественно) въ Кубанской области или по курортамъ побережья. Дѣло въ томъ что съ опубликованіемъ закона 1897 г. заселеніе оффиціально допустимо только на заранѣе предназначенныхъ мѣстахъ извѣстнымъ опредѣленнымъ порядкомъ и въ сообществѣ съ тѣми людьми, которые поселены будутъ на данномъ участкѣ по усмотрѣнію при-

---

[1]) Напр., по новому закону, наличность недоимокъ у переселенцевъ на побережье препятствіемъ къ выселенію съ родины служить не можетъ, а земскій начальникъ того мѣста, откуда хочетъ уйти переселенецъ, отказываетъ недоимщику въ выдачѣ увольнительнаго свидѣтельства. Тогда начинается переписка, разъясняющая земск. начальнику, что есть законъ, нигдѣ не напечатанный, который эту выдачу разрѣшаетъ и т. п.

сутствія. Такимъ образомъ теперь уже нѣтъ допускавшейся съ 1866 г. свободы поселенія желающихъ на исподволь и свободно избранныхъ и облюбованныхъ ими участкахъ, одиночно, или въ сообществѣ съ тѣми, съ кѣмъ сами войдутъ въ соглашеніе.

Длительна и убыточна такая волокита для переселенца, пришедшаго на побережье не ожидая увольненія изъ своего сельскаго общества и приписки въ число крестьянъ черноморской губ., но съ причисленіемъ еще не кончаются всѣ его бѣды. Прослѣдимъ бѣгло первые его шаги съ момента приписки. Вотъ онъ уже получилъ кусокъ земли на переселенческомъ участкѣ, къ которому его приселили. Надо приступить къ устройству дома и необходимѣйшихъ хозяйственныхъ построекъ. Весь его участокъ обыкновенно подъ лѣсомъ, слѣдовательно, лѣсъ подъ рукой. Онъ, положимъ, пока стоитъ на корню и слѣдовательно на постройку дома придется употребитъ сырой еще лѣсъ. Однако другого лѣса нѣтъ, строиться надо, чтобы было въ чемъ жить, а растущій лѣсъ, хотя и не высушенъ, самъ по себѣ все-таки годенъ на постройки. Переселенецъ его рубитъ и строится. Въ дорогу онъ, ликвидируя свое имущество, собралъ извѣстную сумму денегъ (въ среднемъ обыкновенно не болѣе 200 р.); изъ этой суммы онъ прежде всего долженъ потратиться на пріобрѣтеніе необходимаго скота. Расходы на переѣздъ до своего участка, на постройки, на скотъ и необходимый мертвый инвентарь обыкновенно поглащаютъ всѣ его денежные запасы, почему необходимо прибѣгнуть къ ссудѣ отъ казны. Ссуды выдаются въ размѣрѣ не свыше 100 р. на семью съ разсрочкою на 10 лѣтъ. Опредѣленіе размѣра ссуды зависитъ отъ рѣшенія общаго присутствія,—обыкновенно въ зависимости отъ состоятельности посельщика. Въ большинствѣ случаевъ ссуды эти не достигаютъ 100-рублеваго размѣра. Деньги эти, конечно, тоже вкладываются въ хозяйство. Возведя необходимѣйшія постройки (вначалѣ часто по привычному родному образцу, вслѣдствіе чего потомъ нерѣдко приходится ихъ для приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ болѣе или менѣе перестраивать), посельщикъ можетъ уже приступить къ рубкѣ покрывающаго участокъ лѣса и его корчевкѣ. Хотя земля далеко

не вездѣ пригодна для посѣва зерновыхъ растенiй, однако поселыщикъ не считается съ этимъ,—не считается не только потому, что часто не имѣетъ понятiя объ этой непригодности, но и потому, что ему нужно обезпечить себя пищей. Смотря по землѣ, смотря по тому, сумѣлъ ли онъ обработать и посѣять землю сообразно мѣстнымъ почвеннымъ и климатическимъ условiямъ [1]), земля или даетъ урожай, или, иногда—не даетъ никакого. Тогда онъ долженъ еще будетъ расходоваться на покупку хлѣба и зерна на новый посѣвъ хлѣба. Засѣвъ этотъ во всякомъ случаѣ на первыхъ порахъ невеликъ: какiя-нибудь $^1/_4$—$^1/_2$ дес., потому что больше и не успѣть сдѣлать. Сбора съ такого засѣва во всякомъ случаѣ не хватитъ на годовое прокормленiе всей семьи. Затѣмъ онъ приступаетъ къ разбивкѣ плантажа подъ виноградникъ. О трудности этой работы читатель можетъ уже судить по приведеннымъ выше (глава Ш) даннымъ о стоимости десятины плантажа. Не имѣя денегъ на разработку плантажа наемнымъ трудомъ, поселыщикъ приступаетъ къ этой работѣ самъ. Разбивъ при помощи своей семьи какiе-нибудь $^1/_4$ или $^1/_2$ дес. (а впослѣдствiи можетъ быть и до десятины—рѣдко болѣе), онъ получаетъ съ нихъ первый сборъ черезъ 4 только года. Слѣдовательно, пока онъ долженъ жить чѣмъ нибудь другимъ. Если первые посѣвы зерновыхъ хлѣбовъ удались, онъ будетъ увеличивать площадь поля подъ ихъ посѣвы новыми разработками изъ подъ лѣса. Но и въ этомъ случаѣ его семьѣ, пока это сдѣлается, надо чѣмъ-нибудь питаться. А такъ какъ денежные запасы обыкновенно къ этому времени уже изсякли, то надо кому-нибудь изъ членовъ семьи идти на заработки, при чемъ этотъ уходъ на сторону, конечно, отзывается замедленiемъ хозяйственныхъ работъ на участкѣ. Нерѣдко съ наступленiемъ первой зимы мужчины семьи ищутъ уже какихъ-либо заработковъ па сторонѣ—на

---

[1]) а поселенному на новообразованномъ переселенческомъ участкѣ нерѣдко и спросить объ этомъ не у кого, ибо остальные поселыщики такiе же, какъ онъ, новички; участки же эти иногда порядочно удалены отъ старыхъ населенныхъ пунктовъ.

шоссе, при курортахъ, въ Новороссійскѣ, на Кубани. Если первая зима, при наличности остатковъ отъ привезенныхъ съ родины денегъ и казеннаго пособія, проходитъ сравнительно сносно, то во вторую, особенно въ случаѣ весьма вѣроятнаго неурожая на новой небольшой нивкѣ (или земля негодна для зерновыхъ хлѣбовъ, или обработалъ не такъ, какъ по мѣстнымъ условіямъ слѣдуетъ—перепахалъ, недопахалъ, слишкомъ глубоко вспахалъ и т. п., или посѣялъ неподходящій хлѣбъ и т. п.) новому засельщику нерѣдко приходится очень туго. Конечно, много зависитъ отъ массы случайностей. Случайно найдетъ кто-либо изъ изъ членовъ семьи хорошій заработокъ—найдетъ на первыхъ же порахъ, не шатаясь до этого по недѣлямъ въ поискахъ за работой, случайно удастся посѣять именно то, что слѣдуетъ и такъ какъ слѣдуетъ, такъ что новая нивка возвратитъ сѣмена и дастъ еще кое-что—и семья, хотя и отказывая себѣ въ очень многомъ, пережила уже часть самаго труднаго времени. Еще можетъ быть годъ, много два и при поддержкѣ прочно устроившагося на отхожемъ заработкѣ члена семьи, она настолько устроиться, чтобы съ надеждой взирать на будущее. Но не будь этого стеченія благопріятныхъ случайностей, пропади первый посѣвъ, не возвративъ сѣмянъ, не получи своевременно работы ушедшій на заработки, не хвати у посельщика денегъ на прожитіе до новаго урожая и всѣ труды потеряны безвозвратно: жить уже не на что. Тогда надо бросать все, продавать за безцѣнокъ хатёнку какому-нибудь изъ вновь явившихся засельщиковъ и уходить на заработки. Такъ и уходятъ иные съ своихъ участковъ. Большинство такихъ семей уходитъ на Кубань, гдѣ заработки выгоднѣе, потому что хлѣбъ дешевъ, а трудъ дорогъ и гдѣ выгоднѣе даже жить на арендѣ, заплативъ казаку 2—6 рублей аренды за десятину, чѣмъ ожидать здѣсь 4 года урожая винограда, который потомъ, безъ организованнаго сбыта, безъ подваловъ въ окрестностяхъ, трудно будетъ и сбыть съ достаточной выгодой. Нѣкоторые же, обыкновенно впрочемъ очень немногіе, одиночки, уже болѣе или менѣе отбившіеся отъ семьи постоянной работой на сторонѣ, остаются на побережьѣ, перебиваясь потомъ всю жизнь случайной рабо-

той и пополняя собою начавшіе формироваться—главнымъ образомъ въ послѣднее десятилѣтіе—ряды «бурлаковъ». Бурлаки—это люди съ разныхъ концовъ Россіи, заброшенные на побережье случайностями судьбы, бывшіе пахари, отбившіеся отъ земли, люди, которыхъ забыла фортуна, это—здоровые работники, силами которыхъ строются курорты, виллы, дороги, привыкшіе ко всякимъ невзгодамъ жизни, но и привыкшіе дорожить своей «вольной-волюшкой». Жизнь ихъ—вѣчный тяжелый трудъ безъ мало-мальски сноснаго пріюта, вознаграждаемый временами отчаянными попойками, на которыхъ пропивается весь накопленный недѣлями заработокъ. Болѣе слабые изъ нихъ попадаютъ впослѣдствіи въ отрядъ босяковъ, тоже уже сформировавшійся на побережьѣ.

Но возвратимся къ изложенію того, какъ на практикѣ осуществляется новый переселенческій законъ.

Заготовленіе переселенческихъ участковъ постепенно производится въ разныхъ районахъ побережья и появилось уже нѣсколько заселковъ, образованныхъ по новому закону; это такъ назыв. участки «Бочаровскій», «Стаховича», «Аибга», «Царскій», «Фитинговскій», «Геймановскій», обладающіе, въ общемъ, прекрасными землями. Исторія ихъ образованія показываетъ однако, что нынѣшніе засельщики отыскали ихъ и облюбовали эти мѣста, по правамъ 1866 г., т. е. еще до опубликованія послѣдняго закона. И только формальное перечисленіе ихъ въ число поселянъ губерніи, какъ уже прочно обосновавшихся здѣсь, произведено по закону 1897 г. Эти поселки живутъ сравнительно хорошо; но какъ фактически устроившіеся до новаго закона, они не могутъ быть разсматриваемы какъ результатъ его дѣйствія.

Справедливость требуетъ сказать, что работы по предварительному заготовленію переселенческихъ участковъ, судя по собраннымъ распросами свѣдѣніямъ, невсегда приводили къ благопріятнымъ результатамъ. Мнѣ приходилось слышать, напр., изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ, что въ вымежеванномъ участкѣ около будущаго г. Романовска (Красная Поляна тожь) подъ именемъ Медовѣевской (по крестьянски Медовой Поляны) изъ пер-

воначально поселенныхъ тамъ переселенческимъ чиновникомъ 32 семей, за неимѣніемъ годной для усадебъ земли, остались только двѣ! Бѣда въ томъ, что нарисованные на планахъ переселенческіе участки казались очень хороши, а въ дѣйствительности оказывались съ немалыми дефектами, по тѣмъ или инымъ причинамъ упущенными изъ виду при ихъ предварительномъ выборѣ и осмотрѣ. Дефекты же эти выяснялись лишь тогда, когда уже прибывали съ своими семьями направленные туда переселенцы, которые и должны были испытывать ихъ на своихъ плечахъ и преодолѣвать своими руками, или же бросать ихъ и уходить куда-нибудь, чтобы затѣмъ вѣчно скитаться по заработкамъ, что, дѣйствительно, и случилось со многими. Такимъ образомъ и тутъ стала повторяться старая исторія ухода съ переселенческихъ участковъ на утекъ въ вѣчную отлучку.

Надо сказать еще, что это заселеніе участковъ подборомъ поселыщиковъ по выбору начальства, слѣдовательно, людьми совершенно незнающими другъ друга и не связанными никакими общими интересами тоже стоитъ въ противорѣчіи съ уроками прошлой исторіи заселенія побережья.

Большой недочетъ новыхъ переселенческихъ участковъ заключается, между прочимъ, въ отрѣзанности отъ моря и недостаткѣ и неудовлетворительности путей сообщенія съ ними. Хотя на эту сторону теперь и обращено уже нѣкоторое вниманіе и ко всякому участку обыкновенно стараются устроить подъѣздъ, но этого мало. Надо, чтобы было по возможности нѣсколько подъѣздовъ изъ разныхъ населенныхъ мѣстъ, чтобы были заготовляемы дороги внутри переселенческаго участка и чтобы всѣ эти дороги были не кой-какими, едва проѣздными или скоро портящимися тропами, а дѣйствительно удобными для пользованія во всякое время. Иначе участки, заброшенные въ такія, напр., дебри, въ какія заброшены: «Орѣховая Поляна», «Амуко» и «Ажекъ» близъ д. Пластуновской, окажутся въ совершенно изолированномъ положеніи, такъ какъ къ этимъ послѣднимъ пробраться, говорятъ, можно только верхомъ или пѣшкомъ по горнымъ тропамъ.

Конечно, отъ чиновниковъ, недостаточно знакомыхъ практически съ сельскимъ хозяйствомъ, съ нуждами переселенческаго быта, да вѣроятно и съ мѣстными условіями, трудно и ожидать вполнѣ удачнаго выбора переселенческихъ участковъ. Но объ этомъ надо было подумать заранѣе, чтобы съорганизовать это дѣло какъ слѣдуетъ. Такое серіозное и въ сущности очень сложное дѣло надо дѣлать осторожно и не торопясь. Къ какой бы то ни было торопливости въ этомъ отношеніи не представляется никакихъ основаній (развѣ можетъ быть теперь выяснилась уже необходимость скорѣйшаго поселенія мужика на побережьѣ ради тѣхъ же курортовъ, отъ которыхъ его еще такъ недавно отселяли подальше?). Лучше переселить меньше, да поселить удобнѣе, прочнѣе; лучше не увлекаться количествомъ вновь образуемыхъ участковъ, но осмотрѣть и выбрать ихъ обстоятельнѣе, всесторонне выяснивъ ихъ дѣйствительную пригодность для веденія хозяйства и жизни.

Таковы главнѣвшія основанія новаго плана заселенія побережья трудовымъ земледѣльческимъ населеніемъ, весьма важные недочеты котораго показываютъ, какъ мало при ихъ разработкѣ воспользовались печальными, но поучительными уроками исторіи и требованіями дѣйствительной жизни.

Каждое новое дѣло, особенно на первыхъ порахъ, можетъ, разумѣется, имѣть свои недочеты; во-время подмѣченные они могутъ быть своевременно исправлены и устранены, чтобы не повторяться болѣе. Но если замѣчаніе это почти въ полной мѣрѣ примѣнимо къ новому закону (1897 г.) въ отношеніи дальнѣйшаго его примѣненія въ соотвѣтственномъ дѣйствительнымъ нуждамъ переселенцевъ и мѣстнымъ условіямъ видѣ (такъ какъ законъ можно и измѣнить), то оно весьма мало примѣнимо къ тому, что уже сдѣлано по части устроенія на побережьѣ ривьеры. Многаго, очень многаго сдѣланнаго по этой части теперь, по всей вѣроятности ничѣмъ уже не поправишь и въ этомъ заключается главное несчастье побережья... Въ послѣднее время, передъ смертью Н. С. Абазы на побережьѣ ходили слухи, что несостоятельность его политики «оживленія» привела будто бы даже

высшее начальство Кавказа къ мысли о необходимости экспропріаціи частновладѣльческихъ земель побережья, что однако не состоялось въ то время вслѣдствіе противодѣйствія со стороны покойнаго. Конечно, это было бы очень радикальною мѣрою по исцѣленію побережья отъ его главнаго недуга, но эти слухи, надо думать, не имѣли фактической подготовки и характеризують лишь желанія и взгляды знающихъ нужды края мѣстныхъ жителей на этотъ вопросъ. Недавно въ газеты проникло извѣстіе объ образованіи «особаго совѣщанія для разработки, обсужденія и необходимаго объединенія мѣропріятій различныхъ вѣдомствъ по оживленію и развитію Черноморскаго побережья Кавказа». Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобы особое совѣщаніе это, не связанное никакими мнѣніями и предначертаніями предыдущей коммиссіи по устроенію края (Н. С. Абазы), отнеслось къ возложенному на него дѣлу съ возможно большею обстоятельностью и безъ всякихъ предвзятостей, положивъ въ основу своихъ работъ только точныя данныя безпристрастно и спеціально произведенныхъ изслѣдованій. Говорили, что совѣщаніе это будетъ состоять при министерствѣ земледѣлія. Писали также въ газетахъ, что нынѣшній министръ земледѣлія А. С. Ермоловъ,—самъ землевладѣлецъ побережья (но не путемъ пожалованія или выкупа, а путемъ покупки изъ частныхъ рукъ), часто его посѣщавшій, держится на вопросъ о «заселеніи и оживленіи» края совершенно иного взгляда, чѣмъ покойный Абаза и намѣчаетъ рядъ мѣръ къ исправленію допущенныхъ въ этомъ отношеніи ошибокъ.

Можно только пожелать, чтобы это было именно такъ и чтобы этотъ слухъ осуществился въ возможно широкомъ объемѣ.

А. С. Аничковъ.

ПѢВЕЦЪ БОРЬБЫ И КОНТРАСТОВЪ.

V.

Що въ моій писни биль и жаль и туга—
Се лышъ тому, що склалось такъ життя.
Та є в ній, брате мій, ще нота друга:
Надія, воля, радисне чуття...
. . . . Я сынъ народа,
Що въ гору йде, хочъ бувъ запертый в льохъ.
Мій поклыкъ: праця, щасте и свобода,
Я є мужыкъ, прологъ не епилогъ.

Ив. Франко.

Есть хорошая пословица «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты таковъ», т. е., говоря другими словами, ни въ чемъ иномъ личность человѣка, его симпатіи и антипатіи, вообще весь его духовный обликъ не сказываются, можетъ быть, съ такою ясностью и опредѣленностью, какъ въ выборѣ знакомствъ. Similis simili gaudet, каждый подбираетъ друзей и знакомыхъ по сердцу, при чемъ, разумѣется, не могутъ не отражаться на этомъ подборѣ вкусы и направленіе производящаго выборъ субъекта, и такимъ образомъ подборъ является однимъ изъ характерныхъ обнаруженій личности даннаго человѣка. Если для характеристики всякаго обыкновеннаго смертнаго мы, въ силу сказаннаго, считаемъ особенно удобнымъ пользоваться кругомъ его знакомствъ, то кто мѣшаетъ намъ тѣмъ же способомъ воспользоваться и для характеристики писателя, поставивъ лишь вопросъ нѣсколько иначе, въ немного перефразированномъ, такъ сказать, видѣ. Принявъ во вниманіе, что «знакомыми» писателя являются прежде всего герои его произведеній, мы можемъ обратиться къ писателю, примѣрно, такъ: скажи, кто герои твоихъ

произведеній, чьею судьбою ты больше всего заинтересованъ,— и мы скажемъ, кто ты таковъ, т. е., на основаніи сообщенныхъ данныхъ сумѣемъ опредѣлить твою умственную и нравственную физіономію, твой духовный обликъ, и при томъ не только, какъ человѣка, но, главнымъ образомъ, какъ писателя и общественнаго дѣятеля. Разумѣется, въ дѣйствительности нѣтъ нужды приставать къ писателю съ подобными вопросами и требовать на нихъ отвѣта: послѣдній вѣдь ими данъ еще раньше постановки вопроса и, такъ сказать, документально запротоколированъ—въ его произведеніяхъ, къ которымъ и слѣдуетъ поэтому обратиться для удовлетворенія любопытства. Съ такимъ именно вопросомъ мы попробуемъ подойти и къ интересующему насъ писателю, чтобы съ перваго же взгляда опредѣлить, хотя бы въ общихъ чертахъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

Одинъ изъ сборниковъ своихъ произведеній г. Франко назвалъ «В поті чола». Думаемъ, что соблазнила въ данномъ случаѣ автора не внѣшняя красота и эффектность заглавія, такъ какъ онъ вообще излишнею склонностью ко внѣшнимъ украшеніямъ и, эффектамъ не грѣшитъ. Можно, значитъ, въ приведенномъ заглавіи усмотрѣть желаніе автора выразить внутренній смыслъ и сущность своихъ произведеній, и—нужно отдать справедливость— трудно въ самомъ дѣлѣ и вообразить удачнѣе придуманную общую формулу, которая объединила бы и въ немногихъ словахъ охарактеризовала всѣ произведенія нашего писателя, которая лучше выразила бы ихъ сущность, смыслъ, значеніе и направленіе. «В поті чола»—это выраженіе можно взять эпиграфомъ ко всѣмъ произведеніямъ г. Франка; подъ такимъ заглавіемъ смѣло можно печатать полное собраніе его сочиненій... Жизнь «робучого люду», понимая это выраженіе, конечно, не въ узко-профессіональномъ, классовомъ смыслѣ, а въ широкомъ, всеобъемлющемъ, т. е. включая сюда всѣхъ, кто собственнымъ трудомъ зарабатываетъ насущное дневное пропитаніе—пользуется преимущественнымъ, если не исключительнымъ, вниманіемъ г. Франка и разрабатывается имъ съ поразительнымъ знаніемъ и художественною правдивостью. «Робучий люд»—это кругъ знакомыхъ нашего писателя, который твердо убѣжденъ,

Що не Баярдъ, борець непоборымый,
Не Донъ-Жуанъ, жиночыхъ серць побидныкъ
Героемъ нашыхъ днивъ, *а продуцентъ, робитныкъ*
(„З вершин і низин", 226).

Послѣ того, какъ мы узнали, кто является знакомыми нашего писателя, намъ важно сейчасъ же получить отвѣтъ и на другой вопросъ—какъ онъ относится къ своимъ знакомымъ, къ этимъ,

по его выраженію, «героямъ нашыхъ днивъ»? И въ положительной, и въ отрицательной формѣ писателемъ также данъ категорическій, никакихъ сомнѣній не допускающій отвѣтъ. Съ одной стороны—

Хочъ порохъ чоловикъ, та вирю я въ той порохъ:
Я твердо вирю въ трудъ його могучый,
Въ ти милліоны невсыпущыхъ рукъ,
И твердо вирю въ людськый умъ робучый
И въ ясный день по ночи горя й мукъ (ib., 218).

Съ другой стороны, уже изъ біографіи г. Франка мы знаемъ, что звѣрскій поступокъ учителя-изверга надъ прототипомъ писателя—маленькимъ Мирономъ для послѣдняго «стався першымъ насиннямъ *обурення, погорды и вичнои вражды противъ усякого неволення та тыранства*» («В поті чола», 61). По удовлетвореніи и на этотъ счетъ любопытства, остается еще одинъ предварительный вопросъ—какими средствами пользуется писатель для изображенія своихъ героевъ и вообще для выраженія своихъ мыслей? И на это слѣдуетъ также категорическій отвѣтъ:

. . . . Не часъ теперъ ховаты
Поганыхъ струпивъ. Смилою рукою
Роскрыть ихъ треба, мымо встыду й болю
Всю гныль нещадно зъ тила вырываты («З вершин...», 158).

Теперь, когда наша любознательность на счетъ того, кто составляетъ кругъ знакомыхъ занимающаго насъ писателя, какъ онъ къ нимъ относится и какими средствами для ихъ изображенія пользуется—удовлетворена частично, наша задача—обнять явившуюся въ результатѣ литературной дѣятельности г. Франка колоссальную груду печатнаго матеріала, разбросаннаго по всевозможнымъ изданіямъ, и изложить все это въ статьѣ небольшого сравнительно объема - значительно облегчается и упрощается. Пользуясь указанными свѣдѣніями въ качествѣ руководящихъ нитей, легче разобраться въ содержаніи многочисленныхъ его произведеній, обозрѣніемъ которыхъ мы сейчасъ и займемся.

Въ автобіографіи г. Франко пишетъ, что еще на зарѣ своей литературной дѣятельности онъ былъ занятъ мыслію—«въ цилимъ цикли новеллъ спысаты по змози вси бокы жыття простого люду и интеллигенціи: видносыны економични, освитни, правни, политычни и т. п.» («В поті чола», XI). Конечно, выполненіе такой обширной, просто таки колоссальной программы—охватить въ своихъ произведеніяхъ жизнь народа со всѣхъ сто-

ронъ—превышаетъ силы отдѣльнаго человѣка, какъ бы онѣ, эти силы, ни были громадны. Во всей своей цѣлости намѣченная программа осталась невыполненной и нашимъ авторомъ, даже и въ томъ объемѣ, какой вполнѣ соотвѣтствовалъ его силамъ, благодаря особымъ условіямъ личной жизни автора и литературныхъ отношеній въ Галичинѣ, мало благопріятствовавшихъ всякой систематической дѣятельности. Но г. Франко все-таки многое далъ въ своихъ произведеніяхъ для осуществленія поставленной программы; большинство его произведеній въ самомъ дѣлѣ являются документами, дающими не одну драгоцѣнную черту для изученія жизни галицко-украинскаго народа. Сюда относится прежде всего двѣ повѣсти и цѣлый рядъ разсказовъ и очерковъ изъ жизни бориславскихъ рабочихъ и предпринимателей [1]), а также большая часть разсказовъ, вошедшихъ въ составъ извѣстнаго сборника «В поті чола».

Тяжелое, безотрадное впечатлѣніе производятъ всѣ эти произведнія своимъ зрѣлищемъ безысходной нужды, горя, борьбы за кусокъ насущнаго хлѣба, темноты, безправія и безпомощности. Вотъ, напр., описаніе галицкаго села, какимъ оно представилось герою повѣсти «Перехресні стежки», Рафаловичу:

> «Перед його (Рафаловича) очыма потяглыся села, бидни, сири, зъ головатымы вербамы пры дорози, зъ обломанымы садкамы, болотянымы выгонамы, обскубанымы сирымы стрихамы, пообвалюванымы тутъ и тамъ плотамы. Зъ давенъ давна винъ прывыкъ, що його серце стыскається пры вийизди въ руське село, навить у пору, коли воно пышається у веснянимъ цвити вышневыхъ та яблоневыхъ садкивъ, або лежыть тыхо выгриваючысь у литньому сонци. Такъ немовъ якась важка мелянхолія сыдыть пры воротахъ кождого села сирою жебрачкою й незрымо чипляеться за його полу. А теперъ у осинній слотавый вечиръ ся мелянхолія ще важче налягає на його душу Пусто и глухо по селахъ... Ось по-середъ села мурована корчма зъ шырокою зайиздовою брамою, отвореною на ростижъ, мовъ темна, вично голодна пащека, готова приковтнуты вси здобуткы важкои цилоричнои праци... А ось и двиръ на горби, окруженый винкомъ высокыхъ ясенивъ, що ледви мріють огорнени мрякою, мовъ велетни въ сирыхъ шырокыхъ плащахъ. Але двиръ

---

[1]) Бориславъ—село въ подгорной части Галичины, Дрогобыцкаго округа, извѣстное своими мѣсторожденіями нефти и горнаго воска (озокерита). Окрестности его усѣяны тысячами шахтъ, въ которыхъ работаетъ около 10000 рабочихъ, называемыхъ «ріпниками» отъ слова «ропа»—загрязненная примѣсью постороннихъ веществъ нефть; послѣдняя называется еще «кипячкою». Шахты называются «ямами».

биліється кризь мряку, мовъ били зубы якогось величезного звиря, все готови грызты, каличыты и смоктаты кровъ. А онъ пидъ брамою купка селянъ—ще обпаленыхъ сонцемъ видъ лита, але вже скуленыхъ, обдертыхъ, прысилыхъ порохомъ, выголоднилыхъ. Стоять изъ шапкамы въ рукахъ, выдно ждуть пана «жонцы», чы прыйме завтра на роботу до молочення або до горальни—хочъ по пятнадцять крейцаривъ денно. Колы Евгеній перейиздивъ по-прыныхъ, воны вси мовъ на команду ныженько поклонылыся йому, хочъ певне нихто зъ ныхъ не знавъ його. «Пан»—и воны зъ вику-правику прывыклы ныжко кланятыся всякому панови: се одынока «наука», одынока «цивилизація», яку передавъ имъ двиръ» («Л.-Н. Вістник», 1900, VII, стор. 57—58) и т. д.

Не правда-ли—«веселенькій пейзажикъ», употребляя любимое выраженіе одного изъ героевъ Помяловскаго? И подобные «пейзажики» и жанровыя картинки попадаются у нашего автора на каждомъ шагу въ тѣхъ его произведеніяхъ, гдѣ онъ касается села и его обитателей. Тяжелый трудъ безъ отдыху, буквально спины не разгибая («Лесишина челядь»), холодъ, голодъ и голодная смерть («Цигани»), безвыходное положеніе, нужда и обманы («Сам собі винен»), притѣсненія («Ліси і пасовиська»), непосильныя подати и налоги («Добрий заробок»), злоупотребленія штрафами («Історія одного кожуха»), покосившіяся, черныя отъ дыма и копоти избенки, лохмотья вмѣсто одежды, скудная, недостаточная пища и т. д.—вотъ внѣшнія условія жизни этого «благословеннаго» села. Съ проклятьями на устахъ бѣгутъ изъ него обитатели («До Бразилії»), опутанные страшными, по выраженію г. Франка, «червями», которымъ имя—«коршма, лыхва, податок» («Із днів журби», 55). Для удовлетворенія духовныхъ потребностей также немного здѣсь средствъ:

На стини розвишани довкола
Деревляни давни богомазы:
Страшный судъ, Варвара и Мыкола,
Чорни вже видъ дыму, мовъ видъ мази.
Тильки й всього хрыстіанства в хати,—
Але є й пысьменства въ ній познакы:
Тамъ пид сволокомъ завитный в шмати
Лыстъ небесный, пысаный Бог-зна кымъ;
Йосыфинськый наказъ панщызняный,
Прадидивськый квитъ на трыдцять букивъ,
Дида скарга за грунтець забраный,
Батькивъ актъ лицитаційный драный («Мій Ізмарагд», 119)...

Что жъ удивительнаго, если народъ, живущій въ такой вопіющей бѣдности, нуждѣ и темнотѣ, оказывается несостоятельнымъ въ борьбѣ

за существованіе и безбожно эксплоатируется всѣми, кто стоитъ близко къ нему и обладаетъ достаточно цѣпкими руками и покладистою, сговорчивой совѣстью? Въ произведеніяхъ г. Франка имѣемъ цѣлую галлерею, съ одной стороны, эксплуатируемыхъ, а съ другой—хищниковъ, являющихся побѣдителями въ жизненной борьбѣ. Особенно удачными въ изображеніи этой борьбы являются очерки изъ жизни бориславскихъ рабочихъ, гдѣ авторъ развернулъ широкую картину столкновенія между людьми изъ-за голыхъ, ничѣмъ не прикрытыхъ и не прикрашенныхъ матеріальныхъ разсчетовъ. Картина эта заключается въ двухъ большихъ повѣстяхъ: «Boa constrictor» и «Борислав сміється» (къ сожалѣнію послѣдняя осталась неоконченной) и въ цѣломъ рядѣ разсказовъ и очерковъ, написанныхъ частью раньше, частью позже повѣстей: «Ріпник», «На роботі», «Наверненний грішник», «Яць Зелепуга», «Полуйка», «Вівчар» и др. Въ цѣломъ всѣ упомянутыя произведенія представляютъ, и по замыслу автора, и по исполненію, части одной обширной работы и даютъ въ сущности одинъ образъ безмѣрной нужды и страданій, съ одной стороны, и безмѣрнаго же хищничества, наживы и колоссальнаго наростанія богатствъ—съ другой. Съ внѣшней стороны, какъ видимъ, пріемъ нашего автора напоминаетъ пріемъ Зола, который также задался цѣлью представить въ извѣстной серіи романовъ «Ругоны-Маккаръ» образъ жизни всей Франціи временъ второй имперіи, воспользовавшись для этого «естественной и соціальной исторіей одной семьи». Разница лишь въ томъ, что французскій романистъ, работавшій при нормальныхъ условіяхъ, сказалъ дѣйствительно все, что хотѣлъ сказать, тогда какъ его украинскій собратъ, благодаря условіямъ нашей жизни и литературной продукціи, успѣлъ дать лишь нѣкоторыя части задуманной широко картины.

Какова жизнь рабочихъ, являющихся жертвами антагонизма и экономической борьбы--это мы видимъ въ одномъ изъ первыхъ же разсказовъ г. Франка «На роботі» (Другъ, 1877 г.), дающемъ въ полу-фантастической, полу-реальной обстановкѣ яркую картину этой жизни. Рабочій, которому опротивѣло исполнять за незначительную плату однообразную работу на поверхности шахты, рѣшается наконецъ спуститься вглубь, соблазняемый перспективой бо́льшаго заработка. Первымъ результатомъ такого рѣшенія было то, что хозяинъ-еврей понижаетъ ему заработную плату въ сравненіи съ другими рабочими, а новые товарищи-«ріпники» требуютъ угощенія. Претерпѣвъ всѣ мытарства посвященія въ «ріпники», нашъ рабочій спускается, наконецъ, въ шахту на такую глубину, что видитъ звѣзды на небѣ. Работа подъ землей оканчивается тѣмъ, что онъ едва не погибаетъ отъ удушья въ

отравленномъ ядовитыми испареніями воздухѣ и заболѣваетъ отъ пережитаго потрясенія. Въ болѣзненномъ безпамятствѣ ему является «Задуха« (Удушье) и показываетъ свое царство—зловонную бездну, откуда «чутно було такый крыкъ, плачъ и заводъ, немовъ тамъ у мукахъ конають тысячи людей» («Друг», 1877, стр. 22). Дѣйствительно, это было мѣсто мученій искалѣченныхъ, голодныхъ, страшныхъ съ виду рабочихъ, погибшихъ жертвами промышленности. «Що тутъ людей у тій пропасти! Що парубкивъ, жинокъ, дивчатъ, дитокъ маленькыхъ! Мати Божа! А кожному прыглянься, то ажъ лякъ перейме. Тутъ лыце страшно змарниле видъ недугы й голоду; тамъ обпухле тило, мовъ у топельныка; други зновъ чорни и страшни, якъ головни на огнищи... На земли, кілька окомъ засягнешъ—усюды люде лежать, а найбильше парубкы—молоди, статни, мовъ явиръ роскишни. Лежать за покотомъ, густо; коло ныхъ оскарбы та рыскали. Лыця сыни, кулакы сциплени, очи шыроко отворени... Далеко-далеко тягнется проклята штольня. Покаличени страшылыща, потоплени, голодом, стужею, огнем, хытристю и всякымы штукамы поморени рипныкы наповнялы ii» (ib., 22—23). «Задуха» раскрываетъ предъ «ріпником» всю жизнь рабочихъ и на полный ужаса вопросъ его—неужели нѣтъ средствъ избавиться отъ этихъ мученій, отвѣчаетъ приглашеніемъ къ самодѣятельности и сознательной жизни, которыя дадутъ имъ способы вырваться изъ опутавшихъ ихъ тисковъ. О томъ, какъ живутъ рабочіе на нефтяныхъ промыслахъ въ Бориславѣ, послушаемъ стараго «ріпника»: «Роблять людыська, якъ ти кони в кырати, довбають святу землю, черпають кыпячку, тягають вискъ. Сказавъ бы хто—даръ божый, золото, маеткы! А глядить-но вы: *десь усе те такъ пропадае, що й слиду нема.* Такъ якъ бы дидько всымъ тымъ давывся. *Чымъ бильше божого дару выдобувають изъ земли, тымъ бильше вси биднiють*» («Полуйка», 3—4). Словомъ, и здѣсь повторяется старая исторія, всегда характеризующая подобныя мѣста со вновь открытыми натуральными богатствами и горячечной борьбой изъ-за овладѣнія и обладанія ими: одинъ день, одинъ часъ въ такихъ мѣстахъ можетъ принести или колоссальныя богатства—разумѣется, не для рабочихъ,—или же полное разореніе и нищету. Но этотъ рискъ существуетъ только для незначительной кучки авантюристовъ-предпринимателей; для массы же населенія предпринимательская горячка служитъ лишь исключительно источникомъ обнищанія и деморализаціи. Сюда, продолжаетъ разсказывать старый рабочій «йшлы що найлипши парубкы, не разъ господарськи сыны, але найчастійше бидари, наймыты, круглі сыроты, що викъ прожывъ у наймахъ, у тяжкій праци, не разъ видколы живъ, то не мавъ

у своій кышени рынського [1]) при купи, не знавъ иншого смаку в роти, кримъ борщу та росолянкы та горилкы. А тутъ наразъ—рынськый денно! И твое все, никому не давай рахунку, ни зъ кымъ не дилыся, ни на кого не озырайся! Нихто на тебе не дывыться, нихто тебе не знае, нихто тоби въ рукы не зазырае. Самъ соби въ компаніи такыхъ самыхъ, якъ ты—робы, що хочешъ, жый, якъ знаешъ! И жылы хлопци!.. Крыкы, спивы, піятыкы, бійкы, рижни збыткы й жарты, абы грошамъ промыты очи. Для правдывого рипныка встидъ було не пропыты въ недилю всього, що заробывъ у тыждни. Поплатывъ чы не поплатывъ за харчъ, видложывъ чы не видложывъ що на чорну годыну, але въ шынку мижъ товарышамы вйнъ бувъ панъ. Горивкы, пыво, выно, печени—все йому мусило буты. «Начхаты мени на все! Завтра або по завтру може дидько вхопыть мене! Гуляймо, хлопци, покы часъ, покы наше». («Полуйка», 4—5). Но, разумѣется, это только казовая сторона рабочей жизни, сопровождающая всякую тяжелую, опасную и на первыхъ порахъ не дурно сравнительно оплачиваемую работу. На самомъ дѣлѣ «ріпники» прекрасно понимаютъ отрицательныя стороны этой съ виду веселой жизни. «Бориславське жытте,—думаетъ Иванъ въ разсказѣ «Ріпник»,—правда, свобидне воно, але *хиба жъ се людське, господарське жытте?* Та й яке свобидне? Тилькы твоеи й свободы, що въ недилю та въ свято. А въ будный день ты робучый вилъ,—ни, гирше: ты повный невильныкъ жыда, властытеля ямы, або його касыера. Пидъ землею ты кождои хвыли небезпечный свого жыття, а поверхъ земли каждои хвыли лайка, поштуркування, понукування. И вично той смридъ, той брудъ, та духота, та піятыка, той одуръ! Невже таке мало бъ буты його житте до смерты, до старосты?» («Полуйка», 60-61). Заглянемъ еще въ жилище рабочихъ. «Вже пизно въ ночи. Тисна, брудна и душна цюпка наповнена робитныцямы. Стины голи, ледве побилени ваппомъ по дошкахъ, на однiй налиплено якыйсь образокъ и кавалокъ зеркала, въ однимъ кути тапчанъ, збытый зъ трьохъ дощокъ и прыкрытый синныкомъ та плахтою, а край викна маленькый столычокъ на высокыхъ ногахъ, бо викно высоко. Ось и все, що можна було добачыты въ хати. Ани печи, ани кухоннои посуды, ани постели. На тапчани не було никого, за те на помости набыто, якъ оселедцивъ у бочци, якыхсь людськыхъ истотъ, що голосно важко дыхають, але въ сутинку, якый стоить у хати, подибни до одноi простеленои по доливци верствы брудного шмаття, свытокъ, хустокъ та чобитъ. Се ночлигъ робитныць.

---

[1]) Рынськый, золотый рынськый—гульденъ, около 80 коп. на наши деньги.

Бабы, дивчата, молодыци, котрыхъ изъ далекыхъ сторинъ прыганяє сюды недоля, натомывшы черезъ день груды й рукы пры корби, або пры вибиранню лепу зъ кыбливъ та воску з-мижъ глыны, теперъ лежать покотомъ на холодній деревляній пидлози, кулакъ пидъ головою, стулени одна до однои—разъ за-для недостачи мисця, а по-друге—такъ буде теплійше. Ихъ лыця пожовклы зъ нужды, ихъ рукы немовъ оброслы глыною й земнымъ воскомъ, ихъ одижъ—то позшыване лахманя, що ледве-ледве держыться на тили. Стари, недугамы та грыжею поорани лыця лежать обикъ молодыхъ, що ще не стратылы слидивъ красоты, хоча цвитъ ихъ уже звялыла передчасно тяжка праця и нужда и роспуста» («Полуйка», 34—35).

Если къ указанной обстановкѣ и тяжелой, нечеловѣческой работѣ прибавимъ, съ одной стороны, факты дикаго произвола и безпощадной эксплоатаціи предпринимателями, не останавливающимися даже предъ преступленіемъ, лишь бы сорвать съ рабочаго лишній кусъ [1]), а съ другой—пониженіе моральныхъ устоевъ среди самихъ рабочихъ [2]),—то получится безпросвѣтно-мрачная, полная ужаса и безотрадности картина, не дающая ни одного свѣтлаго мазка, на которомъ можно было бы остановиться и отдохнуть глазу. И что всего ужаснѣе, такой порядокъ вещей съ извѣстнаго рода исторической неизбѣжностью возникаетъ при всякомъ столкновеніи отходящихъ въ область преданія патріархальныхъ устоевъ жизни съ возникающимъ на ихъ развалинахъ всемогущимъ капиталомъ, который, подобно удаву, обхватываетъ жертву желѣзными кольцами и душитъ ее въ своихъ могучихъ объятіяхъ («Boa constrictor»).

Мовъ Ляокóонъ середъ змій,
Такъ людъ увесь в тыхъ путахъ вьеться...
Охъ, и колы жъ той скрутъ важкый
На тили велетня порветься? (З вершин...», 45),—

съ тоскою спрашиваетъ поэтъ, обобщая въ одинъ образъ результаты своихъ наблюденій надъ упомянутымъ столкновеніемъ. «Чу-

---

[1]) Иванъ, герой разсказа «Ріпник», какъ и одинъ изъ рабочихъ въ повѣсти «Boa constrictor», гибнутъ на днѣ шахты, какъ жертвы преступленій; Яцъ Зелепуга, въ разсказѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, погибаетъ въ собственной хатѣ, подожженной алчнымъ контрагентомъ и т. п.

[2]) Особенно яркую картину въ этомъ отношеніи рисуетъ разсказъ «Ріпник», посвященный изображенію семейныхъ отношеній среди бориславскихъ рабочихъ.

мазый» пришелъ, нагрянулъ на растерявшихся, не подготовленныхъ къ его пришествію людей и стеръ ихъ въ порошокъ при первомъ столкновеніи. «Жыття быстро тече, змины быстро настають. Треба пыльно слидыты, куды прудь жене—треба й соби туди пробиратыся. А не спостережешся, застоишся на мисци, то того то й гляды—перша-липша хвиля нагряне, перша-липша змина настане, обалыть тебе, зибье з нигъ, и ты погыбъ. Теперъ жыты тяжко. Жыття—боротьба вична, безупына. Ворогъ зъ усихъ сторинъ грозыть. Не прыстережешъ зъ одного боку—зъ другого нагряне, і ты пропавъ» («Наверненый грішник», см. «Письма Ів. Франка, ч. II, Львів. стор. 81). Но если даже и понялъ человѣкъ, куда несетъ теченіе жизни, куда нужно «пробиратыся», то это все-таки не обезпечиваетъ ему побѣды въ жизненной борьбѣ. На пути со всѣхъ сторонъ стерегутъ его болѣе ловкіе люди, которые используютъ въ своихъ видахъ всякій его шагъ и постараются его достояніемъ овладѣть въ свою пользу. Вотъ Васыль Пивторакъ («Наверненый грішник») вздумалъ угоняться за вѣкомъ, началъ на своемъ клочкѣ земли самъ добывать «кипячку», и что же?—въ результатѣ одинъ сынъ его задавленъ осыпавшейся землею, другой задохся въ ямѣ и залитъ источникомъ богатства—нефтью, а самъ новаторъ попадаетъ въ лапы кулака-еврея, допивается до бѣлой горячки, въ припадкѣ которой и умираетъ, лежа «крыжемъ передъ царськымы вратамы» въ церкви, въ надеждѣ получить хотя небесное царствіе, если благами земного не удалось ему воспользоваться. Такое же проблемматическое утѣшеніе остается и на долю Яця Зелепуги (разсказъ «Яць Зелепуга», см. «Зоря» 1887 г.); этотъ «хлоп ледащо», также пьянствующій, потому что «болила його неправда», но въ противоположность безхарактерному и слабовольному «наверненому грішнику» бросившій водку, когда нашелъ цѣль жизни,—чего онъ достигъ? Когда счастье ему улыбнулось и богатство стало для него уже не мечтой празднаго воображенія, а самой реальной истиной, онъ сначала дѣлается жертвой обмана со стороны хитраго Менделя, а затѣмъ погибаетъ въ пламени собственной хаты, подожженной тѣмъ же Менделемъ для сокрытія слѣдовъ преступленія. Но это только частности общей, талантливой рукой набросанной картины, которую представляетъ мѣстность въ районѣ, охваченномъ безумной горячкой обогащенія. «Спокійный ладъ селянського жыття замутывся. Грукання, стукоты, крыкы, свары та спивы не вгавалы якъ день, такъ ничъ. Поля не зеленилыся шырокымы ланамы, якъ уперменъ, хвылюючы та шелестячы видъ теплого витру. А на мисце свижои пахучои зелени повставало що-разъ бильше горбкивъ сирои илястои глыны, мовъ велычезныхъ кертычынъ, пидъ котрымы въ темній задушній глыбыни за кварту горилкы працювалы цилымы днямы парубкы та чоловикы, обмащени, заталапани,

утепенени,—працювалы гирко, выдобуваючы незличени скарбы своимъ гнобытелямъ-жыдамъ («Письма», II, 129—130). «Мій Боже, що ту діеться, що ту творыться!—восклицаетъ Зелепуга, наблюдая картины быстраго разоренія крестьянъ и соотвѣтственно же быстраго обогащенія евреевъ-предпринимателей,—правдыва кара божа на наше селыще! Ну, глядить, глядить, килько ту тои погани назлазылося, якъ мурашни!... Всюды коплють, рыють, черпають тоту кляту кыпячку, щобъ имъ ще горломъ лылася!» («Зоря», 1887. стр. 293). Все захватилъ въ свои цѣпкія руки капиталъ, преобразилъ внѣшній видъ и села, и самихъ его обитателей: «всякий рухъ, якый выдно було довкола, всякый голосъ, якый можъ було вчуты,—все нагадувало радше повильний, сонлывый рухъ та туркитъ величезной машыны, тилькы що колеса, зубци, загачкы та шрибы той машыны—були жыви люде зъ тилом и кров'ю» («Boa constrictor», см. «Молот», 1878, стор. 39).

Въ сравненіи съ этимъ адомъ, лишеннымъ всякихъ уже радостей, кромѣ чисто животныхъ наслажденій—пьянства и распутства,—какимъ раемъ кажется даже тяжелая жизнь крестьянина, обливающагося потомъ на собственномъ клочкѣ земли; какими чистыми и привлекательными тѣ радости и поэзія сельской жизни, которая какъ мы уже знаемъ, имѣетъ въ изображеніи г. Франка обратную сторону, заставляющую бѣжать безъ оглядки и отъ этого собственнаго клочка земли, и отъ этой захваленной поэзіи сельской жизни. Но здѣсь эта обратная сторона медали забывается и выступаетъ на первый планъ лишь положительная сторона крестьянской жизни. Для всякаго «ріпника», который не совсѣмъ еще утратилъ образъ и подобіе человѣка, эта жизнь представляется идеаломъ, часто недосягаемымъ, возможнымъ лишь въ мечтахъ, но который уже однимъ своимъ существованіемъ скрашиваетъ жизнь, давая надежду на какой-то выходъ изъ невозможнаго положенія, какую-то перемѣну въ невыносимой участи. У Ивана («Ріпник») при одной мысли о томъ, что, можетъ быть, всю жизнь ему придется провести среди пріисковой мерзости, «пробигала холодна дрожъ по-за плечыма... Йому прыгадалыся зелени пывы, цвитысти лугы, сыви волы, чысто побилени хаткы и роскишни садкы його ридного села, почулося блеяння овець, фивкання гусенятъ, скрыпъ журавля и винъ мало не заплакавъ зъ наглого зворушення. *Невже він мигъ такъ легкодушно проминяты такый рай на отсе пекло*»? («Полуйка», 60). Картины прошлой жизни, прелести которыхъ Иванъ не замѣчалъ раньше, угнетенный исключительно ея темными сторонами, теперь, въ силу контраста съ еще болѣе темнымъ настоящимъ, воскресаютъ передъ нимъ во всей своей чарующей обаятельности, опоэтизированныя желаніемъ вырваться изъ-подъ гнета дѣйствительности.

Подъ вліяніемъ всего этого въ Иванѣ зарождается стремленіе—употребить всѣ усилія, чтобы опять «статы господаремъ—хочъ биднымъ, хочъ останнимъ, а все-такы своимъ господаремъ, у своій хати, на своій п'яди земли» («Полуйка», 74). Такое рѣшеніе подняло его морально, произведя переворотъ въ отношеніяхъ къ покинутой имъ женщинѣ, облегчило ему тяжелый трудъ и вообще скрасило его неприглядное существованіе, такъ какъ дало ему смыслъ и цѣль жизни, открыло цѣну собственнаго существованія. За работой теперь «винъ у думци купався въ яснимъ соняшнимъ свитли, оравъ, косывъ, звозывъ снопы, молотывъ на топци, *чувъ себе господаремъ*. Бориславське жыття—се було щось мовъ темни сины, зъ которыхъ ось-ось выйдешъ на широке, ясне подвиря, де зеленіе пахуча мурава, цвитуть яблинкы, фивкають гусенята и блеють ягнята» («Полуйка», 68). Эти мысли особенно овладѣли Иваномъ, когда начались полевыя работы вокругъ Борислава. «Зъ кожнымъ днемъ йому робылося тяжче въ Борислави. Земля горила пидъ нымъ. Його душыло щось, гнало, перло геть изъ Борыслава. Винъ ни про що не думавъ, тилькы про те, щоб як найшвыдше вырватыся видтамъ. Думка, що йому треба ще працюваты въ ямахъ до осены або й до зимы, щобъ выплатыты жыдови вси гроши, наповняла його якымсь дыкымъ страхомъ. «Ни, я не вытрымаю»!—повторявъ винъ не разъ и чыслывъ дни й годыны» («Полуйка», 73). Подобнымъ же настроеніемъ проникнуть и другой разсказъ «Вівчар» («Полуйка», 89—96), изображающій рабочаго, на глубинѣ 100 метровъ отъ поверхности земли отдающагося воспоминаніямъ о былой привольной жизни среди широкихъ «полонынъ», съ которыми онъ еще недавно лишь разстался. Чарующими, полными своеобразной поэзіи картинами развертываются предъ рабочимъ воспоминанія, такъ далекія отъ дѣйствительности, какъ далеко освѣщающее пастбища солнце отъ господствующаго въ штольнѣ мрака, просторъ и свобода—отъ тѣсноты, чистота—отъ грязи, свѣжій, чистый воздухъ отъ удушливаго запаха нефти. Рабочій, «копаючы розмовляє самъ изъ собою, наповнює глухе пидземелля не тилькы стукотомъ своєго дзюбака, але такожъ гомономъ своихъ сливъ, поезією своихъ лисивъ и полонынъ» («Полуйка», 94), и характерно, что эта поэзія на полу-словѣ останавливаетъ вырвавшееся было изъ устъ рабочаго проклятье, какъ присутствіе любимаго, уважаемаго существа, которое онъ боится оскорбить грубымъ словомъ... Но къ прошлому нѣтъ возврата; эта свѣтлая жизнь не болѣе, какъ красивая иллюзія, поэтическая фикція, способная принести только минутное облегченіе, но не имѣющая силы совершенно возродить человѣка, захваченнаго колесомъ исторіи, дать ему дѣйствительное освобожденіе. Не даромъ нашъ авторъ оканчиваетъ прелестный по своей строгой выдержанности этюдъ поэтически-сильной кар-

тиной глубоко пессимистическаго смысла. «Кыненый долею в глыбоку пидземну штольню винъ (рабочій) чуе самъ по соби, що ти давни дни мынулы безъ повороту, що його шляхъ звернувъ у иншый бикъ, що винъ изъ давнього патрыярхального жыття перейшовъ у нове, незвисне ёго дидамъ и прадидамъ, зразу страшне й дывоглядне, та не въ одному липше, вильнійше, ширше видъ старого. Але се старе жыве въ його спомынахъ; изъ його лышылося ще стилькы, щобъ поетычнымъ чаромъ заповнyты й ожывыты питьму и самоту нового жыття. Такъ не разъ сонце зайде за хмару, и зъ усіеи пышноты литнього дня, зъ усього багацтва свитла и кольоривъ лышыться лыше стилькы, щобъ золотымъ сяевомъ обилляты крайчыкы важкыхъ хмаръ, що навыслы надъ заходомъ» («Полуйка», 96). Разумѣется, послѣдніе отблески заходящаго солнца не въ состояніи разогнать наступающую темноту; напротивъ, съ теченіемъ времени свѣтлые лучи будутъ отступать все дальше и дальше, а темнота все сгущаться и усиливаться, пока не наступитъ непроглядная темень... если, впрочемъ, не будетъ противъ нея предпринято искусственныхъ мѣръ...

Такимъ образомъ, настоящее положеніе нашего народа представляется автору въ довольно пессимистическомъ свѣтѣ: старыя патріархальныя основы рушились, новыя, занявшія ихъ мѣсто, не настолько еще опредѣлились и не настолько къ нимъ народъ приспособился, чтобы обезпечить свое существованіе. Намъ припоминаются по этому поводу мысли одного изъ героевъ г. Франка при видѣ сбившагося съ дороги крестьянина: «отсей старый, що заблудывся въ близькимъ сусидстви ридного села, що стоить насередъ гладкого, ривного шляху и не знае, въ якый бикъ йому до-дому—чы жъ се не сымволъ усього нашого народу? Змученый важкою долею винъ блукае, не можучы втрапыты на свій шляхъ, и стоить мовъ отсей заблуканый селянынъ середъ шляху мижъ мынулымъ и будущымъ, мижъ широкымъ свобиднымъ розвоемъ и нещаснымъ ныдіннямъ, и не знае, куды йому йты, не мае сылы ани надіи дійты до цили» («Л.-Н. Вістник», 1900, VIII, 183—184). Очевидно народъ попалъ въ полосу темноты, на своего рода мертвую точку. Что должно дѣлать, чтобы разогнать эту темноту соціальныхъ отношеній, какія мѣры предпринять, чтобы сдвинуть народъ съ мертвой точки—на эти вопросы г. Франко пытается отвѣтить въ повѣсти «Борислав сміється» («Сьвіт», 1881—82).

Повѣсть задумана широко и при болѣе тщательной и обстоятельной обработкѣ могла бы дать захватывающую по своей шири картину общественно-экономической борьбы между двумя мірами—предпринимателей и рабочихъ. Но къ сожалѣнію, бьющая въ глаза спѣшность обработки сильно повредила художественной сторонѣ повѣсти. Между реальными вполнѣ художественно, сильно

и правдиво написанными страницами вплетены вялыя и очевидно сработанныя на скорую руку; среди оригинально задуманныхъ и сильно выполненныхъ сценъ и образовъ встрѣчаются шаблонныя положенія, какъ бы цѣликомъ перенесенныя изъ бульварныхъ романовъ, звучащія рѣзкимъ диссонансомъ по отношенію къ цѣлому (переодѣванія, подслушиванія, сильныя, но недостаточно мотивированныя страсти, случайности и т. п.). Но если вслѣдствіе указанныхъ недостатковъ по своему художественному значенію данная повѣсть ниже многаго, что вышло изъ подъ пера г. Франка, то общественное значеніе ея громадно. Въ ней украинская литература въ первый разъ пытается намѣтить типы рабочихъ и представить ростъ и развитіе рабочаго движенія и этому произведенію г. Франка, безъ сомнѣнія, предстояло сыграть крупную роль въ развитіи украинской общественной мысли, если бы въ свое время она была болѣе извѣстна нашей читающей публикѣ.

Мрачный колоритъ, проникающій данную повѣсть, является несомнѣнно результатомъ наблюденій автора надъ современною дѣйствительностью...

Не находя на чемъ остановить взоръ въ настоящемъ, которое характеризуется лишь всеобщей враждой, борьбою интересовъ, хищничествомъ, эгоизмомъ и разъединеніемъ, авторъ обращается къ прошлому, чтобы, по крайней мѣрѣ, тамъ найти отрадныя явленія, представляющія иную картину общественныхъ отношеній. Такую именно картину авторъ рисуетъ въ повѣсти «Захар Беркут», написанной въ 1882 г. Основой повѣсти, внѣшней канвой ея служитъ нашествіе въ 1241 году монголовъ на прикарпатскую Русь, но на этомъ общемъ фонѣ народной борьбы съ могучимъ врагомъ выдѣляются, съ одной стороны, представители низшаго класса населенія—честные, самоотверженные, жертвующіе всѣмъ ради общаго блага,—таковы патріархъ горъ Захаръ Беркутъ, его сынъ Максимъ и др.; съ другой—гордое, себялюбивое боярство, представители котораго для достиженія личныхъ выгодъ и ради узкихъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ не останавливаются даже предъ измѣной родинѣ,—таковъ бояринъ Тугаръ Вовкъ. Повѣсть на всемъ своемъ протяженіи представляетъ собственно одинъ восторженный гимнъ «громадським» чувствамъ, проповѣдь самаго возвышеннаго альтруизма и столь же безпощадное осужденіе узко личныхъ, эгоистичныхъ мотивовъ дѣятельности.

По словамъ Захара Беркута «жыття мае лышъ доты вартисть, докы чоловикъ може помагаты иншымъ. Колы винъ стае для иншыхъ тягаремъ, а хисна не прыносыть имъ ніякого, тоди винъ уже не чоловикъ, а завада, тоди винъ уже й жыты не вартъ «Хороны мене Боже, щобъ я колы-будь мавъ статыся тягаромъ для иншыхъ и йисти ласкавый, хочъ и якъ заслуженый хлибъ!» Ти слова,—прибавляеть авторъ,—то була провидна золота нытка въ жыттю Захара Беркута. Все, що винъ робывъ, що говорывъ, що думавъ—те робывъ, говорывъ и думавъ винъ зъ поглядомъ на добро и хосенъ иншыхъ, а попередъ усього—громады. *Громада—то бувъ його свитъ, то була циль його жыття».* (Захар Беркут, Львів 1902, стр. 51). Въ соотвѣтствующей приведеннымъ словамъ организаціи общественныхъ силъ этотъ типичный коллективистъ стараго времени видѣлъ единственное средство самозащиты отъ притязаній всевозможныхъ хищниковъ—а въ нихъ никогда вѣдь недостатка не бываетъ,—обнаруживающихъ сильное желаніе вытаскивать чужими руками каштаны изъ огня и богатѣть чужимъ трудомъ: всю свою жизнь Захаръ посвятилъ осуществленію такой организаціи во имя идеи общаго блага. И вотъ результаты его дѣятельности: «Мовъ одна душа стояла тухольська громада дружно въ праци и вжыванню, въ радощахъ и въ горю. Громада була для себе и судиею, и впорядчыкомъ у всьому... Биднызъ не було въ громади; земля достачала пожытку для всихъ, а громадськи шпыхлиры та стодолы стоялы отворомъ для потребуючыхъ» (ib., 54). Но при этомъ пониманіе «громадськыхъ» интересовъ у Беркута и его однообщественниковъ вовсе не было узкимъ, ограничиваясь тѣснымъ кругомъ одной «громады». Логически и послѣдовательно расширяясь, оно вело къ болѣе крѣпкимъ связямъ между отдѣльными «громадами» и всѣхъ ихъ объединяло въ одинъ общій союзъ, въ федерацію вольныхъ общинъ. «Видъ давна Захаръ Беркутъ прыйшовъ бувъ до того твердого переконання, що якъ чоловикъ самъ одынъ середъ громады слабый и безрадный, такъ и одна громада слаба, и що тилькы спильне порозуминня и спильне дилання многыхъ сусиднихъ громадъ може надаты имъ сылу и може въ кождій громади поокремо змицныты свобидни порядкы громадськи. Тожъ николы, працюючы всякымы способамы для своеи Тухольщыны, Захаръ не забувавъ и про сусидни громады... И всюды рады та намовы його

змагалы до одного: до скрипления дружнихъ товарыськыхъ и братерськыхъ звязкивъ мижъ людьмы въ громадахъ и мижъ громадамы въ сусидстви» (ib. 55). По мнѣнію автора, въ такой именно организаціи заключается универсальное средство противъ земныхъ золъ и бѣдствій: чувство широкой любви и общественности, воспитанное на братскихъ отношеніяхъ между членами одной «громады» и распространенное на всѣ смежныя «громады», будетъ охватывать все болѣе и болѣе широкіе круги, пока не обниметъ собою всего человѣчества, потому что это чувство заставляетъ каждаго гражданина въ отдѣльности, съ одной стороны, стоять за общественные интересы, подчиняя имъ свои личные, а съ другой—признавать такіе же справедливые интересы и другихъ людей. «Мы,—говоритъ Максимъ Беркутъ,—надъ усе любымъ свій кутыкъ,—колы бъ такъ кождый любывъ свій кутыкъ, то певне вси люде жылы бъ на свити спокійно и щаслыво» (ib, 42) Живучесть своихъ принциповъ тухольская громада доказала дѣломъ въ тяжелую годину монгольскаго нашествія: «мы,—говоритъ Захаръ,—побидылы нашымъ громадськымъ ладомъ, нашою згодою и дружнистю (ib. 223). Этой своей моральной силой «громада» побѣждаетъ даже представителей противнаго лагеря,—такъ въ душѣ злобнаго измѣнника Тугара Вовка въ моментъ самаго глубокаго ея паденія происходитъ переворотъ, наглядно свидѣтельствующій о силѣ общественной идеи. Повѣсть, которую въ общемъ можно назвать самой типичной утопіей въ прошедшемъ заканчивается пророчествомъ Захара Беркута о томъ, что начала общественности будутъ забыты на нѣкоторое время, но что тяжелый опытъ вѣковъ вновь возбудитъ ихъ къ жизни и дастъ имъ окончательный перевѣсъ. Это пророчество сопровождается слѣдующимъ характернымъ замѣчаніемъ отъ автора: «чы не нашимъ днямъ судылося видновыты його (давне громадянство)? Чы не мы се жыемо въ тій щаслывій доби видродження, про яку вмыраючы говорывъ Захаръ, а бодай у досвиткахъ тои щаслывои добы» (ib., 224)? Авторъ, который ставитъ здѣсь лишь вопросъ, не сомнѣвается въ благопріятномъ исходѣ общественной эволюціи и въ другомъ мѣстѣ даетъ вполнѣ утвердительный отвѣтъ:

Прыйде той часъ! Истотою цилою
Мы чуемъ хидъ його по-за собою («З вершин»... 157),

хотя настоящему поколѣнію и не суждено, быть можетъ, пользоваться его благами.

———

VI.

Но «докы сонце зійде, роса очи выйисть», говоритъ пословица; пока еще наступитъ это отрадное будущее, а между тѣмъ настоящее въ изображеніи г. Франка полно мрачныхъ красокъ. Ему, видящему единственное спасеніе въ братствѣ и солидарности людей и больше всего ненавидящему все, что разъединяетъ ихъ, дѣлитъ на ся́,—всевозможныя «межи» и перегородки, держащія въ тискахъ умъ современнаго человѣка,—ему приходится констатировать именно господство этихъ межъ и перегородокъ, начиная съ одежды и кончая понятіями. Характерны въ этомъ отношеніи «Гадки на межі» нашего автора. Какъ въ экономической жизни крестьянъ «межа—ся попруга вузька—несыльну ихъ сылу роздерла на части», такъ и вездѣ всевозможныя перегородки между людьми оказываются сильнѣе истинныхъ основъ жизни.

Ей межи, вы межи, вузеньки, куци,
Въ яки бездорожжя, въ яки манивци
Вы втислы незрилий ще поглядъ суспильний!
(З вершин..., 196).

Устройство современнаго общества, порождающее всѣ эти «межи» и перегородки, не благопріятствуетъ именно тѣмъ людямъ, судьба которыхъ наиболѣе интересуетъ нашего автора, т. е., трудящимся «в поті чола»; напротивъ, всѣ блага достаются на долю людей другого склада, задающихъ въ настоящее время тонъ жизни. Эти люди, которыхъ мы назвали бы хищниками, составляютъ тотъ другой лагерь, который стоитъ противъ трудящихся въ потѣ лица: они характеризуются цѣпкими руками и весьма покладистой совѣстью, широкими аппетитами и ненасытной жаждой къ удовлетворенію ихъ. Главнѣйшая цѣль ихъ—удовлетвореніе этихъ аппетитовъ; первое средство къ этому—обогащеніе всяческими способами, не взирая ни на какія препятствія. Борьба между этими двумя лагерями и составляетъ то, что называется современной жизнью, и мы не даромъ назвали г. Франка пѣвцомъ борьбы, такъ какъ онъ съ особенною чуткостью прислушивается къ ней и ей посвящаетъ свое преимущественное вниманіе.

Въ произведеніяхъ г. Франка представлена масса типичнѣйшихъ хищниковъ; коллекція ихъ по своей полнотѣ и весьма тщательной отдѣлкѣ можетъ составить прелюбопытный звѣринецъ, гдѣ собраны существа, повидимому, съ образомъ и подобіемъ людей, но на самомъ дѣлѣ представляющія лишь воплощеніе чисто звѣрскихъ инстинктовъ и вожделѣній. Шагъ за шагомъ слѣдитъ авторъ за развитіемъ этихъ личностей, внимательно изслѣдуетъ

почву, на которой онѣ произрастаютъ, и причины, этому произрастанію способствующія, и въ общемъ даетъ потрясающіе образы разнузданнаго хищничества и звѣрства на человѣческой подкладкѣ. Напомнимъ нѣкоторые изъ этихъ образовъ.

Предъ нами проходитъ рядъ разсказовъ, занятыхъ изображеніемъ одного изъ такихъ хищниковъ—Гавы и его брата Вовкуна («Гершко Гольдмахер». «Гава», «Гава і Вовкун»). Братья еще въ дѣтствѣ прошли тяжелую школу нужды, лишеній и пороковъ, обмановъ и хищничества—«ту тверду школу жыття, зъ котрои выходять люде практычни, метки та промыслови» («Гершко Гольдмахер», см. календарь «Просвіти», 1891, стор. 8); впослѣдствіи они еще болѣе усовершенствовали себя въ указанномъ направленіи. Гава, получившій отъ своего отца лишь наставленіе довольствоваться малымъ и за все благодарить Бога, ринулся безстрашно въ водоворотъ жизни и сразу же въ немъ преуспѣлъ, благодаря своей ловкости и отсутствію какихъ бы то ни было колебаній. Начавъ свое промышленное поприще съ ловли раковъ, юркій юноша скоро уже этимъ не довольствуется и становится «ловцомъ человѣковъ»: присосавшись паразитомъ къ трудовой семьѣ мѣщанина Старомійскаго, онъ въ короткое время успѣваетъ изъ этой семьи создать для себя дойную корову, повторяя при каждой удачѣ неизмѣнное—«слава Богу: и то добре на початокъ!» (разсказъ «Гава», Львів, 1888). «Я,—говоритъ впослѣдствіи Гава,—николы ночи не доспавъ, обиду не дойивъ, бигавъ, кыдався, туманывъ хлопивъ, пидлызувався шандарамъ—ой, тяжко згадуваты про вси ти способы, якъ я до гроша доходывъ. И складавъ, и хухавъ на те, и тишывся тымъ, якъ власною душею» («Гава і Вовкун», Зоря, 1890, стор. 50). Сколотивъ такимъ образомъ порядочный капиталецъ, Гава съ Вовкуномъ пробуютъ счастья въ Бориславѣ, потому, какъ резонно замѣчаетъ одинъ изъ братьевъ,—«якъ же зъ такымы гришмы та ще зъ крепкымы рукамы та молодымы головамы не стрибуваты щастя, не кынутыся въ крутижъ, щобъ и соби въ ньому зловыты товсту рыбу»? (ibidem). Но надежды на «товсту рыбу» на этотъ разъ не оправдались: штольню залило водой, отъ которой братья едва успѣли спасти себя, оставивъ на днѣ ямы всѣ свои сбереженія. И вотъ въ критическій моментъ Гавѣ отчетливо припомнилось основаніе его капитала—раки, а также и та сельская обстановка, въ которой онъ такъ успѣшно совершалъ процессъ накопленія; какой-то внутренній голосъ настойчиво твердилъ ему: «Геть видсиль, Гаво! Ту не твоє поле! Що ты маєшъ боротыся зъ землею, колы твоя натура тягне тебе до того, щобъ боротыся зъ людьмы!» (ib., 51). Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и убѣжденія положительнаго Вовкуна, уничтожая послѣдніе слѣды колебаній въ душѣ

Гавы. Великолѣпную картину даетъ художникъ, изображая этихъ двухъ хищниковъ, съ вершины горы осматривающихъ арену своихъ будущихъ подвиговъ, свое будущее царство. «Теперь Гава почувъ, въ тій самій хвыли. колы отамъ стоявъ на найвыщимъ шпылю горы, що та бориславська болячка почынае швыдко сходыты зъ його души й зажываты, що въ його нутри прокыдається давній Гава, сильськый хлопець и сильськый гандляръ. Поглядъ його въ якійсь петямы завысъ на протывлежачій полоныни, де паслысь стада воливъ и овець, а дали пиднявсь и зустривъ середъ блакытного моря невелычку темну плямку, що звильна, шырокымы плавнымы кругамы колесыла по-падъ цилымъ крайобразомъ. То бувъ здоровый гирськый орелъ. Винъ довго кружлявъ, шукаючы добычи, плававъ у повитрю зъ шыроко разпростертымы крыламы, зовсимъ не порушуючы нымы, спускався внызъ, немовъ сковзався по похылій площыни, а потому наразъ, махнувшы сыльню крыльмы, знову схапувався вгору и тонувъ у лазуровимъ тумани. Якась не высказанна любовъ обняла Гаву, колы прыдывлявся тому гарному, смилому птахови. Винъ и самъ чувъ себе легкымъ та сыльнымъ и готовъ бувъ летиты та кружляты сею благословенною долыною та кыдатысь зъ недосяглои вышыны на добычу» (ib., 52). Хищникъ инстинктомъ понялъ хищника и, ободренный его примѣромъ, смѣло ринулся «здобуваты отси горы» (ib.). Чувствуется при чтеніи приведенной картины, что плохо, пожалуй, придется смиреннымъ обитателямъ горъ, этимъ, какъ ихъ авторъ рекомендуетъ, «тыхымъ та смырнымъ, якъ ягнята, Бойкамъ» (ib., 49), предъ нашимъ, если не орломъ—это въ самомъ дѣлѣ для Гавы слишкомъ было бы сильно и, пожалуй, почетно,—то во всякомъ случаѣ коршуномъ, который и падалью при удобномъ случаѣ не побрезгуетъ, но и отъ живой крови также не откажется. Чувствуется, что слова Вовкуна: «ти лисы чудови, не тыкани ще вырубомъ, ти полоныны, ти стада воливъ и овець, що по ныхъ пасуться, мовъ плаваютъ въ зелени,—все те мусыть буты наше» (ib., 51)—не звукъ пустой, если союзъ противъ нихъ заключили загребистыя лапы Вовкуна и тонкая, изворотливая голова Гавы...

Подвигамъ этого и подобныхъ Гавъ подъ различными наименованіями г. Франко отводитъ много прямо-таки блестящихъ страницъ въ своихъ произведеніяхъ. И Шмила, ограбившій до нитки спаиваемаго имъ Василя («Навернений грішник»), и Мендель, отправляющій ad patres Ивана, чтобы воспользоваться его заработкомъ («Ріпник»), и другой Мендель, обманывающій Зелепугу и затѣмъ поджигающій хату послѣдняго, чтобы скрыть слѣды обмана («Яць Зелепуга»), и Юдка Маультроммель, не пощадившій даже человѣка, когда то оказавшаго ему крупную услугу

(«Слимак»), и Мордко Шиндеръ, на законномъ основаніи ограбившій и пустившій по міру Миколу Проця («Сам собі винен»), и Вольфъ Зильберглянцъ, все село держащій въ своихъ цѣпкихъ рукахъ (комедія «Учитель»), и Мошко, не пощадившій даже единовѣрца («До світла»), и другой Мошко, уже не имѣющій предѣловъ своей жадности и хищничеству («Boa constrictor» и «Борислав сміється»), и удачно подобравшаяся пара Шварцъ и Шнадельскій («Перехресні стежки») и т. д. и т. д.—все это подъ различными наименованіями тѣ же Гавы, хищники одного типа, части какого-то громаднаго механизма, направленнаго на то, чтобы опутывать людей, трудящихся «в поті чола». Благодаря дѣятельности этихъ Гавъ, имя которымъ легіонъ, становятся возможными возмутительные факты насилій, обмановъ, грабежа на законномъ основаніи и прямо уже преступныхъ дѣйствій, безсовѣстной эксплуатаціи и т. п., которыми полны этого рода произведенія г. Франка. Въ цѣломъ получается такая ужасающая картина, при одномъ взглядѣ на которую дрожь пробѣгаетъ по тѣлу читателя.

Да что Гава—этотъ маленькій хищникъ, воришка и ростовщикъ по мелочамъ! Дѣятельность его, по неволѣ ограниченная узкимъ кругомъ одного села или даже нѣсколькихъ личностей, блѣднѣетъ предъ подвигами хищниковъ болѣе крупнаго калибра, предъ которыми всевозможные Гавы являются дѣйствительно только «гавами». Въ богатой коллекціи хищниковъ, собранной нашимъ писателемъ, мы встрѣчаемся съ любопытными экземплярами и этого другого типа. Въ лицѣ, напр., Германа Гольдкремера («Boa constrictor» и «Борислав сміється») имѣемъ уже хищника новой формаціи и болѣе широкихъ размѣровъ. Какъ и Гава, Германъ дѣтство свое провелъ въ ужасающихъ условіяхъ, среди вопіющей бѣдности, которая навсегда наполнила его существо «видразою, глухою смертельною ненавыстю до всього, що бидне, обдерте, нужденне, повалене въ грязь, прыдавлене нещастямъ» («Громадський Друг», 1878, стр. 101), и вытравила изъ его сердца сожалѣніе и состраданіе. Какъ и Гава, онъ прошелъ ту же «тверду школу жыття», закалившую его; какъ и Гава, началъ съ мелкой торговли, съ унизительнаго промысла, но уже на этомъ не остановился, а продолжалъ идти въ избранномъ направленіи дальше, не сворачивая и не смущаясь никакими препятствіями. «Поволи въ його души разгорялася страшна гарячка, слипа жадоба грошей, заглушувала всяки други чуття, закрывала передъ його очыма вси завады й маныла тилькы одною метою—багацтвомъ» («Дзвін», 1878, стор. 194). «Почалася боротьба о багацтво—боротьба страшна, завзята, щоденна. Германъ мигъ слидыты видъ самого початку, видъ маленькыхъ зародивъ,

якъ рослы, розвывалыся и множылыся його тысячи, докы не дійшлы до милліонивъ, якъ поборювалы й пожыралы безъ лику протывныкивъ, якъ опутувалы й высысалы безъ лику народа, якъ шырылы довкола безъ лику нужды, бидносты, знышення; а йому самому, пры всихъ достаткахъ и роскошахъ не прынеслы того що называеться щастямъ, вдоволеннямъ» (ib., 188). Относительно Борислава и его окрестностей Германъ занялъ амплуа того удава, въ могучихъ объятіяхъ котораго задыхается несчастная жертва,– замѣтимъ, что это сюжетъ наиболѣе Германомъ любимой картины; онъ далеко вокругъ сѣялъ своимъ богатствомъ сѣмена бѣдности, несчастья и деморализаціи, тяжесть которыхъ падаетъ не только на окружающихъ, но и на него самого, на его семью, на все, что ему близко и дорого. Богатство для Германа сдѣлалось тѣмъ злымъ геніемъ, который разрушилъ цѣльность его натуры, лишилъ покоя, положилъ первое зерно ненависти къ нему со стороны собственной семьи,—словомъ, этотъ «твердий, практичний, вирахований Geschäftsmann», какъ его рекомендуетъ авторъ, этотъ безпощадный удавъ задыхался въ своихъ собственныхъ тискахъ. Но, съ другой стороны, онъ не имѣлъ на столько нравственной силы, чтобы освободиться отъ власти своего богатства, и попытка его въ этомъ отношеніи заранѣе осуждена на полную неудачу, какъ неудачной, впрочемъ, является попытка и самого автора изобразить глубокій, коренной переворотъ въ душѣ своего героя. Такой переворотъ, не имѣя достаточныхъ основаній и соотвѣтственной мотивировки, способенъ лишь вызвать улыбку недовѣрія на уста читателя. Авторъ, правда, и самъ замѣтилъ это противорѣчіе избражаемаго съ художественной правдой и чутье этой правды, прорывавшееся уже въ обрисовкѣ переворота въ Германѣ нѣкоторыми колебаніями, заставило г. Франка при второмъ изданіи повѣсти (1874 г.) внести нѣкоторыя поправки, существенно мѣняющія дѣло. Германъ, по второй редакціи, остается тѣмъ же «холоднымъ безсердечнымъ спекулянтомъ», а изображенный раньше переворотъ въ его душѣ—выставляется лишь какъ минутный порывъ, не оставившій глубокихъ слѣдовъ въ душѣ практическаго Geschäftsmann'а Указанной непослѣдовательностью ослабляется нѣсколько впечатлѣніе какъ отъ самой повѣсти, въ общемъ написанной сильно и горячо, такъ и отъ личности Германа, безъ нужды лишеннаго цѣлостности характера.

Еще шагъ впередъ—и мы наталкиваемся на новую разновидность хищническаго «сословія», новую фигуру крупнаго хищника, но уже на этотъ разъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой даже, если хотите, идейности. Вагманъ («Перехресні стежки»)—ростовщикъ, чрезвычайно опытный въ своей профессіи, ловко умѣ-

ющій обходить всѣ направленные противъ ростовщичества законы, но свои сѣти онъ закидываетъ съ разборомъ, уловляя только сильныхъ міра сего и даже помогая крестьянамъ. Фигурой Вагмана г. Франко исправляетъ неудавшуюся попытку изобразить нравственный переворотъ въ Германѣ, такъ какъ Вагману онъ даетъ дѣйствительно сильный мотивъ къ перерожденію, какого не было у Германа. Сначала Вагманъ былъ обыкновеннымъ хищникомъ, не разбиравшимъ, кто является его жертвой; но послѣ трагическаго случая, отнявшаго у него сына, а вмѣстѣ съ послѣднимъ и цѣль накопленія богатства, онъ направляетъ свою дѣятельность на месть людямъ, которыхъ считаетъ виновниками смерти сына, т. е. мѣстной администраціи и панству. Помогая крестьянамъ, онъ поступаетъ такъ вовсе не изъ сантиментальности, или, по крайней мѣрѣ, не изъ одной сантиментальности,—онъ прежде всего знаетъ, что такимъ способомъ вѣрнѣе всего подкапывается подъ благосостояніе своихъ враговъ,—а это для Вагмана наиболѣе важно. Потому то перерожденіе этого хищника не поражаетъ читателя своей неожиданностью, какъ въ предыдущемъ случаѣ, такъ какъ здѣсь на лицо имѣется достаточно сильный стимулъ, вполнѣ естественный для такого человѣка, какимъ изображенъ Вагманъ.

Но коллекція хищниковъ въ произведеніяхъ г. Франка не ограничивается вышеочерченнымъ типомъ Geschäftsmann'а чистой воды, котораго интересуютъ лишь вопросы матеріальнаго характера и который, не задумываясь долго, просто грабитъ и насильничаетъ, пользуясь выпавшимъ ему на долю правомъ сильнаго. Эту коллекцію можно пополнить еще нѣсколькими экземплярами того же хищническаго вида, но уже съ болѣе сложной психологіей и побужденіями къ хищничеству. Оставляя даже въ сторонѣ такихъ хищниковъ, какимъ былъ, напр., Мигуцкій (поэма «Панські жарти»), такъ какъ, будучи порожденіемъ крѣпостного права, онъ не можетъ считаться типичнымъ явленіемъ для настоящаго времени, мы и среди героевъ современности найдемъ достаточно представителей такого рода хищничества. Вотъ передъ нами героиня повѣсти «Для домашнього огнища» (у Львові, 1897), Анеля Ангаровичъ, красивая свѣтская дама, безумно любящая дѣтей и мужа, ангелъ во плоти въ своей семейной жизни—и тѣмъ не менѣе въ душѣ хищница въ самомъ прямомъ значеніи этого слова. Воспитаніе, обыкновенное безалаберное воспитаніе буржуазныхъ круговъ, съ младенчества привило ей «ту пыху, ту погорду супроты низшыхъ, нужденныхъ, упослидженныхъ... Той страхъ передъ недостаткомъ и вбожествомъ... Ту погорду для бидноты» (ib. 118); а любовь къ семьѣ, направивъ ея желѣзный, неподатливый характеръ, недюжинный умъ и изво-

ротливость на изысканіе средствъ приличной въ буржуазномъ смыслѣ жизни, толкнула ее на путь утонченнаго хищничества. «О, вбожество, недостатокъ—се були фуріи, найстрашнійши для неи въ життю! Щобы закляты ти фуріи й держаты ихъ здалека видъ свойого домашнього огныща—на се вона посвятыла такъ багато... такъ багато» (ib. 86). Ради счастья семьи она поставила на карту честь—не только свою собственную, но и той же горячо любимой семьи; ради возможности роскошнаго существованія она рѣшилась на самый гнусный видъ хищничества—торговлю живымъ товаромъ, которую сдѣлала фундаментомъ своего семейнаго очага. Когда же карта была убита, когда ея позорное ремесло было открыто, она находитъ достаточно мужества и силы воли, чтобы самостоятельно покончить съ собой.

Еще шагъ впередъ—и мы встрѣчаемся съ хищниками, такъ сказать, духовнаго свойства, не имѣющими въ своемъ характерѣ и тѣни матеріальной подкладки, но тѣмъ не менѣе гнетущими все съ ними соприкасающееся и предъявляющими притязанія на самое дорогое въ человѣкѣ—на его личность, на его внутреннюю, духовную жизнь. Образцами этой новой разновидности хищничества въ произведеніяхъ г. Франка могутъ служить—съ одной стороны, Гурманъ (драма «Украдене щасте»), а съ другой—патеръ Гавдентій (разсказы «Миссія» и «Чума»).

Патеръ Гавдентій, этотъ смиренный съ виду, незамѣтный и даже какъ будто простоватый «Яким-просторіка»,—въ душѣ несомнѣнный хищникъ и при томъ того особеннаго типа, который такъ прекрасно охарактеризованъ Шевченкомъ въ извѣстныхъ словахъ:

А той тыхый та тверезый,
Богобоязлывый—
Якъ кишечка пидкрадеться,
Выжде нещаслывый
У тебе часъ та й запустыть
Пазури въ печинкы,—
И не благай: не вымолять
Ни диты, ни жинка...

Поставленный въ подходящія условія, патеръ Гавдентій сдѣлался бы вторымъ Гавой, т. е. хищничалъ бы по мелочамъ и потихоньку, незамѣтно, но вѣрно и неуклонно шелъ бы по пути созиданія собственнаго благополучія, возсылая при каждомъ успѣхѣ благодаренія Богу. Но судьба распорядилась иначе, поставивъ его въ ряды ecclesiae miliantis и сдѣлавъ членомъ «тои сылы, котрій,—по его мнѣнію,—нищо на свити не може опертыся»

(«Миссія» у Львові 1898, стр. 40), и настойчивый, фанатичный іезуитъ составляетъ цѣлый планъ хищнической кампаніи противъ душъ человѣческихъ съ цѣлью уловленія послѣднихъ на лоно католицизма ad majorem Dei gloriam. Первые шаги почтеннаго патера на этомъ поприщѣ оказались, въ силу случайныхъ обстоятельствъ, неудачными, но неуспѣхъ его не обезокуражитъ, какъ не обезокуражилъ Гаву, и онъ, расправивъ крылья, сдѣлаетъ еще не одну попытку хищничества въ избранный сферѣ уловленія душъ и, кто знаетъ, съ какимъ еще результатомъ.

Въ лицѣ Гурмана имѣемъ дѣло съ хищникомъ на трагической подкладкѣ, являющимся одновременно и жертвой собственнаго хищничества. Этотъ «звирь лютый», «кам'яне серце», какъ рекомендуетъ его любящая женщина, плюющій на мнѣніе о немъ людей, не справляющійся ни съ чьими желаніями и слушающійся лишь голоса собственныхъ страстей, не колеблясь разрушаетъ семейный покой мирной четы, врывается бурнымъ ураганомъ въ чужую жизнь, ломая на своемъ пути всѣ преграды. Сама Анна, которая подчинилась ему до полной потери собственной личности, въ сущности не знаетъ, любитъ ли она его. «А може,—говоритъ она,—бильше боялася, нижъ любыла. У, сыла у нього!.. Самымъ поглядомъ, здается, наскризь тебе прошыбае, мовъ розпаленымъ дротомъ. Охъ, та й боюсь я його теперъ; боюсь, якъ найтяжчого ворога! И певно, що якъ винъ на насъ завзявся, то и зитре насъ на порохъ, знищыть, зруйнуе» («Украдене щасте», Львів, 1901, стор. 43—44). «И боюсь я його,—говоритъ Анна въ другомъ мѣстѣ,—и жыты безъ нього не можу... Якый страшный! Якый гризный!... А що за сыла! Здается якъ бы хотивъ, то такъ бы й роздавывъ мене и того... мойого халяву... Поглядомъ однымъ прошыбъ бы. И чымъ страшнийшый, чымъ острійше до мене говорыть, тымъ, здается, я бильше люблю його. Вся тремчу, а такъ и здается, що тону въ нимъ, роблюся частыною його. *И нема у мене тоди своеи воли, ани своеи думкы, ани сылы, ани застановы—ничого.* Все мени тоди байдуже, все готова виддаты йому, кынуты въ болото, колы винъ того схоче» (ib., 82). Эта сильная личность является естественнымъ повелителемъ и поработителемъ такихъ слабохарактерныхъ людей, какъ Мыкола и Анна Задорожніе,—сила вѣдь всегда импонируетъ слабости и подчиняетъ ее себѣ. Благодаря этой силѣ, Гурманъ и врывается въ чужую семью, разбивая если не счастье, котораго въ сущности у Задорожнихъ и не было, то по крайней мѣрѣ—миръ и покой. Но у этого сильнаго человѣка есть тѣмъ не менѣе своя Ахиллесова пятка, которая мѣшаетъ ему вполнѣ наслаждаться достигнутымъ положеніемъ, и отравляетъ ему всю жизнь. Издѣваясь надъ Мыколой, онъ внутренно и самъ терзается установившимися отношеніями и въ сущности является такою же

жертвой «украденого щастя», какъ и тѣ люди, у которыхъ онъ это счастье укралъ. Вспышка Мыколы, окончившаго это тягостное для всѣхъ троихъ положеніе, только предупредила развязку, о которой очевидно думалъ и самъ Гурманъ. Послѣднія слова его къ убійцѣ-Мыколѣ: «спасыби тоби! Ты зробывъ мени прыслугу, и я не гниваюсь на тебе! *Я хтивъ и самъ соби таке зробыты, та якось рука не пиднялась*» (ib., 115—116)—являются подтвержденіемъ того мучительнаго, къ моменту развязки достигшаго высшей степени напряженности душевнаго состоянія, въ которомъ находился и самъ хищникъ вмѣстѣ съ жертвами своего хищничества.

VII.

Кажется, мы уже достаточно остановились на одной изъ чертъ писательской физіономіи г. Франка, чтобы сдѣлать нѣкоторые общіе выводы. Жизнь представляется автору въ видѣ безпрестанной борьбы между двумя враждебными лагерями, между двумя противоположными началами, и эта мысль особенно часто встрѣчается у него, сопровождаемая массой самыхъ разнообразныхъ иллюстрацій. «Въ жыттю, якъ на ярмарку, не можна безъ того, щобъ одынъ одному на пальци не наступывъ. А кому наступылы—того болыть. Не можна безъ того»,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы «Бурка ч. 27» (Львів, 1902, стор. 21); «жытте—то борня» («Мій Ізмарагд», стор. 113),—повторяетъ самъ авторъ; «жытте—борьба, жорстоки, дыки ловы» («Із днів журби», (Львів, 1900, стор. 50—51); «жытте—боротьба вична, безупынна» («Письма Ів. Франка», 81),—повторяетъ онъ еще и еще разъ. Предъ этой жизненной борьбой—ничто даже тѣ ужасы столкновеній между народами, которыя называются войной.

. . . . . Та й що то
Війна? Війны й заповидáть не треба:
Вона вже є, мы родымось, жывемъ,
Мремо въ війни. Хиба жъ не чулы писню:
Нема добра та й не буде,
Була війна та й ще буде.
Братъ на брата ворогує,
Сестра сестри смерть готує,
Сынъ на батька нижъ пидносыть.
Донька мами смерты просыть.
Отъ де війна правдыва, найстрашнійша,
Щоденна, люта! Що тамъ протывъ неи
Вси війны зъ Туркомъ, Нимцемъ, Маскалемъ!
«Мій Ізмарагд», 145).

Но среди этой междуусобной, братоубійственной войны особенное вниманіе автора, какъ мы видѣли, привлекаетъ борьба соціальная и экономическая. Съ одной стороны въ этой борьбѣ стоитъ темная, страждущая, сѣрая масса, и ея отдѣльные представители, лишенные жизненной приспособляемости и потому въ большинствѣ случаевъ въ борьбѣ и гибнущіе; съ другой—выдвигается счастливое меньшинство и особенно личности, которыхъ природа въ высшей степени надѣлила приспособляемостью ко внѣшнимъ условіямъ общественнаго строя и этимъ обезпечила за ними поле сраженія. Изъ перваго лагеря рекрутируются тѣ подонки общества, «изгои» въ современномъ смыслѣ этого слова, люди опустившіеся на дно общественнаго устройства, откуда имъ нѣтъ никакой надежды подняться. Изъ второго же выходятъ въ большинствѣ случаевъ «ликующіе», «обагряющіе руки въ крови» —чаще въ переносномъ, но иногда и въ буквальномъ смыслѣ слова. На сторонѣ послѣднихъ находится сила, а часто и право—то формальное право, которое не проникаетъ вглубь человѣческихъ отношеній, а судитъ лишь на основаніи поверхностныхъ внѣшнихъ данныхъ; имъ благопріятствуетъ весь укладъ современной общественной жизни. Представители перваго лагеря всему этому могутъ противопоставить лишь собственныя судорожныя усилія выбиться изъ бѣды («Борислав сміеться») или убѣжать отъ нея за тридевять земель (циклъ «До Бразиліі»), но такъ какъ усилія эти не сопровождаются въ большинствѣ случаевъ сознательностью, такъ какъ плетью обуха не перешибешь и голыми руками огня не удержишь, то они и остаются безуспѣшными, будучи стираемы въ порошокъ стихійностью процесса борьбы. «Я не разъ бачыла,—говоритъ героиня разсказа «Між добрими людьми»,—якъ галузка, видирвана видъ дерева, плыне по води, докы не попаде въ крутижъ. И ту ще зразу плыве вона спокійно, опысує далеки круги, але чымъ дали, тымъ кругы вузши, рухъ ій швыдшый, покы течія не змеле нею й не кине въ спинене гырло, де вона й пропаде. Чы вынна гилька, чы вынна вода, що такъ воно діеться?» («В поті чола», 309). Кто въ самомъ дѣлѣ виноватъ—судить не намъ; отмѣтимъ лишь тотъ фактъ, что подъ вліяніемъ указаннаго чисто стихійнаго процесса всѣмъ попавшимъ въ подобное положеніе, въ этотъ жизненный водоворотъ, предстоитъ или въ немъ погибнуть («Панталаха»), или же опускаться и падать все ниже и ниже, пока не очутятся «на дні суспільности», не сдѣлаются совершенными «изгоями», отбросами общества. А что это за положеніе такое—г. Франко даетъ обстоятельный отвѣтъ.

Какъ извѣстно, изгоями въ древней Руси назывались нѣкоторыя лица, по тѣмъ или инымъ причинамъ лишенные приро-

жденныхъ имъ правъ; отсюда г. Франко придаетъ этому слову болѣе широкое значеніе, разумѣя подъ нимъ людей, лишенныхъ всѣхъ правъ, отлученныхъ, такъ сказать, отъ общества, остракизированныхъ—такихъ, которые, по краснорѣчивому древне-римскому выраженію были aqua et ignii nterdicti. Положеніе этихъ остракизированныхъ людей, причины къ нему приводящія, а также общественныя условія всѣхъ временъ, порождающія узаконенное или неузаконенное изгойство—вопросы, сдѣлавшіеся въ Россіи модными лишь въ послѣднее время, благодаря г. Горькому,—всегда въ высокой степени интересовали нашего писателя, который, если помнитъ читатель, и самъ въ теченіе своей жизни не избѣгъ подобнаго положенія—«проскрібованого», вычеркнутаго изъ списковъ «порядочнаго общества». Есть у г. Франка очень интересная въ этомъ отношеніи «драма-казка»—«Сон князя Святослава», гдѣ авторъ ставитъ данный вопросъ въ его исторической обстановкѣ и освѣщеніи, влагая въ уста князю слѣдующій монологъ:

. . . . Що значи́ть сказати
Одно маленьке слово те: ізгой!
Невинне слово! Ще здається навіть,
Що ласку чоловікови зробили,
Бо він на смерть, бач, заслужив. Ізгой,
Та й годі. А піди ти зміряй сам
Хоч думкою безодню сліз і горя.
Що криється в тім слові... («Жи́тє і Слово», III, 30).

Наказаніе особенно между тѣмъ тягостное, такъ какъ оно падаетъ не на самого изгоя, но захватываетъ и близкихъ къ последнему людей: «От такі маленькі,—говоритъ князь о дѣтяхъ изгоя—

А вже ізгоі! Без вини своєі,
За батьків гріх, а мусять пропадати (ibid., 31).
. . . . Жінка
Ізгоя! Кілько се одніське слово
Нещастя, горя, муки в собі має (ibid., 27).

И вотъ предъ человѣкомъ, попавшимъ въ положеніе изгоя, встаетъ грозный вопросъ: какъ жить? что дѣлать дальше? Онъ долженъ, въ силу самого положенія вещей, или погибнуть, отверженный всѣми, или же жить местью тому обществу, которое изгнало его изъ своей среды. Въ первичномъ своемъ видѣ, въ простой сравнительно обстановкѣ древняго времени и вопросъ рѣшался очень просто. Вотъ какъ, напр., рѣшаетъ его одинъ изъ изгоевъ въ драмѣ г. Франка, Овлуръ:

Прогнав мене наш князь, видняв мені
Все, що я мав, усе, чим жив на світі—
Так щож мені було тоді робити?
Я скликав гарних хлопців кільканадцять
І засновав собі отут у лісі
Своє осібне князівство (ibid., 37)

Такъ же рѣшаетъ вопросъ и неизвѣстный пришлецъ, оказавшійся въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о которыхъ не будемъ распространяться, самимъ княземъ: на путь грабежа и убійствъ, по его собственнымъ словамъ, толкнула его

Князівська неправда.
І я ізгой. Зруйнований мій дім,
Побиті слуги, згибли жінка й діти!
Й моє імя з ряду живих істот
Ізмазане, а честь моя и слава
Затоптані в болото. Що на мні—
Се й є моє усе добро. Сей меч—
Се вся моя будущина... (ibid., 38).

Та ж ви розбійниками не родились,—

обращается къ разбойникамъ одинъ изъ боярскихъ слугъ,—

Вас викинено з дому, із громади,
Вас княжі люде гонять, травлять, мов
Тих звірів диких, а кого попадуть,
То вішають без жадноі пощади (ibid., 202).

Условія современной жизни, значительно усложнившіяся, уже не допускаютъ, конечно, подобнаго прямолинейнаго и упрощеннаго рѣшенія; тѣмъ не менѣе сходныя по существу положенія всегда даютъ сходные же и результаты. Прочитайте повѣсть «На дні», гдѣ собраны авторомъ во едино типы подобныхъ же изгоевъ,—этихъ отбросовъ общества, «виклятих порій», заклейменныхъ страшнымъ клеймомъ бѣдности; вслушайтесь въ ихъ простые, но именно благодаря этой простотѣ тѣмъ болѣе ужасные разсказы объ обстоятельствахъ, приведшихъ ихъ на дно общественнаго устройства; обратите особенное вниманіе на наиболѣе характерную фигуру Бовдура—и вы поймете, что несмотря на кажущуюся такой разительной перемѣну въ условіяхъ жизни, мы не такъ далеко въ сущности и ушли отъ того добраго стараго времени, когда какой-нибудь Святославъ однимъ словомъ, однимъ мановеніемъ обрекалъ своихъ подчиненныхъ на мученія людей, которые aqua et igni interdicti. Бовдуръ—маньякъ, это несомнѣнно; Бовдуръ

не въ состояніи сообразить даже той простой вещи, что, сидя въ тюрьмѣ, онъ и не можетъ воспользоваться плодами своего преступленія; но несомнѣнно также и то, что не всегда онъ былъ такимъ, что его тупость и дикость—не унаслѣдованы, а благопріобрѣтены. Авторъ сообщаетъ его исторію,—обыкновенную исторію человѣка, *«здиченого недолею*, а здичіннем доведеного до крайньоі розпуки» («В поті чола», 109):—сиротство, насмѣшки и побои въ дѣтствѣ, тяжелый трудъ «наймита», притѣсненія и обиды [«сльота, морози, спрага, втома—все то тільки газді (хозяину) доскулює, а наймитові ні!.. Наймит залізний, наймит видержить... мусить... За то плату бере!.. (ibid., 106)] и первый взрывъ протеста, окончившійся, быть можетъ, преступленіемъ; затѣмъ жизнь въ Бориславѣ, пьяная, распутная жизнь; неудачная любовь, дальше, вѣроятно, опять преступленіе и въ результатѣ—яма, на днѣ которой собраны подобные же отбросы общества, откуда имъ уже не подняться. Не удивительно, что у такого обиженнаго жизнью субъекта не оказывается ничего святого: онъ мечетъ проклятіями и на прошедшее, и на настоящее, и на будущее; ни позади, ни впереди у него нѣтъ ничего, что бы удерживало его отъ еще большаго паденія; онъ живетъ исключительно животными порывами и жестоко мститъ за свой звѣриный образъ, направляя свою месть и на, быть можетъ, совершенно неповинныхъ въ его паденіи представителей изгнавшаго его общества... Кто виноватъ въ этомъ—опять судить не намъ, но только мы понимаемъ и автора, создавшаго такую яркую, характерную фигуру, какъ Стебельскій («На дні»), добровольно ушедшій ради успокоенія своей совѣсти къ «бывшимъ людямъ» на дно соціальной жизни—

Щоб не чуть в серці пекучого болю,
Людськоі муки не бачити скризь («З вершин»..., 18),

и, главное, не чувствовать себя виновникомъ ея. Въ качествѣ иллюстраціи къ сказанному пусть читатель припомнитъ хотя бы начало разсказа. «До світла», содержащее цѣлую ужасающую философію этой стихійной борьбы и погибели въ ней нижнихъ слоевъ человѣчества—этого основанія общественной пирамиды, прекрасно охарактеризованнаго талантливымъ писателемъ посредствомъ сравненія съ нижними слоями морскихъ глубинъ. «Чы не пройме насъ дрожъ перестраху,—спрашиваетъ авторъ,—колы прыгадаемо жыттє и кинець такыхъ незвисныхъ никому, забутыхъ, неразъ затоптанныхъ и опльованыхъ одыныць, колы стане намъ ясно передъ очыма, що не разъ тилькы найглупійша въ свити обставына, слипый случай, непорозуминнє, жартъ, нерозважне слово, пилынка одна зипхнула ихъ зъ дорогы и на

викы вкынула назадъ у ту питьму, зъ котрои вопы вже от-отъ выбиралыся на вольную волю?» («В поті чола», 269).

Мамо-прыродо! Видкы жъ така на насъ несправедлывисть?—взывають въ отчаяніи эти низшіе слои.—Невже мы гирши видъ тыхъ, що тамъ у-гори надъ намы гуляють, гойдаються та въ чудовому свити пышаються? И чому бъ тоби не встановыты черги, чому бъ не пустыты насъ хочъ на часочокъ туды, вгору?

Але мама-прырода не знае сантиментальносты й не слухае мрій.

— Буду я зъ вамы, дурнямы, панькатысь!—воркоче вона.— Чуете въ соби сылу, то трибуйте (пробуйте) вырватыся сами на верхъ. Ще бы я не мала роботы та васъ пидсажуваты! (ibid., 268).

«Ба, трибуйте сами вырватысь!»—иронизируетъ авторъ и въ поясненіе разсказываетъ исторію одной изъ такихъ попытокъ; читатели навѣрное хорошо помнятъ этотъ прекрасный разсказъ г. Франка и знаютъ, чѣмъ окончилась попытка симпатичнаго еврея подняться со дна общественной жизни «до світла», и потому объ этомъ мы распространяться не будемъ.

Какъ видятъ читатели, борьба низовъ соціальной лѣстницы за улучшеніе своего существованія въ большинствѣ случаевъ оказывается безуспѣшной, благодаря стихійности процесса и отсутствію сознательности среди этихъ самихъ низовъ. Борьба пріобрѣтаетъ нѣсколько иной характеръ, когда послѣднее условіе устраняется, когда въ нее вступаетъ еще одно слагаемое—разумъ и сознательность, олицетворяемые интеллигенціею. Собственно говоря, г. Франко вообще очень рѣдко останавливается на такъ называемыхъ положительныхъ типахъ, и особенно это нужно подчеркнуть по отношенію къ представителямъ интеллигентной среды, фигурирующимъ въ его произведеніяхъ. Такое отношеніе г. Франка къ изображаемымъ лицамъ вполнѣ гармонируетъ со всѣмъ складомъ его писательской психики: не даромъ онъ заявляетъ, что «не часъ теперъ ховати поганих струпів», а раскрывать ихъ нужно, «всю гниль нещадно з тіла виривати» («З вершин»... 158). Какъ реалистъ, черпающій матеріалъ для созданія художественныхъ образовъ изъ наблюденій надъ дѣйствительной жизнью, писатель не могъ, конечно, не видѣть, что жизнь мало даетъ матеріалу для созданія положительныхъ образовъ. Она оказывалась щедрѣе на такихъ дѣятелей, какъ герой разсказа «Патріотичні пориви» («Громадськкий Другъ», 1878), большой патріотъ, распинающійся за отвлеченные проценты «народність» и «рускість» и въ то же время, какъ липку, обирающій конкретное воплощеніе этихъ принциповъ; такихъ, какъ адвокатъ русинъ («Ліси і пасовиська»), продавшій своихъ кліентовъ-крестьянъ помѣщику;

такихъ, какъ великолѣпный докторъ философіи («Вильгельм Телль», Зоря, 1884), карьеристъ, цинично отрекающійся отъ своихъ убѣжденій, разъ послѣднія не сулятъ ему лично никакихъ выгодъ; такихъ, какъ «демократы» особаго рода, фигурирующіе въ повѣсти «Основи суспільности» и разсказѣ «Odi profanum vulgus». Словомъ, это съ одной стороны, «праздно болтающіе», неискренніе люди, которые подъ наружной личиной друзей народа не прочь около народной же нужды, темноты и безпомощности погрѣть свои грязныя руки, исполняя при томъ ироническій совѣтъ г. Франка:

Колы два стильци маєшъ до выбору:
Тутъ кóрысть власну, тутъ святу лойяльнисть,
То на обохъ старайся разомъ систы
(«З вершин»..., 109).

Съ другой стороны—это наивные доктринеры, мирно и спокойно пребывающіе въ своей мурьѣ и довольствующіеся сытенькимъ, буржуазнымъ существованьицемъ; охранители «идеальнаго» и «незыблемаго» порядка, враги новшествъ—словомъ, идеалисты того особаго сорта, который прекрасно охарактеризованъ г. Франкомъ въ стихотвореніи «Ідеалісти» («З вершин»... 42—43). Нечего и говорить, что въ отношеніяхъ народа къ *такой* интеллигенціи, своекорыстной или, по крайней мѣрѣ, безпечной на счетъ своихъ обязанностей, звучитъ струна отчужденности, недовѣрія, затаенной вражды, а то и открытой ненависти, прорывающейся при удобныхъ случаяхъ. «На панську помичъ не спускайтеся!—совѣтуетъ Хома Губатый въ разсказѣ «Домашній промисл».—Я тамъ панивъ не суджу, але то вамъ кажу, якъ старый: николы якось панська ласка хлопови на здоровле не выходыть. Не дармо то стари люде й прыповидку зложылы: не миряй свого носа зъ панамы, бо якъ твій буде довшый, то тоби врижуть, а як буде коротшый, то тоби жъ натягнуть. Панська ласка быстрымъ конемъ йиздыть» («В поті чола», 202).

Но на мрачномъ фонѣ этого общаго явленія свѣтлыми точками начинаютъ выдѣляться въ произведеніяхъ г. Франка иныя личности, которыя, продолжая употребляемую нами классификацію Некрасова, мы назвали бы «погибающими за великое дѣло любви»; этотъ эпитетъ тѣмъ болѣе имъ соотвѣтствуетъ, что они и въ самомъ дѣлѣ являются страдальцами, а иногда и въ буквальномъ смыслѣ погибаютъ за идею. Немного ихъ, этихъ свѣтлыхъ точекъ,—кромѣ Андрія Темеры («На дні»»), рано прерванная жизнь котораго остановила и его многообѣщавшую дѣятельность, можно къ нимъ причислить только адвоката Рафаловича (повѣсть «Перехресні стежки»), учителя Омеляна (комедія «Учитель») да пожалуй еще Чимчикевича («Чума») и стараго священника

въ поэмѣ «Панськi жарти»; впрочемъ двухъ послѣднихъ мы здѣсь касаться не будемъ, такъ какъ гуманная дѣятельность ихъ въ большей степени является результатомъ добраго, отзывчиваго сердца, нежели ясно сознающаго себя разума.

Рафаловичъ, во многомъ напоминающій Темеру, является образцомъ такого дѣятеля, который всю свою жизнь сумѣлъ подчинить одному принципу, почти буквально воспроизводящему то, что авторъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ о себѣ самомъ: «выхований, выгодованый хлибомъ, працею й потомъ сього народа, винъ повыненъ своєю працею, своєю интеллигенцiєю видплатыты йому» («Л.-Н. Вiстник», 1899, VII, 60)[1]). Ради этого принципа онъ ведетъ берьбу съ общественными условiями, съ недовѣрiемъ къ нему со стороны народа и съ неудачами своей личной жизни, т. е., со всѣмы тѣми препятствiями, которыя «перехресными стежкамы» стоять на его пути. Благодаря своей неутомимой энергiи онъ выходитъ побѣдителемъ, по крайней мѣрѣ, по-стольку, по-скольку ему удается положить начало солидарности среди крестьянъ и подвинуть ихъ на сознательную борьбу за свои права. Совершеннаго перерожденiя села достигаетъ и Омелянъ (комедiя «Учитель») путемъ безкорыстной и самотверженной дѣятельности въ болѣе ограниченномъ районѣ—одномъ селѣ.

Дѣятельность этихъ немногихъ «погибающихъ за великое дѣло любви» по неволѣ ограничена въ настоящемъ, но это лишь пiонеры той новой жизни, о которой мечтаетъ нашъ писатель, первые проблески того лучшаго будущаго, къ которому онъ не устаетъ звать въ своихъ произведенiяхъ. Есть у г. Франка прекрасное по мысли стихотворенiе «Каменярi», въ которомъ авторъ изображаетъ людей, добровольно заковавшихъ себя въ цѣпи обязанностей, борющихся съ темными силами настоящаго, олицетворяемаго въ образѣ скалы, за достиженiе лучшаго будущаго. «И вси мы вирылы,—говоритъ авторъ объ этихъ каменщикахъ,—що своимы рукамы

Розибьемо скалу, роздробымо гранитъ,
Що кров'ю власною и властымы кисткамы
Твердый змуруемо гостынець и за намы
Прыйде нове жыття, добро нове у свитъ («З вершин...», 55).

Ту же вѣру выражаетъ авторъ и въ сказкѣ «Рубачъ», изображающей человѣка, «що рубає запоры на шляху людскосты,—

[1]). Ср. «Nieco o sobie samym», въ Obrazkach galicyjskich, стор. V—VI, а также отвѣтную рѣчь г. Франка на своемъ юбилеѣ,—см. Л.-Н. Вiстник, 1898, кн. XI, стр. 129.

запоры, покладени дыкистю, темнотою и злою волею» («Сім казок», Львов, 1900, стр. 13), и во многихъ другихъ своихъ произведеніяхъ.

VIII.

Уже изъ прозаическихъ произведеній г. Франка, которыхъ мы преимущественно до сихъ поръ касались, ясно видны идеалы и симпатіи автора. Онъ—натура боевая, страстная, не скрывающая своихъ симпатій и антипатій нерѣдко даже въ ущербъ художественности своихъ произведеній. Но наиболѣе ярко и выразительно сказывается личность автора въ его стихотвореніяхъ, гдѣ личнымъ чувствамъ и лирическимъ порывамъ писателя полный просторъ. Стихотворенія г. Франка являются поэтому наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ для его характеристики, такъ какъ въ нихъ онъ высказывается вполнѣ и даетъ отвѣтъ на всѣ тѣ вопросы, съ которыми мы могли бы къ нему подойти.

Зъ орламы я не думаю дружыты,
Та я опрусь гныючому болоту;
Щобъ черезъ його й другымъ шляхъ мостыты,
На те виддамъ свій трудъ, свою охоту («З вершин», 80),—

этими строками можно заключить тотъ циклъ произведеній, которымъ мы до сихъ поръ занимались, т. е. изображающій борьбу между двумя общественными лагерями. Но для автора мало высказать свое отношеніе къ борьбѣ въ такой отрицательной формѣ: не думаю, молъ, дружить съ представителями силы,— нѣтъ онъ преисполненъ къ нимъ вполнѣ опредѣленнаго положительнаго чувства. Разъ уже дѣло пошло на орловъ, то г. Франку трудно не высказать этого чувства. Вотъ какія, напр., мысли возбуждаетъ въ нашемъ писателѣ видъ великолѣпнаго горнаго беркута:

Я не люблю тебе, ненавыжу, беркуте!
За те, що въ грудяхъ ты ховаешъ серце люте,
За те, що кровъ ты пьешъ, на нызькыхъ и слабыхъ
Зъ погордою глядышъ, хочъ самъ жывешъ изъ ныхъ;
За те, що такъ тебе боиться слабша тварь...

Странно какъ будто бы даже читать приведенныя строки въ въ наше богатое противорѣчіями время, когда во главу угла всего міросозерцанія многіе силятся поставить красоту, съ которой часто отождествляютъ силу, а эту послѣднюю съ правомъ—и не

только внѣшнимъ, кулачнымъ правомъ, но и внутреннимъ, нравственнымъ... «Морально это (все равно что. С. Е.) или не морально?»—спрашиваетъ, напр., у Горькаго нѣкій «сельскій учитель не у дѣлъ» и затѣмъ отвѣчаетъ: «во всякомъ случаѣ *это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо*» («Разсказы», 3-е изд., т. I, 165). «Волка не осудитъ Господь, если волкъ овцу пожретъ, но если крыса мерзкая повинна въ овцѣ—крысу осудитъ Онъ» (Разсказы, т. IV, 3-е изд., 161)—морализируетъ у Горькаго же нѣкто Щуровъ. Словомъ—«пою похвалу силѣ и презрѣніе къ слабости», какъ иронически выразилъ подобную тенденцію Щедринъ. При видѣ орла, парящаго надъ землей и зоркимъ глазомъ высматривающаго добычу, поэтъ новѣйшей формаціи не упустилъ бы удобнаго случая умилиться этимъ зрѣлищемъ и воспѣть силу и красоту хищника, а можетъ быть, даже отпустить одинъ-другой презрительный пинокъ тѣмъ, чьею кровью живетъ этотъ сильный красавецъ. Г. Франко—прямая противоположность этимъ одослагателямъ, воспѣвающимъ красивую силу; и волкъ, и крыса для него одинаково повинны, одинаково мерзки; и орелъ, и Гава—одинаково хищники, а съ хищниками—нечего церемониться и сантиментальничать, а слѣдуетъ объявить борьбу не на животъ, а на смерть.

И ось блыщыть мій крисъ, [1]) циль добра, выстрилъ певенъ,
И вбійчее ядро пидъ хмары понесе винъ.
И замисть несты смерть з-горы на земне ложе
Ты самъ спиткаешъ смерть пидъ хмарамы, небоже,
И не якъ божый судъ, але якъ трупъ бездушный
Ты впадешъ, сӯдови тыхъ куль моихъ послушный.

И не одинъ ты,—прибавляетъ авторъ—

А все, що звесь беркутъ, полоще кров'ю ротъ,
Вывысшуесь надъ мыръ, тривогу й пострахъ сіе—
Те кули не уйде, якъ слушный часъ наспіе («3 вершин»... 51).

Всѣ тѣ разрозненные факты борьбы, о которыхъ у насъ была рѣчь на предыдущихъ страницахъ, поэтъ объединяетъ въ одну грандіозную картину міровой борьбы между свѣтомъ и тьмой, между добромъ и зломъ. Жестокая борьба,—говоритъ онъ,—свирѣпствуетъ въ природѣ:

Ще темный Агриманъ пануе,
Розпершись гордо тамъ на сходи.

---

[1]) Крисъ—ружье.

Та въ царстви своимъ чуе винъ
Таемну дрожь. Ось легкокрыли
Мовъ стрилы до понурыхъ стинъ
Летять видъ сходу свитла хвыли.
Лютуе Агриманъ, гасыть
Ненавысне проминня враже,
Та хвыля свитла все бижыть,
Хочъ щó винъ робыть, щó винъ каже.
Хытаесь тронъ його твердый,
И чуесь Чорному цареви,
Якъ Ормуздъ ясный, молодый
Вже вырынае зъ хвыль рожевыхъ («Викъ», т. I,
(Кіевъ, 1902), стр. 332).

Для поэта нѣтъ сомнѣній относительно того, «кто устоитъ въ неравномъ спорѣ»: хотя теперь, говоря его словами, «всюды нивечеться правда, всюды пануе брехня» («З вершин»... 43), тѣмъ не менѣе будущая побѣда правды, справедливости и добра, пришествіе на землю всеобщаго счастья—обезпечены. Сѣмена святыхъ началъ, заложенныя въ сердцахъ честныхъ людей, будутъ сохранены ими отъ уничтоженія, ненарушимо пронесутся черезъ всѣ испытанія и падутъ «на пухку, на жыву риллю» (ib. 13), ибо

Твердша видъ стали твердои,
Сто разъ трывкійша, нижъ муръ,
Щырыхъ мягкыхъ серцъ твердыня
Супроты громивъ и бурь (ibid., 43).

Поэтому, «не бійтеся»,—ободряетъ поэтъ своихъ товарищей,—

В кровавыхъ хвыль навали
Не згыне думка, правда и добро,
Лышъ краще, ширше розивьеться дали.
Не бійтеся! Не людскосты ядро
Та буря зломыть, а суху лушпыну,—
Ядро жъ жывее розростесь безъ впыну (ib., 154).

А если такъ, то нечего опускать руки въ отчаяніи, нужно твердо и неуклонно идти впередъ, сѣять сѣмена братолюбія и любви, бороться за счастье и добро. Вѣдь—

Ще те не вродылось
Острее зализо,
Щобъ нымъ правду й волю
Самодуръ заризавъ.
Ще той не вродывся
Жаръ, щобъ въ нимъ згорило
Вичне тило духа,
Не лишъ утле тило (ibid., 42).

Сила интеллигентной и сознающей себя личности можетъ способствовать осуществленію началъ справедливости и братолюбія; но, какъ «вѣра безъ дѣлъ мертва есть», точно такъ же и сила эта должна обнаружить себя въ чемъ-нибудь реальномъ, должна воплотиться въ дѣятельности, иначе она и не будетъ надстоящей силой. И вотъ поэтъ, собственная жизнь котораго представляетъ одну картину сплошного труда, первымъ залогомъ предстоящей побѣды провозглашаетъ именно трудъ:

Лышъ праця ржу зитре, що грудь зйидае,
Чуття жыве неткнуте захова́е,
Непросыхаючу нору жывыть.
Лышъ въ праци мужня выробляесь сыла,
Лышъ праця свитъ такымъ, якъ е, створыла,
Лышъ въ праци варто и для праци жыть (ib., 155).

О себѣ лично поэтъ говоритъ, что

Праця дала до жыття мні прынаду,
Ціль дала, щобъ въ манивцяхъ не зблудывъ (ib., 64),—

поэтому понятно его желаніе—«працювать, працювать, працюваты, въ праци сконать». Прекрасной иллюстраціей къ этому положенію служитъ написанная г. Франкомъ сказка «Без праці», герой которой получилъ возможность пользоваться всѣмъ и добиваться исполненія своихъ желаній безъ всякаго съ своей стороны труда, съ помощью лишь чудеснаго кольца. И въ результатѣ тотъ самый Иванъ Линюхъ, который даже смерть считалъ желанной избавительницей отъ тяжелаго труда, добровольно отрекается отъ чуднаго дара и предпочитаетъ трудовую жизнь бездѣятельному существованію. Онъ цѣною мучительнаго опыта позналъ, «що праця—се не тилькы твердый обовязокъ чоловика, але прямо условына його жыття, конечна для жыття такъ, якъ повитря до дыхання... Пизнавъ, що безъ праци чоловикъ звильна перестае буты чоловикомъ, самостійною истотою. Недостачи тои людськои самостійносты не надгородять йому ніяки скарбы, ніяки роскоши, бо все здобуте безъ праци являеться чымось чужымъ для чоловика, якымсь прывыдомъ, холодною лудою, котра не насычуе духа, а тилькы його знеохочуе й затрою́е». («Без праці», Л. 1891, стр. 64).

Но если для г. Франка понятія жить, работать и бороться могутъ быть соединены знакомъ равенства, какъ синонимы, то, идя дальше, можно сказать, что для него осѣнена ореоломъ святости лишь та борьба, которая своею цѣлью имѣетъ высокіе идеалы человѣчества.

Въ высшей степени характерна эта молитва, съ которой обращается поэтъ къ «матери-землѣ»: она ясно показываетъ и желанія автора, и цѣли, и побужденія этихъ желаній.

Земле, моя всеплодющая маты,
Сылы, що въ твоій жыве глыбыни,
Краплю, щобъ въ бои сыльныше стояты,
Дай и мени!

Дай теплоты, що розшырюе груды,
Чыстыть чутте и видновлюе кровъ,
Що до людей безграничную будыть
Чысту любовъ.

Въ заключеніе авторъ восклицаетъ:

Дай працювать, працювать, працюваты,
Въ праци сконать! (ibid., 14).

Больше всего страшитъ поэта такая жизнь, среди которой глохнутъ лучшія чувства человѣческой души. Довольное, сѣренькое существованіе, удовлетворяющееся маленькими, мелкими радостями эгоистическаго характера, заботящееся лишь о собственныхъ нуждахъ, убаюкивающее, усыпляющее—органически невыносимо для дѣятельной натуры нашего автора, отличающейся широкими альтруистическими наклонностями. Для него—

... выдъ найвысшои погорды гидный—
Се выдъ Пылата, що Хрыста на мукы
Виддавъ, а самъ умывъ прылюдно рукы (ibid., 177).

Жизнь безучастная, безразличная къ человѣческимъ страданіямъ кажется ему могилой; чтобы избѣжать такой жизни, онъ готовъ страдать, онъ призываетъ къ себѣ всѣ муки, такъ какъ онѣ шевелятъ мысль, будятъ сердце и не даютъ заглохнуть человѣку въ человѣкѣ.

Не покыдай мене, пекучый болю,
Не покыдай, важкая думо-муко
Надъ людськымъ горемъ, людською журбою!

Рвы серце въ мни, блида журо-марюко,
Не дай заснуть въ постели безучастя,—
Не покыдай мене, грыжо-гадюко!

Пока цѣль не достигнута, пока на землѣ существуютъ нужда, голодъ, угнетеніе, обманъ и насиліе.

Не дай жывому въ домовыну класться,
Не дай подумать ани на хвылыну
Про власну радисть и про власне щастя...
Охъ, загниздысь на дни души моеи,
Важкая думо! Сыльнымы клищамы
Стыскай те серце, скоро бъ видъ твоеи
Схыбнувъ я стежкы! Нóчамы и днямы
Шепчы надъ вухомъ: «Ты слуга нещасныхъ!»
Працюй для нихъ словамы и рукамы
Безъ бáжань власныхъ, безъ вдоволень власныхъ!
(ibid., 35—36).

Человѣкъ, который отрекается отъ «бажань власныхъ», который призываетъ на себя всѣ терзанія неудовлетворенныхъ личныхъ потребностей, лишь бы они не давали уснуть въ немъ истинно-человѣческой природѣ; человѣкъ, который жизнь въ борьбѣ и трудѣ предпочитаетъ довольному существованію на спокойной «постелѣ безучастія»,—этотъ человѣкъ знаетъ, конечно, ради чего онъ приноситъ свою великую жертву, имѣетъ опредѣленныя идеалы и надежды въ будущемъ, если настоящее не способно дать ему полнаго удовлетворенія. И дѣйствительно, предъ поэтомъ ясно стоятъ уже тѣ времена,

. . . . . колы подибно намъ
По довговичныхъ бояхъ, мукахъ люде
Прокынуться, гнылый розмечуть трамъ,
Що ихъ давывъ, и щыро грудь до груды,
Уста до устъ прытыснуть, мовъ браты,
Прыязнымъ, щырымъ словомъ заговорять,
Позбувшысь путъ недумства, темноты
И завысты, и людовладства, й горя (ibid., 77).

Довольно однако цитатъ. Читатель, надѣемся, ясно видитъ, что г. Франко—убѣжденный боецъ за идеалы человѣчества, и въ этомъ отношеніи какъ по силѣ, такъ и глубинѣ чувства онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди украинскихъ писателей, обладая вполнѣ опредѣленной и ярко выраженной физіономіей и идя своимъ собственнымъ путемъ. Хотя онъ имѣетъ полное право сказать о своихъ произведеніяхъ: «моя бо й народна неволя—то маты тыхъ скорбныхъ думъ» (Викъ, т. I, стр. 328), тѣмъ не менѣе, при всей ихъ скорбности, рѣдко въ нихъ прорываются звуки безнадежныхъ сомнѣній, слабости или даже обыкновеннаго личнаго чувства. Да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ авторъ по большей части остается вѣренъ себѣ: онъ какъ будто стыдится проявленій своего личнаго чувства и старается найти для себя оправданіе въ томъ, что даже такія произведенія могутъ сослу-

жить обществу хорошую службу, показывая, какъ не должно жить, чего нужно остерегаться. Въ качествѣ такого argumentum a contrario по мысли автора, особенно характернымъ является сборникъ «Зівяле листє» (Львів. 1896), заключающій циклъ сильныхъ и красивыхъ лирическихъ стихотвореній, посвященныхъ мукамъ нераздѣленной любви. Да и не столько насъ интересуетъ сейчасъ самый сборникъ, сколько предпосланное ему предисловіе, въ которомъ авторъ, характеризуя героя своей «ліричной драмы» какъ человѣка «слабои воли, та буйнои фантазіи, зъ глыбокымъ чуттямъ, та мало спосибного до практычного жыття («Зівяле листє», 3), спрашиваетъ: «чы варто було трудытыся, щобъ пустыты въ свитъ пару жмуткивъ зивялого лыстя, вкынуты въ круговоротъ нашого сучасного жыття килька крапель, затроеныхъ пессимизмомъ, а радше—безнадійностю, роспукою та безрадністю? У насъ и безъ того сього добра такъ багато! Та хто його знае,—думалось мени,—може се горе такъ якъ виспа, котру личыться вщиплюваннямъ виспы? *Може образъ мукъ и горя хорои души вздоровыть де-яку хору душу въ нашій суспильности?* (ibid., 5—6). Послѣ такого вступленія читатель, конечно, уже не будетъ удивленъ тѣмъ, что авторъ заканчиваетъ свое предисловіе словами Гете: «Sei ein Mann und folge mir nicht nach». А между тѣмъ художественныя достоинства этого сборника стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія; цѣлая скáла разнообразныхъ душевныхъ чувствованій, гамма разнородныхъ душевныхъ движеній, идущихъ все crescendo и завершающихся катастрофой, изображена сильно, художественно, настоящимъ поэтическимъ рѣзцомъ. И вообще нужно сказать, что эта «лирична драма», какъ назвалъ сборникъ «Зівяле листє» самъ авторъ, достойна занять почетное мѣсто во всемірной литературѣ, рядомъ съ «Книгой пѣсенъ» Гейне и другими подобными произведеніями.

IX.

На предыдущихъ страницахъ мы, насколько могли подробно, остановились на общемъ характерѣ произведеній г. Франка; мы старались выяснить и иллюстрировать многочисленными примѣрами изъ произведеній нашего автора ту общую идею, которая красною нитью проходитъ чрезъ нихъ и сообщаетъ имъ видъ стройной, объединенной въ одно цѣлое картины. Теперь время обратиться къ нѣкоторымъ частностямъ, которыя дополняютъ и оттѣняютъ характеристику нашего пѣвца борьбы и контрастовъ.

Мы имѣли уже случай указать, что г. Франко не только не закрываетъ глазъ на тяжелую дѣйствительность, не только ея не идеализируетъ, а напротивъ—изображаетъ современное положеніе вещей въ рядѣ безотрадныхъ картинъ, тяжело бьющихъ по нервамъ читателя и возбуждающихъ далеко не примирительное отношеніе къ дѣйствительности. Этотъ безотрадный въ общемъ фонъ произведеній г. Франка неоднократно навлекалъ даже на автора нареканія въ чрезмѣрномъ пессимизмѣ и тенденціозномъ стремленіи сгустить краски. Мы отмѣтили также и то, что этотъ, если можно такъ выразиться, неисправимый пессимистъ относительно настоящаго является столь же неисправимымъ оптимистомъ относительно будущаго и идеалистомъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Но даже относительно настоящаго его можно назвать пессимистомъ только съ значительными оговорками,—если хотите, настолько значительными, что онѣ въ концѣ концовъ совершенно въ иномъ свѣтѣ представляютъ писательскую физіономію г. Франка. Причислить его къ пессимистамъ мѣшаетъ прежде всего бодрый тонъ его произведеній и всегдашняя увѣренность автора въ конечномъ торжествѣ правды и справедливости, но главнымъ образомъ—одна драгоцѣнная черта его писательской психики, заставляющая его всегда и вездѣ, помимо человѣка-звѣря, человѣка-хищника, искать человѣка-брата, человѣка-друга. Изображая самыя возмутительныя проявленія хищничества и злобы, онъ въ то же время не устаетъ повторять, что «не люде—наши ворогы» и

> *Не въ людяхъ зло*, а въ путахъ тыхъ,
> Котри незримымы вузламы
> Скрутылы сыльныхъ и слабыхъ
> Зъ ихъ мукою и ихъ дилами («З вершин»..., 45).

«*Не въ серци людськимъ зло*»!—повторяетъ онъ еще разъ,—

> . . . . . А зла основа—
> Се глупота й тота мицна будова,
> Що здвыгнена людьмы и ихъ же губыть (ibid., 175).

Увѣренность, что люди представляютъ собою продуктъ исторіи и окружающихъ условій, властная рука которыхъ въ одинаковой мѣрѣ чувствуется и сильными, и слабыми міра сего, даетъ нашему писателю возможность безпристрастнаго, хотя, конечно, не безразличнаго, отношенія даже къ наиболѣе вреднымъ съ его точки зрѣнія людямъ. Г. Франко не столько судитъ этихъ людей, сколько выясняетъ, почему они вышли именно такими, а не иными; онъ не столько суровый безпощадный судья, сколько любящій учитель, отрицательными примѣрами иллюстрирующій укло-

ненія отъ нормальной человѣческой природы. *Любовь къ человѣчеству* составляетъ отличительную черту нашего пѣвца борьбы, при чемъ абстрактное, безликое человѣчество не заслоняетъ отъ него конкретной личности каждаго живого человѣка, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ:

Любовъ людей, мовъ хлибъ той до засика,
Громадь и степенуй въ любовъ *до чоловика*
(«З вершин.»... 175).

Пересматривая сборникъ «Мій Ізмарагд», читатель непремѣнно остановится на безукоризненной въ художественномъ отношеніи и глубокой по идеѣ «Притчѣ про житте», въ которой авторъ передаетъ одну восточную легенду. Человѣкъ, спасаясь отъ преслѣдованія льва въ пустынѣ, видитъ вдругъ дерево, выросшее надъ обрывомъ глубочайшей пропасти; выбора бѣглецу нѣтъ и, уцѣпившись за стволъ дерева, повисши надъ бездной, онъ ищетъ для своихъ ногъ точку опоры и дѣйствительно нащупываетъ какой-то твердый предметъ, показавшійся ему выступомъ. Почувствовавъ себя въ относительной безопасности, хотя левъ все еще продолжаетъ рыкать надъ его головой, бѣглецъ осматривается и къ ужасу своему замѣчаетъ, что корень дерева, безпрерывно подгрызаютъ двѣ мыши, черная и бѣлая, грозя уничтожить послѣднее средство спасенія. Бросилъ онъ взглядъ внизъ—тамъ на днѣ пропасти огромный драконъ, раскрывъ свою страшную пасть, видимо ожидаетъ, пока добыча свалится къ нему. Въ это же время бѣглецъ почувствовалъ, что выступъ, на который онъ оперся ногами, вдругъ задвигался; присмотрѣвшись, человѣкъ убѣдился, къ еще большему ужасу, что опорой ему служила свившаяся въ клубокъ змѣя, дремавшая въ расщелинѣ. И

наче трупъ холодный
Винъ высивъ, певный, що въ найблызшій хвыли
Кориння мыши пидгрызуть, гадюка
У ногу вкусыть, сылъ його не стане
И внызъ винъ упаде зміи въ пащеку (Мій Ізмарагд», 55).

Но въ такомъ ужасномъ, совершенно, казалось бы, безвыходномъ положеніи, взглядъ несчастнаго упалъ на медовые соты, прикрѣпленные къ вѣтвямъ дерева, и онъ послѣднія свои силы тратитъ на то, чтобы достать ихъ. Припавъ устами къ сотамъ, человѣкъ забываетъ о всѣхъ опасностяхъ и чувствуетъ полное облегченіе,

Найшовшы въ тыхъ краплынахъ медовыхъ
Несказанну, высоку роскишъ раю (ibid.).

Въ высшей степени любопытно объясненіе этой легенды, вложенное авторомъ въ уста Будды. Опасности, которымъ подвергается человѣкъ,—это опасности нашего ежедневнаго существованія: смерть, забвеніе, неумолимое время, наша собственная ограниченность; казалось бы, въ виду такого положенія не можетъ быть радостей для человѣка, не можетъ быть выхода, забытья и облегченія. И однако, прибавляетъ поэтъ—

Одно лишъ намъ
Лышылось—те, чого ніяка сыла,
Ніяка намъ пригода взять не може:
Се чыста роскишъ братньои любовы,
Се той чудовый медъ, якого крапля
Розшырюе жыття людське въ безмиръ,
Пидносыть душу по-надъ всю тривогу,
Надъ всю турботу из-за дилъ мынущыхъ—
Въ просторы повни свитла и любовы:

Спѣшите насладиться этимъ единственнымъ средствомъ успокоенія и забвенія ежеминутныхъ опасностей,—заканчиваетъ авторъ свою дивную притчу,—

Бо лышъ въ тому, що серце ваше чуе,
Чымъ груды повни, чымъ душа жыве,
У роскоши любовы и бажання,
Въ братерстви, у надіи, у змаганню
До вищыхъ, чыстыхъ цилей е вашъ рай (ibid., 57).

Безъ любви для нашего поэта не имѣютъ цѣны никакія славныя дѣла и самые высокіе подвиги обращаются въ ничто, потому что

Одна любовъ зъ ныхъ зробыть скарбъ цинный
Передъ престоломъ Бога (ibid., 19);

любовь даетъ смыслъ жизни и то высокое «умѣнье жить», которое не постигается иными путями. «Умиты жыть»!—восклицаетъ поэтъ,—

Трудне, высоке вминня,
Котрого жадна кныга не навчыть;
А лышъ навчае досвидъ и терпиння
Й *любовъ*, що всихъ ридныть и едыныть
(«З вершин»..., 212).

Любовь къ живому, конкретному человѣку—это смыслъ жизни для г. Франка, и всѣ его произведенія показываютъ, что этотъ принципъ братской любви ко всему человѣчеству глубоко заложенъ въ

его сердцѣ и сдѣлался той Аріадниной нитью, которая вывела его изъ лабиринта жизненныхъ противорѣчій. Нѣсколько иллюстрацій изъ произведеній г. Франка, надѣемся, покажутъ эту основную черту его, какъ писателя, яснѣе.

Вотъ передъ нами Каинъ (легенда «Смерть Каіна»), этотъ вѣчный изгнанникъ изъ человѣческаго общества за страшный грѣхъ братоубійства,—

И бувъ весь свитъ ненавысный йому,
Ненавысна земля и море й ранній
Пожаръ небесъ и тыхозора ничъ.
Ненавысни булы йому вси люде,
Бо въ кожному лыцю людському бачывъ
Кроваве, сыне Авеля лыце...
Ненавысна була йому и та,
Котру колысь любывъ винъ бильшъ витця
И матери, и бильшъ всього на свити—
Його сестра и жинка вразъ, нелюба
За те, що ій им'я було людына
(«З вершин»..., 395) и т. д.

И этотъ отчаявшійся во всемъ мизантропъ, это ходячее олицетвореніе ненависти и вражды, которому все напоминало объ его ужасномъ преступленіи и терзало невыразимыми муками—совершенно перерождается подъ вліяніемъ могучаго чувства любви. Присматриваясь съ вершины горы въ ту жестокую борьбу, которая шла въ раю вокругъ дерева познанія добра и зла и дерева жизни, онъ замѣчаетъ вдругъ, что кто вкусилъ лишь плода древа жизни, тотъ

Прояснювавсь увесь, благымъ спокоемъ
Проймавсь и голосъ пиднимавъ и клыкавъ
Усихъ до себе, ворогивъ найгіршыхъ
Мовъ другивъ обнимавъ, и бувъ неначе
Той плястеръ меду чыстого солодкый
И запахущый, ясный и пожывный,
Однымъ чуттямъ наскризь пронятый.
Значыть: *чуття, велыкая любовъ—*
Ось джерело жыття... (ibid., 413).

Для перваго убійцы, человѣконенавистника, непримиримаго врага всего живущаго и всей природы вдругъ все является въ иномъ цвѣтѣ.

Чуття, любовъ! *Такъ мы жъ ихъ маемъ въ соби!*
Могучый заридъ ихъ у кожнимъ серци

Жыве—лышъ выплекать, зростыть його
И розивьесь! Значыть и джерело
Жыття мы маемъ въ соби и не треба
Намъ въ рай тыснутысь, щобъ його дистаты!
О Боже мій! Невже жъ се може буты!
Невже жъ ты тилькы жартувавъ, якъ батько
Зъ дитьмы жартуе, въ той часъ, якъ изъ раю
Насъ выганявъ, а самъ *у серце намъ*
Вложывъ той рай и давъ намъ на дорогу? (ibid).

Смыслъ жизни найденъ и безграничнымъ страданіямъ Каина пришелъ съ этого момента конецъ. Онъ чувствуетъ, что теперь даже въ его сердцѣ—

Гнылимъ, побытимъ и закаменилимъ
Жые ще, розвываесь и цвите
Те райське сим'я, та свята любовъ (ibid., 414).

Какъ ледъ отъ солнечныхъ лучей животворныхъ, такъ подъ вліяніемъ этого могучаго чувства, таетъ въ сердцѣ Каина ненависть и вражда къ людямъ. Мнѣ,—говоритъ онъ,—

Мени такъ дуже жаль усихъ людей,
Тыхъ бидныхъ, заслипленныхъ! Я ихъ такъ
Люблю зъ ихъ слипотою й лютымъ горемъ,
Зъ ихъ порывамы до добра... (ibid).

Онъ уразумѣлъ теперь, что слабость человѣческой природы, могучія искушенія, вездѣ разбросанныя на жизненномъ пути, незнаніе настоящей дороги и достойной человѣка цѣли—вотъ настоящія причины того, что

...мечуться воны, мовъ лыстъ сухый
Въ осиннимъ витри—рижуть и мордують
Одни другыхъ лютише звиривъ лютыхъ,
И рыються въ земли, до неба рвуться,
Плывуть по морю—въ неби чи за моремъ
Шукають раю, що лышъ *въ серци своимъ*
Въ любви взаимній можуть изнайты! (ibid).

И вотъ недавній человѣконенавистникъ и первый убійца, своимъ преступленіемъ открывшій на землѣ непрерывную, безконечную цѣпь убійствъ, преступности и зла, рѣшаетъ искупить свой грѣхъ, сообщивъ людямъ средство «у власныхъ серцяхъ рай новый створыты» (415). Хотя Каинъ и падаетъ фатально жертвой своего намѣренія отъ руки собственнаго потомка Лемеха, но примиреніе его съ жизнью уже произошло,—даже по смерти

... винъ лежавъ немовъ дытя,
Вколысане до сну, простягшы рукы,
Зъ лыцемъ спокійнымъ, яснымъ, на котрому,
Здавалось, и по смерти тлила ще
Несказанна утиха и любовъ (ibid., 420).

Думаемъ, что даже въ грандіозной міровой литературѣ не много можно указать произведеній, проникнутыхъ такой великой идеей. И что всего замѣчательнѣе—авторъ, очевидно, не случайно избралъ героемъ изображаемаго имъ душевнаго перерожденія—Каина, этого родоначальника, такъ сказать, преступленій противъ братской любви и сугубаго убійцу. Очевидно, онъ хотѣлъ показать этимъ, что чувство любви является настолько всемогущимъ, что въ состояніи перерождать и обновлять даже самыя закоренѣлыя въ ненависти и злобѣ сердца. Не забудемъ, что любовь, по мнѣнію г. Франка, является также первымъ условіемъ цѣлостной истинно-человѣческой натуры:

Лишъ хто *любыть*, терпыть,
Въ кимъ кровъ жыво кыпыть,
Въ кимъ надія ще ликъ,
Кого бій ще маныть
Людськe горе смутыть,
А добро веселыть—
Той цилый чоловикъ (ibid., 15),—

такъ опредѣляетъ поэтъ понятіе «цилого» человѣка.

Вообще говоря, *пробужденіе человѣка* въ существахъ, совершенно уже утратившихъ, казалось бы, всякій образъ и подобіе человѣческіе, стремленіе вырваться изъ повседневной обстановки, возвратить потерянный рай или возродиться къ новой жизни—это чрезвычайно любимая г. Франкомъ тема. Писателя весьма интересуютъ подобные вопросы и онъ неоднократно къ нимъ возвращается въ своихъ произведеніяхъ, съ любовью и сочувствіемъ слѣдитъ за процессомъ душевнаго переворота, сильно и художественно очерчиваетъ его мельчайшія проявленія, отмѣчая и незначительныя даже подробности. И сообразно съ этимъ—мотивъ любви, нравственнаго перерожденія и пробужденія въ человѣкѣ совѣсти занимаетъ въ произведеніяхъ г. Франка одно изъ центральныхъ мѣстъ. Авторъ убѣжденъ, что нѣтъ такого человѣка, какъ бы низко ни палъ онъ, въ сердцѣ котораго не осталось бы зерна истинно-человѣческой природы, которая при удобномъ случаѣ громко о себѣ заявитъ; даже у Каина, какъ мы видѣли, наступилъ моментъ, когда «першый разъ мета йому за-

блысла»... Минимальное требованіе, которое г. Франко ставитъ по отношенію къ каждому—это

Тожъ слы всю жыття путь
Чоловикомъ цилымъ
Не прыдесь тоби буть—
Будь хочъ хвылечку нымъ (ibid.);—

и будьте спокойны—онъ сумѣетъ открыть эту «хвылечку» въ своихъ герояхъ, когда они мучительно ищутъ цѣли и смысла жизни...

Вотъ хотя бы Германъ Гольдкремеръ («Boa constrictor»)—ужъ на что, кажется, изъ хищниковъ хищникъ, а и у него авторъ подсмотрѣлъ минуту, когда проявилось это «послидне зерно людськои натуры, котре ще осталось въ нимъ неперепалене забійчою золотою гарячкою» («Молотъ», 1878, стр. 57) и когда онъ на моментъ становится человѣкомъ,—правда, только на одинъ моментъ. Вотъ низкій измѣнникъ Тугаръ Вовкъ, продавшій родину врагамъ (Захар Беркут»),—и онъ сумѣлъ цѣною собственной жизни заплатить за свой низкій поступокъ и у него временами просыпается совѣсть, и у него въ душѣ отзывается что-то святое. Рипныкъ Иванъ («Ріпник») оставляетъ гулящую жизнь и нравственно перерождается, мечтая искупить свою вину предъ брошенной дѣвушкой; «хлоп-ледащо» Зелепуга («Яць Зелепуга») также отказываетъ себѣ въ единственномъ удовольствіи—водкѣ и начинаетъ новую жизнь, осмысленную опредѣленной цѣлью. И ростовщикъ Вагманъ («Перехресні стежки»), помогающій крестьянамъ и выработавшій даже своеобразную ростовщическую философію этой помощи; и Стебельскій («На дні»), бросившій праздную жизнь, чтобы задолго до появленія толстовства практически осуществить многія изъ его положеній—эти такъ не похожіе другъ на друга люди одинаково отозвались на зовъ лучшей стороны человѣческой природы. Читатель, знакомый съ повѣстью «На дні», навѣрное помнитъ Бовдура—это «гныле порохно», типичнѣйшаго представителя общественныхъ отбросовъ,—тѣмъ не менѣе и у этого звѣря были минуты, когда «його власни рысы, бачылось, мяклы, лагиднилы... Зъ очей счезъ гнылый блескъ свитячого порохна... Понури гнивни складыны на чоли выривнювалысь... Здавалось, немовъ *на-ново людськый духъ вступае въ те тило, що доси було мешканнямъ якоись дыкои звирячои души* («В потічола», 119). Да и кромѣ этого вспомнимъ только слезы звѣря-атамана надъ кускомъ «панщизняного» хлѣба («Панщизняний хліб»,—Житє і Слово, т. V, стр. 27); вспомнимъ еще слезы пана Мигуцкаго («Панські жарти»), тоже достаточно опредѣ-

ленной масти субъекта; припомнимъ также цѣлый рядъ сценъ и образовъ изъ «Жидівських мелодій—всѣхъ этихъ ищущихъ и кающихся героевъ поэмъ «У цадика», «З любови», «По людському», изъ которыхъ каждый вырвался изъ власти тьмы и жестокости, чтобы стать человѣкомъ, и «ненавысть въ власнимъ серци до людей переборовъ». («З вершин»..., 274), какъ говоритъ герой поэмы «По людському» [1]). И мы назвали здѣсь только такія произведенія, въ которыхъ душевное перерожденіе составляетъ болѣе или менѣе господствующій мотивъ, а сколько разъ еще онъ является эпизодически, въ качествѣ лишь вводнаго мотива!

Но г. Франко показываетъ намъ, что человѣкъ въ минуты душевнаго подъема и не на то еще способенъ. Вотъ для примѣра небольшая сценка изъ повѣсти «Для домашнього огнища». Проститутокъ, проданныхъ Анелей Ангаровичъ въ Константинопольскіе публичные дома и лишь случайно оттуда освобожденныхъ, полиція приводитъ на очную ставку къ Анелѣ, уже покончившей свои земные счеты. Предъ ея трупомъ происходитъ слѣдующее:

Дивчата пидийшлы блызше до Анели. Капитанъ (мужъ покойной) пиднявъ на ныхъ очи зъ выразомъ розпучлывого благання.

— Скажить теперъ, чы се та сама пани, що васъ вербувала до службы?

— Ни,—видповилы дивчата въ одынъ голосъ.

Гиршъ (сыщикъ) ажъ пидскочывъ, ажъ почервонивъ зи злосты.

— Се неправда!—скрыкнувъ.—Се не може буты!

---

1) Намъ особенно пріятно назвать здѣсь разсказы изъ еврейской жизни, такъ какъ они свидѣтельствуютъ о безпристрастномъ и толерантномъ отношеніи автора къ евреямъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые не въ мѣру ретивые патріоты-евреи набросились было на нашего автора съ обвиненіями въ тенденціозномъ отношеніи къ еврейству, выставляя основаніемъ такихъ обвиненій типы евреевъ-эксплуататоровъ, часто фигурирующихъ въ произведеніяхъ г. Франка. (См. Cupidus veritatis—«Литература благихъ намѣреній», Восходъ 1896, кн. V). Эти обвиненія, какъ и подобныя же со стороны украинскихъ и польскихъ патентованныхъ патріотовъ, лучше всего опровергаются названными сейчасъ произведеніями, гдѣ авторъ даетъ типы евреевъ-искателей правды и справедливости. И вообще г. Франко, затрагивая еврейскій вопросъ, всегда рѣшалъ его по принципамъ гуманности (См. *первую* его повѣсть «Петрії і Добощуки», также «Перехресні стежки», «До світла»; ср. еще «Радикальна тактика» ч. I (Львів, 1898), отдѣлъ «Радикали і жиди»).

— Пане Гиршъ!—строго упимнувъ його комисаръ.—Маете мовчаты! Прошу мени ще разъ ришучо сказаты,—мовывъ дали, обертаючысь до дивчатъ,—чы отся пани вербувала васъ до службы, чы не ся?

— *Ни, не ся?—ришучо видповилы дивчата* (стр. 147—148).

Мы увѣрены, что эта поразительная по своей трогательности сцена, которой параллельную во всей нашей литературѣ можно подобрать только въ «Неофитах» Шевченка (души замученныхъ Нерономъ христіанъ собираются вокругъ смертнаго одра своего мучителя для того, чтобы *простить его*), никогда не изгладится изъ памяти всякаго читавшаго повѣсть; это коротенькое, но полное глубочайшаго смысла «ни» будетъ долго звучать въ ушахъ читателя, какъ одно изъ лучшихъ впечатлѣній, полученное отъ возвышеннаго образа побѣды человѣка надъ самимъ собою. И это опять таки не единственное мѣсто у г. Франка въ этомъ родѣ,—ему можно подыскать десятки параллелей. Приведенная сцена только открываетъ собою цѣлый рядъ человѣческихъ образовъ, у которыхъ пробужденіе совѣсти воплотилось въ форму высочайшаго всепрощенія и самопожертвованія. Вспомнимъ Гурмана («Украдене щасте»), прощающаго Мыколу за нанесенную последнимъ смертельную рану и торопящагося заявить, что это его собственныхъ рукъ дѣло; вспомнимъ поступокъ Грыця и его отца («Гриць і панич»), не только отказавшихся отъ мести паничу, но даже помогающихъ ему цѣною собственныхъ страданій; вспомнимъ самоотверженный поступокъ дѣвушки, пожертвовавшей собственною кровью и жизнью для спасенія человѣка (поэма «Бідний Генріх»); вспомнимъ стараго священника («Панські жарти»), жизнью заплатившаго за благо крестьянъ; вспомнимъ поведеніе тѣхъ же крестьянъ, когда ихъ злѣйшій врагъ-помѣщикъ предсталъ предъ ними связанный и униженный,—

Але ни жаденъ крыкъ ворожый,
Ни згирдный смихъ, ани проклинъ
Зъ юрбы не выйшовъ. Що вже кпыты,
Клясты и звязаного быты,
Колы й безъ насъ побытый винъ?
(«З вершин»..., 376).

Вспомнимъ далѣе, что тѣ же крестьяне помогаютъ безпомощной женѣ помѣщика и добровольно берутъ на себя крѣпостныя обязанности, не допуская, «щобъ пани такъ и пропадала середъ жывыхъ людей» (ibid., 380), а въ концѣ концовъ являются даже ходатаями за своего злѣйшаго врага предъ начальствомъ... И что

всего интереснѣе, люди, способные на подобные подвиги всепрощенія и самоотверженія, вовсе не герои, а обыкновенные, рядовые люди, часто, по общепринятому взгляду, даже опустившіеся, принадлежащіе къ отбросамъ общества,—въ родѣ упомянутыхъ только что проститутокъ. Понятно поэтому, какое изумленіе вызываютъ ихъ геройскіе поступки со стороны заинтересованныхъ лицъ, имѣвшихъ основаніе ожидать совершенно противоположнаго.

Не вже се правда? Вы не п'яни?
Невже вы люде тожъ, и въ васъ,
У мученыхъ, похылыхъ, бытыхъ
Не зглухло людськее чуття? (ibid., 382),—

прорывается это изумленіе у жены изверга-помѣщика, не довѣряющей ушамъ и глазамъ своимъ при видѣ участливаго отношенія къ ней крестьянъ...

Такимъ образомъ, и въ личной жизни каждаго человѣка, какъ и въ общественной, г. Франко, интересуется преимущественно моментами борьбы, борьбы внутренней, борьбы человѣка съ самимъ собою, и эти моменты всегда выдвигаетъ на первый планъ. Человѣкъ, по взгляду писателя, является носителемъ двухъ противоположныхъ, взаимно исключающихъ себя началъ: съ одной стороны, каждый имѣетъ въ сердцѣ «зерно людськои натуры», разумѣя подъ этимъ задатки лучшихъ свойствъ человѣка; съ другой—у каждаго есть также и свой «звѣрь», «хыжа бестія, що дримае на дни души кождого чоловика, иноди ворушачысь зовсимъ явно, а иноди хованочысь такъ глыбоко, такъ старанно, що хочеться вирыты, що іи тамъ и зовсимъ нема» («Жите і Слово», II, 241). Какъ соціальная жизнь состоитъ изъ столкновеній и борьбы различныхъ общественныхъ классовъ, такъ столкновеніе же и борьба этихъ заложенныхъ въ душѣ каждаго человѣка противоположныхъ началъ составляетъ внутреннюю жизнь человѣка. Побѣду одерживаетъ то одно, то другое изъ этихъ началъ, «то сей, то оный на бокъ гнется», тѣмъ не менѣе г. Франко убѣжденъ, что и въ этой личной борьбѣ конечная побѣда обезпечена за началомъ добра, истины и справедливости. Эта увѣренность сказывается въ той любви, съ которою авторъ отмѣчаетъ всякое проявленіе добрыхъ чувствъ въ своихъ герояхъ, въ тѣхъ многочисленныхъ примѣрахъ нравственнаго возрожденія и высокихъ подвиговъ всепрощенія и самоотверженія, которыми полны его произведенія и примѣры которыхъ нами приведены въ своемъ мѣстѣ.

Выше мы уже указывали на то, что отношеніе г. Франка даже къ наиболѣе отрицательнымъ своимъ героямъ можетъ быть ха-

рактеризовано, какъ отношеніе любящаго, участливаго учителя, а не суроваго судьи. Считаемъ нужнымъ оговориться, что сказанное не слѣдуетъ понимать ни въ смыслѣ оправданія зла, ни въ смыслѣ безразличнаго къ нему отношенія. Мы уже знаемъ, что поступокъ Пилата, умывающаго руки отъ послѣдствій дѣла своихъ же рукъ, для г. Франка представляется наиболѣе позорнымъ, равно какъ и «постелю безучастія» онъ считаетъ нравственной могилой для человѣка. Авторъ, который умѣетъ любить и прощать, умѣетъ также и ненавидѣть и его ненависть вытекаетъ изъ той же любви къ истинѣ, добру и справедливости. Все, что противорѣчитъ этимъ основнымъ требованіямъ человѣческой природы, заслуживаетъ только ненависти, можетъ вызывать противъ себя только борьбу. Въ «Тюремних сонетах» авторъ разсказываетъ, что во снѣ явились къ нему двѣ богини; одна оказалась Любовью, другая Ненавистью и вотъ что сказала ему послѣдняя:

Я ненавысть,
Любвы сестра й товарышъ невидступный.
Ненавыджу я все, що звесь лукавнисть
И крывда й ладъ нелюдськый та пидкупный.
Ненавыджу я всю тоту неправисть,
Що чоловика пха на путь непутный,
Що плодыть въ душахъ пидлисть, брехни, завысть,
Крутижъ отой могучый, каламутный
(«З вершин»..., 175).

Ненависть въ указанномъ смыслѣ даетъ нашему автору заповѣдь—

Щобъ ты зненавыдивъ його (зло) и бывсь зъ нымъ смило.
Хто зъ зломъ не боресь, той людей не любыть.

И въ любви, и въ ненависти, какъ видимъ, авторъ остается вѣрнымъ себѣ: все тѣмъ же борцомъ за высшія стороны человѣческой природы противъ зла, темноты и насилій...

X.

Будучи, какъ мы сказали, поэтомъ любви въ самомъ возвышенномъ и благородномъ значеніи этого слова, г. Франко отдаетъ свои симпатіи тѣмъ, кто больше всего въ нихъ нуждается—всѣмъ маленькимъ людямъ, сѣрой толпѣ. Изъ того же побужденія, должно быть, вытекаетъ и участливое, любовное отношеніе

писателя къ дѣтямъ, этимъ тоже въ своемъ родѣ маленькимъ людямъ, зародышамъ настоящихъ людей, которымъ въ свое время придется примкнуть къ одному изъ двухъ враждебныхъ лагерей, стать въ ряды или угнетаемыхъ, или хищниковъ. Можетъ быть, то, о чемъ у насъ сейчасъ пойдетъ рѣчь, представляетъ собою и частность; но для г. Франка эта частность является настолько характерной, что мы считаемъ необходимымъ и на ней остановиться, такъ какъ она даетъ лишнее подтвержденіе принятой нами характеристики автора, какъ поэта любви. Вѣдь не даромъ «дытячи серця», т. е., способность дѣтей къ чистой, безкорыстной любви онъ считаетъ «найкращымъ скарбомъ» («З вершин»..., 58).

Изображенію дѣтской жизни и освѣщенію дѣтской психологіи посвященъ г. Франкомъ цѣлый рядъ разсказовъ («Малий Мирон», «Грицева шкільна наука», «Оловець», «Schön Schreiben», «Борис Граб», «Мавка», «Одинъ день зъ життя уличників львівських»), не считая эпизодическихъ картинъ въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ дѣтская жизнь не играетъ доминирующей роли (дѣтство Германа въ «Boa constrictor», дѣтскія сценки въ повѣсти «Для домашнього огнища» и др.), и нужно признать, что эти разсказы и эпизоды принадлежатъ вообще къ лучшимъ произведеніямъ г. Франка. Авторъ любитъ дѣтей и его любовное отношеніе къ своимъ маленькимъ героямъ согрѣваетъ и указанныя произведенія какой-то особенной сердечной теплотой и мягкой лаской. При столкновеніяхъ дѣтей съ требованіями взрослыхъ, симпатіи автора несомнѣнно на сторонѣ слабыхъ, неиспорченныхъ существъ, въ силу своей слабости занимающихъ страдательное положеніе въ этихъ столкновеніяхъ. Въ особенности любитъ г. Франко наблюдать и подмѣчать зарожденіе самостоятельной умственной жизни и первые проблески критической, не шаблонной мысли въ свѣжемъ организмѣ. Всѣ эпизоды изъ дѣтской жизни, когда подъ вліяніемъ наблюденій надъ окружающимъ у какого-нибудь малыша «невелычки сири оченята жыво бигають, дытыняче чоло стягається—думка почынае рушатыся» («В поті чола», 30), или «на дытыняче чоло зновъ немовъ хмарка набигае—се думка надходыть» (ibid, 32)—тщательно и съ очевиднымъ удовольствіемъ отмѣчаются авторомъ. Для него это проявленіе нарождающейся, впервые просыпающейся мысли, хотя часто и невѣрной, незрѣлой, а съ точки зрѣнія взрослыхъ—даже, быть можетъ, и смѣшной, цѣнно уже само по себѣ, потому что эта мысль *своя*, не подслушанная у старшихъ, не шаблонная. За эту свою мысль дѣтямъ приходится обыкновенно вынести первую борьбу съ окружающими, которые часто совершенно безсознательно поднимаютъ руку на зародыши оригинальности въ натурѣ ребенка и стремятся дѣтской мысли сообщить шаблонное теченіе.

Искреннею грустью отмѣчены у г. Франка страницы, повѣствующія о первыхъ страданіяхъ и разочарованіямъ маленькихъ людей; «бидный малый Мыронъ»!—такъ оканчиваетъ г. Франко одинъ изъ своихъ разсказовъ ихъ дѣтской жизни и въ этомъ восклицаніи выразилась вся горечь раздумья о неприглядномъ настоящемъ и еще болѣе неприглядномъ будущемъ маленькихъ героевъ.

Любовь къ дѣтямъ, этимъ будущимъ борцамъ и страдальцамъ, сказывается у г. Франка еще одной любопытной чертой. Онъ часто указываетъ на то значеніе, какое имѣютъ дѣти въ жизни матери, которая какъ бы перерождается, дѣлается лучше и чище нравственно отъ одного появленія на свѣтъ новаго существа. «Ахъ, Боже!--восклицаетъ одна изъ героинь повѣсти «Маніпулянтка»,—маты таке маленьке-маленьке дытяточко, знаты, що воно мое, могты його пестыты и тулыты до себе—щó за щастя! Неба не хочу, тилькы одынъ день такого щастя! Бачыты, якъ воно, манюсеньке, трипочеться, якъ простягае до тебе пухеньки, кругленьки рученята, якъ усмихаеться рожевымы усточкамы, якъ прыляже до твоеи груды всимъ своимъ дрибненькымъ еством и чуты, що воно твое, частына тебе самои—охъ, Целинко!—тилькы день, тилькы годыну такого щастя, а потимъ я готова вмерты въ найстрашнійшыхъ мукахъ»! («В поті чола», 243). Одно предчувствіе героини разсказа «Між добрими людьми», что она станетъ матерью, наполняетъ ее «якоюсь несказанною радистю и втихою» (ibid., 305), а бѣдной, забитой еврейкѣ-наймычкѣ («Сурка») оно же въ первый разъ внушаетъ мысль о равенствѣ ея со своей госпожей. Въ отвѣтъ на брань и побои,—разсказываетъ Сурка,—

Гляжу на неи—не злистно!
Не було злосты и крыхты
У моимъ серци въ ту пору—,
А гордо такъ, якъ царивна,

Отакъ сказала бы злюци:
«Хочъ ты коршмарка багата,
А я лишъ служныця бидна,
А я теперъ тоби ривна!
Я—маты, злюко, я маты»!
(«З вершин»..., 239).

Та же несчастная Сурка при одномъ взглядѣ на свое дитя, «про свитъ, про горе забула»:

И стало якось такъ ясно
Довкола мене и любо,
Неначе снигъ весь ростаявъ

И витеръ теплый повіявъ
И пруття зеленню вкрылось (ibid., 242).

Замѣтимъ при этомъ, что всѣ героини, слова которыхъ мы приводили, стаютъ матерями безъ соблюденія тѣхъ требованій, какими современное лицемѣрное общество обставило легальное материнство и что, слѣдовательно, жизненный путь какъ самихъ матерей, такъ и дѣтей ихъ будетъ устланъ не розами, а жесточайшимъ терніемъ. Тѣмъ не менѣе даже при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ дитя представляется желаннымъ гостемъ, облагораживающимъ самое матерь и охраняющимъ ее отъ дальнѣйшаго паденія. «Диты—велыка ричъ. Диты—половына матери. Одна половына може бы й рада питы, позволыты соби, а друга крычыть: «а мы, мамо! Що зъ насъ буде»? и не пустять тамтои половыны» («Украдене щасте», стор. 104),—такъ на своемъ образномъ языкѣ выясняетъ значеніе дѣтей для матери простая крестьянка. Въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ и матерямъ, и преимущественно къ тѣмъ изъ нихъ, которыя по общему взгляду представляются нравственно погибшими существами, г. Франко является все тѣмъ же пѣвцомъ любви и гуманности, борцомъ противъ жестокихъ, лицемѣрныхъ условій современнаго общества. Многія страницы тѣхъ его произведеній, которыя трактуютъ вопросы такъ называемой свободной любви («Маніпулянтка», «Між добрими людьми», «Для домашнього огнища», «Сурка», стихотвореніе «Тетяна Ребенщукова» и др.) звучатъ настоящимъ вызовомъ обществу, которому жестоко достается отъ автора за трусость, малодушіе и лицемѣріе, часто прикрывающія собою отвратительную распущенность...

XI.

И однако,—употребимъ здѣсь одно изъ наиболѣе любимыхъ г. Франкомъ выраженій, которымъ онъ часто пользуется въ различныхъ варьяціяхъ,—«екстремы стыкаються», крайности сходятся. У этого искренняго гуманиста, пѣвца возвышенной любви къ человѣку, проповѣдника прощенія и самоотверженія, какимъ мы знаемъ г. Франка до сихъ поръ, есть одна черточка, которую мы не можемъ опредѣлить и назвать иначе, какъ зародышемъ «жестокаго таланта», употребляя этотъ эпитетъ въ томъ спеціальномъ смыслѣ, въ какомъ онъ примѣненъ г. Михайловскимъ къ Достоевскому. Не забудемъ, что мы смотримъ на г. Франка не только какъ на пѣвца борьбы, но и *контрастовъ* и если до сихъ поръ

мы были заняты первой частью формулы, означенной въ заголовкѣ, то время уже обратиться и ко второй.

При опредѣленіи писательской физіономіи г. Франка вообще нужно имѣть въ виду, что къ числу ея особенностей относится лежащее въ натурѣ нашего писателя стремленіе къ изображенію жизненныхъ контрастовъ,—такихъ положеній, которыя не только противорѣчатъ, но и всѣмъ существомъ своимъ протестуютъ противъ окружающей обстановки. Гдѣ-нибудь на лонѣ природы, среди идиллической, можно сказать, умиротворяющей обстановки онъ вамъ нарисуетъ вдругъ такую картину, выдвинетъ такой «веселенькій пейзажикъ» и при томъ съ такими подробностями ужъ вовсе не идиллическаго характера, что у васъ морозъ по кожѣ пройдетъ. Возьмемъ, напр., небольшой разсказъ, такъ и озаглавленный «На лоні природи», хотя онъ не составляетъ наиболѣе, быть можетъ, рельефнаго примѣра упомянутаго пристрастія г. Франка къ изображенію контрастовъ. Безцѣльное стремленіе къ разрушенію и убійству нѣкоего праздношатающагося оболтуса, его дикій гнѣвъ на рыбу, едва не сдѣлавшуюся невольной причиной его смерти, сладострастіе, съ которымъ онъ мучитъ эту ни въ чемъ неповинную рыбу («Едмундъ бывъ, кыдавъ та ногамы копавъ ту блыскучу, срыблясту рыбу, що въ послиднихъ судорогахъ, пыщачы та видчаянно хлыпаючы, кыдалась по писку. Изъ рота іи выступыла кровъ, змишана зъ водою, въ выди кровавои пины: ударъ каминемъ розбывъ ій одно око» и т. д.; см. «Зоря», 1890. стр. 3)—и все это на лонѣ сіяющей тихою красотою горной природы составляетъ съ послѣдней такой сильный контрастъ, который способенъ въ жаръ бросить читателя. И г. Франко очень часто пользуется такимъ пріемомъ, удачно выдвигая на первый планъ подобные контрасты. Примѣры ихъ мы найдемъ чуть ли не въ каждомъ его произведеніи,—все равно будутъ ли это внѣшніе контрасты или внутренніе, коренящіеся въ самой душѣ человѣка,—припомнимъ, что по мнѣнію писателя, уже нами въ своемъ мѣстѣ отмѣченному, человѣкъ одновременно является носителемъ противоположныхъ началъ, имѣя въ душѣ и зерно лучшихъ человѣческихъ свойствъ, и въ то же время зачатки «хижої бестії». Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ той чертѣ таланта нашего писателя, которую мы опредѣлили какъ зародышъ жестокаго таланта, и которая сама составляетъ разительный контрастъ съ общимъ направленіемъ творчества г. Франка.

«Колы я бувъ малый,—разсказываетъ нѣкто Кострубъ, эпизодическая фигура въ разсказѣ «Гриць і панич»,—то дуже любывъ наставляты пасткы на щури. Зловлю, бувало, таку бестію до пасткы и маю забаву. Роспечу дритъ и прытулюю щурови разъ

до хвоста, потимъ до лапкы, потимъ до рыла, до ока—де попаду. А винъ усе пи-пи-пи! А я регочуся, якъ винъ пидскакуе, вьеться зъ болю, пикае, крутыться, перекыдаеться и не може даты соби рады. И такъ мучу його не разъ, день и два дни, покы не замучу на смерть» (Л.-Н. Вістник, 1898, кн. VI, стор. 272). Герой разсказа «Мій злочин», совершенно неожиданно для самого себя, повинуясь какому то несознанному порыву или капризу жестокости, лишаетъ жизни маленькую красивую птичку и лишь начинаетъ сознавать и post factum понимать всю безцѣльную жестокость и ненужность своего поступка. Если къ этимъ и подобрымъ примѣрамъ жестокости мы присоединимъ нѣкоторыя частности жестокаго характера, въ родѣ, напр., утонченно-кровавыхъ подробностей въ «Міссії», описанія драки арестантовъ въ разсказѣ «На дні», а также ту любопытную подробность, что дѣятельность положительныхъ личностей у г. Франка почти всегда прерывается въ самомъ началѣ фатальнымъ вмѣшательствомъ грубой, слѣпой силы («На дні», «До світла» и мног. др.),—то наличность нѣкоторой жестокости въ дарованіи г. Франка будетъ внѣ всякаго сомнѣнія. По своей природѣ талантъ его—родственный въ этомъ отношеніи нѣкоторыми своими сторонами таланту Достоевскаго, хотя украинскій писатель пошелъ въ діаметрально противоположномъ направленіи. Въ то время, какъ Достоевскій, въ началѣ своей дѣятельности обнаружившій гуманическое, по опредѣленію Добролюбова направленіе, сдѣлался впослѣдствіи сущимъ виртуозомъ безцѣльной игры на нервахъ читателя и ненужнаго мучительства—нашъ писатель, наоборотъ, заглушилъ въ себѣ жестокую сторону своего таланта и сдѣлался истиннымъ пѣвцомъ любви и гуманнсти. Характерно, что у него указанные выше примѣры жестокости всегда сопровождаются реакціей и причиняютъ терзанія самимъ же исполнителямъ жестокихъ поступковъ—оборотъ совершенно невозможный у Достоевскаго, у котораго представители жестокости до конца упиваются и наслаждаются своимъ мучительствомъ. Образъ безцѣльно замученной птички («Мій злочин»), напр., выростаетъ въ символъ всего жестокаго и безцѣльнаго, что когда-либо было совершено лицомъ, отъ имени котораго ведется разсказъ. Повторяемъ опять, что у Достоевскаго ничего подобнаго нѣтъ, да и просто невозможно въ силу особенностей его таланта, до конца упорствующаго въ жестокости и въ ней находившаго какое то изступленное, сладострастное наслажденіе. Было бы очень интересно остановиться на вопросѣ, почему зародышъ жестокости не развился у г. Франка до той ужасающей степени, какую мы наблюдаемъ у Достоевскаго, а напротивъ придавленъ и ограниченъ настолько, что только очень слабо напоминаетъ о себѣ; и почему вообще г. Франко въ своей художественной дѣятельности

пошелъ путемъ отличнымъ отъ того, какой избралъ Достоевскій. Но эта въ высшей степени интересная въ психологическомъ отношеніи параллель между двумя родственными и однако столь отличными писателями завела бы насъ далеко въ сторону и потому мы должны ограничиться двумя-тремя замѣчаніями. Отъ уклоненія въ сторону безцѣльной жестокости спасла г. Франка сильно развитая въ немъ общественная жилка, какой не было у Достоевскаго. Жизнь и общественныя условія поставили предъ г. Франкомъ ясную и опредѣленную цѣль въ видѣ дѣятельности на пользу трудящихся «в поті чола», дала ему опредѣленные общественные идеалы въ прогрессивномъ направленіи, предоставила ему хоть какую-нибудь возможность бороться за нихъ и, направивъ въ эту сторону развитіе его таланта, успѣла если не совершенно уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, въ сильнѣйшей степени задавить свойственную ему по природѣ жестокость таланта. Этой общественной жилки, этихъ опредѣленныхъ идеаловъ въ указанномъ смыслѣ [1]), а также и возможности борьбы за нихъ лишенъ былъ, по нашему мнѣнію, Достоевскій, а потому природная жестокость его таланта, не сдерживаемая и не регулированная указанными условіями, развилась до степени безпредметной игры мускулами творчества, по прекрасному выраженію г. Михайловскаго. Жестокость въ концѣ концовъ покрыла собою другія особенности его дарованія, между прочимъ и то гуманическое направленіе, наличность котораго нашелъ у него Добролюбовъ. Такимъ образомъ, отправляясь отъ одной исходной точки, г. Франко и Достоевскій пошли въ противоположныя стороны и достигли различныхъ результатовъ. Но при всемъ томъ и у украинскаго писателя нѣтъ-нѣтъ да и прорвется прирожденная жестокость таланта въ какомъ-нибудь неясномъ образѣ, сопоставленіи, черточкѣ, которыми подчеркивается наличность въ душѣ человѣка мучительскихъ инстинктовъ. Помимо уже указанныхъ проявленій жестокости, правда сильно смягчаемыхъ писателемъ,

---

[1]) Ср. слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ «Идіотъ»: «русскій либерализмъ не есть нападеніе на существующіе порядки вещей, а есть нападеніе на самую сущность нашихъ вещей, на самыя вещи, а не на одинъ только порядокъ, не на русскіе порядки, а на самую Россію» (Полн. собр. соч. Достоевскаго, т. VI, изд. Маркса, 1894, стр. 361). А разъ существующіе общественные порядки обладаютъ какой-то самодовлѣющей, неприкосновенной сущностью, то можетъ ли даже подниматься рѣчь объ общественныхъ идеалахъ и о борьбѣ за ихъ осуществленіе? Какіе же, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть идеалы и борьба за нихъ, если сущность-то и не подлежитъ измѣненію, являясь разъ на всегда неприкосновенной и незыблимой?...

предъ нимъ неотступно стоитъ какой-то образъ, который и мучитъ его своею неотступностью, но въ то же время и не вполнѣ ему дается, не выливается въ конкретныя, образныя формы,—очевидно, онъ не совсѣмъ еще ясенъ самому художнику. Готлибъ («Boa constrictor»), который «змаленьку ще любывъ швякаты батогомъ малыхъ песыкивъ ажъ до крови, другыхъ дитей безъ прычыны кыдавъ у ровы, для забавы не разъ брызькавъ на кухарку окропомъ» (Дзвін, 1878, стр. 188); старый Крайникъ (драма «Камяне серце»)—«брудна душа», графъ Торскій (повѣсть «Основи суспільности»), жестокій деспотъ, развратникъ и циникъ, безжалостно издѣвающійся надъ своей женою и систематически, хотя и совершенно безцѣльно, ломающій ея волю, симпатіи и привычки—это такъ сказать эскизные наброски, не вполнѣ ясные и удавшіеся, которыми художникъ силился, быть можетъ, облегчить свою творческую фантазію отъ неотступно преслѣдовавшаго ее образа. Но и послѣ этихъ цвѣтиковъ жестокости данный образъ всетаки не отступилъ, пока не воплотился въ такой крупной, сильно и ярко очерченной ягодѣ, какой является характерная личность Стальскаго (повѣсть «Перехресні стежки»). Создана ли эта фигура подъ непосредственнымъ вліяніемъ подобныхъ же фигуръ у Достоевскаго (Свидригайловъ, безыменный герой «Записокъ изъ подполья» и др.), съ которыми даже по тону, выражающемуся въ слащавомъ многоглаголаніи и неудержимой страсти къ пустословію, она имѣетъ много общаго; явилась ли она плодомъ наблюденій автора и его собственнаго художественнаго вдохновенія—этого мы сейчасъ рѣшить не можемъ, да это въ сущности и не такъ важно. Важнѣе въ данномъ случаѣ то, что въ фигурѣ Стальскаго скристаллизировался и воплотился тотъ образъ мучителя по призванію, по страсти, которой въ смутныхъ очертаніяхъ давно уже преслѣдовалъ нашего писателя и который мы считаемъ однимъ изъ очевиднѣйшихъ проявленій недоразвившейся жестокости его таланта.

Стальскій отъ юности своея, когда онъ изощрялъ свои мучительскія наклонности надъ беззащитными животными, и до послѣднихъ дней—буквально всю свою жизнь продѣлываетъ всевозможныя мерзости, да еще какъ продѣлываетъ! Артистически-цинично, съ гаденькой усмѣшечкой, съ шутливыми прибауточками, съ какимъ-то чисто дьявольскимъ благодушіемъ, смакуя и упиваясь ими самъ и откровенно повѣствуя о нихъ своимъ противнымъ слащавымъ голосомъ первому встрѣчному человѣку. Нѣтъ той пакости, предъ которой этотъ субъектъ остановился бы, нѣтъ такой гадости, которой бы онъ устыдился; онъ, ничтоже сумняшеся, выставляетъ на всенародное зрѣлище такія стороны своей интимной жизни, которыя обыкновенно тщательно и заботливо

охраняются отъ чужого глаза. Этотъ «найлютійшый звиръ зъ усихъ, якыхъ знае зоольогія», эта «скотына въ людськiй подоби» особенно ярко обнаруживаетъ блестящія качества своей скотской природы и виртуознаго мучительства въ разсказѣ о своей семейной жизни,—къ слову сказать, такомъ же длинномъ, многословномъ и приторномъ, какъ вообще подобные разсказы излагаются и Достоевскимъ. «Свою сантиментальну добу,—откровенно повѣствуетъ Стальскій предъ человѣкомъ, котораго чуть ли не въ первый разъ въ жизни видитъ,—я перебувъ ище въ гимназіи и колы зъ шостои клясы мене взялы до війська, я мавъ уже дуже багатый засибъ досвидивъ у любовныхъ и половыхъ справахъ» (Л.-Н. Вістник, 1900, II, 150). Подъ прикрытіемъ блестящаго военнаго мундира обогативъ еще болѣе свой опытъ въ этомъ отношеніи, испытавъ его затѣмъ на горничныхъ и кухаркахъ, Стальскій вдругъ женится на совершенно ему неизвѣстной дѣвушкѣ, которой и начинаетъ отравлять жизнь съ первыхъ же дней совмѣстнаго сожительства. Женившись, онъ тѣмъ не менѣе совершенно открыто продолжаетъ свои опыты съ кухаркой и когда Регина, его жена, возмущенная этимъ цинизмомъ отношеній, этимъ неприкровеннымъ ménage en trois, удаляетъ кухарку, достойный супругъ объявляетъ женѣ открытую войну. «Можешъ каятыся, що змусыла мене уступыты,—предупреждаетъ онъ ее.—Быты? Ни, рыбонько! Пальцемъ тебе не ткну. Але проте остеригаю тебе! Дорого окупышъ мою уступку и може сама будешъ просыты мене, щобъ я радше побывъ тебе» (Ibid., 159). И Стальскій сдержалъ слово: онъ мучитъ съ этихъ поръ свою жертву съ наслажденіемъ, съ нескрываемымъ сладострастіемъ и утонченною жестокостью, въ буквальномъ смыслѣ не давая ей ни отдыху, ни сроку, заставляя каждую минуту дрожать въ ожиданіи все новой и новой пакости. «У мене,—говоритъ онъ,—память добра, та й рахунку я знаю на стилькы, що хто мени зробывъ одну прыкристь, я йому зроблю десять, та й ще одынадцяту додамъ» (ibid., XII, 300). Изобрѣтательность его въ отношеніи воздаянія зломъ за зло неистощима, виртуозность причиняемыхъ несчастной жертвѣ терзаній по истинѣ не имѣетъ границъ, а откровенность предъ чужими людьми настолько отвратительна, что Рафаловичу послѣ повѣствованія Стальскаго, «здавалося, что заглядае въ пывныцю, повну гныли и поганого хробацтва» (ibid., II, 160). И чѣмъ терпѣливѣе жертва, тѣмъ неистощимѣе въ своемъ мучительствѣ Стальскій, тѣмъ изысканнѣе становится его ужасная изобрѣтательность, ибо, по его словамъ, «бувае двоякый выразъ терпиння у людей и у звиривъ: одынъ такый, що будыть спивчуття, а другый такый, що будытъ ще дужчу злисть, ще жорстокійше завзяття. Іи терпиння, колы тилькы вона терпыть, е того другого роду (ibid., II, 162),—

оправдывая свою жестокость, отзывается Стальскій о Регинѣ. «Сылы моеи не стае,—говорить послѣдняя объ испытывамыхъ отъ мужа издѣвательствахъ и униженіяхъ.—Розумъ мій мутыться, голова трискае. Адже тутъ день-у-день рвуть мою душу, топчуть мене въ багно, шпыгають розпаленымы шпылькамы. Адже тутъ день-у-день брудными ногамы ходять и топчуть по тимъ, що у мене найчыстійше, найсвятійше... У нього нема ани зерна щыросты, все въ ньому брехня й брудота й погань. Винъ ненавыдыть мене за те, що я не подибна до нього. Винъ чуе, що я чыста душею и радъ бы маты мене брудною, огыдною, щобъ тоди зъ тымъ бильшымъ правомъ топтаты и поневиряты мене» (ibid., XI, 193). Вѣчныя шпильки, отточенныя на оселкѣ ненависти, внезапныя ревизіи по ночамъ жениной спальни, униженія и оскорбленія въ присутствіи постороннихъ людей вплоть до побоевъ и выплескиванія Регинѣ въ лицо ликеру— все это сдабривалось у Стальскаго сладенькими комплиментами, длиннѣйшими разсужденіями на тему о супружескихъ обязанностяхъ и всевозможными жалкими словами, доводившими несчастную жертву до полнаго отупѣнія. А когда она плакала, Стальскій, по его собственному признанію, «пидъ іи хлыпання засыплявъ такъ любо и спокійно, якъ у-осены пидъ монотонне гранне дощу въ бляшаныхъ рынвахъ» (ibid., II, 161—162). Нечего и говорить, что безпрерывное, такъ сказать, поджариванье на медленномъ огнѣ изводитъ въ конецъ несчастную женщину и разражается ужасной сценой убійства этого изверга, которое совершено Региной почти машинально, въ состояніи какого то нравственнаго отупѣнія...

XII.

Созданіемъ этой характернѣйшей фигуры (Стальскаго) разрѣшилась, какъ мы сказали, борьба писателя съ самимъ собою— эта внутренняя борьба между глубоко скрытымъ въ его душѣ зародышемъ жестокаго таланта и господствующими чертами гуманизма и благородной любви. Мы подошли, такимъ образомъ, къ вопросу, котораго слѣдуетъ касаться въ особенности осторожно, дружеской, такъ сказать, рукою, чтобы непрошеннымъ вмѣшательствомъ, неделикатнымъ или грубымъ прикосновеніемъ не оскорбить личности живого человѣка, касаясь его личной борьбы, личной драмы,—правда, имѣющей вмѣстѣ съ тѣмъ глубокій психологическій интересъ и широкое общественное значеніе. Мы, конечно, и не позволили бы себѣ подобной нескромности, если бы самъ авторъ не далъ намъ матеріала настолько любопытнаго и ха-

рактернаго, что грѣшно было бы не воспользоваться имъ въ видахъ возможно болѣе исчерпывающей характеристики его личности, какъ писателя и общественнаго дѣятеля. Онъ вѣдь не только не скрываетъ своей внутренней борьбы, но съ рѣдкой искренностью и откровенностью дѣлится ею съ читателями, дѣлаетъ ее общественнымъ достояніемъ, какъ одно изъ частичныхъ проявленій той всеобщей, всемірной борьбы, изъ которой, по мнѣнію г. Франка, слагается жизнь людей и какъ соціальнаго организма, и какъ отдѣльной единицы. И здѣсь, въ своей личной драмѣ, авторъ является предъ нами все тѣмъ же борцомъ за дорогіе ему идеалы и прежде всего человѣкомъ,—не олицетвореніемъ какой-нибудь идеи, не одностороннимъ носителемъ извѣстной доктрины, а именно, человѣкомъ со всѣми свойствами и задатками богатой человѣческой натуры. Онъ не становится на котурны, не изображаетъ изъ себя героя, обладающаго «силою нездѣшнею»: напротивъ, касаясь своей внутренней борьбы, онъ какъ бы желаетъ сказать этимъ, что и онъ—человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо, что у него, какъ у всякаго, бываютъ свои минуты нарушенія душевнаго равновѣсія, если хотите—упадка, когда лучшія стороны человѣческой природы умолкаютъ, а на ихъ мѣсто заползаетъ змѣя сомнѣній и разочарованій, своимъ жаломъ отравляя на моментъ способность къ борьбѣ за дорогіе идеалы. Тяжела эта внутренняя борьба человѣка съ самимъ собою, съ сомнѣніями, и разочарованіями, съ той «хыжею бестією, що дримае на дни души кожного чоловика»! Не даромъ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ моментовъ внутренней борьбы нашего писателя разрѣшается мучительнымъ признаніемъ:

Я боротысь за правду готовъ,
Радъ за волю пролыть свою кровъ,
Та зъ собою самымъ у війни
Не простояты довго мени («З вершин...», 35)—

признаніемъ, которое читатель, знакомый съ общимъ характеромъ произведеній г. Франка, готовъ принять какъ клевету автора на самого себя, если бы изъ приведенныхъ строкъ не сквозило слишкомъ ясно искреннее отчаяніе и боль. Не даромъ также Андрій Темера («На дні»), устами котораго несомнѣнно во многихъ случаяхъ говоритъ самъ авторъ, терзается внутренними сомнѣніями и разъѣдающими рефлексами. «А може,—размышляетъ Темера,—вси ти наши думы, наши змагання, наши бои—може все те тилькы одна велыка помылка, якыхъ тысячи прошумилы доси, мовъ густи витры, по-надъ чоловицтвомъ? Може праця наша ни на що не здала? Може мы будуемо дорогу по-за шляхомъ, кладемо мисто на безлюдному острови? Може найблызше поко-

линия пиде зовсимъ не туды, лышыть насъ на боци, якъ памятныкъ безплодныхъ змагань людськыхъ до непотрибнои цили? Ахъ, така думка крає серце, грызе мозокъ» («В поті чола», 114). Кому изъ мыслящихъ людей незнакомы эти или подобныя мысли, кому онѣ не «краютъ» сердца, не «грызутъ» мозга? Предъ кѣмъ въ мрачныя минуты сомнѣній не встаютъ онѣ грознымъ призракомъ, осуждающимъ ихъ стремленія и дѣятельность? Только неисправимые доктринеры и фанатики, эти кастраты мысли и чувства, закаменѣвшіе и замороженные въ разъ усвоенныхъ азбучныхъ истинахъ, свободны отъ такихъ терзаній, но за то они также свободны и отъ той великой внутренней борьбы, которая, подобно грозѣ, очищаетъ душу, удваивая въ то же время ея силу и энергію. Нашъ авторъ не принадлежитъ къ этимъ несчастнымъ счастливцамъ. Будучи человѣкомъ борьбы, онъ и въ самомъ себѣ переживаетъ борьбу и, выходя изъ нея побѣдителемъ, закаляется нравственно для новой и новой дѣятельности, которой предается все съ большей страстностью и энергіей. Неудивительно поэтому, что такая борьба способна вообще возбудить громаднѣйшій интересъ, и правъ авторъ, отводя ей замѣтное мѣсто среди своего литературнаго багажа. Не останавливаясь на тѣхъ изъ его произведеній, въ которыхъ эта борьба является лишь эпизодически или усваивается постороннимъ лицамъ, мы обратимъ вниманіе лишь на такія, гдѣ авторъ говоритъ отъ собственнаго лица, называя героевъ своимъ собственнымъ псевдонимомъ—Мыронъ. Такихъ психологическихъ автобіографій мы имѣемъ три: «Поєдинок», зимова казка (Зоря, 1883), «Поєдинок», стихотворная фантазія («З вершин і низин») и «Похорон», поэма («Поеми», Л. 1899).

Источникомъ внутренней борьбы служитъ раздвоенность человѣческой природы,—то, что прекрасно выражено словами Гете, взятыми нашимъ авторомъ въ видѣ эпиграфа къ «Поєдинку» («Зоря»)—Zwei Seelen leben, ach, in meine Brust. Эти «zwei Seelen»—въ видѣ противоположныхъ стремленій—живутъ въ каждомъ человѣкѣ: даже самые благородные представители человѣчѣческаго рода не свободны отъ такого «двоедушія», понимая это слово, разумѣется, не въ ходячемъ его значеніи; даже и у нихъ беретъ иногда временный перевѣсъ та сторона ихъ духовной личности, которая имъ самимъ кажется низменной, которая противна имъ и глубоко возмущаетъ ихъ благородную душу. Разумѣется, у такихъ людей низменная сторона ихъ личности никогда не переходитъ въ дѣйствіе, не выражается замѣтнымъ образомъ, оставаясь лишь въ области мысли или чувства. Но уже одна ея наличность, хотя бы въ видѣ мимолетнаго, не сознаннаго даже чувства, причиняетъ имъ жестокую боль, скорбь и стыдъ и вызываетъ сильную реакцію въ видѣ бичеванія тѣхъ смутныхъ ин-

стинктовъ зла, которые они ощущали въ самихъ себѣ, въ своей собственной душѣ; въ видѣ примѣрной казни этихъ инстинктовъ, выполняемой на вымышленныхъ творческою фантазіею образахъ. Въ высшей степени любопытнымъ, хотя и едва ли разрѣшимымъ, является вопросъ о степени участія такого именно мотива въ созданіи такъ называемыхъ отрицательныхъ образовъ,—но это между прочимъ, а теперь возвратимся къ занимающему насъ предмету.

Какъ мы уже знаемъ, первою обязанностью честнаго человѣка для г. Франка представляется любовь къ человѣчеству, особенно къ страдающей и «в поті чола» трудящейся его половинѣ; борьба за счастье, за устраненіе всевозможныхъ страданій какъ на общественной, такъ и на личной почвѣ; борьба противъ многочисленныхъ и разнообразныхъ хищниковъ-угнетателей. Слѣдовательно самымъ страшнымъ грѣхомъ противъ человѣчества является измѣна указанной первой обязанности, переходъ, говоря словами Некрасова, отъ «погибающихъ за святое дѣло любви» въ станъ «ликующихъ, праздно болтающихъ. обагряющихъ руки въ крови». Вотъ эту измѣну— не въ дѣйствительности, а лишь въ мысляхъ, in potentia,—и бичуетъ г. Франко, совершая жестокую казнь надъ самимъ собою. Достаточно ему хоть на одинъ моментъ вообразить себя въ роли измѣнника завѣтнымъ идеаламъ, достаточно поставить въ условія, эту измѣну вызывающія—и возмущенная душа художника безпощадно мститъ за одну только преступную мысль, за нечестивое движеніе, противныя истиннымъ его убѣжденіямъ. Прочтите «Поединок» и вы ясно увидите его происхожденіе. Въ битвѣ съ «врагами порядка», въ которой Миронъ идетъ въ рядахъ защитниковъ этого самаго порядка, онъ вдругъ среди противниковъ видитъ своего двойника, или лучше сказать—самаго себя. «Такъ, се справди бувъ Мыронъ! Се справди бувъ я, такый самъ, якъ колысь, въ найкращи, найсвятійши дни моеи молодосты. Въ гордій, смилій постави, въ блыскучій зброи стоявъ мій власный образъ передо мною, миряючы мене строгымъ, грізнымъ окомъ судіи, котрый бачыть передъ собою затверділого и непоправного переступныка. Видъ того погляду грудь моя стыскалася, вся истота моя тремтила, мовъ лыстъ видъ осиннього витру. Ахъ, я чувъ,— не ясно, але все-такы чувъ,—що не выйду чыстымъ зъ сього строгого суду» («Зоря», 1883, стр. 340). И дѣйствительно не вышелъ, потому что, какъ извѣстно, самимъ строгимъ и неподкупнымъ судьею для человѣка является онъ самъ. Хотя Мыронъ пробуетъ защищать себя и свои поступки тѣмъ, что, молъ, «я охраняю порядокъ, роблю порядокъ, хочу порядку, борюсь за порядокъ» (ibid.), но онъ и самъ чувствуетъ фальшивый тонъ

своихъ словъ, такъ какъ ему прекрасно извѣстна неправота того порядка, на защиту котораго онъ вышелъ. Это съ безпощадною строгостью высказываетъ двойникъ, бросся въ лицо защитнику порядка грозныя обвиненія въ измѣнѣ прежнимъ убѣжденіямъ. «Нужденный прывыде!—роздалось громове слово страшного судіи,—и ты говорышъ, що ты—Мыронъ? Отже знай, що Мыронъ той твій порядокъ уважає панованнямъ пидлоты надъ чеснотою, а твои дила—служеннямъ тыраніи, а твою боротьбу—кривавою провыною! Щезай геть! Ты не Мыронъ» (ibid.). Въ происшедшемъ затѣмъ бою защитникъ порядка падаетъ, сраженный оружіемъ неумолимаго противника: поставивъ себя даже мысленно въ позорное положеніе, авторъ спѣшитъ наказать себя, находя, что измѣна своимъ убѣжденіямъ можетъ быть искуплена лишь самой строгой карою—смертью. Въ поэмѣ «Похорон» фантазія поэта изображаетъ Мырона пирующимъ среди недавнихъ враговъ, гибель которыхъ онъ отсрочилъ своей измѣной прежнимъ товарищамъ, хотя, правда, измѣна имѣла коварную цѣль—лишь вѣрнѣе погубить противниковъ. Ему ясно даютъ почувствовать (рѣчь генерала) то презрѣніе, которымъ дышетъ избранное общество къ спасшему его измѣннику. Несмотря на свое паденіе, онъ задыхается среди своихъ недавнихъ враговъ, онъ бѣжитъ отъ нихъ и встрѣчаетъ—похоронную процессію, отдающую послѣдній долгъ убитому Мирону. Въ измѣнникѣ узнаютъ убійцу и погребаютъ вмѣстѣ съ убитымъ. Символически и здѣсь сильно выражена глубокая мысль, что измѣнникъ своимъ поступкомъ убиваетъ прежняго себя, т. е., свое доброе, честное имя; что онъ уничтожаетъ свои прежнія заслуги измѣной, которой не можетъ оправдать никакая цѣль, и такимъ образомъ представляетъ изъ себя позорнѣйшаго самоубійцу въ духовномъ смыслѣ. Конечно, мы знаемъ, что

Кримъ думъ моихъ важкыхъ,
Кримъ болю серця й сумниву й розпукы
Усе въ нимъ байка, рои мрій палкыхъ («Поеми», 129), —

но уже одно то характерно, какъ обработана эта «байка»: измѣнникъ всякій разъ жизнью своею платитъ за измѣну, даже фантастическую, мысленную измѣну. Какъ не достоинъ любви, по мнѣнію г. Франка, одинъ лишь «ворогъ правды й воли» («Мій ізмарагд», 20), такъ не заслуживаетъ прощенія и измѣнникъ, при чемъ наказывается даже самая мысль объ измѣнѣ. Намъ припомнилась въ настоящую минуту изъ художественныхъ созданій г. Франка дочь боярина Тугара Вовка, которая отрекается отъ своего отца-измѣнника: «Тугаръ Вовкъ переставъ буты моимъ батькомъ, видколы зрадывъ свій край» («Захар Беркут», Л.

1902, стор. 146),—какъ заявляетъ эта смѣлая, благородная дѣвушка...

Какъ видимъ, изъ своей внутренней борьбы авторъ выходитъ побѣдителемъ, съ высоко поднятой головой, очистившись отъ сомнѣній и отчаянія и пріобрѣтя новыя силы для дѣятельности въ прежнемъ направленіи. Любящее сердце нашего гуманиста, его сильная воля и непоколебимая убѣжденность въ побѣдѣ праваго дѣла берутъ верхъ надъ минутными порывами и искушеніями эгоистической стороны человѣческой природы.

XIII.

На этомъ собственно мы думаемъ и покончить съ характеристикой г. Франка, ограничившись ниже лишь нѣсколькими словами о внѣшней сторонѣ его произведеній. Если читатель въ состояніи представить себѣ писательскую физіономію этого борца во имя гуманности и любви за права всѣхъ страждущихъ и трудящихся «в поті чола», за преобладаніе разума, за свободу и справедливыя отношенія среди людей—то мы выполнили свою задачу, хотя бы и намѣренно оставили въ сторонѣ многое само по себѣ интересное, но не отвѣчающее поставленной нами задачѣ. Мы совсѣмъ, напр., не касались переводной дѣятельности г. Франка, хотя его безчисленные переводы съ разныхъ языковъ и всевозможныхъ авторовъ [1]), стихами и прозой, могли бы сами по себѣ составить имя въ литературѣ и доставить почетную извѣстность; при чемъ Франку-переводчику можно сдѣлать одинъ лишь упрекъ—что онъ переводилъ слишкомъ много и потому мало заботился о внѣшней сторонѣ своихъ переводовъ и останавливалъ иногда свое вниманіе на такихъ произведеніяхъ, отъ отсутствія которыхъ украинская литература ничего бы не потеряла, какъ и не выиграла ничего отъ ихъ наличности (напр. «Ода до волосниеда» и т. п.). Точно также мы оставили въ сторонѣ дѣятельность г. Франка, какъ популяризатора и писателя для дѣтей, хотя произведенія этого рода отличаются выдающимися достоинствами: напр., даже въ русской литературѣ нѣтъ сочине-

---

[1]) Гейне, Гете («Фаустъ»), Фрейлиграта, Шиллера («Вильгельмъ Телль»), Гюго, Байрона («Смерть Каина») Шелли, Т. Гуда («Пѣснь о рубашкѣ»), Теннисона, Бретъ-Гарта, Твейна, Геккеля, Гексли, Гавличка-Боровскаго, Яна Неруды, Софокла («Царь Эдипъ»), Гоголя («Мертвыя Души»), Достоевскаго, Некрасова, Щедрина, Чернышевскаго и мн. др.

нія, которое такъ прекрасно выясняло бы въ популярномъ изложеніи крестьянскую реформу, какъ его «Панщина і її скасоване въ 1848 р.». Не думаемъ мы также останавливаться подробно на многочисленныхъ критическихъ и публицистическихъ работахъ г. Франка, отмѣтивъ только, что въ общемъ онѣ представляютъ собой развитіе тѣхъ же идей, какія воодушевляютъ и Франка-художника. Отзываясь чутко на всякое новое явленіе въ нашей литературѣ и общественной жизни, онъ всегда на первомъ планѣ ставилъ интересы трудящихся классовъ—народа: его умственное, нравственное и политическое воспитаніе и поднятіе его экономическаго благосостоянія, хотя «формальну религію, оснovану на догмахъ ненавысты та клясовои боротьбы» считалъ онъ лишь признакомъ жестокости нашего времени. Говоря его собственными словами, г. Франко «николы не належавъ до вирныхъ тои религіи и мавъ видвагу середъ насмихивъ и наругы іи адептивъ несты смило свій стягъ старого щыролюдського соціялизму, опертого на етичнимъ, шыроко гуманнимъ выхованню массъ народныхъ, на поступи и загальнимъ расповсюдженню освиты, наукы, крытыкы и людськои та національнои свободы» (Предисловіе къ сборнику «Мій ізмарагд», VIII). Поставивъ на своемъ знамени принципъ: «намъ пора для Украины жыть» («З вершин»..., 73), г. Франко вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не уставалъ поднимать голосъ въ защиту и другихъ угнетенныхъ національностей и отдѣльныхъ личностей, справедливо полагая, что любовь къ родному народу не только не исключаетъ любви

До *всихъ*, що ллють свій питъ и кровъ,
До *всихъ*, котрыхъ гнетуть оковы (ibid., 72),

но напротивъ одна другую укрѣпляютъ и восполняютъ взаимно. Главную обязанность предъ родной страной г. Франко видитъ въ томъ, чтобы «патріотычный мечъ перекуваты» —

На плугъ—облигъ будущыны орать,
На серпъ—щобъ жыто жать, жыття основу,
На выла—чыстыть станю Авгійову (ibid., 159).

Чуждый нетерпимости къ чужимъ національностямъ, г. Франко кладетъ тотъ же принципъ въ основаніе своихъ отношеній и къ людямъ вообще. Представители противныхъ партій всегда могли ожидать отъ него, рядомъ съ ѣдкой критикой, справедливой оцѣнки и признанія своихъ заслугъ, если только не принадлежали къ врагамъ правды и свободы, къ которымъ нашъ авторъ безпощаденъ. Будучи піонеромъ европеизма въ Галичинѣ, г. Франко однимъ изъ главныхъ условій плодотворной дѣятельности на родинѣ считалъ нарожденіе настоящей, въ европейскомъ смыслѣ этого слова,

интеллигенціи, и своей часто безпощадной и ѣдкой критикой общественныхъ отношеній оказалъ сильное вліяніе на нарожденіе и направленіе этой интеллигеціи. Онъ всегда стоялъ за солидарность общественныхъ силъ, за систематическую дѣятельность на пользу народа, который интеллигенція должна поднимать къ себѣ, а не возвращаться къ нему изъ-за слѣпого преклоненія предъ проблемматическими «народними святощами» (см. цѣлый рядъ статей въ журналахъ «Сьвіт», «Жите і Слово», «Народ» и др.). Отмѣтимъ кстати, что вообще никто изъ галицкихъ дѣятелей не сдѣлалъ столько для ознакомленія своихъ земляковъ съ русской литературой и жизнью, какъ этотъ непримиримый противникъ галицкаго москвофильства: своими переводами и статьями онъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ навѣрное больше, чѣмъ всѣ его противники изъ указаннаго лагеря вмѣстѣ взятые... Въ качествѣ литературнаго критика г. Франко какъ «єдыный кодексъ естетычный» сразу же поставилъ дѣйствительную жизнь («Молот», 1878, стор. 215), требованіямъ которой должна, по его мнѣнію, отвѣчать литература. «Литература, по словамъ г. Франка, мала буты по змози вирнымъ зображеннямъ жыття, и то не мертвою фотографіею, а образомъ, огритымъ власнымъ чуттямъ автора, падыханымъ глыбокою идеею» (Л.-Н. Вістник, 1901, VIII, 55). Художественный реализмъ, представителемъ котораго въ теоріи и на практикѣ является г. Франко, лишь благодаря его дѣятельности, обновилъ галицкую литературу и вытѣснилъ предшествовавшее ему мертвое теченіе. Хотя въ послѣднее время г. Франко призналъ также необходимость и эстетической оцѣнки въ критикѣ, но абстрактное понятіе красоты онъ предлагаетъ выбросить изъ эстетики совершенно, какъ не отвѣчающее цѣлямъ послѣдней (см. «Із секретів поетичноі творчости», Л.-Н. Вістник, 1898—99). Въ частности перу г. Франка въ области критики принадлежитъ рядъ блестящихъ характеристикъ какъ украинскихъ, такъ и иностранныхъ писателей, (отдѣлъ «Із чужих літератур» въ Л.-Н. Вістнику) и кромѣ того нѣсколько работъ теоретическаго характера, въ родѣ упомянутой уже «Із секретів поетичноі творчости» и др.

Не будемъ также останавливаться подробно на собственно ученыхъ трудахъ г. Франка; замѣтимъ лишь, что интересъ къ этнографіи, напр., пробудился въ немъ очень рано: еще на школьной скамьѣ онъ записывалъ произведенія устной народной словесности и уже въ «Другѣ» напечаталъ нѣсколько замѣтокъ по этнографіи. Многочисленныя работы г. Франка въ области этнографіи, исторіи (преимущественно Галичины) и исторіи литературы помѣщались имъ во всѣхъ изданіяхъ, которыхъ онъ былъ сотрудникомъ, и по отзывамъ компетентныхъ ученыхъ отличаются

богатствомъ и разносторонностью матеріала, широкимъ примѣненіемѣ сравнительно-историческаго метода, блестящимъ талантомъ и эрудиціею [1]).

Изъ обзора содержанія произведеній г. Франка и многочисленныхъ цитатъ изъ нихъ, которыя мы приводимъ въ своей статьѣ, читатель, надѣемся, могъ уже и безъ нашей помощи составить понятіе о внѣшней сторонѣ произведеній разбираемаго автора, о его художественныхъ пріемахъ и средствахъ, такъ что намъ объ этомъ нѣтъ нужды распространяться. Скажемъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, что на внѣшней сторонѣ произведеній г. Франка, на ихъ художественныхъ достоинствахъ сильно отразилась, и при томъ въ невыгодную сторону, его кипучая, лихорадочная дѣятельность. Отъ человѣка, который всегда, подобно барометру, отзывался на всякіе злободневные вопросы, который никакой формой не брезгалъ для выраженія своихъ мыслей, отъ человѣка удивительно плодовитаго—трудно, конечно, и требовать тщательной отдѣлки, шлифовки своихъ произведеній: ему просто нѣтъ времени для этого. И дѣйствительно, большинство произведеній нашего автора страдаетъ неотдѣланностью, зависящей очевидно отъ спѣшности въ работѣ и доходящей иногда въ мелочахъ прямо таки до курьезовъ, до того, что одно лицо носитъ иногда два имени [2]). Лучше всего удаются г. Франку небольшіе разсказы и стихотворенія: вылившіеся изъ-подъ пера подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ и не требующіе много времени для кропотливой отдѣлки, они представляются безукоризненными съ внѣшней стороны и, какъ гармоническое сочетаніе содержанія и формы, идеи и образовъ, отличаются высокими художественными достоинствами. Таковы разсказы—«Лесишина челядь», «До світла», «Вівчар», мелкія разсказы изъ дѣтской жизни, какъ «Грицева шкільна наука», «Малий Мирон» и др. Большими также достоинствами отличаются стихотворныя произведенія г. Франка: этотъ крѣпкій, какъ бы изъ металла кованный стихъ,

---

[1]) См. отзывы проф. Крымскаго въ статьѣ „Іоаннъ Вышенскій, его жизнь и сочиненія", Кіевская Старина, 1895, проф. Сумцова въ—«Современной малорусской этнографіи», Кіевская Старина, 1897 и др.

[2]) Напр., лицо, названное въ началѣ повѣсти «Перехресні» стежки» Орисей (Л.-Н. Вістник, 1899, II, 156) въ концѣ именуется уже Гануськой (ibid., XI, 188, XII, 300); Олимпія (повѣсть «Основи суспільности») на первыхъ страницахъ повѣсти названа дочерью графа Лисовицкаго (Жите и Слово, I, 3), въ срединѣ графъ становится княземъ (II, 239, 269 и др.), пока въ концѣ не низводится опять въ графы (III, 87); разбойники *XII вѣка* («Сон князя Святослава») кричатъ ура (Жите і Слово, III, 200) и т. п.

масса сильныхъ образовъ и удачныхъ вообще выраженій, простота и естественность—сообщаютъ имъ ту прелесть, благодаря которой они находятъ доступъ къ сердцу читателя, покоряютъ его и держатъ во власти художника. Черезчуръ изысканные и потому натянутые образы, въ родѣ:

Оловяни сири хмары
Небозвидъ весь заляглы,
И лежать и *ремыгають*
Наче сытіи волы» («Із днів журби» 3),

или же слишкомъ вульгарныя выраженія, какъ напр.,—

Та колы лышъ *собѣ наверну*,
Щось усе *зверта цабе* (ibid., 9),

встрѣчаются сравнительно рѣдко и потому не мѣшаютъ общему прекрасному впечатлѣнію; но за то чаще встрѣчается небрежность и неотдѣланность стиха. Гораздо слабѣе выходятъ у автора повѣсти, благодаря очевидной спѣшности въ обработкѣ. Непосредственно за сильными, глубоко задуманными и ярко написанными страницами сплошь и рядомъ попадаются вялыя, безцвѣтныя, неотдѣланныя, что въ сильной степени вредитъ цѣльности впечатлѣнія. Какъ на недостатокъ, присущій почти всѣмъ повѣстямъ г. Франка слѣдуетъ указать на неудовлетворительность, а то и полное отсутствіе перспективы. дѣйствіе часто развивается и завершается въ теченіе какихъ-нибудь сутокъ (особенно яркій примѣръ- «Для домашнього огнища»), такъ что въ концѣ концовъ и самъ авторъ не всегда въ состояніи отдать отчетъ и въ достаточной мѣрѣ разобраться въ этой сутолокѣ изображаемыхъ подробностей, лицъ и событій, а о читателѣ и говорить нечего. Но къ наиболѣе слабымъ произведеніямъ г. Франка несомнѣнно слѣдуетъ отнести его, немногочисленныя впрочемъ, драматическія произведенія. Намъ кажется, что авторъ совершенно напрасно и обращается къ этой формѣ, такъ какъ она ему рѣшительно не удается. По природѣ талантъ г. Франка—по преимуществу лирическій; субъективность его, находящая лучшее свое выраженіе въ лирическихъ стихотвореніяхъ и прорывающаяся въ повѣстяхъ и разсказахъ сильными и страстными отступленіями, мѣшаетъ ему овладѣть въ совершенствѣ драматической формой, требующей, какъ извѣстно, строгой объективности и развитія дѣйствія. Авторъ не выдерживаетъ, такъ сказать, своей роли безпристрастнаго лѣтописца и безпрестанно вмѣшивается въ отношенія своихъ драматическихъ персонажей, исправляя ихъ поступки, говоря ихъ устами. Получается рядъ діалоговъ въ ущербъ драматиче-

скому дѣйствію; персонажи больше говорятъ, чѣмъ дѣйствуютъ, и потому выходятъ блѣдными, безплотными созданіями, а не живыми, облеченными плотью людьми. Указанными недостатками страдаютъ даже лучшія драмы г. Франка, какъ напр. «Украдене щасте«, гдѣ не достаетъ внутренняго дѣйствія, составляющаго главное требованія драматическихъ произведеній.

Г. Франко, какъ уже отмѣчено выше, убѣжденный реалистъ и по избираемымъ темамъ, и по примѣняемымъ къ ихъ разработкѣ пріемамъ. Его необыкновенно острая наблюдательность, позволяющая ему быстро схватывать мельчайшія подробности наблюдаемаго типа или явленія, удачно группировать ихъ и укладывать въ цѣльные образы и картины, сказывается прежде всего яркостью и пластичностью изображенія. У него всегда на первомъ планѣ подробности, разсыпанныя въ такомъ изобиліи, что иногда заслоняютъ собою цѣлостность. Часто одна маленькая сценка, одно удачное выраженіе, мѣтко схваченная подробность — и передъ вами какъ живое встаетъ лицо съ его характернѣйшими особенностями (напр., Йойна въ разсказѣ «Полуйка» съ его вѣчнымъ приставаньемъ къ рабочимъ съ одними и тѣми же вопросами). При всемъ томъ въ произведеніяхъ г. Франка отсутствуетъ внѣшняя этнографичность; читатель напрасно сталъ бы искать у него тѣхъ детальныхъ описаній внѣшности, одежды, обрядовъ и т. п., которыми любили щеголять украинскіе писатели старшей генераціи. Его вниманіе обращено болѣе на внутреннюю сторону человѣческой личности, и онъ умѣетъ глубоко заглянуть въ душу человѣка и разобраться въ психологическихъ мотивахъ своихъ персонажей; онъ характеризуетъ ихъ чаще общечеловѣческими чертами, хотя отъ этого они не теряютъ ни національныхъ, ни индивидуальныхъ своихъ особенностей и физіономіи. Въ качествѣ художественнаго пріема г. Франко особенно любитъ контрасты, противопоставляя, напр., чувствованія человѣка внѣшней обстановкѣ, и нужно сказать, что онъ пользуется этимъ пріемомъ очень удачно, оставляя всегда сильное впечатлѣніе въ читателѣ.

XIV.

«Правдыва поэзія мусыть буты завсигды моральною» (Предисловіе къ сборнику «Мій ізмарагд», VI),—говоритъ г. Франко и примѣръ его собственныхъ произведеній весьма удачно подтверждаетъ справедливость высказаннаго положенія. Читатель не только наслаждается ими, какъ произведеніями искусства, не только восхищается ихъ художественными достоинствами, но въ еще большей степени подчиняется ихъ нравственной сторонѣ,

воспитывается и возвышается отъ общенія съ писателемъ нравственно. Такихъ результатовъ авторъ достигаетъ, благодаря своему умѣнью служить той, по мѣткому выраженію г. Михайловскаго, великой двуединой правдѣ, которая состоитъ въ гармоническомъ сочетаніи «правды-истины» и «правды-справедливости», «правды теоретическаго неба» и «правды практической земли». Авторъ не только умѣетъ представить въ художественныхъ образахъ, какъ происходило данное событіе, какъ вырабатываются данные типы по законамъ естества, правды-истины, но онъ имѣетъ также строго опредѣленныя убѣжденія на счетъ того, какъ оно должно происходить, какими должны быть люди, чтобы удовлетворить требованіямъ правды-справедливости. Г. Франко смѣло могъ бы повторить сказанное г. Михайловскимъ о себѣ, что «безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную—такова задача всей моей жизни» (Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. I, предисловіе). Между строкъ произведеній г. Франка всегда глядитъ на насъ бодрое лицо борца противъ неправды, гордо вызывающаго на бой ея представителей; но въ тоже время слышится голосъ гуманиста, проповѣдника любви, прощенія и самоотверженія, чувствуется, по выраженію проф. Крымскаго, «идеалистическая грусть на широкіе общечеловѣческіе мотивы». Г. Франко любитъ человѣка даже съ его заблужденіями и ошибками, больше—онъ вѣритъ въ него. Широкими яркими картинами развертывая предъ нами всю неприглядность современной жизни, обнажая отвратительныя ея язвы, гнойные нарывы и струпья, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не устаетъ повторять, что это лишь временное состояніе и человѣчество ровными, твердыми и неуклонными шагами близится къ торжеству добра, истины и справедливости, залогъ котораго онъ видитъ въ борьбѣ и трудѣ. Вотъ почему г. Франко не только занимательный писатель, не только выдающійся художникъ, но и любимый учитель для своихъ читателей, которые въ его произведеніяхъ ищутъ отвѣта на волнующіе ихъ вопросы. Эпитетъ учителя не намъ принадлежитъ,—онъ раздавался изъ многихъ устъ въ рѣчахъ на юбилеѣ г. Франка, и это показываетъ, что его воспитательная роль давно уже замѣчена, отмѣчена и оцѣнена по достоинству.

И однако при всемъ уваженіи и удивленіи предъ такой почетной разносторонней и плодотворной дѣятельностью, сердце невольно сжимается отъ боли, обиды и досады и за автора, и за украинскую литературу. Вѣдь то, что далъ нашей литературѣ этотъ замѣчательный талантъ, составляетъ лишь часть, и по нашему глубокому убѣжденію, незначительную часть того, что онъ

могъ дать, судя по размѣрамъ его таланта и разностороннихъ способностей по количеству его знаній, по его огромной начитанности и литературной образованности. Силами своего большого таланта онъ пользовался такъ—мало сказать: не экономно—а просто таки расточительно, что результатъ его дѣятельности выразился въ скромной сравнительно суммѣ услугъ для нашей литературы и науки; а между тѣмъ силы эти таковы, что обладатель ихъ смѣло могъ разсчитывать на почетное мѣсто среди дѣятелей европейскихъ литературъ. Напрасно мы стали бы винить въ происшедшемъ автора, или, по крайней мѣрѣ, одного только автора.—Украинская литература еще до сихъ поръ находится въ періодѣ натуральнаго хозяйства,—сказали бы мы, заимствовавъ терминъ изъ другой области,—со всѣми характерными для этого періода чертами: съ его слабымъ примѣненіемъ раздѣленія труда въ области умственной жизни, съ незначительнымъ сбытомъ продуктовъ этой дѣятельности и т. п. Благодаря небольшому числу работниковъ на нивѣ украинской литературы, болѣе выдающимся дѣятелямъ приходится, въ силу самого положенія вещей, разбрасываться въ разныя стороны, въ каждой области «затыкать дыры», спѣшить, чтобы какъ можно больше дать матеріала для удовлетворенія насущныхъ потребностей и нуждъ сегодняшняго дня, не задумываясь долго надъ качественной стороной этого матеріала, не заботясь ни о развитіи своего таланта, ни о совершенствованіи его въ одной какой-нибудь области. Разносторонность нашихъ дѣятелей, указаніемъ на которую мы начали настоящую статью, служитъ на самомъ дѣлѣ признакомъ глубокой драмы, жертвами которой сдѣлались многіе изъ нашихъ дѣятелей. Заботясь исключительно о настоящемъ, объ удовлетвореніи нуждъ нынѣшняго дня, о затыканіи всевозможныхъ дыръ, о заполненіи со всѣхъ сторонъ зіяющихъ люковъ, они должны были перестать мечтать о будущемъ,—о такомъ расходованіи своихъ силъ, которое и имъ самимъ проложило бы дорогу къ вѣчной памяти среди потомства, и литературу обогатило бы вполнѣ зрѣлыми и продуманными произведеніями. Прибавьте къ сказанному недостатокъ читателей, публики, полное отсутствіе критики, неустойчивость, недостаточное количество или совершенное отсутствіе органовъ прессы, вѣчную борьбу за существованіе, за кусокъ хлѣба въ настоящемъ грозномъ значеніи этого слова—и вы будете имѣть полный образъ тѣхъ условій, при которыхъ происходитъ это самоубійство талантовъ,—необходимое и въ извѣстномъ смыслѣ даже почетное, но все-таки самоубійство, крайне вредно отзывающееся не только на самихъ гибнущихъ талантахъ, но и вообще на развитіи нашей литературы. Возьмемъ хотя бы писателя, составляющаго предметъ настоящей статьи,—что исполнено изъ его плановъ? Вмѣсто цѣльнаго образа жизни украинскаго народа, какой г. Франко замышлялъ было дать въ рядѣ

обработанныхъ, прочувствованныхъ и продуманныхъ, связанныхъ въ одно стройное цѣлое произведеній—мы видимъ лишь отрывочные очерки, писанные на спѣхъ, случайно появившіеся для заполненія какого-нибудь зіяющаго люка, разрозненные, не додѣланные... И если даже отрывки эти даютъ весьма и весьма многое, то представимъ только, что́ могла бы дать настоящая, цѣльная картина и что потеряла съ ней украинская литература! Человѣка въ данную минуту тянетъ писать, скажемъ, повѣсть, предъ нимъ носятся образы, просятся подъ перо, но... для журнала нужна сейчасъ публицистическая работа, которой некому написать,—и вотъ повѣсть отбрасывается въ сторону или пишется кой-какъ, урывками, образы гибнутъ и растворяются въ сутолокѣ повседневныхъ заботъ. Да и написанная повѣсть не находитъ мѣста для печатанія, вылеживается въ письменномъ столѣ автора и появляется лишь тогда, когда интересъ ея на половину уже выдохся; начатая печатаніемъ—прерывается на самомъ интересномъ, быть можетъ, мѣстѣ и остается не оконченной, какъ было не разъ и съ г. Франкомъ[1]). Въ головѣ роятся планы серьезной научной работы, а дѣйствительность подсовываетъ перо съ требованіемъ легкаго фельетона на злобу дня; вмѣсто поэмы, которая въ данный моментъ наиболѣе занимаетъ писателя, онъ долженъ писать передовую статью или портить глаза надъ корректурой, потому что родная литература не гарантируетъ отъ возможности умереть съ голоду, а оплачиваемая грошами механическая работа корректора все же даетъ въ матеріальномъ отношеніи больше, чѣмъ работа «властителя думъ», совсѣмъ не оплачиваемая. Припомнимъ только прямо таки ужасающіе факты изъ біографіи г. Франка, что появленію, напр., цѣлаго ряда лучшихъ его поэмъ и разсказовъ украинская литература обязана тому случайному и должно быть благодѣтельному обстоятельству, что автора ни за что, ни про что засадили на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму, или что тяжелая болѣзнь глазъ вырвала изъ его рукъ корректорское перо (см. «Мій ізмарагд», IV),—вспомнимъ эти и подобные факты и возблагодаримъ милостивую судьбу за то, что все, что ни дѣлается, дѣлается къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ... Предъ нами въ эту минуту неотступно стоитъ извѣстный парадоксъ Зола: «деньги обезпечиваютъ появленіе великихъ произведеній искусства»; не смотря на то, что въ данномъ парадоксѣ предъявляется рѣшеніе сложнаго вопроса въ слишкомъ грубой и упро-

---

[1]) Повѣсти «Борислав сміється» и «Основи суспільности» остались недоконченными, благодаря прекращенію изданій, въ которыхъ онѣ начаты печатаніемъ.

щенной, такъ сказать, формѣ, авторъ его въ сущности глубоко правъ, поскольку дѣйствительно для появленія произведеній искусства необходимо хотя минимальное обезпеченіе матеріальныхъ потребностей его творца. Украинскій профессіональный писатель никогда этого минимальнаго обезпеченія не имѣлъ и долженъ былъ качественную сторону своихъ произведеній приносить въ жертву количественной. Въ самомъ дѣлѣ—возможно ли заботиться о достаточной обработкѣ своихъ произведеній, о постоянномъ развитіи своихъ силъ и таланта, если обстоятельства заставляютъ разбрасываться во всѣ стороны, проявлять кипучую дѣятельность во всѣхъ областяхъ литературы и при томъ еще зарабатывать хлѣбъ какимъ-нибудь постороннимъ литературѣ занятіемъ? Двухъ отвѣтовъ на поставленный вопросъ не можетъ быть. Теперь понятно, почему ни одна литература въ мірѣ не насчитываетъ въ своей средѣ столько погибшихъ и погибающихъ талантовъ, какъ украинская. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы всѣ силы, работавшія въ украинской литературѣ, были использованы вполнѣ, картина ея въ настоящее время могла бы быть совершенно иная. Да, могла бы!...

И нужно сказать, что наиболѣе трагическимъ, быть можетъ, элементомъ въ этомъ массовомъ самоубійствѣ талантовъ является то, что оно совершается вполнѣ сознательно, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Человѣкъ знаетъ, что онъ долженъ погибнуть, и все-таки идетъ на вѣрную гибель. Прочтите, напр., слѣдующія строки:

Нехай и такъ, що згыну я
Забутый десь пидъ тыномъ,
Що вси мои думкы, дила
Слиду не лышать, мовъ та мла
На неби сынимъ!
Нехай и такъ! Я радо йду
На чесне, праве дило!
За нього радо въ гори вмру
И ажъ до гробу додержу
Свій прапоръ цило! («З вершин»..., 27).

Прочтите тѣ вопли истерзанной души, которыми полны два послѣдніе сборника стихотвореній г. Франка,—«Мій ізмарагд» и «Із днів журби»,—вопли о томъ, что «не давъ морозъ моимъ квиткамъ розвытыся», а всю силу пришлось положить на то, «щобъ жыть, безъ дякы, въ каторзи чужій»; прочтите тотъ «Фрагментъ», въ которомъ автору въ образѣ нерожденныхъ дѣтей являются его... «невыспивани спивы» («З-надъ хмаръ и зъ долынъ», Одесса, 1903, стор. 91—92)—и вы поймете всю глубину этой

трагедіи, а также все величіе и цѣну той жертвы, которая этимъ и другими писателями приносится «на алтарь отечества»...

Г. Франко съ избыткомъ испыталъ на себѣ вліяніе тѣхъ фатальныхъ условій, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Они атрофировали добрую половину его таланта и силъ, ушедшихъ частью на заполненіе всевозможныхъ люковъ, частью на борьбу «в поті чола» за существованіе... Объ этомъ нельзя, конечно, не скорбѣть, но нельзя и не признать въ тоже время, что изъ оставшейся части таланта онъ все-же далъ украинской литературѣ нѣчто такое, что обезпечитъ ему память не только среди современниковъ, но и среди болѣе позднихъ поколѣній. Имя гуманиста и проповѣдника общечеловѣческихъ идеаловъ, имя пѣвца борьбы и контрастовъ всегда будетъ украшать собою самыя мрачныя, но въ тоже время и самыя, быть можетъ, интересныя страницы нашей исторіи. «Чень то Богъ дасть, що изъ нашихъ Стороживъ буде колысь свитови якась корысть, бодай на макове зерно» («Молот», 1878, стр. 296)—припомнились намъ слова изъ автобіографическаго разсказа г. Франка, и мы не сомнѣваемся, что потомство найдетъ и по достоинству оцѣнитъ это «маковое зерно» у одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей нашего мрачнаго времени, который на себѣ самомъ испыталъ всю его тяжесть, дорого заплатилъ за этотъ опытъ, но все-таки свое знамя донесъ чистымъ и неоскверненнымъ. Не сомнѣваемся мы также и въ томъ, что это «макове зерно» будетъ по своимъ размѣрамъ несравненно больше и полновѣснѣе, чѣмъ его опредѣляетъ самъ авторъ...

Сергій Ефремовъ.

17—31. VII. 03.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. [1]

X.

Отношеніе Бодянскаго къ изученію Малороссіи послѣ возвращенія его изъ-заграницы. Полемическая статья Бодянскаго противъ Максимовича. О. М. Бодянскій и литераторы-малороссы. Изданіе малорусскихъ матеріаловъ въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ».—Заслуги О. М. Бодянскаго для изученія Малороссіи.

Занимаясь изложеніемъ біографіи О. М. Бодянскаго послѣ возвращенія изъ-заграницы, мы совсѣмъ не обращали вниманія на отношеніе его къ Малороссіи, къ землякамъ-малороссамъ и на то, что дѣлалъ и сдѣлалъ О. М. Бодянскій для научнаго изученія своей родины.

Постараемся хоть нѣсколько заполнить этотъ пробѣлъ.

До поѣздки заграницу О. М. Бодянскій дѣятельно, какъ мы знаемъ, занимался изученіемъ малорусскаго языка и литературы. Занятія эти не были случайными, а глубоко коренились въ тѣхъ симпатіяхъ къ Малороссіи, какъ къ родинѣ, которыя были крѣпки и

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 11.

сильны у него съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Поѣздка заграницу и занятія тамъ языками западныхъ славянъ отвлекли Бодянскаго отъ того научнаго пути, которымъ онъ шелъ. Привезя громадный научный матеріалъ, собранный въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Бодянскій, естественно, былъ имъ подавленъ. Вернуться къ прежнимъ занятіямъ онъ не могъ, потому что это значило бы оставить неиспользованнымъ собранный у западныхъ славянъ матеріалъ. Да и нужно было бы начинать сначала. Малорусскимъ языкомъ Бодянскій заграницей не занимался, въ изученіи его онъ отсталъ; матеріалъ, который онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, не могъ быть значительнымъ, а между тѣмъ занятія Бодянскаго у Шафарика, затѣмъ наблюденія его надъ языками западныхъ славянъ создали у него иныя требованія и отношенія къ изучаемому матеріалу, чѣмъ тѣ, какія у него были раньше, до поѣздки заграницу. Однимъ изъ основныхъ требованій было, чтобы матеріалъ былъ изученъ возможно полно, всесторонне, критически и чтобы выводы покоились на возможно большемъ количествѣ изученныхъ данныхъ. Университетскія лекціи поглощали у Бодянскаго слишкомъ много времени, чтобы онъ могъ думать о какихъ-нибудь новыхъ занятіяхъ. Лекціи эти не могли быть посвящены малорусскому языку; кафедра славянскихъ литературъ, которую занималъ Бодянскій, по своей задачѣ, имѣла въ виду, главнымъ образомъ, если не исключительно, западныхъ славянъ. Затѣмъ Бодянскій былъ избранъ секретаремъ Общества, сдѣлался редакторомъ «Чтеній» и цѣликомъ вошелъ въ это изданіе. Если онъ, благодаря своему редакторству, не успѣлъ обработать весь матеріалъ, собранный имъ такъ кропотливо и трудолюбиво во время поѣздки заграницу, то что же тутъ говорить о занятіяхъ Бодянскаго малорусскимъ языкомъ, для котораго нужно было еще собирать матеріалъ?

Всѣ эти соображенія мы высказываемъ для того, чтобы объяснить, почему Бодянскій по возвращеніи изъ-заграницы не вернулся къ своимъ первоначальнымъ занятіямъ и почему малорусскій языкъ и литература лишились такого глубокаго, по отзывамъ спеціалистовъ, изслѣдователя.

Если мы не ошибаемся, одинъ только разъ послѣ возвращенія своего изъ-заграницы О. М. Бодянскій печатно коснулся малорусскаго языка.

Это было вотъ по какому поводу.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ Шафарикъ издалъ свою этнографическую славянскую карту. Когда Бодянскій былъ заграницей, Шафарикъ какъ разъ работалъ надъ составленіемъ этой карты и пользовался совѣтами Бодянскаго относительно малороссовъ. Мы знаемъ уже, что Бодянскій стоялъ за фонетическое правописаніе въ малорусскомъ языкѣ, т. е. требовалъ писать слова такъ, какъ они произносятся. Въ этомъ отношеніи онъ расходился какъ съ Максимовичемъ, такъ и со Срезневскимъ. Естественно, разъ Шафарикъ пользовался совѣтами Бодянскаго, на его карту и попали малорусскія имена съ фонетическимъ правописаніемъ: *Переясливъ*, *Васильkивъ*, *Пивтава*, и пр. Когда карту Шафарика мелькомъ увидѣлъ въ Кіевѣ М. А. Максимовичъ, онъ написалъ Погодину совершенно частное письмо, въ которомъ находилъ излишнимъ въ ней «искусственный малороссіянизмъ». «Правда, писалъ онъ, измѣнять букву *о* въ *и* любитъ малороссійское произношеніе; но измѣнять ее нарочно въ названіяхъ разныхъ городовъ и рѣкъ, когда нѣтъ того у самаго народа, значитъ, подделываться подъ народный колоритъ, усиливать его, а не представлять его въ томъ видѣ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ». Максимовичъ винилъ предъ Шафарикомъ того, «кто присовѣтывалъ ему такой провинціальный *пересолъ*», т. е. Бодянскаго, и просилъ Погодина передать знаменитому чешскому ученому, что онъ очень хорошо сдѣлаетъ, если въ новомъ изданіи карты «всуе употребленный южно-русскій звукъ *и* возведетъ опять къ общесловенскому коренному звуку *о*» [1]). Получивъ это письмо Погодинъ нашелъ его интереснымъ въ научномъ отношеніи и напечаталъ во 2-мъ номерѣ «Москвитянина» за 1843 годъ подъ заглавіемъ «Отрывокъ изъ письма о малороссійскихъ собственныхъ именахъ».

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича т. III, стр. 329.

На письмо это въ 5-ой книжкѣ того же журнала отвѣтилъ О. М. Бодянскій особой статьей: «Г. возводителю къ общесловенскому коренному звуку» [1]). Статья подписана латинской буквой *N* и написана довольно таки рѣзко. Видимо, замѣчанія М. А. Максимовича задѣли Бодянскаго за живое. Такъ какъ «Москвитянинъ»—журналъ въ настоящее время довольно рѣдкій, то мы, оставляя въ сторонѣ чисто личную полемику, приведемъ здѣсь существенныя части этой статьи. Мнѣнія О. М. Бодянскаго могутъ быть интересны для спеціалистовъ.

Вотъ что онъ писалъ въ возраженіе М. А. Максимовичу и отстаивая правописаніе, принятое Шафарикомъ:

1) «Названія городовъ и рѣкъ на *овъ* суть, какъ извѣстно, по происхожденію своему, *прилагательныя притяжательныя*. Прилагательныя притяжательныя на *овъ* измѣняютъ всегда въ этомъ окончаніи букву *о* въ *и*, что допускается подразумѣвательно и самимъ М. А. (Максимовичемъ) и что всякому природному малоруссу извѣстно какъ 2×2. Можетъ ли же слово одного итого же разряда въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго *не городоваго* и *нерѣчнаго* измѣнять *о* въ *и* всегда, а въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго *городоваго* и *рѣчнаго* не измѣнять? По своему происхожденію и значенію *не можетъ*, потому что оно, составляя названіе мѣста, урочища, и т. п. ни мало не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было, прилагательнымъ притяжательнымъ, и, слѣдовательно, должно сохранять свою природу и свойства тутъ, какъ и въ прочихъ случаяхъ, превращать *о* въ *и*. Малоруссы говорятъ: «То дв*и*ръ Семен*и*въ, Иван*и*въ, Яков*и*въ, городъ Гетьман*и*въ, Харьк*и*въ, Крюк*и*въ», и пр., но не Семен*о*въ, Иван*о*въ, Яков*о*въ, Гетьман*о*въ, Харьк*о*въ, Крюк*о*въ, потому что они всегда соединяютъ съ этимъ происхожденіе, начало, зависимость, и т. п., тѣхъ предметовъ отъ лицъ, и т. д., коихъ оные носятъ на себѣ названія. Удареніе тутъ не рѣдко перемѣняетъ свое мѣсто; Харьк*и́*въ и Х*а́*рьковъ; но буква *о* не подлежитъ этому исключенію. Про́изводныя отъ этихъ прилагательныхъ притяжательныхъ для озна-

[1]) «Москвитянинъ». 1843 г., кн. 5, стр. 249—259.

ченія како-либо мѣста, и т. п., всегда измѣняютъ *о* въ *и:* Семен*и*вка, Иван*и*вка, Перекоп*и*вка, но не Семеновка, Ивановка, Перекоповка. Равно прилагательныя отечественныя дочерей тоже подлежатъ этому правилу: Ганна Семен*и*вна, Иван*и*вна, Яковл*и*вна, которыя употребляютъ даже безъ собственнаго имени, и тогда означаютъ дочь такого-то, перенося при этомъ удареніе на измѣнившееся *о* въ *и*; Семен*и́*вна, и т. д. Тоже самое наблюдается и въ существительныхъ *коренныхъ*, равно какъ и нѣкоторыхъ составныхъ, также въ прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименіяхъ односложныхъ, а иногда и многосложныхъ: н*и*жъ, к*и*нь, неб*и*жъ, г*и*ркый, м*і*й, тв*і*й, и пр. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ измѣненію въ подобныхъ словахъ буквы *о* въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ *у*, *и*, *ы* напр., въ польскомъ, чешскомъ, сербо-лужицкихъ, хорутано-словенскомъ, и т. д., гдѣ только оное допускается. Это—правило; исключенія—чрезвычайно рѣдки: есть слова, выговаривающіяся съ *и* и *о*: к*и*нецъ и к*о*нецъ, дубр*и*вонька и дубр*о*вонька. Но такія слова почти всѣ суть *уменьшительныя*. Особенность ихъ заключается еще и въ томъ, что они это *и* могутъ удерживать и въ прочихъ падежахъ, чего коренныя не допускаютъ, кромѣ *конь*, имѣющаго въ твор. множ. всегда к*и*ньмы, и подобныхъ ему, напр. *слёза*, измѣняющее въ род. и пред. множ. *е* въ *и:* сл*и*зъ, сл*и*зьмы. Какъ въ прилагательныхъ притяжательныхъ простыхъ и мѣстныхъ *о* измѣняется въ *и*, такъ точно и въ этомъ случаѣ оно подвержено тому же самому закону. Оттого малоруссы говорятъ: П*и*втава, Решетыл*и*вка, Бѣлоцерк*и*вка, Васыл*и*вка, Максым*и*вка, Иванк*и*вци, Ирк*и*вци, Иськ*и*вци, и т. д.»

2) «Такое свойство малорусскаго выговора буквы *о* въ приведенныхъ случаяхъ не есть отнюдь *провинціяльный пересолъ;* напротивъ, скорѣе противное ему—*провинціяльство*, недосолъ, уклоненіе. Вездѣ, гдѣ только малоруссы живутъ *громадою*, какъ преобладающій, главный, народъ по своему числу и старинѣ, отъ Дона и Донца до Сана и Попрада, отъ Судости и Припети до Чернаго моря и Черемоша, измѣненіе *о* и *е* (рѣдко *у* или *ж*) въ *и*—*правило:* отступленіе же отъ него—*исключеніе*. Такъ

говорятъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, Днѣстра, Случи, Стыра, Стрыя, Латорицы, Буга и Кубани.—Это господствующее произношеніе. Уклоненія слышны только на *предѣлахъ* земли Южныхъ Руссовъ, гдѣ языкъ ихъ, столкиваясь съ другимъ, родственнымъ или чуждымъ, языкомъ, естественно, какъ это водится всюду, производитъ *разность въ рѣчи, разнорѣчіе*, что Нѣмецъ выражаетъ испорченнымъ Латинскимъ словомъ *Varietät*. Напримѣръ со стороны Великорусской *Сѣверцы* (черниг. губ.) удерживаютъ *о:* конь; далѣе отъ нихъ къ Бѣлоруссамъ *о* переходитъ въ *уи, уо, у* и *ю:* к*уи*нь, к*у*нь и кюнь; со стороны Польши, у *Люблинцевъ у:* к*у*нь, а у *Карпато-Руссовъ*, со стороны Словаковъ, Мадьяровъ, Волоховъ и Поляковъ, въ одномъ мѣстѣ *у*, въ другомъ *уй*, въ третьемъ *ю* (Франц. *и*), а въ четвертомъ *ы:* р*у*къ, р*уй*къ, рюкъ, р*ы*къ (рокъ—годъ); но въ прилагат. именахъ даже и Южно-Руссы въ Угріи слѣдуютъ обще-Малорусскому произношенію: *покирный*, нерѣдко измѣняя и тамъ *о* въ *и*, гдѣ прочіе не дѣлаютъ того: ск*и*ришый; отсюда не исключаются и самыя существительныя: ябл*и*ко, бр*и*ва, особенно послѣ *р* и *л*, гдѣ въ Церковно-Книжномъ вмѣсто *о* стоитъ *ъ* или *ь;* исключенія немногочисленны; къ нимъ относятся, большею частію, удерживающія старо-Славянское *ъ* или *ь:* дръва, или же произносимыя (Чехами и Сербами) звукомъ среднимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краткимъ (между *е* и *и*), что особливо имѣетъ мѣсто въ словахъ, измѣнившихъ древнее *ъ* и *ь* въ *е*. При всемъ томъ и тутъ, чѣмъ дальше отъ столкновенія съ инородцами, тѣмъ чаще слышите *и:* Б*и*гъ, н*и*жъ, к*и*нь».

3) «Мы сказали уже, что измѣненіе *о* въ *и* во всемъ соотвѣтствуетъ тутъ измѣненію первой въ *у* въ нарѣчіяхъ Польскомъ, Чешскомъ, и т. д. Поляки и Чехи въ этомъ случаѣ вездѣ пишутъ *ó* (равнозначительному нашему *у*) и ů (тоже *у*), держась большинства выговаривающихъ его такъ, а не иначе. Что же бы они сказали, еслибъ кто нибудь сталъ теперь налегать на нихъ писать просто *о* или другую какую гласную, употребляемую въ томъ или другомъ углу Чехіи и Польши, вмѣсто *ó*, ů, ссылаясь при этомъ на то что тутъ *о* вездѣ коренное, первоначаль-

ное? Разумѣется, ему отвѣчали бы: «Дѣлайте это тамъ, гдѣ вы находите то нужнымъ для показанія съ умысломъ *разнорѣчій* извѣстнаго нарѣчія или въ обще-Славянскомъ Сравнительномъ Словарѣ и Граматикѣ; но не навязывайте намъ этихъ мѣстностей, частностей, уклоненій, въ нынѣшнемъ нашемъ живомъ языкѣ, не навязывайте намъ *умершей*, невозвратной, *старины*, имѣвшей въ свое время силу и употребленіе, и любезной намъ только по однимъ, соединеннымъ съ нею, воспоминаніямъ, но потерявшей уже смертью своей право на господство, не навязывайте, ради Бога, *исключеній*, составлявшихъ когда-то правило, а теперь одно незамѣтное изъятіе, *недобивокъ*, годный лишь въ сравненіяхъ и повѣркахъ. Мы хотимъ слѣдовать *большинству* употребленія, *голосу народа*, единственнаго законодавца своей рѣчи, а не народца, какого нибудь захолустья, или книжныхъ умниковъ, исправителей и усовершителей языка, хотимъ писать языкомъ, какъ онъ звучитъ въ устахъ современниковъ нашихъ, теперь, а не какъ онъ звучалъ за тысячу и больше лѣтъ, или какъ бы вамъ хотѣлось, по своимъ взглядамъ и разглядамъ, заставить его звучать. Всему свое мѣсто и время, и все хорошо и красно только у себя и въ свой часъ. Не дѣлайте изъ каждаго, кто только умѣетъ держать перо въ рукахъ, языкоизслѣдователя, но научите всякаго какъ бы скорѣе, вѣрнѣе и удобнѣе выражать свои мысли, и т. п., помощію письменныхъ знаковъ». То же самое сказали бы и Хорутано Словенцы, Угро-Словенцы, Верхне и Нижне-Лужичане, измѣняющіе также *о* въ *у* по большинству произношенія, а въ *ра́знорѣчіяхъ* различно: *оа*, *ои*, *ŏ*, *ô*, *ио*, ů, *ие*, *й*, *у*, *і*, Всѣ они, однако же, означаютъ эту разницу разнаго рода знаками, стараясь, какъ можно ближе, подойти къ народному выговору, но, замѣтьте, ни одинъ изъ нихъ не пишетъ *о* просто, безъ всякаго значка. Примѣчательно, что перемѣна *о* въ *у* преимущественно господствуетъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ Сѣверо-Западной вѣтви, составляя въ нихъ собою *правило;* исключенія же только по подрѣчіямъ и разнорѣчіямъ. Напротивъ, въ нарѣчіяхъ Юго-Восточной вѣтви—совершенно на оборотъ; а потому гдѣ только *о* измѣняется въ *и*, всегда видите близкое сосѣдство

къ нарѣчію перваго разряда или какія нибудь *историческія* и *мѣстныя* отношенія, напр. въ Хорутано-Словенскомъ, и т. д. То же слѣдуетъ сказать и объ исключеніяхъ въ Сѣверо-Западныхъ нарѣчіяхъ касательно удержанія кореннаго *о*. Но Малорусское нарѣчіе по всѣмъ своимъ подрѣчіямъ составляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательное *исключеніе* между подобными себѣ Юго-Восточной вѣтви, согласуясь въ измѣненіи *о* въ *и* съ братьями Сѣверо-Западнаго разряда. Не мѣсто и не время объяснять здѣсь причины такого разногласія; для васъ, въ теперешнемъ случаѣ, довольно уже, что оно *дѣйствительно* существуетъ въ немъ, преобладаетъ. Впрочемъ, замѣчаемъ, что для объясненія себѣ и другимъ этого явленія, вовсе *ненужно* прибѣгать ни къ какимъ прибалтійскимъ Руссамъ и, заставлять ихъ переселяться на берега Днѣпра, или же обращать южную Русь въ *срединную* Славянскую землю, что ей совершенно не къ лицу, не принадлежитъ, и обличаетъ только самое *поверхностное* знаніе въ славяновѣдѣніи и страсть къ построенію зданій изъ сыраго матеріяла, съ притязаніемъ на прочность и изящество. Въ языкоизслѣдованіи надобно особенное обращать вниманіе, что въ немъ *правило*, а что *исключеніе*, что обще цѣлому, а что лишь частямъ. Только сохраняя этотъ простый, естественный и непремѣнный законъ, можно избѣгнуть *блистательныхъ ошибокъ*, невольно срывающихъ улыбку съ устъ знающаго и заставляющихъ жалѣть о тратѣ времени и труда, такъ *всуе* расточеннаго».

...«Для вѣрнаго и безошибочнаго сужденія объ отличительныхъ свойствахъ какого-бъ ни было языка, мало быть туземцемъ надобно взрость среди своего народа, достигнуть, по крайности, возмужалыхъ лѣтъ, проникнуться своимъ роднымъ насквозь да насквозь,. изучить его у деревенскаго простонародья, самой упругой и твердой части народа, долѣе и болѣе всѣхъ привязанной къ старинѣ и языку предковъ, и притомъ изучить не въ одномъ только мѣстѣ рожденія, но по цѣлому объему своей отчины. А то какое тутъ знаніе языка своей родины, если васъ увезли, положимъ, въ нѣжномъ дѣтствѣ и воспитали среди другаго народа, хотя и родственнаго, но во многомъ вопрекъ несходнаго съ

вашимъ, если вы принялись за родной языкъ по книгамъ и скуднымъ сборникамъ народныхъ пѣсенъ, подкрѣпляя себя въ этомъ однимъ лишь темнымъ претемнымъ воспоминаніемъ младенческихъ лѣтъ! Много ли подвинетесь вы въ своемъ языкѣ даже и тогда, когда судьба приведетъ васъ, наконецъ, жить *у себя*, но исключительно въ городахъ, въ которыхъ все говоритъ или языкомъ господствующаго народа, или же какою-то чудною смѣсью *Варяго-Русскаго?* А таковъ, въ самомъ дѣлѣ, языкъ нашихъ *Малороссіянъ-горожанъ* безъ исключенія, особенно объявляющихъ притязаніе на что-то высшее. желающихъ казаться «*письменными*», Малороссіянъ, какъ говорится, съ Церковной и Гражданской азбукой. Окружающіе ихъ напитаны и пропитаны тѣмъ же самимъ духомъ, а потому невольно усвояютъ себѣ языкъ ихъ въ большей, меньшей, мѣрѣ, подражаютъ высшимъ себя. Кто не знаетъ этого *варварскаго* языка, столько обыкновеннаго у всѣхъ народовъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, порождаемаго желѣзной необходимостью, тщеславіемъ и страстью казаться лучше другихъ? Этотъ языкъ простираетъ власть свою и на тѣхъ, кои свили гнѣздушко, свое на перепутьѣ городовъ, столбовыхъ и почтовыхъ дорогъ, какъ проводниковъ городскаго вліянія, посредниковъ между селяниномъ и мѣщаниномъ. Разумѣется, посредники эти всегда больше похожи на свои первообразы, подойти къ коимъ какъ можно ближе составляетъ дя нихъ верхъ честолюбія, нежели на бѣдныхъ поселянъ, находящихся къ нимъ въ обратномъ отношеніи. Эти-то Малороссіяне-книжники, *письменныкы*, дѣйствительно, по причинамъ, сейчасъ нами приведеннымъ, произносятъ букву *о* какъ коренной звукъ не только въ названіяхъ городовъ и т. п., но даже и во всѣхъ прочихъ существительныхъ, прилагательныхъ, и т. д., въ коихъ она въ устахъ селянина всегда и вездѣ выговаривается какъ *и*, думая тѣмъ удержать словопроизводство, особливо же приблизиться къ Церковному и книжному Великорусскому. О, то страшные грамотѣи, *букаре* и преобразователи языка! Сколько они ни родили этѣхъ уродливыхъ дѣтищъ своего свихнутаго воображенія и языковѣдѣнія, большею частію странствующихъ по рукамъ, въ спискахъ, читая кои, невольно спраши-

ваете: «Да по каковски же это»? «Да оцьце, якъ бачыте, пане добродію, се вже ни по Ляцькій, ни по Дяцькій, ни по Московській ни по Молдавській, а, крый, Боже, по Паській»! Въ нихъ всюду «Переясловъ, Васильковъ, Повтава, Иванковцы, *Р*кл*ѣ*евъ, *А*лтыц*а*, *О*вдя, вонъ бу*л*ъ позванъ *О*ськомъ Нагорнымъ на мас*лныц*ѣ на *горячіи* варен*и*кы, але *жо*нка *е*го *Е*вга пр*и*вязала*сѣ* к*ѣ* ему якъ ко*л*тунъ, та й не пустила сердечного за порогъ». Стави еще эти умники надъ буквами, подчеркнутыми нами, какой нибудь *паеркъ*, тогда, какъ сонъ въ руку, такой образъ писанія и произношенія былъ бы *каллиграфія*, *орфографія*, *каллологія*, а противное имъ, безъ сомнѣнія, *какографія*, *какологія*, былъ бы «*употребительнѣйшій* способъ писанія въ Малороссіи, опирающійся на *Библейское* правописаніе», и пр., пр... Вотъ у кого, стало быть, могъ встѣтить и подслушать такое произношеніе названій городовъ, рѣкъ, и т. п., нашъ почтеннѣйшій М. А. Максимовичъ въ свое девятилѣтнее пребываніе на родинѣ! Но позволительно ли этотъ родникъ выдавать за единственно истинный, настоящій, чистый и безпримѣсный, источникъ, считать *щырымъ* Малорусскимъ языкомъ, и возводить на просовѣтовавшаго Шафарику держаться противнаго такое страшное обвиненіе, уличать въ поддѣлкѣ, искаженіи, называть провинціальнымъ пересоломъ»?

«Что касается того, что М. А. Максимовичъ не встрѣчалъ въ «Херсонскихъ и Крымскихъ степяхъ ни одного чумака, который называлъ бы *Перекопъ*—Перек*и*помъ, то на это замѣчаемъ: а) мудрено было встрѣтить чумака, такъ говорящаго, потому что *о*, измѣняющееся въ имен. пад. въ *и*, въ прочихъ падежахъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ, словъ, допускающихъ это такъ и инакъ, всегда удерживаетъ свой первобытный звукъ. Хорошо же вы прислушивались къ языку вашихъ земляковъ! Даже *письменныкы* ваши этакъ не говорятъ, между тѣмъ какъ вы дважды повторяете это чудище, въ словѣ «Перек*и*помъ» и «Пэреясл*и*ва», б) Точно, на Шафариковой картѣ стоитъ Перек*и*пъ, но у него же стоитъ и Конот*о*пъ, а не Конот*и*пъ, и под., кои всѣ окончены на *о*пъ, а не на *и*пъ. Отсюда видно, что Перек*и*пъ или

опечатка, или ошибка, принадлежащая собственно составителю карты, а не его совѣтнику. Шафарикъ, зная правило, изложенное нами выше, могъ однажды ошибиться и написать *и* вм. *о*; но во всѣхъ другихъ словахъ удержалъ настоящее произношеніе. Иное совсѣмъ было бы заключеніе, если бъ онъ тутъ поступилъ наоборотъ»...

На статью Бодянскаго М. А. Максимовичъ отвѣтилъ, въ свою очередь, объясненіемъ, «относящимся къ Шафариковой славянской картѣ» [1]), въ которомъ привелъ большой матеріалъ для опроверженія мнѣній Бодянскаго. На этомъ полемика, къ сожалѣнію, и прекратилась. О. М. Бодянскій не возражалъ М. А. Максимовичу. Призналъ ли онъ себя побѣжденнымъ, или ему было некогда, трудно сказать. Пусть филологи-специалисты разсудятъ, кто изъ нихъ правъ, Бодянскій или Максимовичъ?

Полемика, при нѣкоторой ея рѣзкости, однако, не испортила отношеній между старыми пріятелями. Переписка между ними продолжалась до самой смерти Максимовича. Письма послѣдняго напечатаны А. А. Титовымъ [2]); письма же Бодянскаго, кажется, не сохранились въ бумагахъ М. А. Максимовича, и, должно быть, погибли, между тѣмъ они должны были содержать въ себѣ богатый матеріалъ для характеристики отношенія Бодянскаго къ Малороссіи, малороссамъ и новому теченію въ изученіи малорусскаго народа, представителемъ котораго впослѣдствіи стала петербургская «Основа». Вопросы эти, если судить, по письмамъ Максимовича, вѣроятно, затрагивались и Бодянскимъ. Въ общемъ же пріятельская переписка между ними проникнута чисто научными интересами: извѣстія объ историческихъ матеріалахъ, относящихся къ Малороссіи, справки по поводу тѣхъ или другихъ историческихъ вопросовъ, мнѣнія о книгахъ и т. д. Центромъ, возлѣ котораго вертится переписка, является научное изученіе Малороссіи. Изъ писемъ М. А. Максимовича мы узнаемъ, напри-

---

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, стр 329—344.

[2]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1887 г., кн. I.

мѣръ, что О. М. Бодянскій редактировалъ, т. е. вычеркивалъ и измѣнялъ «Филологическія письма» Максимовича къ Погодину, печатавшіяся въ «Русской Бесѣдѣ» [1]); хотѣмъ и самъ вмѣшаться въ этотъ филологическій споръ [2]); готовилъ къ изданію малорусскія народныя пѣсни [3]) и т. п.

Взаимныя симпатіи къ родинѣ сближали О. М. Бодянскаго и съ другими его земляками-малороссами.

Съ Гоголемъ Бодянскій познакомился, будучи еще студентомъ. Встрѣтились они въ домѣ Максимовича, гдѣ Бодянскій жилъ нѣкоторое время. Дружескихъ отношеній между ними, кажется, не было, но они всегда чувствовали взаимную симпатію другъ другу, какъ люди одной національности [4]). Вскорѣ послѣ знакомства Гоголь въ письмахъ своихъ къ Максимовичу уже посылалъ поклонъ своему «землячку»; впослѣдствіи они обыкновенно встрѣчались въ домѣ Аксаковыхъ на такъ называемыхъ «вареникахъ». Это были обѣды по воскресеньямъ, причемъ непремѣннымъ блюдомъ на этихъ обѣдахъ были вареники, а непремѣнными гостями Гоголь, Бодянскій и М. А. Максимовичъ, если онъ бывалъ въ Москвѣ [5]). Послѣ обѣда пѣли иногда малорусскія пѣсни, большимъ любителемъ которыхъ былъ Гоголь [6]). «Въ Русскомъ Архивѣ» записанъ любопытный разсказъ, какъ однажды Гоголь и Бодянскій были на вечерѣ у Аксаковыхъ и распѣвали тамъ малороссійскія пѣсни. Бодянскому вздумалось перевести на латинскій языкъ пѣсню: «И шумыть и гуде».

Et tonat, et bromat
Coelum pluvium dat,

---

[1]) Письма М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому въ «Чтеніяхъ», 1887, кн. I, стр. 146 и 148.

[2]) Тамъ же, стр. 148—149.

[3]) Тамъ же, стр. 134.

[4]) *Шенрокъ.* Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 801—803.

[5]) Рус. Ст., 1888, кн. 11, стр. 409.

[6]) Тамъ же. „Руск. Ст.“, 1889 г., кн. X, стр. 134.. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 801—803.

Quis me, quis me juventulam
Usque domum réducat?
Respondebit ei miles,
Dulcem melem bibens и т. д.

Такъ начинается этотъ переводъ. Латинскіе стихи выкрикивалъ Бодянскій съ приплясываніемъ, что, прибавляетъ разсказчикъ, при его фигурѣ выходимо очень смѣшно [1]).

Въ сохранившихся обрывкахъ изъ дневника О. М. Бодянскаго не одинъ разъ идетъ рѣчь о Гоголѣ и встрѣчахъ съ нимъ. Н. В. Бергъ говоритъ объ этихъ встрѣчахъ слѣдующее: «Гоголь измѣнялъ обыкновенно своимъ порядкамъ, если въ числѣ приглашенныхъ вмѣстѣ съ нимъ оказывался одинъ малороссіянинъ, членъ того же славянофильскаго кружка. Какимъ то таинственнымъ магнитомъ тянуло ихъ тотчасъ другъ къ другу: они усаживались въ уголъ и нерѣдко говорили между собой цѣлый вечеръ горячо и оживленно, тогда какъ Гоголь (при мнѣ, по крайней мѣрѣ) ни разу не говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ великороссовъ». Этимъ однимъ малороссіяниномъ былъ и О. М. Бодянскій [2]).

Бодянскій вовсе не былъ замкнутымъ ученымъ. Напротивъ, къ нему обыкновенно заходили пріѣзжавшіе въ Москву малороссы; онъ являлся тѣмъ научнымъ авторитетомъ по изученію Малороссіи, къ которому обращались за совѣтами лица, имѣвшія какія-нибудь научныя или литературные интересы. Съ болѣе видными изъ украинскихъ писателей Бодянскій находился въ перепискѣ. Онъ любилъ писать обширныя письма, иногда разроставшіяся въ цѣлыя научныя статьи. Въ этомъ было его несчастіе. Частныя письма Бодянскаго, въ большинствѣ случаевъ, погибли, а вмѣстѣ съ ними погибло и много цѣннаго для науки. Что это такъ, не трудно судить по тѣмъ остаткамъ писемъ, которые сохранились и уже напечатаны.

---

[1]) Рус. Арх., 1885, кн. I, разныя разности, стр. 140—141.

[2]) *Шенрокъ.* Матеріалы для біографіи Гоголя, т. IV, стр. 800—801.

Говоря о заслугахъ Бодянскаго для изученія Малороссіи, нельзя забывать его постоянныхъ сношеній съ видными дѣятелями малорусской науки и литературы. Являясь для нихъ, при отсутствіи журнала, посвященнаго научному изученію Малороссіи, нѣкоторымъ объединяющимъ центромъ, Бодянскій оказывалъ несомнѣнное вліяніе на изслѣдователей малорусской старины и народности, сосредоточивалъ вниманіе на тѣхъ или другихъ вопросахъ научнаго изслѣдованія родины, дѣлалъ свои критическія замѣчанія, иногда рѣзкія тамъ, гдѣ находилъ это нужнымъ. Вся его обширная переписка съ этими дѣятелями говоритъ объ этомъ.

Въ концѣ 1840-хъ годовъ О. М. Бодянскій познакомился съ молодымъ тогда чиновникомъ министерства народнаго просвѣщенія Г. П. Данилевскимъ. Нужно сказать, что О. М. Бодянскій всегда чрезвычайно любовно относился къ своимъ землякамъ. Такъ онъ отнесся и къ Данилевскому, познакомилъ его съ Гоголемъ [1]).

Между Бодянскимъ и Данилевскимъ началась, конечно, переписка, такъ какъ Данилевскій жилъ въ Петербургѣ. Содержаніе переписки—интересы украинской литературы [2]). Въ срединѣ 1850-хъ годовъ Данилевскій напечаталъ свою статью о Квиткѣ-Основьяненкѣ [3]). Желая рельефнѣе выставить заслуги Квитки въ исторіи украинской литературы, онъ сдѣлалъ предварительно небольшой очеркъ украинской литературы, въ которомъ умалилъ значеніе «Энеиды» Котляревскаго, признавъ въ ней «порядочную частицу снотворности и воды», зато отмѣтилъ заслуги другихъ, менѣе важныхъ или совсѣмъ незначительныхъ писателей. Мы знаемъ, что когда-то въ молодые годы о Квиткѣ писалъ и О. М. Бодянскій. Его мнѣнія на ходъ развитія украинской литературы во многомъ расходились съ мнѣніемъ Данилевскаго. И вотъ Бодянскій пишетъ Данилевскому нѣсколько рѣзкое, но чрезвычайно интересное письмо [4]) «Что это Вы тамъ нагородили по

---

[1]) Рус. Ст., 1889, кн. X, стр. 134.

[2]) Кіевск. Ст., 1893, январь, стр. 53—58.

[3]) *Г. П. Данилевскій.* Украинская Старина, Харьк., 1866, стр. 173—284.

[4]) Кіев. Ст., 1903, янв., стр. 56—57.

поводу Основьяненка, и нашихъ писакахъ?—спрашиваетъ онъ.

Судя по сказанному Вами тамъ, вижу, что Вы писали все съ чужого голоса или письма, да и то перерепутали. Напримѣръ: «и наконецъ (укажу) на г. Кирилла Тополя (Тополю? Какъ же не знать именительнаго?!), который... едва ли не болѣе другихъ украинскихъ поэтовъ говоритъ сердцу? Да развѣ онъ писалъ по-украински? Посмотрите же, что за чепуха его «Чепуха». Она и въ подметки не годится его «Чарамъ», которыя писаны по-каковски? Далѣе, зачѣмъ мѣшать съ писавшими по малороссійски тѣхъ, кои брали только содержаніе для своихъ сочиненій изъ Малороссійскаго быта? Развѣ можно такъ дать правильное понятіе о малороссійскихъ писателяхъ? Развѣ Голота, Кузьмичъ, Петренко, Сомовъ и подобная братія писали по малороссійски? Что за иностранцы: Лозинскій, Левицкій, Вагилевичъ и подобные имъ? Давно ли Котляревскій своей Энеидой сдѣлался снотворнымъ? Досихъ поръ не только Малороссіяне, но и кто только въ состояніи понимать ихъ языкъ мало-мальски, находили, что никто и никогда не потѣшалъ такъ православныхъ перелицёванкой своей, какъ онъ. нашъ Котляревскій. Есть выворотка Энеиды почти на всѣхъ языкахъ образованныхъ народовъ, но ни на одномъ изъ нихъ съ такимъ успѣхомъ, какъ у насъ. Это судъ не мой, но всѣхъ тѣхъ, кто читалъ перелицёванки другихъ. А такой успѣхъ развѣ возможенъ при снотворности? Наоборотъ: языкъ его, хотя Вы его называете чистымъ малороссійскимъ языкомъ, «puritatis legitimae» именно во многомъ: «illegitime purus sermo». Онъ позволялъ себѣ частенько, для стиха, такіе слова и обороты, которые совершено чужды малороссіянину. Наконецъ, что за замашка у Васъ брать у другого, умалчиваяя о томъ, и такъ приводить его имя совсѣмъ не какъ своего источника, а такъ кстати, мимоходомъ, по поводу, совершенно случайному. Не указываю Вамъ, гдѣ это именно въ Вашей статьѣ: сами возрастъ имате, и потому сами смекнете, къ чему это направлено. Въ заключеніе, съ какой стати Вы называете малороссійское нарѣчіе

---

[1]) Кіев. Ст., 1897, т. 58—59.

или языкъ, его письменность, сказки, пѣсни и т. п., *степными?* Подъ «степнымъ» рузумѣется у насъ только «*Слободско*-Украинское», отнюдь же не все Малороссійское. Неправильно по части называть преимущественно цѣлое; это пристрастіе, правда, понятное, тѣмъ не менѣе пристрастіе, неумѣстное въ печати. Точно также не точно увѣреніе, яко бы Основьяненько писалъ на какой то смѣси харьковскаго нарѣчія. Опять квасная привязанность или пристрастіе. Кромѣ высказаннаго сейчасъ мною Вамъ не въ бровь, а прямо въ глазъ о Вашемъ дѣтищѣ, довольно есть въ немъ и такого, чего не лѣпо есть на письмѣ глаголати. Когда выйдетъ отдѣльно посудимъ больше; но, какъ бы ни былъ строгъ мой судъ, все же статья Ваша (сужу только по первой половинѣ) *очень замѣчательна* и доставила мнѣ много удовольствія многимъ, въ ней содержащимся. Я потому столько привязчивъ къ ней, что не хотѣлось бы съ послѣдними видѣть первыхъ, на одной доскѣ».

Въ то же самое время, когда писано это письмо О. М. Бодянскій, велъ переписку съ П. А. Кулишемъ. Отношенія между ними начались также въ 1840-хъ годахъ; научныя и литературные интересы ихъ были ближе, однороднѣе, чѣмъ у Бодянскаго съ Данилевскимъ, а потому и переписка живѣе, разнообразнѣе. Мы не имѣемъ писемъ Бодянскаго къ Кулишу и не знаемъ, сохранились ли они? Судить о характерѣ переписки мы можемъ только по письмамъ Кулиша, недавно напечатаннымъ [2]). Красной нитью проходитъ черезъ нихъ любовь къ малорусской старинѣ, памятникамъ ея старой и новой литературы, памятникамъ народнаго творчества, къ народному языку. Нѣкоторыя изъ писемъ Кулиша писаны на украинскомъ языкѣ; можно думать, что и отвѣты на нихъ Бодянскаго писаны также по-украински.

Въ перепискѣ съ Кулишемъ не одинъ разъ шла рѣчь и объ Т. Г. Шевченкѣ [1]). Когда познакомился и встрѣтился съ нимъ Бодянскій мы не знаемъ. Изрѣдка они обмѣнивались письмами [2]).

---

[1]) Кіев. Ст., 1897, т. 58 и 59, стр. 399 и въ разныхъ мѣстахъ.

[2]) Охранный каталогъ рукописей А. А. Титова. М., 1888, вып. 3-й. Подъ № 2169 «Письма Т. Г. Шевченка къ О. М. Бодянскому».

Когда Шевченко былъ въ ссылкѣ, Бодянскій посылалъ ему книги. «Авось онъ, записалъ Бодянскій въ своемъ дневникѣ, проведетъ за ними пріятно время въ своемъ уединеніи и вспомнитъ старину, самъ старѣясь съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе не столько отъ лѣтъ, сколько отъ обстановки своей» [1]).

Мы уже знаемъ, что къ Бодянскому за совѣтами обращался и молодой, только что начинавшій свою дѣятельность изслѣдователь малорусской старины А. М. Лазаревскій [2]). Бодянскій чрезвычайно тепло встрѣтилъ это обращеніе и сердечно отнесся къ только что начинавшему работнику. Такъ Бодянскій встрѣчалъ всякаго, обращавшагося къ нему за совѣтомъ, и нельзя отрицать, что въ этомъ была уже значительная общественная заслуга Бодянскаго...

Приведенные сейчасъ отрывочные факты показываютъ, что и по возвращеніи изъ-заграницы Бодянскій продолжалъ жить тѣми же литературными и научными интересами къ своей родинѣ, которые такъ отличали его и въ молодые годы. То обстоятельство, что на страницахъ «Чтеній» опубликовано такъ много украинскихъ историческихъ памятниковъ—явленіе вовсе не случайное. Нельзя его объяснить благопріятными условіями, когда въ редакціи оказались подъ рукою много этихъ памятниковъ. Напротивъ, они спеціально выискивались, и Кулишъ въ своихъ письмахъ къ Бодянскому описываетъ иногда цѣлыя программы, которыя намѣчены имъ для отыскиванія тѣхъ или другихъ украинскихъ историческихъ матеріаловъ [3]). Самъ Бодянскій говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Будучи по происхожденію южноруссъ, и и зная, что судьбы этой исконной Руси, особливо за время отдѣльнаго ея существованія отъ Руси Сѣверной, мало извѣстны сынамъ той и другой, благодаря малому распространенію между ними бытописныхъ свѣдѣній, опирающихся непосредственно на

---

[1]) Сборн. О-ва любит. росс. словесн. на 1891 г., стр. 115—116.

[2]) Кіев. Ст., 1889 г., кн. II, стр. 446—450.

[3]) Письма Кулиша къ Бодянскому въ „Кіевск. Стар.", 1897 г, т. 58 и 59.

источники, я рѣшился въ повременномъ изданіи, завѣдываемомъ мною, какъ редакторомъ и секретаремъ общества, время отъ времени помѣщать послѣднія» [1]).

Печатая въ «Чтеніяхъ» «Исторію Руссовъ», Бодянскій писалъ въ предисловіи къ ней слѣдующее:

«Время отъ времени я намѣренъ тоже самое сдѣлать и съ прочими письменными источниками Малой Росіи, лѣтописями, записками, описаніями и т. п., напр., съ Шафонскимъ, Симоновскимъ, и друг. А потому я просилъ бы всѣхъ, кто только имѣетъ и желаетъ видѣть въ непродолжительномъ времени тѣ и подобные имъ памятники напечатанными, присылать мнѣ оные, какъ секретарю Общества, для снятія съ нихъ списковъ и немедленнаго помѣщенія въ «Чтеніяхъ». Искрерняя благодарность и признательность современниковъ, занимающихся исторіею, равно какъ и самаго потомства, будетъ лучшей наградой тѣмъ, кои воньмутъ этому призыву. Пора уже, давно пора, не скрывать подобнаго рода богатствъ подъ спудомъ и тѣмъ, сколько можно, облегчить изученіе и познаніе исторіи Южныхъ Русовъ для всѣхъ и каждаго, особенно же самыхъ Рускихъ. Благо, что есть вѣрный и *скорый случай* исполнить ету священную обязанность истиннаго сына своего народа и отечества».

Тоже самое говорилъ Бодянскій и въ предисловіи къ «Діаріушу» Ханенка [2]), когда онъ начиналъ второй періодъ своей издательской дѣятельности:

«Прошедшія судьбы Малой Россіи преимущественно должны останавливать вниманіе и заботливость на себѣ Малороссіянъ, сыновъ ея. Не позаботятся они о томъ, кто же станетъ заботиться? Всякое уваженіе и значеніе наше исходятъ прежде всего отъ нашего самопознанія и самоуваженія. **Не дивитеся семоу: яко слышиж, и сажда**, можетъ сказать намъ въ такомъ случаѣ каждый словами Вѣчной Правды».

---

[1]) Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. росс., 1871 г., кн. I. Смѣсь, стр. 218.

[2]) Предисловіе, стр. XXI.

Изданіе малорусскихъ памятниковъ Бодянскій началъ съ лѣтописей. Въ послѣдствіи Карповъ упрекнулъ его въ этомъ [1]). Бодянскій оправдывался тѣмъ, что поступить иначе онъ не могъ. Есть, несомнѣнно, болѣе драгоцѣнные и важные матеріалы, чѣмъ малорусскія лѣтописи, «но они лежатъ не только подъ спудомъ, но даже за тридевятью замками, а иногда и въ тридесятомъ царствѣ и иномъ государствѣ». Добыть ихъ, обработать къ печати не по силамъ одному человѣку. Бодянскій печаталъ, что могъ, что было у него подъ руками. Къ тому же онъ вовсе не склоненъ умалять значеніе малорусскихъ лѣтописей, какъ дѣлаетъ это Карповъ. «Весьма часто, говоритъ Бодянскій, извѣстіе нехитраго лѣтописца или какой-либо записки, письма и т. п. частнаго человѣка въ сто разъ достовѣрнѣе самого правительственнаго памятника, который въ одно и то же время, какъ говорится, нерѣдко и бѣлитъ и чернитъ, отъ своего чрева гнетъ такъ прямо, какъ дуга, или какъ московская оглобля, словно водой бредетъ; слушая, или читая его, уши вянутъ, въ очахъ зеленитъ, заносится до самозабвенія, людей стыдится и Бога боится» [2]).

Мы не будемъ здѣсь разбирать упрековъ Карпова, которые односторонни и несправедливы, тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ концѣ концовъ приходитъ къ выводу: «во всякомъ случаѣ хорошо, что малороссійскія лѣтописи изданы (нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ несомнѣнное достоинство)». Изслѣдователи малорусской исторіи въ достаточной степени изучили, оцѣнили и использовали малорусскія лѣтописи, изданныя Бодянскимъ, чтобы можно было умалять заслугу Бодянскаго въ ихъ изданіи. Ими широко пользовались Максимовичъ, Соловьевъ, Костомаровъ и другіе изслѣдователи политической исторіи Малороссіи. Лѣтопись Самовидца была даже переиздана въ 1878 году Кіевской Ком-

---

[1]) Критич. обзоръ разработки главныхъ источниковъ по исторіи Малороссіи за время 1654—1672 г., М. 1870.

[2]) Чтеніе въ Обществѣ исторіи и древностей 1871 г., кн I. Смѣсь, стр. 216—228.

миссіей для разбора древнихъ актовъ: на столько изданіе этой лѣтописи Бодянскимъ сдѣлалось рѣдкимъ, и на столько она была необходима для изучающихъ малорусскую исторію.

Первымъ изъ памятниковъ малорусской старины, напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ» была «Исторія Руссовъ». Она появилась въ первыхъ четырехъ книгахъ «Чтеній» за 1846-й годъ.

Время составленія «Исторіи Руссовъ» неизвѣстно. Преданіе связывало если не составленіе ея, то исправленіе съ именемъ извѣстнаго бѣлорусскаго архіепископа временъ Екатерины II Георгія Конисскаго.

Бодянскій, который вполнѣ довѣрялъ преданію, разсказываетъ въ предисловіи, какимъ образомъ «Исторія Руссовъ» сдѣлалась извѣстной. Депутату отъ лубенскаго шляхетства въ екатериненской законодательской коммиссіи Г. А. Полетикѣ, который выступалъ въ коммиссіи дѣятельнымъ защитникомъ малорусской общественной самобытности, потребовалась исторія родной страны, для того, чтобы историческими фактами подкрѣплять свои мнѣнія. Съ просьбой о такой исторіи, Полетикъ обратился къ своему учителю, природному малороссу, воспитаннику кіевской духовной академіи Георгію Конисскому. Послѣдній сообщилъ Полетикѣ «Лѣтопись или Исторію», «увѣряя архипастырски, что она ведена съ давнихъ лѣтъ въ кафедральномъ могилевскомъ монастырѣ искуссными людьми, сносившимися о нужныхъ свѣдѣніяхъ съ учеными мужами кіевской духовной академіи и разныхъ знатнѣйшихъ малороссійскихъ монастырей, а паче тѣхъ, въ коихъ проживалъ монахомъ Юрій Хмельницкій, прежде бывшій гетманомъ малороссійскимъ, оставившій въ нихъ многія записки и бумаги отца своего, гетмана Зиновія Хмельницкаго, и самые журналы достопамятностей и дѣяній національныхъ, и что при томъ она вновь имъ пересмотрѣна и дополнена». Полетика сравнилъ «Исторію Руссовъ» съ другими подобными исторіями, нашелъ ее «превосходнѣйшею» и всегда придерживался ея при справкахъ и запискахъ, которыя подавалъ въ Коммиссіи. «Итакъ, прибавляетъ Бодянскій, Исторія сія, прошедшая столько отличныхъ умовъ, кажется должна быть досто-

вѣрною». Можетъ возбуждать сомнѣніе только обиліе войнъ, но обстоятельства жизни малорусскаго народа были таковы, что «сего народа все упражненіе и ремесло состояло въ войнѣ и убійствахъ [1]).

Если Бодянскій въ своемъ предисловіи и не называлъ прямо Георгія Конисскаго составителемъ «Исторіи Руссовъ», то авторство послѣдняго въ исторической литературѣ сдѣлалось общепризнаннымъ. И только въ очень недавнее время ученые подвергли его сомнѣнію, при чемъ одни (В. С. Иконниковъ и А. М. Лазаревскій) авторомъ «Исторіи Руссовъ» стали называть самого Г. А. Полетику [2]), другіе (В. П. Горленко)—сына Г. А.—Василія Григ. Полетику [3])

Предположеніе, что авторомъ «Исторіи Руссовъ» могъ быть Г. А. Полетика имѣетъ за собою много основаній. Полетика былъ человѣкъ ученый, онъ занимался, изучалъ исторію своей родины, собиралъ и собралъ довольно большое количество матеріаловъ. Интересъ его къ исторіи вовсе не былъ вызванъ случайно практическими цѣлями, какъ говоритъ преданіе. Вѣроятнѣе, практическая цѣль защиты «правъ малорусскихъ», которую Полетика преслѣдовалъ въ Екатериненской коммисіи, явилась результатомъ хорошаго его знакомства съ прошлыми судьбами своей ро-

---

[1]) Чтенія 1846 г. (годъ первый) кн. I-я. Предисловіе Бодянскаго къ «Исторіи Руссовъ». Новѣйшіе ученые довольно критически относятся къ исторіи Руссовъ и находятъ ее въ многихъ частяхъ недостовѣрной односторонней и предвзятой. Ср. Соловьевъ «Очеркъ исторіи Малороссіи до подчиненія ея царю Алексѣю Михайловичу» въ Отеч. Зап. 1848 № 11 и 12-й 1849 № 2 *Карповъ*. Критичес. обзоръ разработки главныхъ источниковъ по истор. Малороссіи. Другія мнѣнія см. у В. П. Горленка Кіев. Ст. 1891 т. 40 стр, 65—67.

[2]) *Проф. В. С. Иконниковъ*. Опытъ русской исторіографіи т. I, кн. 2-я стр. 1230 прм. 4. *А. М. Лазаревскій*. Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ. Кіев. Ст. 1897 г. т. 33, стр. 110—116.

[3]) *В. П. Горленко*. Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX ст. Кіев. Ст. 1893 г. т. 40 стр. 60—67.

дины. Скорѣй всего нужно думать, что все міровоззрѣніе Полетики покоится на изученіи исторіи Малороссіи, чѣмъ предполагать, что Полетика искалъ историческаго сочиненія для того, чтобы только лучше обосновать свои уже готовыя мнѣнія. Если мы видимъ, поэтому, что записки, замѣтки и рѣчи Г. А. Полетики, которыя онъ говорилъ или представлялъ въ засѣданіи разныхъ коммиссій въ Москвѣ въ 1767 году по мысляхъ и идеяхъ сходны съ «Исторіей Руссовъ», это еще болѣе должно создавать увѣренность въ томъ, что авторомъ «Исторіи Руссовъ», былъ именно Г. А. Полетика, этотъ горячій малорусскій патріотъ XVIII столѣтія, отстаивавшій «малорусскія вольности» не на демократической только основѣ, а на основѣ преобладанія вполнѣ сложившейся уже въ рединѣ XVIII в. малорусской старины.

Такая мысль сквозитъ и въ «Исторіи Руссовъ», и очень можетъ быть, исторія эта явилась именно въ ту пору, когда, при Екатеринѣ II, малорусскому общественному строю приходилъ конецъ, когда шла административная подготовительная работа къ введенію въ Малороссіи общерусскихъ губернскихъ порядковъ. «Исторія Руссовъ» съ ея глубокими симпатіями къ малорусской общественной самостоятельности, къ малорусскимъ «правамъ и вольностямъ», съ ея несочувственнымъ и враждебнымъ отношеніемъ ко всему, что подрывало эти вольности и грозило имъ уничтоженіемъ какъ разъ соотвѣтствовала тому взрыву малорусскаго патріотическаго настроенія, которое мы видимъ послѣ окончательнаго уничтоженія въ Малороссіи гетманства и во время екатериненской законодательной коммиссіи. Тогда же могла создаться и популярность «Исторія Руссовъ» среди малорусской интеллигенціи. Никакая другая книга до тѣхъ поръ не распространялась въ Малороссіи въ такомъ количествѣ списковъ, какъ именно эта: за переписку ея платили бѣшеныя деньги, были даже промышленники, которые за дорогую цѣну сбывали переписанные экземпляры [1]). Словомъ, книга считалась запретной, опасной; а всякій запретный плодъ—сладокъ.

---

[1]) Чтенія въ Общ. ист. и древ. 1871 кн. I, Смѣсь стр. 222 *В. П. Горленко* Кіев. Ст. 1893 т. 40 стр. 61.

До Бодянскаго было нѣсколько попытокъ издать «Исторію Руссовъ». Добивались этого Устряловъ, Пушкинъ, Гоголь—все напрасно: цензура прекращала всякую попытку. Наконецъ, рѣшилъ попробовать счастья и Бодянскій. «Особенности этой «Исторіи», говоритъ онъ, заставляли всѣхъ, кто имѣлъ случай читать ее въ ходившихъ по рукамъ спискахъ, желать ея оглашенія, выставлялись въ такомъ заманчивомъ свѣтѣ, особливо смѣлость сужденій сочинителя о событіяхъ и двигателяхъ событіями, равно какъ и самый языкъ его, вовсе не похожій на языкъ прочихъ подобныхъ Исторій, что естественно было отважиться, нельзя ли этотъ запретный плодъ сдѣлать доступнымъ всѣмъ и каждому, а не однимъ только тѣмъ, кому такъ или иначе выпало на долю вкусить его» [1]). Для успѣха дѣла, Бодянскій рѣшилъ воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что Общество исторіи и древностей имѣло право собственной цензуры: онъ расчитывалъ, что издать «Исторію Руссовъ» лучше всего именно на первыхъ порахъ издательской дѣятельности Общества, когда дѣло еще не наладилось. И онъ не ошибся. Все сошло удачно. «Исторія Руссовъ» появилась въ печати, хотя «съ каждой книжкой «Чтеній» больше и больше стращали печатавшаго всякими страхами» [2]).

Двери для малорусскихъ матеріаловъ въ «Чтеніяхъ» были, такимъ образомъ, открыты. Вслѣдъ за «Исторіей Руссовъ» въ «Чтеніяхъ» стали печататься другія малороссійскія лѣтописи, лѣтописныя сказанія, записки, дневники, частныя и правительственныя бумаги, и они печатались въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ

---

1) Чтенія 1871 г. кн. I, смѣсь стр. 222.

2) Чтенія 1871 г. кн. I Смѣсь стр. 222. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Бодянскому отъ 6 февр. 1857 г. М. А. Максимовичъ говоритъ «какъ досадно, что у меня зачитали подаренный вами экземпляръ «Исторія Руссовъ». А знаете ли, что въ Кіевѣ продается она по 10 и 12 руб. сер. и по Малороссіи идетъ слухъ, яко бы она есть книга запрещенная! Сообщаю вамъ это для свѣдѣнія, какъ извѣстіе, полученное отъ пріѣхавшаго съ контрактовъ». Чтенія 1887 г. кн. I. Письма Максимовича къ Бодянскому стр. 146.

(1846—1858) непрерывно, пока въ 1848 году не случилась уже извѣстная читателю Флетчеровская исторія, и изданіе не было пріостановлено. За эти года (1846—1848 гг.) въ «Чтеніяхъ» кромѣ «Исторіи Руссовъ» были напечатаны слѣдующіе малорусскіе матеріалы: «Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго», «Исторія, или повѣствованіе о донскихъ козакахъ» Ригельмана и его же «Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ и о козакахъ вообще». Часть экземпляровъ этого послѣдняго была иллюстрирована. Къ нимъ были приложены портретъ Богдана Хмельницкаго, 27 литографій, изображающихъ малороссіянъ различныхъ общественныхъ положеній, картина «Избраніе кошевого атамана въ запорожской сѣчи» и двѣ карты— одна юга Россіи, преимущественно Украины и Польши, другая— древнихъ земель, занимавшихъ эту территорію.

За Ригельманомъ издано было «Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ» Петра Симоновскаго—и переведенная съ польскаго языка «Краткая исторія о бунтахъ Хмельницкаго». Затѣмъ слѣдовали «Исторія о козакахъ запорожскихъ, какъ оные изъ древнихъ лѣтъ зачалися, и откуда свое происхожденіе имѣютъ, и въ какомъ состояніи нынѣ находятся»; историческія сочиненія о Малороссіи и малороссіянахъ извѣстнаго академика XVIII ст. Г. Ф. Миллера; переписка и другія бумаги Карла XII, Станислава Лещинскаго, Орлика и др., письма Головкина къ Скоропадскому, «о достопамятностяхъ Чернигова» и «отвѣты на нѣкоторые вопросы о Малой Россіи» М. Маркова; письмо Лазаря Барановича къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ; записка Георгія Конисскаго объ уніи; двѣ грамоты царя Алексѣя Михайловича къ воеводамъ о малорусскихъ козакахъ; о мѣстѣ погребенія гетмана Скоропадскаго; письмо кошевого Гордѣенка къ воеводѣ Шеншину; письмо имп. Александра I къ бывшему малор. гетману Кириллу Разумовскому; повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ со времени покоренія ея Литвой до смерти Богдана Хмельницкаго; письма разныхъ лицъ къ Мазепѣ объ его сестрѣ Войнаровской; письмо Мазепы къ царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ; указъ Петра Мазепѣ 1705 г.; «Краткое истори-

ческое описаніе о Малой Россіи до 1765 г.»; «Начало уніи» Д. Зубрицкаго: «Этнографическій взглядъ на кіевскую губернію» Менькова; «Густынская лѣтопись»; «Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ» Станислава Зарульскаго; письма Петра I къ гетману Скоропадскому; «Малороссійская переписка, хранящаяся въ московской Оружейной палатѣ»; «О первыхъ гетманахъ малороссійскихъ» и «акты, поясняющіе исторію Малороссіи» Н. Маркевича; письма царевенъ, дочерей Петра, и имп. Екатерины Алексѣевны къ гетману Скоропадскому и, наконецъ, «Замѣчанія, до Малой Россіи принадлежащія», которыя О. М. Бодянскій считалъ запиской, поданной неизвѣстнымъ авторомъ высшему начальству объ улучшеніи малорусскаго строя. «И, надобно сказать, прибавляетъ Бодянскій, почти всѣ улучшенія, предложенныя имъ, исполнены послѣднимъ (т. е. высшимъ начальствомъ) одно за другимъ постепенно, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями». Въ свое время Д. Н. Бантышъ-Каменскій склоненъ былъ думать, что авторомъ «Замѣчаній» былъ Марковъ [1]), но Бодянскій не принялъ этого мнѣнія и въ послѣднее время оно убѣдительно опровергнуто проф. М. Н. Бережковымъ [2]).

Мы перечислили, кажется, все, изданное въ «Чтеніяхъ» О. М. Бодянскимъ за три года по малорусской исторіи, и думаемъ, ни у кого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, какъ много далъ О. М. Бодянскій наукѣ своими изданіями. До него изданіе матеріаловъ по малорусской исторіи носило чисто случайный характеръ. Нельзя сказать, чтобъ его окончательно не было: еще въ XVIII ст. и въ началѣ XIX ст. нѣкоторые матеріалы по малорусской исторіи были изданы академикомъ Г. Ф. Миллеромъ [3]),

---

[1]) Труд. и Зап. Моск. Общ. Ист. 1826., ч. III, кн. 2, стр. 73—76.

[2]) М. Бережковъ. М. Е. Марковъ и его рукописный сборникъ о черниговской старинѣ стр. 8—9. Таже статья помѣщена въ «Сборникѣ истор.-фил. Об-ва при институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ.

[3]) О началѣ и происхожденіи козаковъ. «Сочиненія и перев. къ пользѣ и увеселенію служащія» 1760 г., апрѣль. Извѣстія о запорожскихъ козакахъ, тамъ же, май, стр. 387—444.

Василіемъ Рубаномъ [1]), Туманскимъ [2]), Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ [3]), Мих. Берлинскимъ [4]), Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ [5]),

---

[1]) «Историч. извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и городахъ россійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ и потомъ опять россіянами взятыхъ, принадлежащія къ россійской имперіи» Парнасс. Щепетил. 1770 г., декабрь, стр. 290—319.—„Краткія политическія историческія извѣстія о Малой Россіи, съ пріобщеніемъ украинскихъ трактовъ и извѣстій о почтахъ, такожъ списка духовныхъ и свѣтскихъ, тамо находящихся нынѣ чиновъ, числѣ народа и прочая". Спб. 1773;—„О привилегіяхъ королевскихъ, въ бытность Кіева подъ Польшею и о грамотахъ государскихъ, по возвращеніи его подъ Россію, данныхъ кіевскимъ училищамъ" „Старина и Новизна" 1773 г., ч. II, стр. 107—130.—„Роспись митрополитовъ кіевскихъ, съ краткимъ лѣтописаніемъ» Моск. любоп. мѣсяц. на 1776 г.», стр. 54—120.—«Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 годъ, съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія, и съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и іерарховъ; такоже землеописанія съ показаніемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа людей, извѣстій о почтахъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній. Спб. 1777. Землеописаніе Малыя Россіи, изъявляющее города, мѣстечки, рѣки, число монастырей и церквей, и сколько гдѣ выборныхъ козаковъ, подпомощниковъ и посполитыхъ по ревизіи 1764 года находилось; такожъ дополненіе о полтавскомъ полку, извѣстіе о почтахъ и трактахъ и алфавитная всѣмъ званіямъ роспись; какъ и дополнительная вѣдомость о церквахъ всѣхъ тамошнихъ епархій. Спб. 1777.

[2]) Въ «Россійскомъ магазинѣ» Ѳ. Туманскаго (1792—1795) напечатаны, между прочимъ: «Выписка изъ записки 1794 г. о происходившемъ въ бывшей Сѣчи Запорожской, при выборѣ въ кошевые атаманы, войсковые судьи, писари и асаулы; такожъ въ разныя мѣста—въ полковники, что обыкновенно бывало въ новый годъ».—Бѣлоцерковскій манифестъ Богдана Хмельницкаго;—Лѣтописецъ Малыя Россіи и др.

[3]) Историческое обозрѣніе о возникшей въ Польшѣ уніи. М. 1805.

[4]) Покореніе Кіева Гедимономъ; Раздѣленіе Малороссіи на полки; О городѣ Кіевѣ; О малороссійскихъ чинахъ (изъ Шафонскаго). «Улей» 1811 г. и др.

[5]) Исторія Малой Россіи 1822 г. Къ этому изданію приложено много актовъ.

митрополитомъ Евгеніемъ Болховитинымъ [1]); въ журналахъ попадались отдѣльные матеріалы, относившіеся къ исторіи Малороссіи [2]); но, повторяемъ, изданія эти носили спорадическій, случайный характеръ; это уже видно изъ того, что главнѣйшія малорусскія лѣтописи оставались все же ненапечатанными. О. М. Бодянскому принадлежитъ несомнѣнная громадная заслуга предъ малорусской исторической наукой въ томъ, что онъ такъ широко открылъ страницы «Чтеній» систематическому изданію малорусскихъ матеріаловъ и далъ возможность излѣдователямъ пользоваться важнѣйшими историческими источниками, которые до тѣхъ поръ лежали подъ спудомъ.

Было бы ошибкой, впрочемъ, думать, что О. М. Бодянскій первый принялся за систематическое изданіе малорусскихъ историческихъ матеріаловъ. Еще раньше появленія «Чтеній» такое изданіе было предпринято въ Кіевѣ «Временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ», которая въ 1845 году стала выпускать въ свѣтъ свои «Памятники». Но это обстоятельство ни сколько не умаляетъ заслугъ О. М. Бодянскаго предъ наукой и родиной. Изданіе малорусскихъ матеріаловъ явилось у него независимо отъ кіевской коммиссіи; оно было естественнымъ выводомъ изъ міросозерцанія его, какъ малоросса, по происхожденію, и какъ человѣка, проникнутаго интересами научнаго изученія своей родины. Къ этому нужно прибавить, что дѣятельность О. М. Бодянскаго въ общемъ была нѣсколько интенсивнѣе, чѣмъ дѣятельность кіевской коммиссіи [3]), несмотря на то, что Бодянскій дѣй-

---

[1]) Описаніе Кіево-Софійскаго собора К., 1825; Описаніе Кіево-Печерской лавры. Кіевъ 1826.

[2]) Экстрактъ изъ грамотъ и привилегій малорусскихъ, изд. въ Сѣверн. Арх. въ 1828 г.; Наставленіе выборному отъ малор. коллегіи въ коммиссію о сочиненіи новаго уложенія Натальину От. Зап. 1830 г., ч. 42; Описаніе Украины Боплана, изд. въ 1830 г. Устряловымъ; «Запорожская старина» Срезневскаго, Исторія Малороссіи Н. Маркевича (1842 г.) и т. д.

[3]) *Ср. О. И. Левицкій.* Пятидесятилѣтіе кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ 1893. Перечень изданій, стр. 124—126.

ствовалъ при условіяхъ гораздо худшихъ, чѣмъ коммиссія. Обиліе малорусскихъ матеріаловъ въ «Чтеніяхъ» вызывало нареканія на Бодянскаго отъ членовъ Общества, вообще не жаловавшихъ Малороссію. «Чѣмъ сдѣлались «Чтенія»?—писалъ, напр. проф. Кубаревъ къ Сахарову. Сбродомъ всякой всячины и сокровищницею былей и небылицъ хохлатскихъ! Такъ что самое доброе, что есть въ нихъ, совершенно теряется въ этомъ навозѣ» [1]). Для того, чтобы начать печатаніе пѣсенъ Галицкой Руси, собранныхъ львовскимъ профессоромъ Я. Ф. Головацкимъ, Бодянскій, во избѣжаніе «какихъ либо толковъ и пересудовъ» долженъ былъ предпослать имъ собраніе великорусскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго [2]).

Конечно. во всемъ этомъ О. М. Бодянскому помогала его удивительная энергія, его любовь къ дѣлу, наукѣ. Многое онъ дѣлалъ самъ, своими силами. Почти всѣ, изданные имъ малорусскіе матеріалы снабжены его предисловіями, въ которыхъ онъ сообщаетъ о характерѣ памятника, о томъ, какимъ путемъ памятникъ попалъ въ его руки, даетъ свѣдѣнія или предположенія объ авторѣ и т. д. Иногда эти свѣдѣнія очень обширны. Предисловіе къ «Діаріушу» Николая Ханенка, о которомъ будетъ рѣчь ниже, разрослось, напр., въ цѣлую обстоятельную историческую статью о родѣ Ханенковъ. Но этого мало: къ нѣкоторымъ памятникамъ О. М. Бодянскій дѣлалъ примѣчанія, устанавливалъ разночтенія, объяснялъ малорусскія или непонятныя слова, какъ онъ сдѣлалъ это при «Исторіи Руссовъ» и «Лѣтописи Самовидца». О. М. Бодянскимъ или при его ближайшемъ участіи и редакціи сдѣланы подробные указатели къ наиболѣе крупнымъ изъ изданныхъ памятниковъ: Исторіи Руссовъ, Лѣтописи Самовидца, сочиненіямъ Ригельмана. Мы не говоримъ уже о томъ трудѣ, который былъ связанъ съ добываніемъ матеріаловъ для печати. Главнымъ помощникомъ и поставщикомъ его въ этомъ отношеніи, если можно такъ выразиться, былъ П. А. Кулишъ [3]), затѣмъ слѣдо-

---

1) Древняя и Новая Россія 1880, т. I, стр. 514.

2) Рус. Ст. 1888, кн. II, стр. 402.

3) Письма Кулиша къ Бодянскому въ «Кіев. Ст.», 1897 г., т. 57 и 58.

вали М. И. и А. И. Ханенко, М. О. Судьенко, Г. А. Милорадовичъ и др. изъ малороссовъ. Но О. М. Бодянскій умѣлъ побудить къ доставленію ему матеріала и не однихъ малороссовъ. Нѣсколько интересныхъ актовъ по малорусской исторіи напечатали въ первые годы «Чтеній» И. Д. Бѣляеевъ и И. Е. Забѣлинъ. Послѣдній, какъ мы уже упоминали, помѣстилъ въ 1848 году обширную и важную, преимущественно, въ дипломатическомъ отношеніи «Малороссійскую переписку, хранящуюся въ архивѣ московской оружейной палатѣ».

Въ 1848 году издательская дѣятельность О. М. Бодянскаго была, какъ извѣстно, насильственно прервана. Съ удаленіемъ его изданіе малорусскихъ матеріяловъ прекращается. Въ смѣнившемъ «Чтенія» «Временникѣ московскаго Общества исторіи и древностей» ихъ почти нѣтъ. Они возобновляются только въ 1858 году съ возобновленіемъ «Чтеній» и съ возвращеніемъ О. М. Бодянскаго къ редакторской дѣятельности.

Къ этому времени у Бодянскаго было уже нѣсколько вполнѣ готовыхъ къ изданію матеріаловъ. Изданіе ихъ, значитъ, продолжалось бы непрерывно, если бы не случилась катастрофа 1848 г.

На первомъ мѣстѣ здѣсь мы должны поставить «Источники малороссійской исторіи», собранные Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ. По заявленію самого Бодянскаго, первая часть «Источниковъ» была совсѣмъ готова осенью 1848 года и предназначалась къ изданію во 2-й книжкѣ «Чтеній» за этотъ годъ [1]).

Источники собраны были въ Московскомъ Главномъ Архивѣ министерства иностр. дѣлъ бывшимъ начальникомъ этого Архива Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ. На основаніи этихъ матеріаловъ сынъ его Д. Н. Бантышъ-Каменскій писалъ свою «Исторію Малой Россіи» и нѣкоторые изъ нихъ помѣстилъ въ «приложеніяхъ» къ первому изданію ея въ 1822 году. Помѣщена была впрочемъ сравнительно незначительная часть ихъ, 63 изъ 177; къ тому же первое изданіе «Исторіи Малой Россіи» скоро сдѣлалось библіографическою рѣдкостью; во второмъ изданіи (1836 г.)

---

[1]) Предисловіе О. М. Бодянскаго къ I выпуску «Источниковъ».

Бантышъ-Каменскій напечаталъ документы только въ извлеченіи, а въ третьемъ (1842 г.) и совсѣмъ ихъ опустилъ [1]). А между тѣмъ документы эти чрезвычайно важны для изученія политическаго хода событій въ Малороссіи во время и послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго. Когда Бодянскій, печатая «Исторію Русовъ», обратился къ любителямъ малорусской старины съ приглашеніемъ присылать ему для напечатанія историческіе матеріалы, въ числѣ первыхъ, откликнувшихся, былъ и Д. Н. Бантышъ-Каменскій. Бодянскій немедленно же приступилъ къ печатанію и, пока «Источники» набирались, былъ напечатанъ, какъ намъ уже извѣстно, рядъ малорусскихъ лѣтописей. Катастрофа 1848 г. застала, такимъ образомъ, «Источники» въ наборѣ. Бодянскій предполагалъ, что ихъ будетъ 3—4 части [2]); но ихъ вышло всего двѣ, при чемъ первая была напечатана въ «Чтеніяхъ» 1858 года, а вторая въ 1859 году. Первая обнимаеть собой время отъ Зборовскаго договора (1649 г.) до избранія въ гетманы Мазепы; вторая—отъ 1691 года до 1722 года, т. е. до смерти Скоропадскаго. «Источники малороссійской исторіи» заключаютъ въ себѣ матеріалы первостепенной важности для изученія вопроса о политическомъ существованіи Малороссіи послѣ Богдана Хмельницкаго. Здѣсь мы находимъ гетманскія статьи и переписку по поводу ихъ, документы, относящіеся къ измѣнѣ Мазепы и къ событіямъ, слѣдовавшимъ во внутренней жизни Малороссіи послѣ этой измѣны, когда Петръ I сталъ болѣе дѣятельно и энергично вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Малороссіи, когда, наконецъ, была введена Малороссійская Коллегія...

Въ томъ же 1858 году, въ «Чтеніяхъ» былъ изданъ и «Діаріушъ» Николая Ханенка. Въ качествѣ старшаго канцеляриста, Ханенко сопровождалъ гетмана Скоропадскаго во время его послѣдней поѣздки въ Москву въ 1722 году и здѣсь день за днемъ записывалъ все, что происходило. Время послѣдней поѣздки Скоропадскаго было чрезвычайно важнымъ моментомъ въ поли-

---

1) Чтенія 1871 кн. I смѣсь стр. 224—225

2) Предисловіе Бодянскаго къ I вып. Источниковъ.

тической жизни Малороссіи. Послѣ этой поѣздки была, какъ извѣстно, учреждена Малороссійская Коллегія. Само собой разумѣется, какой большой интересъ долженъ представлять для историка «Діаріушъ» Ханенка.

Мы уже упоминали выше, что Бодянскій снабдилъ изданіе «Діаріуша» обстоятельной статьей, посвященной исторіи рода Ханенковъ. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ въ этой статьѣ значеніе «Діаріуша»:

«Отъѣзжая въ послѣднюю съ гетманомъ, отправлявшимся для поздравленія Петра І-го съ знаменитымъ Ништадскимъ миромъ и принятіемъ императорскаго имени, Ханенко сознавалъ важность времени и рѣшился вести Діаріушъ или Журналъ съ самаго выѣзда изъ Малороссіи (3-го генваря). Важность сообщаемаго въ немъ, надѣюсь, каждый занимающійся судьбами своего народа, оцѣнитъ вполнѣ. Въ немъ слышимъ мы разсказъ непосредственнаго очевидца многому, въ то время совершавшемуся въ Бѣлокаменной, и притомъ очевидца, вовсе не думавшаго о гласности, но записывавшаго для себя, «памяти ради» и удовлетворенія собственной любознательности. Потребность эта проявилась въ немъ еще до поѣздки въ Великую Россію, какъ показываетъ то другой Журналъ его, начатый имъ за два года съ небольшимъ до того, и оставленный только не за долго до смерти. Невольно переносишься въ то время, читая эти простыя замѣтки о ежедневныхъ посѣщеніяхъ козацкимъ гетманомъ тогдашнихъ сильныхъ земли, и взаимно ими его, который, при всей слабости своей всякаго рода, имѣлъ еще большое значеніе для нихъ, равно какъ и для самаго государя. Чѣмъ далѣе вчитываешься въ этотъ простодушный разсказъ, тѣмъ болѣе не хочется оторваться отъ него. По кончинѣ гетмана, очевидно, отъ горести, по случаю учрежденія Коллегіи подъ предсѣдательствомъ бригадира съ 10-ю гарнизонными товарищами, якобы для денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ и верховнаго рѣшенія дѣлъ по апелляціямъ, Ханенко посланъ былъ въ іюлѣ съ однимъ товарищемъ отъ имени генеральной старшины и полковниковъ къ государю, находившемуся тогда подъ Дербентомъ, съ письмами, которыя вручилъ лично, и оставался при арміи до самаго возвращенія ея въ Астра-

хань, изъ коей отправленъ обратно въ Глуховъ. Своевольные поступки Коллегіи заставили наказнаго гетмана (Полуботка) съ старшиной жаловаться на нихъ Сенату, который, въ отсутствіе императора, удовлетворилъ справедливому прошенію; но председатель Коллегіи, Вельяминовъ, объяснилъ все дѣло совершенно иначе возвратившемуся государю изъ Персидскаго похода, а потому рѣшеніе Сената было уничтожено, распоряженія Коллегіи снова подтверждены, жалобщики потребованы въ Петербургъ, ровно черезъ годъ по отбытіи изъ Москвы Скоропадскаго, т. е., вся старшина генеральная съ наказнымъ гетьманомъ, въ томъ числѣ и Ханенко. Извѣстно, какая судьба постигла ихъ тамъ. Подвергаясь нѣсколько разъ пыткѣ въ Тайной Канцеляріи и просидѣвъ въ ужасномъ заключеніи болѣе года, гдѣ многіе и скончались, узники получили свободу, имущество, званіе и чины прежніе только съ восшествіемъ на престолъ Екатерины I-й».

Въ отрывкѣ, который мы только что привели, Бодянскій упоминаетъ о «другомъ Журналѣ Ханенка». Это былъ «Партикулярный журналъ или для памяти повседневная записка» [1]. Бодянскій думалъ объ его изданіи [2], но оно тогда почему-то не состоялось, и только много лѣтъ спустя, въ 1884 г., «Журналъ» этотъ былъ изданъ А. М. Лазаревскимъ въ приложеніяхъ къ «Кіевской Старинѣ», подъ заглавіемъ «Дневникъ генеральнаго хоружаго Николая Ханенка (1727—1753). Рукопись за это время успѣла уже значительно пострадать [3]. Въ рукахъ Бодянскаго былъ болѣе полный дневникъ Ханенка, начинался онъ съ 1719 годомъ и оканчивался 1754 годомъ [4]; въ изданіи А. М. Лазаревскаго дневникъ начинается только 1727 годомъ, оканчивается декабремъ 1753 года и кромѣ того въ срединѣ еще не достаетъ нѣсколькихъ листовъ [5]. Этотъ фактъ, ду-

---

1) Предисловіе къ «Діаріушу» Ник. Ханенка стр. VI.

2) Тамъ-же стр. VII.

3) Предисловіе А. М. Лазаревскаго къ дневнику Ханенка стр. XIV.

4) Предисловіе Бодянскаго къ „Діаріушу" стр. VI.

5) Предисловіе Лазаревскаго къ дневнику Ханенка стр. XIV.

мается намъ, еще болѣе подчеркиваетъ заслугу О. М. Бодянскаго, спѣшившаго издавать какъ можно больше матеріаловъ Кто знаетъ, сохранились бы до нашего времени многіе изъ малорусскихъ лѣтописей, если бы ихъ не поспѣшилъ напечатать Бодянскій?

Въ «Чтеніяхъ» 1858 г. были помѣщены также: «Роспись городу Кіеву; акты о козакахъ, собранные М. А. Маркевичемъ; наставленіе выборному отъ малороссійской коллегіи въ Коммиссіи о сочиненіи Новаго Уложенія Натальину и возраженіе на него Г. А. Полетики; изслѣдованіе М. А. Максимовича «О древней епархіи переяславской и, наконецъ, имъ же сообщенная драма, представленная въ Кіевскихъ школахъ въ 1728 году, подъ заглавіемъ «Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Зиновія Хмельницкаго свободившая и возвеличившая». Въ 1859 году былъ напечатанъ второй томъ «Источниковъ малороссійской исторіи», собранныхъ Бантышъ-Каменскимъ и затѣмъ печатаніе малорусскихъ историчесскихъ документовъ производилось ежегодно, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ прежде. Пробѣлъ въ этомъ отношеніи мы находимъ только въ концѣ 1860-хъ годовъ: именно въ 1866—1869 г. мы не встрѣчаемъ историческихъ документовъ. Очень можетъ быть, что не безъ вліянія на это прошла и та передряга, которую пришлось пережить О. М. Бодянскому послѣ забаллотированія его въ университетѣ.

Малороссійскіе историческіе матеріалы, напечатанные О. М. Бодянскимъ послѣ 1859 г., относятся преимущественно къ XVIII и XIX столѣтіямъ. Исключеніемъ изъ этого являются «Реестры всего войска запорожскаго послѣ зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ», составленные въ 1649 году, и изданные Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ» 1874 года. Изъ матеріаловъ, относящихся къ XVIII и XIX ст. отмѣтимъ только нѣкоторые: «Книгу пожиткамъ Полуботка», акты, касающіеся его имѣній; инструкцію стародубскому полковнику Кокошкину; дѣло гадяцкаго полковника Милорадовича съ ген. судьею Чарнышемъ; бумаги изъ архива Румянцева: о скуплѣ земель въ Малороссіи; объ открытіи въ Малороссіи намѣстничествъ и др.; бумаги Румянцева, относящіяся до управленія Малороссіи; бумаги изъ архива князя

Репнина; записку новгородсѣверскихъ старообрядцевъ, представленную Потемкину, рѣчь Андр. Полетики; записку черниговскимъ депутатамъ, отправлявшимся для принесенія благодарности Александру I за возстановленіе дворянской грамоты и т. д.

Въ 1871 году Бодянскимъ напечатано изслѣдованіе Г. А. Милорадовича о Любечѣ, при которомъ приложено довольно большое собраніе документовъ, преимущественно, юридическихъ актовъ на владѣніе землей. Изъ этнографическихъ матеріаловъ—«Пѣсни галицкой Руси» Я. Ф. Головацкаго, печатавшіяся въ 1860-хъ и въ 1870-годахъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на страницахъ, «Чтеній» и затѣмъ въ 1878 году вышедшія отдѣльно; статью г. А. Боровиковскаго «Женская доля по малорусскимъ пѣснямъ» («Чтенія» 1867) и «Сборникъ малороссійскихъ заклинаній», собранныхъ П. С. Ефименкомъ («Чтенія», 1874).

Уже одно количество изданныхъ О. М. Бодянскимъ матеріаловъ по исторіи и этнографіи малорусскаго народа краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ велика заслуга издателя для изученія Малороссіи. Къ этому нужно прибавить, что матеріалы, изданные Бодянскимъ, если и не всѣ первостепенной важности, то все же они давали и дали очень много для разработки малорусской исторіи. Сдѣлавшись доступными болѣе широкому кругу изслѣдователей, они доставили возможность имъ болѣе научно, критически отнестись къ событіямъ прошлой жизни малорусскаго народа, провѣрить ихъ, освѣтить болѣе правильно. Безъ матеріаловъ, изданныхъ Бодянскимъ не могъ и не можетъ въ настоящее время обойтись ни одинъ изъ изслѣдователей старой жизни Малороссіи.

Въ какомъ видѣ представлялись самому О. М. Бодянскому ходъ и развитіе малорусской исторіи на основаніи извѣстныхъ ему матеріаловъ—мы не знаемъ. Онъ стоялъ только всегда за чисто научное безпристрастное изслѣдованіе малорусской жизни, безъ той тенденціи, которая, къ сожалѣнію, и теперь еще такъ много вредитъ правильному пониманію какъ малорусской исторіи, такъ и запросовъ современной намъ жизни малорусскаго на-

рода. Въ этомъ отношеніи О. М. Бодянскій одинъ разъ высказался довольно опредѣленно [1]).

Г. Ф. Карповъ, сдѣлавшись профессоромъ харьковскаго университета, въ своей вступительной лекціи высказалъ такого рода положеніе: «методомъ преподаванія исторіи долженъ быть юриспруденція, потому что всѣ люди борятся за свои интересы, и исторія есть ничто иное, какъ борьба, а, стало быть, судебный процессъ о томъ, которой сторонѣ жить, и которой умереть». «Этотъ взглядъ свой, говоритъ О. М. Бодянскій, г. Карповъ проводитъ и въ сочиненіи своемъ, касающемся Малороссіи, и проводитъ, надобно признаться, совершенно согласно съ исповѣдью своей, открыто беззастѣнчиво, съ видимымъ удовольствіемъ и наслажденіемъ. И онъ завязалъ судебный процессъ о томъ, которой изъ Руси жить, и которой умереть; громитъ и разитъ въ пухъ и прахъ то самое въ подсудной ему сторонѣ, что въ неподсудной находитъ въ порядкѣ вещей, оправдывая всякое насиліе, явную несправедливость, нарушеніе торжественныхъ договоровъ, правъ и льготъ, тѣмъ извѣстнымъ изреченіемъ, по коему все ни по чемъ, коль скоро не подходитъ подъ общіе порядки, нужды нѣтъ, что эти порядки хуже всякихъ безпорядковъ, и что именно они-то и вызываютъ мнимые безпорядки, какъ протестъ противу произвола, покоющагося на пресловутомъ: «Stat voluntas pro ratione!» «Дѣлай, молъ, по моему нраву!» Но поступая такъ, нашъ историкъ-юристъ забываетъ первое основное требованіе всякаго обвиненія, по которому: «Accusans debet esse melior accusato.» Преувеличеніе вредно во всемъ, въ Исторіи же оно всегда указываетъ сколько на искаженіе ея съ одной стороны, столько и на незрѣлость мысли и слабость душевную съ другой. Читая сужденія Г-на Карпова въ его «Критическомъ обзорѣ», такъ и хочется сказать ему: «Не сохни, не боли, не твои пироги!» а лучше: «Оглянись-ко назадъ, не горитъ ли твой посадъ!» Что бы мы ни

---

[1]) Чтенія въ Общ. Истор. и Древн. 1871 г., кн. I. Смѣсь, стр. 226—228.

дѣлали, не мыслили, первое условіе дѣлателя, какъ существа мыслящаго, если желаетъ онъ какого либо успѣха, это—чувство мѣры: «In medio virtus,» говаривали еще Римляне. Напротивъ, неумѣренность, крайность, никогда къ добру не ведутъ. Кличъ: «Жизнь, или смерть!» хорошъ въ крайности житейской, между Сцилой и Харибдой, отнюдь же не на кладбищѣ, мѣстѣ покоя, а не борьбы, гдѣ взвѣшивается содѣянное на вѣсахъ правды и безпристрастія къ борцамъ. Всѣ счеты наши остаются за порогомъ гроба, за которымъ настаетъ судъ по дѣломъ каждаго, а не кому жить, кому умереть, такъ какъ ни кто уже не живетъ, всѣ мертвые, все конечно: «Было, и быльемъ поросло!» Вносить же и въ загробный міръ борьбу на жизнь и смерть можетъ только черствое сердце погрязшаго съ головой въ мірской суетѣ и тинѣ, ищущаго, во что бы ни стало, поставить на своемъ, а не узнать, какъ и что было, чтобы воздать по правдѣ всѣмъ и за все. Потому-то нельзя не пожелать, чтобы такой взглядъ на Исторію не появлялся болѣе ни у насъ, ни у кого бы то ни было. Иначе—прости на вѣки справедливость! Вмѣсто преданія забвенію враждованія споривших нѣкогда на бѣломъ свѣтѣ, воззовутся снова раздоры, котора, и борьба за мое и твое снова всплыветъ на поверхность. Можетъ ли по тому осуществиться и извѣстное желаніе Южно-русскаго народа, который возсоединяясь съ единокровными своими братьями, единодушно восклицалъ, въ своей молитвѣ къ Всевышнему: «Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтобъ есми во вѣки вси едино были!» Вообще, какъ опытъ показалъ, юристы—ненадежные судьи въ области Исторіи: извѣстно, какъ они въ Средніе Вѣка поступили съ одной Имперіей. Скажутъ: «Сочинитель «Критическаго обзора», какъ человѣкъ, заблуждается». Такъ? Но заблужденіе разнаго рода бываетъ: невольное, не преднамѣренное естественно, и по тому менѣе виновно; то же которое идетъ изъ строго обдуманной теоріи, предвзятаго взгляда и заранѣе построенныхъ рамокъ, осуждать на смерть все, не подходящее подъ объявленный взглядъ, чего нельзя втиснуть въ свои рамки, кто съ здравымъ умомъ одобритъ, назоветъ благоразум-

нымъ? «Въ словеса бо познана будетъ премудрость», замѣчаетъ мудрый. И если, по словамъ другого мужа правды и житейскаго опыта: «не всѣмъ же видимъ свѣтъ свѣтлый есть въ древностехъ», тѣмъ паче слѣдуетъ судящимъ языкы и царства «словесемъ своимъ сотворити вѣсъ и мѣру», такъ какъ: «словеса мудрыхъ въ мѣрилѣхъ станутъ»...

Ник. Василенко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ быта малорусскихъ сельскихъ пастырей XVII в. Въ библіотекѣ Кіево-печерской лавры хранится рукопись подъ заглавіемъ: Manuale sev Compendium rhetoricum utile oratori scholastico, ecclesiastico, politico, in collegio Camenecensi ad Maximi Dei gloriam et studiosae iuventutis utilitatem propositum anno Domini 1666. Въ томъ же переплетѣ имѣется также Praxis oratoriae apparatus, преподанный въ той же Каменецкой іезуитской Коллегіи въ 1665 году [1]). На заглавномъ листѣ рукописи помѣчено, что она—изъ книгъ Павла Коптевича покойнаго, въ селѣ Байбузахъ. Вѣроятно, рукою этого Коптевича на трехъ переднихъ бѣловыхъ листкахъ сдѣланы слѣдующія автобіографическія замѣтки: подъ 1669 и 1670 г. отмѣчено о смерти его «родичей (родителей), отца и матки»; за ними слѣдуютъ краткія памятныя замѣтки: Stałem dyakonem roku 1670, iula 16. Stałem swiasczennikiem roku 1673, ianuarya 6. Здѣсь же отмѣчено и такое крупное историческое событіе тѣхъ лѣтъ, какъ взятіе турками Чигирина, Канева и Корсуня. Roku 1678, miesiąnca augusta dnia 11, wziął Turczyn miasto sławne Ukrainne Czcihirin, za hetmanstwa Iwana Popowicza. Tego ż roku y Kanew, wielkie y piękne miasto, Turcy wzięli bez żadney bytwy, bo naprzod sławnieysze mieszczanie poschodzili. Korsuń się pokłoniłsię (sic) y Drabowka Turczynowi y Chmielnickiemu, ktorym żadney krywdy nie czynił, tyle połozył Janienka załogą z połkiem kozakow, ktory się poperedawali.

---

[1]) Въ „Описаніи рукоп. собраній" проф. Н. И. Петрова (вып. II) эта рукопись указана подъ № 296.

Если авторомъ этихъ замѣтокъ признать Павла Коптевича, священствовавшаго въ с. Байбузахъ [1]), то отсюда можно вывести любопытное заключеніе, что въ сельскихъ приходахъ тогдашней Малороссіи священническія и даже діаконскія мѣста нерѣдко занимали лица, получившія весьма достаточное школьное образованіе. О Коптевичѣ можно думать, что онъ учился въ Каменецкой іезуитской коллегіи, откуда и вывезъ учебникъ риторики и діалектики. Годы преподаванія этихъ курсовъ (1665—1666) какъ разъ соотвѣтствуютъ учебнымъ годамъ Коптевича, рукоположеннаго въ діакона въ іюлѣ 1670 г. А фактъ обученія православнаго малоросса въ іезуитской школѣ не долженъ представлять ничего необыкновеннаго: по свидѣтельству извѣстнаго историка Кіевской Могилянской академіи проф. Н. И. Петрова, въ XVII—XVIII в.в. это было обычнымъ явленіемъ [2]). Быть можетъ, Коптевичъ былъ вынужденъ искать образованія у каменецкихъ іезуитовъ потому, что Кіево-могилянская коллегія въ 1665 г. подверглась разоренію и на время должна была прекратить свое существованіе [3]).

Вслѣдъ за подчиненіемъ турками правобережной Украины наступило ея сплошное разореніе и насильственное удаленіе остатка ея населенія на лѣвый берегъ Днѣпра. Та же участь постигла и с. Байбузы; Павелъ Коптевичъ или погибъ въ это смутное время, или же перешелъ въ Гетманщину; владѣльцемъ же его рукописной реторики является священникъ Покровской церкви села Сасиновки [4]) Василій Даниловичъ. Слѣдуя примѣру прежняго владѣльца, онъ также употребляетъ бѣлые листки рукописной книги для разныхъ замѣтокъ, но ведетъ ихъ не на польскомъ, а на своемъ природномъ языкѣ. Подъ 1686 годомъ отмѣчаетъ: „Року ҂ахѯѕ, апрѣля к (20) дня, четвертой недѣлѣ по Пасцѣ, у четвертокъ, буря и метелиця барзо великая була и снѣгъ у косточки выпалъ, що ся и записано для памяти на потомніе часы».

---

[1]) С. Байбузы и нынѣ существуютъ и находятся въ черкасскомъ у., кіевск. губ.

[2]) „Кіевская Академія во 2-й половинѣ XVIII в.“, стр. 61.

[3]) Тамъ же, стр. 29. Впрочемъ, мнѣніе объ этомъ прекращеніи занятій въ Кіевской коллегіи оспаривается другими историками: проф, Голубевымъ, Эйнгорномъ.

[4]) Село Сасиновка и нынѣ существуетъ и находится въ пирятинскомъ у., полт. губ. Упоминается въ переписной книгѣ 1666 года подъ именемъ „Сосеновка“. См. изд. А. Лазаревскимъ „Малороссійскія переписныя книги 1666 г.“, стр. 48.

Въ томъ же году и мѣсяцѣ въ священнической практикѣ о. Василія возникъ случай, поставившій его въ затруднительное положеніе. Одна изъ его прихожанокъ, мужъ которой былъ въ плѣну татарскомъ, захотѣла обвѣнчаться съ захожимъ изъ Подоліи человѣкомъ, жена котораго также находилась въ крымской неволѣ. Подобныя трагическія положенія тогдашняя бранная жизнь создавала почти ежедневно, и хотя можно было выкупиться изъ плѣна, но объ этомъ могли хлопотать лишь состоятельные люди, бѣдняки же лишь при исключительныхъ обстоятельствахъ (удачное бѣгство или освобожденіе запорожцами, иногда вторгавшимися съ этою цѣлью въ крымскіе города) имѣли возможность вырваться изъ мусульманской неволи и вернуться «на тыхи воды, на ясни зори, у мыръ хрещеный». Поэтому попавшаго въ плѣнъ въ теченіе года оплакивали, какъ умершаго, и за тѣмъ, по пословицѣ: «жывый про жыве й гадае», осиротѣвшая жена или мужъ искали для себя новой «дружины». Если изрѣдка случалось, что плѣнникъ какимъ-либо чудомъ возвращался на родину и заставалъ бывшую супругу въ новомъ бракѣ, то онъ обыкновенно мирился съ совершившимся роковымъ фактомъ и тоже начиналъ пріискивать для себя (если хотѣлъ) новаго «доживотного пріятеля». Таковъ былъ народный взглядъ на это дѣло, освященный вѣковою практикою; но не такъ оно выходило съ канонической точки зрѣнія на бракъ, на неразрывный союзъ, прекращавшійся лишь со смертью одного изъ супруговъ. Крѣпко задумался надъ этимъ вопросомъ и нашъ о. Василій Даниловичъ. Повѣнчать лицъ, супруги коихъ были въ живыхъ, хотя и находились въ плѣну, ему казалось дѣломъ не совсѣмъ благовиднымъ, а главное—опаснымъ: а вдругъ кто-либо изъ этихъ плѣнниковъ выйдетъ на волю и вернется домой—не придется ли ему, священнику быть въ отвѣтѣ передъ духовнымъ начальствомъ? И о. Даниловичъ долго отказывался совершить вѣнчанье. Но женихъ и невѣста не давали ему покоя, а главное—за нихъ усердно ходатайствовали ихъ «сваты», въ числѣ коихъ былъ и сельскій атаманъ, лицо вліятельное въ то время; они же брались «переняты на себя вину», т. е. платить денежный штрафъ, въ томъ случаѣ, если бы кто изъ плѣненныхъ супруговъ, вернувшись на волю, пожаловался митрополиту и послѣдній велѣлъ бы оштрафовать священника за противозаконное обвѣнчаніе. Передъ такими настояніями и гарантіями не устоялъ о. Василій, но изъ осторожности внесъ въ свою записную книгу— все въ ту же іезуитскую реторику, въ присутствіи заинтересованныхъ

лицъ и многихъ «зацныхъ людей» (вѣроятно, дѣло происходило на свадебномъ пиру) слѣдующую запись: «Року ҂ахо҃ѕ (1686), апрѣля ҃гі (13) дня, мнѣ для памяти Василію Даниловичу, священнику покровскому Сасиновскому: ижъ (что) за упартостю и налогомъ прикрымъ (по упорному и несносному настоянію) на мене, мусилемъ извѣнчати Савчиху, невѣсту Назадкову, изъ Мищенокъ [1]), которои то Савчихи мужъ зостаетъ въ неволѣ татарской; теды тая невѣста (женщина), почекавши рокъ мужа своего, а далей не могучи чекати, приняла собѣ человѣка на ймя Андрея з Балянувки [2]), из-за Богу, котораго то человѣка жена также зостаетъ у неволѣ; що ежели Господь здаритъ, же (что) оние неволники на волю повиходятъ, абы-мъ я не былъ в тимъ виненъ, за що оны взявшыся, на себе самых вину оную переняли: напродъ Игнат, атаманъ Мищенский, котории и сватомъ былъ, и оные особы Андрей и Евфимия, Савчина бывшая жона. Дѣялося при Івану Морозу, атаману на тот часъ нашимъ Сасиновскимъ, и при инішихъ людехъ зацныхъ».

О. Л.

Необычная проповѣдь сельскаго пастыря въ Малороссіи. *Слово священника Николая Компанскаго къ прихожанамъ села Кожухова, литинскаго уѣзда, подольской г., въ день Рождества Христова 1859 г.* Во имя Отца и Сына и св. Духа. Собранные слушатели въ сей храмъ и мнящіеся быти Христіанами! Сегодня радостный день во всемъ мірѣ, особенно радостный день въ церкви Христовой, гдѣ вся скорбь человѣческая затмѣвается Ангельскою вѣстью: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!"—И нашъ маленькій уголокъ, село не выдѣлено изъ міра высшей Вселенной... Но, къ прискорбію, знайте, что у насъ очень, очень не мирно... Въ сей день враждуете противъ ближняго своего,—меня вашего пастыря, поставленнаго властію Божіею, волею начальства къ вамъ. Вражда ваша повергнута на судъ моего Начальства, исполнена ябеды, лжи, укора, кровавой обиды, отъ начала до конца дышетъ нечеловѣческой злобой... Я въ простотѣ сердечной десятокъ лѣтъ служу въ семъ храмѣ

---

[1]) Нынѣ с. *Митченки*, близъ Сасиновки, въ пирят. у. Упоминаются въ „Переписныхъ книгахъ подъ именемъ „Мисченки".

[2]) С. Балановка—въ нынѣшнемъ ольгопольскомъ у. под. губ.

Божіемъ; молюсь за васъ, скорби ваши соединяю съ своими молитвами къ Богу, забочусь о васъ, привыкъ смотрѣть на васъ, какъ на своихъ дѣтей, которыхъ послалъ мнѣ Богъ... Кого я обидѣлъ—словомъ, дѣломъ, мыслію, помышленіемъ за все время? Кого я презрѣлъ недостойнаго? Прошу, молю васъ—здѣсь скажите! въ семъ храмѣ Божіемъ! Кто, что руководитъ вами писать клеветы, ложь моему начальству? Обвините меня здѣсь—предъ лицемъ всѣхъ, не кройтесь за углы: это подобаетъ только лукавому собакѣ, а не человѣку такъ поступать... Но возвращусь къ дѣлу. Я въ сей радостный день христіанскій омраченъ скорбію, я убитъ на духѣ, я получилъ отъ моего начальства скорбный указъ, въ которомъ списаны всѣ обиды, причиненныя вами мнѣ, и вмѣсто церковной проповѣди къ своей паствѣ—я сдѣлаю слабое сравненіе вашего поступка и моего положенія,—сравнительную рѣчь свою скажу языкомъ вашимъ, простонароднымъ:

„Гай, гай, та й ще гай! А въ тимъ гаю та каминь. А въ тимъ камни та дюра. А въ тій дюри та заяць. А въ кругъ каминя та псы, лыхыи псы! Чи врозумилысте, люде добрыи и недобрыи, мою ричь? (*„Просымъ объясныты!"—послышались голоса).*—Гай—то мыръ Божій. Въ гаю каминь—то церковь Божа—наша св. церковь.—Дюри въ камни—то врата св. церкви--двери; заяць сидящій въ дюри каминя—то я, я, люде христіаны!.. *(Вниманіе ихъ обострилось при сей рѣчи, и они замѣтили о. Компанскому, что поняли, поняли все; „что „псы" означаютъ?"—Отвѣтъ покойнаго былъ категорическій):* Псы, лыхіи псы—то́ вы! то́ вы!—Аминь.

Списокъ этого *слова*, ходящій по рукамъ среди духовенства Подольской Епархіи, *сло́ва*, представляющаго собою рѣзкій образчикъ подобнаго рода литературныхъ произведеній,—полученъ нами отъ одного изъ священниковъ ольгопольскаго у., подольской епархіи, еще въ 1883 г.

Сообщ. **Л. М.**

Къ помѣщаемому „Слову" свящ. Компанскаго можно добавить слѣдующее: являющаяся въ немъ притча,—на простомъ народномъ языкѣ и въ народномъ духѣ,—любопытна, но едва-ли она составляетъ первоначальную принадлежность именно „слова" подольскаго свящ. Компанскаго; скорѣе можно думать, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ ходячимъ анекдотомъ въ полународномъ духѣ. По крайней мѣрѣ, намъ приходилось встрѣчаться съ той-же проповѣдью не въ видѣ списка „Слова" свящ. Компанскаго, или вообще чьего бы то

ни было, а въ видѣ устнаго шутливаго разсказа,—безъ упоминанія какихъ бы то ни было именъ,—именно въ видѣ анекдота.

Вотъ этотъ разсказъ, слышанный нами на Волыни:

Однажды, при объѣздѣ цѣлой округи, нѣкій архіерей встрѣчалъ много жалобъ со стороны прихожанъ на священниковъ,—слѣдствіемъ чего явились многія перемѣщенія... Между тѣмъ, въ одномъ сельскомъ приходѣ былъ священникъ старикъ, которымъ прихожане были очень довольны, какъ человѣкомъ добрымъ и во всѣхъ отношеніяхъ имъ пріятнымъ. Однако, прослышавши о ревизіи и обо всемъ происходившемъ въ другихъ приходахъ, прихожане задумались и начали совѣщаться, какъ имъ быть? „Якъ мы скажемо, що въ насъ священныкъ такый вже на ридкость добрый, то въ насъ ёго заберуть, такъ треба намъ и на свого щось сказать, якусь догану знайты".—Ну, щожъ сказать?"—„Скажемъ, що винъ намъ николы казання не говорыть, бо такы й справди-жъ винъ, спасыби ёму, не картае насъ тымы казаннямы"... И вотъ, такъ и вышло: когда при своемъ проѣздѣ, архіерей спросилъ, довольны ли они своимъ священникомъ, прихожане заявили:—„всимъ довольни, грихъ сказать, священныкъ у насъ прекрасный, тильки не говорыть намъ казання". Когда архіерей спросилъ священника, почему онъ не поучаетъ прихожанъ проповѣдями, священникъ отвѣтилъ, что прихожане его—люди простые, мало что разберутъ въ проповѣди...—Почему-же?—заключилъ архіерей,—если ужъ они такъ просты, то говорите имъ попроще, простымъ языкомъ и складомъ; но нельзя же ихъ оставлять безъ пастырскаго назиданія: видите, видите они жаждутъ этого! Священникъ, конечно, сказалъ, что исполнитъ волю Его Преосвященства. И вотъ, въ слѣдующій же праздникъ, послѣ служенія, сященникъ выходитъ и готовится говорить проповѣдь: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа!"... Прихожане подталкиваютъ другъ друга:—«о, чуете, чуете!.. буде говорыть казання!"... Но казання вышло очень краткимъ и простымъ,—такъ какъ священникъ сказалъ слѣдующее: „Скажу Вамъ притчу. Булы соби корчыкы, оттаки, якъ у насъ за селомъ, а въ тыхъ корчыкахъ бигавъ старый плохенькый заець; отже и на ёго старого, та никому ничого невынного, напалы хорты и сталы его сипаты. Корчыкы—то наша парахвія, старый бидолашный заець—то азъ многогришный; а хто собакы, то вже, може люде добри, вы сами угадаете. Аминь".

Прихожане поняли притчу и объяснили священнику причину своей жалобы на него...

Разсказъ этотъ, представляя собою варіантъ притчи, вошедшей въ слово свящ. Компанскаго, имѣетъ однако совсѣмъ другой характеръ: нѣтъ въ немъ злобы, онъ отличается, напротивъ, добродушіемъ и юморомъ въ народномъ духѣ.

Весьма вѣроятно, что основа ходячаго полународнаго анекдота попала и въ „Слово" свящ. Компанскаго. Во всякомъ случаѣ, интересны сходныя черты письменнаго и устнаго матеріала, полученнаго изъ различныхъ мѣстъ и источниковъ.

Ред.

Изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Свѣдѣнія о лабрадорѣ въ бассейнѣ р. Быстрѣевки при Каменномъ Бродѣ, въ радомысльскомъ, и при Слипницахъ въ житомірскомъ уѣздахъ.* Представленіе радомысльскаго уѣзднаго предводителя дворянства отъ 30 іюля 1835 г. за № 509 исправляющему должность кіевскаго гражданскаго губернатора вице-губернатору Пенкину.

По предложенію вашего превосходительства отъ 23 сего іюля за № 18993, отправясь въ имѣніе помѣщика Михайловскаго село Каменный Бродъ, осматривалъ лично камень, который С.-Петербургское Минералогическое общество (по удостовѣренію статьи, помѣщенной въ 177 номерѣ газеты Русскій Инвалидъ) признало дѣйствительнымъ лабрадоромъ, а вслѣдствіе того честь имѣю донести: Селеніе Каменный Бродъ имѣетъ положеніе на протяженіи 20 верстъ отъ города Радомысля по почтовой дорогѣ къ г. Житомиру съ правой стороны и отъ первой за городомъ Радомыслемъ почтовой станціи отстоитъ не болѣе, какъ въ пяти верстахъ; черезъ сіе селеніе протекаетъ маленькая рѣчка, Быстрѣевкою называется, на которой посреди селенія на проходящей дорогѣ есть деревянный мостъ; выше сего моста, на разстояніи до сорока саженей, есть небольшая плотина съ мельницею.— Каналъ этой рѣчки отъ мельницы, не только до означеннаго моста, но и значительно далѣе, есть изъ упомянутаго лабрадорнаго камня, въ огромныхъ разной величины глыбахъ, пріятный глазамъ видъ представляющій, вышина коихъ по обоимъ берегамъ рѣчки простирается до нѣсколькихъ саженей, даже дно самаго фарватера рѣчки глубиною въ поларшина протекаетъ на семъ камнѣ, слитомъ въ одну массу. Мимо того, сіи каменныя глыбы протягаются въ земли по рѣкѣ вдоль на нѣсколько верстъ, такъ что значительная часть домовъ сего селе-

нія, огородовъ, и деревьевъ, положены на камнѣ, коего глыбы, а особливо въ земли, есть чрезвычайной величины, и тысячи рабочихъ рукъ человѣческихъ въ протеченіи вѣковъ выработать и истощить сихъ камней не въ состояніи. Для Кіевской крѣпости приготовлено какимъ то подрядчикомъ до двухсотъ штукъ аршинной и двухаршинной мѣры, изъ сего самаго камня, который по случаю высокихъ береговъ, образующихъ разныя формы сихъ большихъ скалъ, и легкаго къ нимъ приступа, дозволялъ выдѣлку означенныхъ штукъ безъ большихъ трудовъ; при томъ же изящная доброта сего камня въ томъ состоитъ, что отламывается легчайшимъ образомъ по направленіямъ, рабочими даннымъ, и сіе послужило поспѣшностію къ самой выдѣлкѣ означенныхъ штукъ; хотя же тѣ каменныя штуки не отдѣланы еще до чиста, но уже отливаютъ пріятными радужными цвѣтами.—Минерала сего глыбы есть такой величины, что самые огромнѣйшіе памятники и колонны изъ оныхъ выдѣлывать можно.

Выше Каменнаго Брода на протяженіи четырехъ верстъ, въ селеніи Слипчицахъ, принадлежащемъ помѣщику Лѣсніовскому, волынской губерніи, въ житомірскомъ уѣздѣ состоящемъ, надъ сею жъ самою рѣчкою Быстрѣевкою, есть тоже огромныя глыбы сего камня въ землѣ, которыя безъ сомнѣнія можно назвать коренною горною породою, и такъ соединенныя въ одну массу, что небольшому числу рабочихъ съ трудностію найти щели для начатія ломки—что и въ Каменномъ Бродѣ, въ отдаленныхъ отъ рѣчки мѣстахъ, вѣроятно быть можетъ, гдѣ такъ же оный назвать можно каменною горною породою; при томъ нѣсколько примѣтить можно, что сей минералъ содержитъ дѣйствительно въ себѣ нѣкоторыя части магнитнаго камня. Однако, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній, на коихъ я могъ основывать мнѣніе свое о достоинствѣ сего минерала, два куска онаго, одинъ изъ Каменнаго Брода, а другой изъ с. Слипчицъ, вашему превосходительству у сего представляю, съ присовокупленіемъ, что если минералогисты признаютъ сей камень минераломъ важнымъ, украшеніе приносящимъ, то полагаю, что имѣніе село Каменный Бродъ, съ неизмѣримыми сими лабрадора минералами, пріобрѣсти казнѣ было бы найсвойственнѣе, а вотчинникъ онаго селенія Михайловскій, имѣющій значительное количество долговъ, былъ бы счастливъ, что камни сіи (которые онъ понынѣ цѣнилъ не дороже обыкновенныхъ) очистили бы его изъ долговъ и оставили навсегда кусокъ хлѣба для его фамиліи, которая у него довольно значительная.

Приведенное представленіе исправляющій должность губернатора сообщилъ 4 августа 1835 года на усмотрѣніе господину кіевскому военному, подольскому и волынскому генералъ-губернатору, генералъ-лейтенанту графу Гурьеву. Послѣдній, видимо заинтересованный лабрадоровыми мѣсторожденіями, направилъ въ Каменный Бродъ профессора университета св. Владиміра Зеновича, который долженъ былъ прибыть на мѣсто 17 августа, гдѣ его, по распоряженію начальника края, ожидали радомысльскій земскій исправникъ съ 20 рабочими изъ мѣстныхъ крестьянъ.

—

2) *Предположеніе о сломкѣ колодезной башни въ Подзамчѣ и крѣпостныхъ воротъ близъ турецкаго моста въ Каменцѣ.* 29 ноября 1872 года, генералъ-губернаторъ, согласно ходатайству подольскаго губернатора, входилъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ съ представленіемъ о сломкѣ въ Подзамчѣ мѣстами лопнувшихъ старинныхъ крѣпостныхъ воротъ близъ турецкаго моста и соединенной съ ними Колодезной башни, какъ угрожающихъ разрушеніемъ, въ виду образовавшагося вблизи провала въ земляныхъ укрѣпленіяхъ, имѣющихъ съ тѣми воротами связь.

Къ счастію въ Министерствѣ было у всѣхъ на памяти высочайшее замѣчаніе, сдѣланное Государемъ Императоромъ по поводу предположенія о сломкѣ крѣпостной стѣны въ Смоленскѣ: „*было бы желательно болѣе внимательное охраненіе древнихъ памятниковъ, имѣющихъ, подобно Смоленской стѣнѣ, особое историческое значеніе*". Посему министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ предварительно справиться: во что обойдется ремонтъ и найдется ли къ покрытію расходовъ средствъ мѣстныхъ, если не у городского управленія, то у богатыхъ обывателей изъ дворянъ, или купцовъ.

Въ отвѣтъ на сіе губернское начальство совершенно неожиданно донесло, что „*древній историческій памятникъ*" безусловно необходимо сохранить, къ чему имѣется полная возможность, ибо арку, какъ сдѣланную (съуженную) въ позднѣйшее время, расширить не трудно; при томъ проектъ имѣющихъ быть произведенными работъ уже восходилъ на разсмотрѣніе Министерства и послѣднимъ утвержденъ, а деньги ассигнованы. Задача техниковъ сводится лишь къ облегченію на тѣ ворота давленія, что будетъ достигнуто снятіемъ насыпи, и къ задѣлкѣ образовавшихся трещинъ.

—

3) *Кіевская контора первоначальнаго заведенія дилижансовъ и транспортовъ.* Въ 1835 году надворный совѣтникъ Киселевскій ходатайствуетъ предъ генералъ-губернаторомъ о принятіи начальникомъ края подъ свое покровительство учреждаемой имъ, согласно Высочайше утвержденному положенію комитета министровъ, *„конторы первоначальнаго заведенія дилижансовъ* и *транспортовъ“*.

Контора помѣстилась на Подолѣ, въ домѣ бывшаго войта. Въ дилижансахъ: 1) Кіевъ—Москва (направленіе: Нѣжинъ, Глуховъ, Сѣвскъ, Орелъ, Тула) цѣна первыхъ четырехъ мѣстъ—по 125 р., пятаго—87 р., шестого и седьмого по 75 р. ассигнаціями. За поклажу своихъ 20 фунтовъ—по 30 коп. ас. 2) Кіевъ—С.-Петербургъ [1]).—наивысшая цѣна 215 р., наименьшая 125 р. 3) Москва—С.-Петербургъ отъ 90 до 50 р.

Открытіе движенія дилижансовъ воспослѣдовало съ разрѣшенія генералъ-губернатора, въ концѣ мая. Предполагалось посылать ихъ два раза въ недѣлю.

17 іюля Кисилевскій доноситъ, что изъ Кіева въ Москву имъ отправлено два дилижанса, а изъ Москвы въ Кіевъ таковыхъ уже пять; но, пока, всѣ они принесли убытокъ.

Объ открытіи дилижансоваго сообщенія между Кіевомъ и обѣими столицами генералъ-губернаторъ незамедлилъ поставить въ извѣстность губернаторовъ кіевскаго, черниговскаго и полтавскаго.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Нефтяная промышленность въ Галичинѣ. По богатству нефти Галичина занимаетъ въ Европѣ первое мѣсто послѣ Кавказа. Хотя присутствіе нефти было обнаружено еще въ 50-хъ годахъ 19 ст., нефтяная промышленность получила свое развитіе только съ 80-хъ годовъ. Первымъ главнымъ центромъ добычи нефти было м. Слобода въ окрестностяхъ Дрогобыча. Тутъ была выработана высокая техника буренія, получившая нынѣ громкую извѣстность. Послѣ Слободы явились новые крупные центры добычи—м. Сходница, близъ Дрогобыча, затѣмъ Бериславъ, извѣстный богатѣйшими въ мірѣ залежами горнаго

[1]) Изъ дѣла полиц. части за 1828 г. видно, что между С.-Петергомъ и Радзивиловымъ уже тогда существовало сообщеніе въ почтъ-дилижансахъ. Мѣсто въ каретѣ въ одинъ конецъ стоило 275 р. ас.

воска. Позднѣйшія изысканія показали, что тамъ на глубинѣ 800 метровъ имѣется новый неразработанный еще пластъ, содержащій огромное количество нефти. Вообще за послѣдніе 6 лѣтъ въ Галичинѣ найдено много новыхъ мѣсторожденій нефти. Есть основанія предполагать, что количество еще недобытаго продукта, опредѣленное въ 1896 году инженеромъ Зуберомъ въ 65 мил. тоннъ, несравненно выше этой цифры. Ежегодная добыча, давшая въ 1886 году до 2½ мил. пудовъ, возросла въ 1896 году до 20 мил. пудовъ, а въ 1901 году достигла уже 27 мил. и въ 1902 году—до 35 мил. пудовъ. Промышленность эта находится въ рукахъ восьми крупныхъ компаній, преимущественно съ иностранными капиталами. Общее число предпріятій въ концѣ 1902 года достигало 247, съ 1765 буровыми колодцами. Нынѣ большая часть промышленниковъ, вырабатывающихъ до 80% нефти, соединились въ крупное товарищество «Ропа». Ожидаютъ, что съ прорытіемъ нѣкоторыхъ каналовъ, имѣющихъ примкнуть къ нѣмецкимъ у Одерберга, галицкая нефть завоюетъ всѣ прусскіе рынки въ Силезіи, Познани, Бранденбургѣ и вытѣснитъ изъ края американскую и прусскую нефть.

Однако, несмотря на благопріятныя условія (низкій фрахтъ, высокая охранительная пошлина), положеніе нефтяной промышленности въ Галичинѣ далеко не блестящее и въ послѣднее время она переживаетъ довольно острый кризисъ. Главное препятствіе—отсутствіе крупныхъ нефтеочистительныхъ заводовъ, такъ что очищается на мѣстѣ не болѣе ⅓ продукта, остальное - въ Богеміи, Венгріи и въ Тріестѣ. Второе препятствіе—сильная спекуляція нефтью, игра на цѣну продукта. Въ разсчетѣ на недостатокъ снабженія, промышленники въ 1902 г. непомѣрно подняли цѣны, попридержались съ распродажею продукта, но разсчеты оказались ошибочными. Въ результатѣ огромныя потери и кризисъ. Въ этой игрѣ на повышеніе страдаютъ мелкіе промышленники, которымъ грозитъ банкротство, въ то время какъ крупные ведутъ борьбу съ очистными заводами, которые выписываютъ кавказскую нефть.

Правительство разными мѣрами, главнымъ образомъ путемъ пониженія перевозочнаго тарифа и установленія высокихъ пошлинъ на иностранную нефть, стремится поддержать мѣстную промышленность, съ цѣлью сдѣлать обработку иностраннаго продукта невыгоднымъ. Со введеніемъ съ 1 января 1900 г. новаго тарифа, совершенно прекратился

ввозъ искусственнаго минеральнаго масла, фальсификата нефти. Въ настоящее время почти всѣ очистительные заводы завели собственные нефтяные колодцы, почему надо полагать, что борьба рафинеровъ съ нефтепромышленниками скоро прекратится, и цѣны войдутъ въ норму. Если промышленность благополучно выйдетъ изъ нынѣшняго кризиса и вообще будетъ урегулирована, несомнѣнно она займетъ въ краѣ и въ Европѣ выдающееся мѣсто. (Изъ «Сборника консульскихъ донесеній» вып. V, 1903 г. Донесеніе секретаря русскаго консульства во Львовѣ Н. Шлейфера, стр. 401—408).

Дѣла о государственной измѣнѣ и нарушеніи общаго спокойствія, производившіяся въ Малороссіи въ 1807 г. Въ январѣ 1807 г. въ Петербургѣ былъ учрежденъ Особый Комитетъ для дѣлъ, заключающихъ измѣну или нарушеніе общаго спокойствія". О мотивахъ, побудившихъ учредить его, вотъ что читаемъ въ высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату: Обращая вниманіе на способы, которыми коварное правительство Франціи, достигая пагубной цѣли своей разрушенія всеобщаго спокойствія, не преставало дѣйствовать во всѣхъ европейскихъ государствахъ черезъ тайныхъ и явныхъ своихъ сообщниковъ, предписали мы указомъ нашимъ отъ 28 ноября прошлаго 1806 года мѣры предосторожности въ разсужденіи проживающихъ въ Россіи французскихъ подданныхъ. Хотя симъ способомъ пресѣчена удобность къ совершенію замысловъ внѣшнихъ враговъ государства чрезъ зловредныя переписки, подсматриванія (шпіонства) и разглашенія, но при всемъ томъ неможно вовсе обезпечиться съ сей стороны, и бдительность полиціи должна продолжать неослабное свое наблюденіе; желая по сему преподавать ей правила, настоящимъ военнымъ обстоятельствамъ наиболѣе соотвѣтствующія, а съ другой стороны—при самомъ открытіи злаго намѣренія или измѣны, сохранить строжайшій порядокъ и благоразумную осторожность въ производствѣ слѣдствія по сему роду дѣлъ, гдѣ малѣйшая погрѣшность обратиться можетъ или къ притѣсненію невинности, или къ закрытію преступника: признали нужнымъ учредить при таковыхъ обстоятельствахъ особый комитетъ. Въ составъ этого комитета вошли министръ юстиціи кн. Лопухинъ, сенаторы Макаровъ и Новосильцовъ и, въ случаѣ надобности, въ немъ же могъ присутствовать главнокомандующій въ столицѣ и военный министръ Вязьмитиновъ (или какъ онъ на-

зывался тогда, министръ военныхъ сухопутныхъ силъ) и министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубей (впослѣдствіи князь).

Согласно правиламъ, всѣ дѣла по важнымъ преступленіямъ, „въ коихъ подозрѣваются люди зловредные или измѣна противу общаго спокойствія и безопасности“, должны быть немедленно отсылаемы въ комитетъ, который, сообразно обстоятельствамъ, намѣчалъ порядокъ слѣдствія. Предписывалось всѣмъ начальствующимъ лицамъ, поступая на основаніи общихъ законовъ, увѣдомлять немедленно о такихъ дѣлахъ въ комитетъ и слѣдствія представить „на ревизію“.

Князь А. Б. Куракинъ, получивъ указъ Сената объ учрежденіи особаго комитета, тотчасъ предписалъ губернаторамъ черниг. и полт. губерній донести ему, какія имѣются въ производствѣ дѣла, гдѣ есть обвиняемые въ этихъ важныхъ преступленіяхъ. Черниговскій губернаторъ не замедлилъ донести, что въ его губерніи вовсе нѣтъ таковыхъ дѣлъ (хотя впослѣдствіи и открылись), а полтавскій донесъ о нѣкоторыхъ обвиняемыхъ. Интересно познакомиться, какого рода были эти дѣла. Первымъ оказалось дѣло о дворянинѣ Яковѣ Мочуговскомъ, проживавшемъ въ Константиноградѣ. При открытіи военныхъ дѣйствій съ французами, Мочуговскій заявилъ свою радость: «Радуется онъ—доносилъ губернаторъ,—желая, дабы Бонапарте разорилъ Россію, и если бы онъ его здѣсь увидѣлъ, то какъ-бы на крыльяхъ къ нему полетѣлъ». Въ переяславскомъ уѣздѣ были въ производствѣ два дѣла; первое—объ отставномъ солдатѣ Феодорѣ Гуцанѣ. На приказъ явиться ему къ земскому комисару для выслушанія предписанія губернатора о зачисленіи въ штатныя команды, Гуцанъ заявилъ: „если ему теперь на службу идти, то онъ не обратится на непріятеля, но на москаля и начнетъ рѣзать до послѣдня“. Другое—о коллежскомъ ассесорѣ Лукашевичѣ, на котораго донесъ переяславскій маршалъ, будто этотъ Лукашевичъ «за столомъ пилъ за здоровье Бонопарте». Генеральный судъ, вѣдавшій въ то время подобныя дѣла (корпуса жандармовъ еще не было въ то время), командировалъ для разслѣдованія своего депутата Юзефовича.

Въ тоже время въ черниговской губерніи возникло слѣдствіе о крестьянинѣ Максимѣ Демиденкѣ, убѣжавшемъ «безъ письменнаго вида» отъ своего владѣльца, помѣщика могилевской губерніи. По показанію обвиняемаго, онъ убѣжалъ изъ имѣнія потому, что его помѣщикъ склонялъ крестьянъ идти на помощь французамъ и приказывалъ истреблять скотъ, а хлѣбъ закапывать въ ямы, «дабы россійскіе войска не могли имѣть при переходѣ прокормленія». Демиденка отправили

въ Могилевъ, въ распоряженіе мѣстнаго Губернскаго Правленія, а о Мочугскомъ и Гацунѣ князь Куракинъ донесъ Комитету, который согласился съ рѣшеніемъ о нихъ генеральнаго суда. А какое было рѣшеніе,—къ сожалѣнію, изъ дѣла не видно. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было кн. Куракину о подобныхъ дѣлахъ, начатыхъ до учрежденія особаго Комитета, не доносить, а только о вновь возбужденныхъ. Поэтому, князь и не донесъ по дѣлу о казенномъ поселянинѣ Леонтіи Щербаневѣ, родомъ изъ новомосковскаго уѣзда, екатеринославской губерніи. Этотъ Щербаневъ, отправляясь изъ Кіева черезъ Переяславль, хвалился передъ многими, «ежели бы онъ пошелъ къ войнѣ, то побѣдилъ бы вдругъ непріятеля, а что есть у его такое деревцо, которымъ можетъ его одолѣть». Переяславская полиція его задержала и отправила въ Полтаву, въ губернское правленіе, а послѣднее въ совѣстный судъ. Совѣстный судъ, допросилъ Щербаня, постановилъ о немъ такое рѣшеніе: «не находя въ суевѣріи его таковаго преступленія, которымъ бы онъ учинилъ кому-либо вредъ, обозначенному Щербаневу за выговоренные имъ нелѣпіе изреченія, вмѣнивъ въ наказаніе бытіе его подъ судомъ, отъ дальнѣйшаго истязанія, оставить свободнымъ»; помимо этого, его обязали подпискою «въ прекращеніи суевѣрнаго разглашенія», а найденный у него бумажникъ съ палочкой называемаго имъ «чернаго глода» велѣно было сжечь. Рѣшеніе это было представлено князю А. Б. Куракину «для лучшаго усмотрѣнія происхожденія этого дѣла». Какъ поступилъ князь, изъ дѣла не видно; вѣроятно, этимъ оно и окончилось. Послѣ того въ теченіе 1807 года разбиралось еще дѣло, о которомъ тотчасъ было донесено въ Комитетъ. Дѣло это о казенномъ крестьянинѣ Василіи Гмирѣ по поводу «выговоренныхъ имъ противу Высочайшей особы Государя дерзостныхъ и безумныхъ словъ. Комитетъ доложилъ объ этомъ императору; но благодушный Александръ I простилъ Гмирю «по снисхожденію къ его глупости», и лишь повелѣлъ «подтвердить Гмирѣ, дабы впредь воздержался отъ продерзкихъ поступковъ, въ которыхъ онъ по повальному обыску обвинялся». (Архивъ Полт. Губернскаго правленія, по описи № 346).

Сообщ. **И. Ф. Павловскій.**

Запрещеніе протопопамъ и намѣстникамъ брать съ приходскихъ священниковъ такъ назыв. „ралцевіе деньги". Божіею Милостію Рафаилъ Заборовскій, православный архіепископъ митрополитъ Киевскій, Галицкій и Малия Россіи, Всечестнимъ протопопамъ: Батуринскому Мойсею, Кролевецкому Ѳеодору, Глуховскому Алексѣю, Божіе благословеніе и наше архиерейское препославше, предлагаемъ: Понеже намъ, пастиревѣ, извѣстно учинилось, что протопопи и намистники нѣкоторие по своему богомерзкому вимислу, ради скверного своего прибитка, з священниковъ во время праздниковъ Рождества и Воскресенія Христова нѣкоторие ралцевіе денги, да и сверхъ указовъ нашихъ, в оныхъ протопоповъ імѣющыхся, на писара по полушки и денежки взимаютъ, что зсе происходитъ священникомъ бѣднимъ в единую обиду и разореніе, того ради, мы, пастиръ, оніе богомерзкіе издирства искореняя, чрезъ сіе накрипко подтверждаемъ, дабы всякъ протопопъ и намѣстникъ, да и протчие священники, коимъ какова отъ кого ради строенія команда поручена, ни подъ какимъ видомъ ни отъ какого священника по непотребному и богомерзкому своему вимислу взятковъ какъ денежнихъ, такъ и никакихъ отнюдь не требовали и ничего сверхъ указовъ нашихъ въ обиду священническую, а себѣ ради скверного прибитка, не вимишляли; а когда протопопъ или намѣстникъ востребуетъ отъ священника іакобы по указу нашему какова на писара или на что иное датка, то оный священникъ по тому дать не долженъ, поколѣ подлинного нашего въ той силѣ указа ему обявлено не будетъ. Буди же кто таковаго здирства дѣлать не престанетъ и протчое непотребное вимишлять начнетъ и о томъ намъ кто донесетъ і доведется, то тотъ (будетъ наказанъ) яко разоритель и указомъ противникъ. Сего нашего указа всякъ протопопъ и намѣстникъ, скопиевавъ подлинній, разослать во все вѣдомство свое, а священникъ, тако жъ буди гдѣ есть и дияконъ, по тому жъ скопиевать долженъ и на семъ нашемъ указѣ какъ во полученіи, такъ и о исполненіи подписалися бъ, по окончаніи же обратно въ канцелярію нашу прислать архиерейско повелѣваемъ. Ісъ катедри нашей митрополитанской Киевской. 1746 года, мая 9 дня.

Вышше именованній Рафаилъ, митрополитъ.

Представленіе генер.-губ. Воейкова о назначеніи докторовъ въ кіевскую губернію (1766 г.). Гос. Медицинская Коллегія

въ сентябрѣ 1766 года запросила кіевскаго генералъ-губернатора: «есть ли въ кіевской губерніи надобность въ докторахъ и протчихъ медицинскихъ служителяхъ», и «требовала прописать обстоятельно причины надобности». Воейковъ отвѣчалъ на этотъ указъ донесеніемъ, въ которомъ, между прочимъ, встрѣчаемъ любопытное свѣдѣніе объ отношеніи кіевскаго магистрата къ вопросу о назначеніи врача собственно для города: когда таковой былъ Мед. Коллегіей назначенъ, то магистратъ его не принялъ, и генералъ-губернаторъ призналъ, что магистратъ въ правѣ такъ поступить. Интересно это донесеніе еще и по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія представляетъ оно о положеніи вообще пограничнаго доктора въ Васильковѣ и въ частности о докторѣ Гермессѣ. Ниже и приводится существенная часть этого документа:

«Хотя при кіевскихъ гарнизонныхъ баталіонахъ опредѣленные лѣкари и имѣются, но какъ оные обязаны всегдашнимъ исправленіемъ своей должности при тѣхъ баталіонахъ, то на пользованіе прочихъ чиновъ людей и времени имъ не достаетъ; равномѣрно и опредѣленный отъ Г. М. К. въ Васильковъ для предосторожности и смотрѣнія при границѣ въ пропускѣ пріѣзжающихъ изъ заповѣтривающихъ заграничныхъ мѣстъ купцовъ и прочихъ званій людей докторъ Гермесъ по должности своей обязанъ всегда быть при своемъ постѣ, т. е. при Васильковскомъ форпостѣ; слѣдовательно въ докторѣ или въ искусномъ штабъ-лекарѣ для находящагося въ г. Кіевѣ генералитета и прочихъ чиновъ необходимая состоитъ надобность; къ тому жъ означенный докторъ Гермесъ, какъ извѣстно, изъ имѣющихся въ К. Губ. Канц. дѣлъ, человѣкъ безпокойной, привящивой и необыклой, и въ такомъ пограничномъ мѣстѣ быть весьма неспособной, ибо, вмѣсто точнаго наблюденія своей должности, время препровождаетъ болѣе въ ссорахъ съ находящимися при Васильковскомъ форпостѣ лѣкаремъ Лигдою и въ чинимыхъ потому въ К. Г. К. излишнихъ и неосновательныхъ представленіяхъ..... ибо таковымъ его безпокойнымъ и привящивымъ поведеніемъ не только въ комерціи обращающимся людямъ тягость наносится, но и польскимъ подданнымъ, съ продуктами для продажи сюда пріѣзжающимъ, немалое причиняется огорченіе, чѣмъ и одни и другіе отъ продолженія своего промысла чрезъ сей главный форпостъ отвращены быть могутъ, а оттого не иное что произойдетъ, какъ убытокъ въ казенныхъ сборахъ и крайній недостатокъ въ провіантѣ,

тѣмъ паче что въ здѣшней заднѣпровской околичности такъ обитатели, какъ и военные люди, довольствуются однимъ почти изъ заграницы привозимымъ хлѣбомъ. А какъ я о добромъ поведеніи, не меньше жъ и объ особливомъ въ пользованіи искусствѣ находящихся при дивизіяхъ штабъ-лекарей,—при Лифляндской Бара, а при Украинской Граве, не безынтересенъ и потому къ опредѣленію ихъ способными признаваю: въ Кіевѣ—Бара, а въ Васильковѣ—Граве, то, въ разсужденіи того, не соблаговолить ли Г. М. К. оныхъ штабъ-лекарей опредѣлить Бара въ Кіевъ, а Граве въ Васильковъ на мѣсто означеннаго доктора Гермеса. Что жъ опредѣленной предъ симъ въ Кіевъ отъ оной Г. Мед. Кол. для пользованія здѣсь гражданства и купечества штабъ-лекарь Рихтеръ кіевскимъ магистратомъ не принятъ, то оное въ опредѣленіи въ Кіевъ упоминаемаго шт.-л. Бара препятствіемъ служить не можетъ, потому что кіевскій магистратъ и мѣщанство, состоя на особливыхъ правахъ и привилегіяхъ, онаго шт. л. Рихтера на своемъ коштѣ содержать не пожелалъ, почему онаго магистрата въ томъ и принудить невозможно; а шт.-л. Баръ надобенъ въ Кіевъ, какъ выше показано, для находящагося здѣсь генералитета и прочихъ великороссійскихъ чиновъ»..

Докторъ Гермесъ былъ меньше году пограничнымъ докторомъ. Назначенный на эту должность указомъ 12 декабря 1765 г. на мѣсто доктора Ивана Полетики, переведеннаго тѣмъ же указомъ въ г. Оренбургъ госпитальнымъ докторомъ, Гермесъ указомъ 30-го генваря 1767 г. былъ уже назначенъ въ Сибирь корпуснымъ докторомъ, а на его мѣсто вновь былъ переведенъ Иванъ Полетика, который, какъ видно, практиковалъ и въ Кіевѣ, гдѣ имѣлъ и собственный домъ на Печерскомъ форштатѣ, равно и въ ближайшихъ къ Василькову «заграничныхъ» мѣстахъ, для чего ему выдавалось особое для такихъ поѣздокъ разрѣшеніе отъ генералъ-губернатора.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 4312 р. 33 к. (см. № 11, стр. 74—75) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь поступило: 1) отъ служащихъ въ Статистическомъ бюро Херсонскаго Земства—16 р. 25 к.; 2) А. М. Кулишъ—3 р.; 3) И. М.—5 р.; 4) А. Назарьевъ—1 р.; 5) Ѳ. А. Назарьевъ—3 р.; 6) Д. И. Эварницкій--10 р.; 7) П. А. Малинко—10 р.;

8) С. В. Павличенко—1 р.; 9) М. Е. Науменко—50 к.; 10) NN—5 р.; 11) С. И. Афанасьевъ—4 р. 50 к.; 12) Н. А. Шугурова—1 р.; 13) Ф. Ш.—50 к.; 14) В. Г.—25 к.; 15) Н. Кибальчичъ—1 р.; 16) В. Демченко—5 р.; 17) Н. Ященко—5 р.; 18) Т. и Ол. Бородай—25 р; 19) Видъ Ананьевцивъ—10 р.; 20) П. Василенко—1 р.; 21) С. Гаевскій—1 р.; 22) А. Ѳ. Вержбицкій—3 р.; 23) Ю. И. Бяловская—1 р.; 24) Собрано въ Винницѣ: Боржковскій, Н. Заболотный, И. Климашевскій, Н. Волгинъ, И. Федоровъ, Онищенко, В. Кореневъ, В. Богаевскій, И. Линевичъ, К. Полетика, Пантелѣевъ, П. Александровъ, І. Лозинскій, В. Снѣжинскій, А. Георгіевъ, К. Оберучевъ—21 р. 50 к.; 25) Д. Я. Бабичевъ—10 р.; 26) Влад. Дашкевичъ—10 р.; 27) И. А. Василевскій—25 р.; 28) NN—1 р.; 29) Ф. К.—5 р.; 30) А. А. Кисель—10 р.; 31) В. Т. Андріевскій—10 р.; 32) Л. Н. Жебуневъ—15 р.; 33) Н. В. Пекуръ 10 р.; 34) П. А. Горскій—10 р.; 35) К. А. Шумейко—5 р.; 36) г-жа Костомарова—1 р.; 37) г-жа Мильневская—1 р.; 38) г-жа Лисенко—1 р.; 39) Г. И Квитковскій—5 р.; 40) Ол. Красовській—1 р.; 40) А. Н. Шрамченко—3 р.; 42) К. К. Пелеховичъ—3 р.; 43) Ив. Эдель—1 р.; 44) Б Джабабековъ—1 р.; 45) П. С. Еремѣевъ—1 р.; 46) Ершовъ—50 к.; 47) Владимірскій—1 р.; 48) Бѣляевъ—1 р; 49) Дѣдуловъ—50 к.; 50) А. Емельяновъ—1 р.; 51) Ф. А. Степановъ—1 р; 52) А. К. Вилліамъ—1 р.; 53) И. М. Геппнеръ—1 р.; 54) Н. А. Аѳонскій—1 р.; 55) Н. Т. Улезко—1 р.; 56) М. Л. Джиноридзе—1 р.; 57) Р. Л. Шаповаловъ—50 к.; 58) А. С. Рыжова—1 р.; 59) Е. Ф. Максимиліановъ—50 к.; 60) Л. Р. Кобылянскій—2 р.; 61) А. Тхоржевскій—1 р.; 62) И. С. Эліашвили—1 р.; 63) О. А. Зайцова—2 р.; 64) А. Н. Зайцовъ—1 р.; 65) В. Т. Жила—3 р.; 66) А. Г. Паніевъ—1 р.; 67) С. А. Бѣляевъ—3 р.; 68) П. Ѳедоровскій—3 р.; 69) А. Аммосовъ—1 р. 50 к.; 70) В. А. Ярошевскій—1 р.; 71) А. Е. Трусовъ—10 р.; 72) Ст. Ип. Рыльскій—10 р.; 73) П. М. Дондыръ—2 р; 74) А. М. Б.—1 р. 50; 75) М. Ф. Левицкій—20 р.; 76) И. В. Охременко—1 р.; 77) Г. Я. Стрижевскій—3 р.; 78) М. Кудрицкій—1 р. 50 к.; 79) С. П.—1 р.; 80) Мерцій—1 р.; 81) И. Федорченко—2 р.; 82) Гр. Кернеръ—5 р.; 83) Товарыство взаимныхъ обезпечень у Львови «Днистеръ»—100 р.; 84) О. А. Усикъ—1 р.; 85) О. Б. Ас—на—1 р.; 86) Студенты Рижскаго Политехникума черезъ Е. С—каго—24 р. 50 к.; 87) К. Андріевская—5 р.; 88) Отъ С. Ѳ. Телѣжинскаго, собран. среди знакомыхъ 30 р. 50 к.; 89) Отъ А. Б. и В. Б.—25 р.; 90) Видъ друкаря

«Кіевськои Старины» Л. К.—50 к.,—что вмѣстѣ съ прежними составитъ—4352 р. 83 к.

Поправка къ замѣткѣ „Три указа конца XVIII вѣка" (1903 г., № 10). Намъ прислана г. К. Харламповичемъ слѣдующая справка о личности преосвященнаго Иларіона, фигурирующаго въ напечатанныхъ г. С. Рклицкимъ у насъ указахъ.

«Преосвященный Иларіонъ—не *Рогалевскій*, послѣ Казани и Чернигова умершій на покоѣ въ 1739 или 1742 г. (точно неизвѣстно), а *Кондратковскій*, единственный епископъ Новгородъ-сѣверской и Глуховской епархіи (1785—1797 г.), бывшій передъ тѣмъ епископомъ Переяславскимъ. Назначенный въ 1797 г. на каѳедру Бѣлорусскую и Могилевскую, онъ въ Могилевъ не поѣхалъ и былъ уволенъ на покой съ управленіемъ Новгородъ-сѣверскимъ монастыремъ. Умеръ 12 янв. 1799 г., а 16 окт. того-же года Новгородъ-сѣверская и Глуховская епархія была присоединена къ Черниговской».

Поправка. Въ прошлой книжкѣ (Ноябрь), въ некрологѣ Исидора Воробкевича (стр. 88—91) вкрались нѣкоторыя досадныя, извращающія смыслъ, опечатки:

Напечатано:					*Нужно:*
88	стр.	16	стрк.	сверху—музеѣ	лицеѣ.
—	«	10	«	снизу—Черниговской	Черновецкой.
—	«	2	«	снизу—литературной	литературой.
89	«	4	«	сверху—Черниговской	Черновецкой.
—	«	1	«	снизу—просто	красно.

Текущія извѣстія.

Мелочность въ важномъ дѣлѣ. *(По поводу замѣтки Савы Крилача въ Кіевской Газетѣ, № 327, подъ заглавіемъ „Неосторожность въ важномъ дѣлѣ")*. Какъ извѣстно, конечно, громадному большинству нашихъ читателей, даже вѣроятно и всѣмъ имъ, историческія судьбы южноруссовъ сложились такъ запутано, съ такими политическими

осложненіями, что для этого многомилліоннаго народа не выработалось до сихъ поръ въ жизни постояннаго, устойчиваго термина въ названіи его. Наименѣе колебанія въ этомъ отношеніи замѣчается, когда идетъ рѣчь о той части народа, которая живетъ въ Россіи, но и тутъ постоянно можно встрѣтить варьирующимися три названія: южноруссы, малороссы, украинцы, при чемъ послѣднее названіе въ современной рѣчи оказывается наиболѣе употребительнымъ, хотя и оно далеко не выражаетъ собой того содержанія и того объема, какія должны были бы сочетаться съ этимъ понятіемъ. Что же касается другой, далеко меньшей, части нашего племени, которая живетъ въ Галичинѣ, то, по отношенію къ ней, въ нашей, здѣсь употребляющейся, рѣчи номенклатура еще болѣе оказывается сложной: величаемъ мы ихъ и русинами, и русскими, и малороссами и украинцами; у себя же дома, т. е. въ Галиціи, сами себя они называютъ почти всегда *рускими*, *русинами*, изрѣдка, *украинцами*, при чемъ оффиціальные термины у нихъ—«руска гимназія», «руске товариство» и пр. Для доказательства открываю первый попавшійся подъ руки номеръ газеты «Дило», (№ 265) и читаю: «що до східноі, *рускоі* части Галичини»; «щоб обезсилити до крайности національний *украінський* рух в Галичині»; «а для *руского* языка, що находится...»; «гірске село Сопот є селом чисто *руским*»; «*Руска* бурса в Сереті»; «відозва до Підгаецких *Русинів*» и пр. Беру для провѣрки послѣднюю книжку «Записокъ Наукового Товариства ім. Шевченка» (Т. 55-й) и опять нахожу въ статьѣ «З історіі *украінськоі* молодіжи в Галичині» такія выраженія: «в історіі *галицько-руського* украінофільства»; «*Русини* повинні на разі зрезигнувати»; «*руська* академічна молодіж»; «між молодіж *руську* внесли роздор» и пр. Заглядываю, наконецъ, въ 10-ую книжку „Літературно-Наукового Вистника» и въ статьѣ «*Галицько-руське* письменство 1848—1865 г.» нахожу такія фразы: «провідники *руськоі* інтелігенциі»; «стояли вище від *Русинів*»; „польська література въ Галичині так само мертвіла, як і *руська*“ и пр.

Называя разными именами, всѣ мы прекрасно умѣемъ различать эту терминологію по существу міровоззрѣній той или другой партіи, причисляя однихъ къ украинофиламъ, другихъ къ москвофиламъ, т. к. каждый мало-мальски образованный человѣкъ знаетъ, что въ Галичинѣ живетъ только одинъ народъ, именующій себя *рускимъ* и не дѣлящійся, какъ у насъ, на *великороссовъ*, *малороссовъ и бѣлоруссовъ*. Читая постоянно галицкія изданія, я лично привыкъ вдумы

ваться въ содержаніе читаемаго, и потому не приходится мнѣ никогда путаться въ этой терминологіи. Глядя такъ и на читателей «Кіевской Старины», я никогда не сомнѣвался, да и теперь не сомнѣваюсь, что они, слѣдя за содержаніемъ помѣщаемыхъ въ журналѣ замѣтокъ, касающихся Галичины, прекрасно поймутъ, о комъ идетъ рѣчь, а потому, дѣлая выписки изъ разныхъ газетъ и журналовъ, не особенно заботился о томъ, чтобы выдержать одинъ опредѣленный терминъ, какого, какъ показано выше, не держатся и сами галичане. Вотъ почему въ разныхъ замѣткахъ о галицкой жизни я въ журналѣ употреблялъ разные термины—*рускіе послы*, *руская* гимназія, *украинскій* художникъ, *русины*—въ зависимости отъ того, изъ какихъ изданій почерпалась замѣтка. Но теперь въ этомъ своемъ промахѣ я очень каюсь, такъ какъ отыскался нѣкто *Сава Крилачъ*, который въ замѣткѣ своей «Неосторожность въ важномъ дѣлѣ» (Кіевская Газета, № 327) ставитъ мнѣ все это но только въ упрекъ, но даже соболѣзнуетъ о читателяхъ (не лишняя ли забота?), которые такъ запутаются въ этихъ терминахъ, что не разберутъ, кто кого обижаетъ, и кто кого защищаетъ, предполагая, очевидно, что читатели наши мало развитые люди...

Заботливость Савы Крилача простирается до того, что онъ, соболѣзнуя о *бѣдной Австріи*, которая не въ состояніи разобраться въ массѣ народностей, ее населяющихъ, даже не хотѣлъ бы попасть въ президенты австрійскихъ министровъ, чтобы не запутаться въ названіяхъ этихъ народностей. Не желая лишать возможности Савѣ Крилачу попасть въ министры-президенты, мы на будущее время постараемся вездѣ выдерживать одинъ терминъ, называя нашихъ братьевъ галичанъ такъ, какъ они сами себя называютъ (хотя и не всегда однородно), т. е. *русинами*. Но такъ какъ въ Австріи такая двойственность названій встрѣчается довольно часто, то мы, кстати, предупредимъ будущаго министра-президента, чтобы, въ случаѣ своей служебной поѣздки, напр., въ Загребъ, онъ не потребовалъ себѣ дважды прогоновъ, думая попасть еще и въ Аграмъ, т. к. смѣемъ его увѣрить, что это одинъ и тотъ же городъ (въ Хорватіи), имѣющій только два названія.

В. Науменко.

О могилѣ А. П. Стороженка. Въ № 9 нашего журнала мы помѣстили со словъ газеты «Волынь» замѣтку о забытой могилѣ на-

шего украинскаго писателя *А. П. Стороженка* и о томъ, что могила эта требуетъ исправленія. Тогда же мы сообщили, что намъ прислано для цѣли приведенія въ порядокъ этой могилы 9 руб., въ дополненіе къ которымъ поступило еще 25 р. отъ N. S. (см. № 11), а теперь В. Цимбаломъ присланъ 1 р.,—всего составилось 35 р.

Между тѣмъ на дняхъ нами получено печатаемое ниже письмо родственника писателя, Н. В. Стороженка; изъ этого письма видно, что вопросъ о степени неудовлетворительнаго состоянія могилы писателя подвергается нѣкоторому сомнѣнію.

Письмо въ редакцію. Прочитавши замѣтки въ «Кіевской Старинѣ», въ «Волыни» и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» о «забытой могилѣ» А. П. Стороженка на брестскомъ городскомъ кладбищѣ, что-де «она заросла травою и покрылась плѣсенью» и что лишь «стараніями инженернаго чиновника О. Е. Василенка, малоросса-почитателя покойнаго писателя... немного приведена въ порядокъ, расчищена трава, убранъ соръ и сгнившій листъ и на могильную плиту положены цвѣты», я обратился письменно къ г. брестскому уѣздному предводителю дворянства съ просьбою сообщить мнѣ, въ какомъ состояніи находится могила моего покойнаго сородича, и получилъ нижеслѣдующій отвѣтъ:

«М. Г. Н. В. На письмо Ваше отъ 20 минувшаго октября, имѣю честь увѣдомить, что нельзя признать, чтобы могила А. П. Стороженка находилась въ крайне запущенномъ видѣ. По словамъ о. настоятеля брестскаго православнаго собора, осмотрѣвшаго могилу, слѣдуетъ поправить лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кирпичный фундаментъ вокругъ могилы выше уровня земли, обвалившуюся штукатурку, покрасить ограду и надгробную плиту, на что потребуется не болѣе десяти рублей.

По заявленію о. настоятеля собора, въ прошломъ году, по просьбѣ одного изъ почитателей покойнаго, была отслужена на могилѣ панихида, при чемъ священникомъ было обращено вниманіе тутъ-же присутствовавшаго почитателя на состояніе могилы, но сей послѣдній, не отвѣтивъ ничего, уѣхалъ. Пріймите и пр. (подпись).

Надѣюсь, что Вы не откажете помѣстять настоящую справку на страницахъ «Кіев. Стар.».

Съ почтеніемъ Н. Стороженко.

Ввиду полученія нами этого письма, мы обратились къ настоятелю брестскаго собора съ просьбой извѣстить насъ, не приметъ-ли

онъ на себя хлопоты по приведенію въ порядокъ могилы, и тогда мы направимъ къ нему имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи деньги.

Малороссійскій вечеръ въ Петербургѣ. 2-го ноября состоялся въ Петербургѣ первый малороссійскій вечеръ въ нынѣшнемъ сезонѣ, устроенный обществомъ имени Т. Г. Шевченка въ пользу недостаточныхъ курсистокъ-медичекъ.

Залъ городского кредитнаго общества былъ переполненъ публикой, большая половина которой составилась изъ учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, молодежи обоего пола. Многіе явились въ малороссійскихъ костюмахъ, изъ которыхъ нѣкоторые выдѣлялись своею оригинальностью. Программа вечера, исполненная въ двухъ отдѣленіяхъ, только на-половину носила малороссійскій характеръ.

Весьма недурно пѣлъ малороссійскій хоръ изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ, подъ управленіемъ Ф. Г. Томашевскаго; всѣ участники и участницы хора были въ малороссійскихъ костюмахъ.

Хорошо пѣла малороссійскія пѣсни солистка З. Н. Данковская. Но «гвоздемъ» вечера, безспорно, было высокоталантливое декламированіе знаменитой артистки Вѣры Ѳедоровны Коммисаржевской, исполнившей нѣсколько стихотвореній Некрасова и Апухтина.

Публика въ общемъ, видимо, осталась довольна вечеромъ.

Общество имени Т. Г. Шевченка предполагаетъ въ нынѣшнемъ сезонѣ устроить еще 6 малороссійскихъ вечеровъ.

Расходъ по устройству празднествъ при открытіи памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Празднества по случаю открытія памятника Котляревскому обошлись не совсѣмъ дешево. Самое торжество открытія и торжественное засѣданіе вызвали расходъ 1340 р.; въ этой суммѣ заключается 456 р., уплаченныхъ за участвовавшихъ въ обѣдѣ города почетныхъ гостей; по устройству музыкально-литературнаго утра и спектакля расходовъ было 820 р. Такимъ образомъ всего израсходовано 2160 р. Для покрытія этого расхода въ распоряженіи управы была только тысяча руб., ассигнованная думой, а вся недостающая сумма покрыта позаимствованіемъ изъ дохода отъ утра и спектакля. Позаимствованіе это, несомнѣнно, будетъ возвращено, такъ какъ доходъ отъ утра и спектакля предназначенъ для со-

вершенно иныхъ цѣлей. Утро и вечеръ дали валового сбора 1249 р., кромѣ того въ фондъ школы имени Котляревскаго въ дни торжествъ поступило пожертвованій 350 р. Слѣдовательно, фондъ этотъ выражается въ суммѣ 1599 р. На сооруженіе памятника поступило всего 14,208 р., а фактически израсходовано 15,334 р. Перерасходъ отнесенъ на счетъ запаснаго капитала города.

Отчетъ о художественной выставкѣ въ память Котляревскаго. Художественная выставка, устроенная въ Полтавскомъ земскомъ музеѣ въ память И. П. Котляревскаго, оказалась съ матерьяльной стороны вполнѣ удавшейся.

Число платныхъ посѣтителей за все время ея, съ 28 авг. по 21-ое окт., выразилось цифрой 3131. Кромѣ того, выставку посѣтили (безплатно) ученики городскихъ и земскихъ школъ, земскаго ремесленнаго училища, школы садоводства и фельдшерской школы. Валовая выручка съ выставки равняется 662 р. 40 к. Расходы по выставкѣ составили 330 р. 12 к., а чистая выручка 332 р. 28 к.

Часть этой суммы, по постановленію комитета, будетъ употреблена на изданіе фотографическаго альбома выставки; альбомъ этотъ будетъ особенно интересенъ потому, что въ него войдутъ снимки съ работъ художниковъ Мартиновича, Васильковскаго, Сластіонова, Красицкаго и другихъ, представляющіе собой почти весь малорусскій отдѣлъ выставки. Альбомъ этотъ будетъ исполненъ фотографомъ Хмѣлевскимъ и въ скоромъ времени выпущенъ въ продажу. Остальную часть суммы, приблизительно 200 р., комитетъ выставки постановилъ просить Полтавское губернское земство принять въ даръ на художественное украшеніе музея.

Собраніе въ литерат. обществѣ при С.-Петерб. Духовн. Академіи въ память И. П. Котляревскаго. 24-го октября состоялось первое въ нынѣшнемъ учебномъ году собраніе литературнаго Общества при Спб. духов. академіи. Ввиду недавнихъ полтавскихъ торжествъ въ честь перваго украинскаго поэта И. П. Котляревскаго, по случаю открытія въ Полтавѣ памятника ему, это первое собраніе было посвящено памяти Котляревскаго. Студентъ 3-го курса академіи Г. А. Евфимовъ (уроженецъ харьковской губ.) предложилъ рефератъ на тему:

«И. П. Котляревскій, какъ родоначальникъ новой украинской литературы». Ассистентъ докладчика, студентъ 4 курса В. А. Щепотьевъ (бывшій воспитанникъ Полтавской духов. семинаріи и Полт. дух. училища), указалъ на значеніе для русской литературы произведеній И. П. Котляревскаго и другихъ украинскихъ поэтовъ. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ преніяхъ принималъ участіе доцентъ академіи по каѳедрѣ исторіи русской литературы Д. И. Абрамовичъ (малороссъ—уроженецъ волынской губерніи).

О жалобѣ въ Сенатъ Полтавской городской думы. 27 октября городской управой созвано было совѣщаніе гласныхъ юристовъ для выработки основаній сенатской жалобы на распоряженіе Министерства внутреннихъ дѣлъ, въ силу котораго воспрещено было въ торжественномъ засѣданіи думы, 30 августа, посвященномъ чествованію памяти Котляревскаго. читать привѣтствія на малорусскомъ нарѣчіи. Въ совѣщаніе приглашались всѣ гласные-юристы, которыхъ въ думѣ насчитывается свыше десяти человѣкъ, а въ засѣданіе прибыли лишь: Веселовскій, Пилипенко, Горонескуль и городской голова Трегубовъ; самые горячіе сторонники оппозиціи отсутствовали. Послѣ продолжительныхъ разговоровъ совѣщаніе поручило Ф. С. Веселовскому составить проектъ жалобы, который затѣмъ будетъ внесенъ на одобреніе всей комиссіи. По утвержденіи послѣдней, жалоба, чрезъ Начальника губерніи, будетъ препровождена въ Сенатъ.

Второе засѣданіе юридической комиссіи для выработки сенатской жалобы привлекло гораздо больше гласныхъ юристовъ, чѣмъ первый разъ. Пренія продолжались нѣсколько часовъ, но окончательная редакція пока еще не установлена, и комиссіи придется вѣроятно еще разъ собраться. (Полт. Вѣстн. № 272).

Малорусское издательское общество. Въ «Вѣстн. Юга» (№ 584) *Гр. Сьогобочный* помѣстилъ прекрасную замѣтку о дѣятельности С.-Петербургскаго Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ, которую мы перепечатываемъ цѣликомъ, ввиду ея интереса.

Скоро истекаетъ пять лѣтъ со дня утвержденія устава издательскаго общества, именуемаго оффиціально «Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ». 19 ноября 1898 года

уставъ общества, имѣющаго цѣлью придти на помощь нравственному развитію и экономическому благосостоянію украинскаго народа путемъ изданія для него доступныхъ по цѣнѣ и языку книгъ, получилъ правительственную санкцію и общество приступило къ выполненію многотрудной задачи. Многотрудной, говоримъ, потому, что малорусское слово до сихъ поръ у насъ не пользуется тѣми правами, которыя по справедливости должны принадлежать 25 милліонной массѣ народа, населяющаго обширное пространство отъ Карпатъ до Кавказа. Эта многотрудная задача издательскаго общества будетъ вполнѣ понятна каждому, кто возьметъ на себя трудъ познакомиться съ тѣми исключительными условіями, въ которыя поставлено у насъ изданіе малорусскихъ книгъ, когда со стороны цензурныхъ условій обращается вниманіе не только на содержаніе испрашиваемой къ разрѣшенію печатать книги, но и на тотъ языкъ, на которомъ она написана, на самую форму изложенія предмета. Какую нравственную пытку долженъ пережить человѣкъ, испрашивая разрѣшенія напечатать ту или иную полезную брошюру, заранѣе предугадывая, что она можетъ быть не пропущена только потому, что авторъ, знакомя читателя изъ народа, предположимъ, съ космографіей, физикой, техникой, политической экономіей и т. п., говоритъ прямо о предметѣ, излагаетъ его научно, не закрашивая беллетристикой, или авторъ просто не воздержался отъ этого въ какомъ-нибудь мѣстѣ при беллетристической формѣ изложенія... Отсюда должна быть понятна та «многотрудная задача», о которой мы упомянули. Отсюда также станетъ понятнымъ, почему издательское общество до сихъ поръ не выпустило ни одной брошюры по тѣмъ предметамъ, о которыхъ мы только что упомянули: не всякій серьезный популяризаторъ согласится придумывать какой то конкретный примѣръ и облекать научный предметъ въ беллетристическую форму; наконецъ, есть предметы неукладывающіеся въ такую форму. Вотъ въ этомъ то и заключается многотрудная задача издательскаго общества; здѣсь оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ наталкивается положительно на Сизифову работу. Но при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ существованія общества, оно все же успѣло многое сдѣлать въ области изданія популярной литературы для малорусскаго народа.

Предъ нами отчетъ общества за 1902 г. Изъ него мы видимъ, что за четыре года дѣятельности общество издало 22 названія книгъ (нѣкоторыя выдержали уже два-три изданія); въ общемъ немного, всего 5,5 брошюръ въ годъ, но, повторяемъ, надо имѣть въ виду наличность

тѣхъ условій, при которыхъ общество работаетъ: въ иныхъ случаяхъ ничтожный трудъ можетъ казаться колоссальнымъ... Въ 1902 году общество издало 8 брошюръ. Вотъ ихъ названія: «Добра порада»—М. Загирнои, «Оповидання про Євгена Гребинку»—Б. Гринченка, «Про пошести, або лыхи хворобы»—В. Имшенецкаго, «Розмова про сельске хазяйство»: «Худоба»—Е. Чикаленка, «Розмова про сельске хазяйство» кн. V—«Садъ» его же, «Хто робыть той и мае, оповидання про Джемса Гарфильда»—Б. Гринченка, «Корыстни звирятка—О. Степовыка, «Про городыну»—О. Степовыка.

Мы не станемъ вдаваться въ оцѣнку этихъ брошюръ, такъ какъ имена авторовъ ихъ пользуются достаточной извѣстностью, нѣкоторыя изъ этихъ брошюръ являются вторымъ и третьимъ изданіемъ,—это лучшее ручательство за ихъ качество. Изъ разсматриваемаго отчета мы узнаемъ, что изъ числа присланныхъ на объявленный обществомъ еще въ 1900 году конкурсъ на составленіе брошюръ сельско-хозяйственнаго и медицинскаго содержанія брошюра по медицинѣ «Якъ годуваты малыхъ дитей» г. Задеры, признанная спеціалистами достойною преміи, не дозволена цензурой къ печати; не дозволены къ печати также еще двѣ рукописи, присланныя тоже на конкурсъ (вѣроятно въ нихъ отсутствовала пресловутая беллетристическая форма изложенія). Въ другомъ мѣстѣ отчета читаемъ: «Въ видахъ содѣйствія поднятію образовательнаго уровня сельскаго населенія южно-русскихъ губерній, правленіемъ было возбуждено предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія ходатайство о допущеніи книгъ на малорусскомъ языкѣ, какъ лучшаго средства популяризаціи знаній среди малорусскаго населенія, въ школьныя народныя библіотеки-читальни, на основаніяхъ одинаковыхъ съ книгами на русскомъ литературномъ языкѣ. Ходатайство это министерствомъ народнаго просвѣщенія признано неподлежащимъ удовлетворенію». Ходатайство общества предъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ о назначеніи обществу пособія на дальнѣйшее распространеніе издательской дѣятельности общества имѣло успѣхъ: министерство ассигновало (во второй разъ) 200 руб.; кромѣ того нѣкоторыя изданія общества одобрены ученымъ комитетомъ этого министерства и допущены въ библіотеки учительскихъ семинарій, въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни-библіотеки.

Число лицъ, сочувствующихъ идеѣ общества, съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1902 году новыхъ членовъ прибыло 183, всего же

къ 1903 году ихъ состояло 732. Цифра эта, правда, пока незначительна: если обратимъ взоры на маленькую Галицію, гдѣ функціонируеть аналогическое общество «Просьвита», насчитывающее у себя до 15000 членовъ, то наше общество, съ какими нибудь 700 членовъ, покажется пигмеемъ. Но наше общество пока еще молодое да и условія его развитія и существованія далеко не тѣ, что въ Галиціи.

Въ отчетномъ году въ кассу общества поступили слѣдующія сравнительно крупныя пожертвованія: отъ неизвѣстнаго (черезъ Е. Х. Чикаленка и В. Н. Леонтовича) 900 руб., отъ В. Ф. Симиренка 300 руб., отъ А. М. Кулишъ въ память П. А. Кулиша 100 р., капиталъ, собранный служащими въ полтавской губернской земской управѣ въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ 337 р. 1 коп., и капиталъ имени И. Я. Череватенка, переданный Б. Д. Гринченкомъ 120 руб. 21 к., весь же кассовый оборотъ общества въ 1902 году равнялся 4087 р. 75 к. Изданія общества расходятся довольно хорошо, въ отчетномъ году было выручено за нихъ 695 р. 74 к.

Въ дешевизнѣ изданій, выпускаемыхъ обществомъ, дальше идти некуда, хотя, правда, на нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ «Оповидання про Евгена Гребинку», брошюра въ 23 страницы, цѣна 3 к. немного высока, особенно если сравнить ее съ брошюрой «Оповидання про Тараса Шевченка» О. Кониcского въ 32 страницы съ пятью рисунками, стоющей всего 2 коп. Но такихъ «дорогихъ» брошюръ, какъ про Гребинку, въ общемъ немного. Внѣшній видъ изданій общества не оставляетъ желать лучшаго. Пожелаемъ же симпатичному учрежденію дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на пользу «бративъ незрячыхъ гречкосiивъ».

Къ празднованію 35-лѣтняго юбилея Н. В. Лисенка. Полтавская городская управа входитъ въ думу съ предложеніемъ о принятіи участія въ предстоящемъ въ декабрѣ чествованіи извѣстнаго украинскаго композитора Н. В. Лисенка по случаю 35-лѣтія его музыкальной дѣятельности.

Кружокъ поклонниковъ таланта Н. В. Лисенка въ Полтавѣ открылъ среди своихъ знакомыхъ подписку на образованіе фонда для учрежденія въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній стипендіи имени композитора.

По случаю 35-лѣтняго юбилея композитора Н. Лисенка въ Петербургѣ устраивается большой концертъ исключительно изъ его произведеній.

Въ Кіевѣ празднованіе юбилея, какъ мы слышали, выразится въ устройствѣ Литературно-артистич. Обществомъ публичнаго засѣданія. 20-го декабря вечеромъ; 21-го—днемъ въ городскомъ театрѣ устроенъ будетъ большой концертъ, а вечеромъ тамъ-же поставлена будетъ оперной труппой г. Бородая опера Н. В. Лисенка: «Риздвяна ничъ».

Болѣзнь Ив. Франка. Въ «Вѣстн. Юга» (№ 584) напечатана Гр. Сьогобочнымъ слѣдующая замѣтка: «Талантливый и плодовитѣйшій украинскій писатель и ученый Иванъ Франко, серьезно занемогъ глазами и ему предстоитъ серьезная операція, которая врядъ ли принесетъ существенную пользу больному.

Иванъ Франко жилъ и содержалъ семью исключительно литературнымъ трудомъ. Владѣя въ совершенствѣ многими европейскими языками, онъ сотрудничалъ помимо украинскихъ и польскихъ изданій также во многихъ нѣмецкихъ, французскихъ и др. иностранныхъ изданіяхъ. Работалъ Франко чрезвычайно много и больше всего затрачивалъ энергіи для родной ему украинской литературы, которая матеріально-то почти ничего ему не давала. Въ иностранныхъ же періодическихъ изданіяхъ онъ работалъ исключительно ради пріобрѣтенія необходимыхъ средствъ къ существованію. Естественно, что заболѣвъ глазами онъ лишился и этого заработка и, какъ намъ передаютъ, находится теперь съ семействомъ въ бѣдственномъ положеніи...

Среди украинскихъ писателей до сихъ поръ не существуетъ никакой организаціи въ видѣ кассы взаимопомощи, литературнаго фонда или чего нибудь подобнаго. Такое положеніе вещей кажется чрезвычайно ненормальнымъ, тѣмъ болѣе, что контингентъ украинскихъ писателей не такъ ужъ малъ. Намъ кажется, что украинскимъ писателямъ давно уже пора подумать надъ организаціей, по примѣру своихъ русскихъ собратьевъ, такого учрежденія, которое могло бы приходить на помощь къ своимъ членамъ, когда ихъ постигнетъ такое несчастіе, какое постигло неутомимаго труженика и идейнаго борца, д-ра Ив. Франка. Если это нельзя сдѣлать у насъ, по сю сторону Прута, то вѣдь не клиномъ же свѣтъ сошелся! Пока же такого учрежденія нѣтъ—долгъ и прямая обязанность всего украинскаго

интеллигентнаго общества приходить на помощь своимъ передовымъ людямъ, національная гордость которыхъ не позволитъ обратиться за помощью въ соответствующія ихъ спеціальности корпоративныя учрежденія другихъ, хотя бы и родственныхъ народовъ.

Засѣданіе Полтавской архивной комиссіи. 16-го ноября состоялось въ квартирѣ директора Полтавскаго кадетскаго корпуса, въ 1 часъ дня, собраніе мѣстной архивной комиссіи. Предсѣдательствовалъ директоръ корпуса ген.-м. А. П. Потоцкій; присутствовали члены комиссіи—губ. предводитель д-ва С. Е. Бразоль, А. В. Липеровскій, П. А. Алексѣевъ, Е. Н. Зеленецкій, П. М. Шпекъ, Н. Г. Максимовъ, М. М. Поповъ, И. Ф. Павловскій, Л. П. Падалка, В. Н. Терлецкій, г. Грановскій, Н. П. Шипинъ и Д. А. Иваненко. Собраніе продолжалось болѣе двухъ часовъ и было посвящено, главнымъ образомъ, вопросу о пріисканіи помѣщенія для сосредоточенія дѣлопроизводства и работъ по комиссіи и другимъ вопросамъ, имѣющимъ цѣлью организацію будущей дѣятельности комиссіи. Относительно помѣщенія рѣшено просить г. предсѣдателя комиссіи ген.-м. Потоцкаго переговорить съ начальникомъ губерніи, городскимъ головой, представителями земства и другими лицами, не найдется-ли въ подвѣдомственныхъ имъ учрежденіяхъ подходящаго помѣщенія. Затѣмъ рѣшено обратиться къ губернскому земству о субсидіи комиссіи; на общія собранія комиссіи допустить входъ всѣмъ, интересующимся дѣломъ. Въ этомъ-же засѣданіи избраны почетными членами комиссіи—проф. Эварницкій, Сумцовъ, Багалѣй, Дашкевичъ, Лебедевъ, гофмейстеръ Высочайшаго Двора Г. П. Алексѣевъ, О. И. Левицкій, В. П. Милорадовичъ и Е. Н. Скаржинская.

А. В. Липеровскій выразилъ готовность поработать въ архивахъ Полтавскаго Губернскаго Правленія по вопросамъ объ ополченіи 1812 года, а М. М. Поповъ—заняться исторіей возникновенія Нѣмецкой колоніи въ Полтавѣ. Чтеніе реферата И. Ф. Павловскаго отложено на слѣдующее собраніе 23-го ноября, которое предположено сдѣлать публичнымъ. Состоится оно въ той-же квартирѣ директора корпуса въ 1 часъ дня.

Въ «Полтав. Вѣстн.» (№ 280) Д. П. передаетъ свои впечатлѣнія по поводу перваго публичнаго засѣданія архивной комиссіи.

Ровно въ 1 ч. дня, 23-го ноября, вошелъ я въ помѣщеніе, занимаемое директоромъ кадетскаго корпуса, и поспѣшно направился

въ залъ, гдѣ должно было состояться первое публичное засѣданіе архивной комиссіи. Мнѣ казалось, что я встрѣчусь здѣсь съ массой публики и что трудно будетъ отыскать мнѣ хоть какое-либо мѣстечко. Вошелъ—и стыдно стало мнѣ за нашу публику. Въ засѣданіи присутствовало лишь около 12 членовъ,—среди нихъ, между прочимъ,—губернаторъ князь Н. П. Урусовъ и преосвященный Иларіонъ, изъ посторонней же публики—никого. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Отсутствіемъ-ли интереса къ подобнаго рода засѣданіямъ? Или нашимъ обывательскимъ равнодушіемъ вообще? Во всякомъ случаѣ такое явленіе можно отмѣтить лишь какъ фактъ очень печальный.

Засѣданіе открылось чтеніемъ реферата И. Ф. Павловскаго. Рефератъ этотъ настолько интересно-разнообразенъ и богатъ по своему содержанію, что передать самую суть его вкратцѣ, въ наскоро набросанной замѣткѣ, положительно не представляется возможнымъ,—говоритъ Д. П. Мы-же не будемъ передавать содержанія его вкратцѣ, т. к. онъ будетъ у насъ напечатанъ цѣликомъ въ 1-ой книжкѣ будущаго года...

Рефератъ встрѣтилъ среди присутствующихъ членовъ одобренія и вызвалъ живой обмѣнъ мнѣній.

Нѣкоторыми членами внесены были и критическія поправки. Указывали, напр., на то, что школы, подобныя описаннымъ въ рефератѣ, существовали еще и въ XIX вѣкѣ. Между прочимъ, членъ г. Василенко познакомилъ съ данными, по которымъ можно судить, что преподаваніе въ школахъ грамоты вовсе не такъ недостаточно, какъ говорится въ рефератѣ. Г. Василенку въ 1855 году приходилось, напримѣръ, встрѣчать чиновниковъ, кончившихъ образованіе именно въ школахъ грамоты. Онъ сослался при этомъ еще на записки Теплова. Если-бы школы грамоты давали только начатки, невозможно-бы было также существованіе университета въ Глуховѣ. Что касается учителей-дьячковъ, то не надо забывать, что среди нихъ былъ также Сковорода...

Въ концѣ засѣданія членъ комиссіи г. Василенко обратилъ вниманіе на желательность разработки архивныхъ документовъ объ учрежденіи малорусскихъ полковъ въ 1830 году и съ своей стороны предложилъ также разработку вопроса о размежеваніи и нарѣзкѣ земель въ полтавской губ.

Засѣданіе закончилось около $2^1/_2$ часовъ.

Преобразованіе Подольскаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета въ Церковное Историко-археологическое Общество. 26-го октября фактически состоялось преобразованіе существовавшаго въ Каменцѣ-Подольскомъ Историко-статистическаго Комитета въ Подольское Историко-археологическое Общество.

Еще въ концѣ прошлаго 1902 года возникла въ Историко-статистическомъ Комитетѣ мысль о пересмотрѣ устава Комитета и переименованіи его въ Общество съ цѣлью дать болѣе широкую постановку дѣлу разработки мѣстной исторіи и изученія памятниковъ старины, ихъ собиранія и сохраненія. Тогда же, при непосредственномъ участіи предсѣдателя Комитета преосвященнаго Киріона, бывшаго епископа Балтскаго, нынѣ Новомиргородскаго, былъ выработанъ проектъ устава Церковнаго Историко-археологическаго Общества, и этотъ проектъ, послѣ архипастырскаго одобренія, его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Христофоромъ, епископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, въ апрѣлѣ сего 1903 г. былъ представленъ въ Св. Синодъ на утвержденіе, съ ходатайствомъ о преобразованіи Историко-статистическаго Комитета въ Общество. Вслѣдствіе этого ходатайства послѣдовалъ на имя его преосвященства указъ Св. Синода отъ 29 сентября с. г., въ коемъ дано знать, что, согласно ходатайству его преосвященства и отношенію канцеляріи Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 2 сентября съ увѣдомленіемъ, что со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не встрѣчается препятствій къ утвержденію Устава Общества, Св. Синодъ опредѣлилъ: существующій въ г. Каменцѣ-Подольскомъ Епархіальный Историко-статистическій Комитетъ преобразовать въ Церковное Историко-археологическое Общество и представленный Уставъ этого Общества утвердить.

По полученіи этого указа, было назначено его преосвященствомъ на 26-е октября общее собраніе членовъ бывшаго Историко-статистическаго Комитета для заслушанія указа Св. Синода и Устава Общества и для выбора должностныхъ лицъ, согласно новому Уставу.

Въ назначенное время въ часъ дня въ помѣщеніи Древне-хранилища, въ подоминиканскихъ зданіяхъ, состоялось общее собраніе членовъ Комитета подъ предсѣдательствомъ его преосвященства, преосвященнѣйшаго Христофора. Въ собраніи присутствовали: почетный членъ Комитета его превосходительство г. подольскій губернаторъ А. А. Эйлеръ и дѣйствительные члены въ числѣ 21. Собранію былъ доложенъ указъ Св. Синода и утвержденный Уставъ Церковнаго Исто-

рико-археологическаго Общества[1]) и было постановлено: преобразованное изъ бывшаго Епархіальнаго Историко-статистическаго Комитета Подольское Церковное Историко-археологическое Общество считать открытымъ, при чемъ, такъ какъ и въ бывшемъ Историко-статистическомъ Комитетѣ и въ нынѣшнемъ Историко-археологическомъ Обществѣ установлены одинаковыя три категоріи членовъ—почетныхъ, дѣйствительныхъ и соревнователей, то всѣ члены бывшаго Комитета переименовываются въ члены Общества соотвѣтственныхъ категорій; всѣ денежныя суммы и имущество Комитета, а также всѣ его денежныя и другія обязательства считать перешедшими къ Обществу; о состоявшемся преобразованіи Комитета въ Общество увѣдомить особымъ циркуляромъ всѣхъ членовъ Общества, а также всѣ тѣ ученыя общества и разныя учрежденія, съ которыми Комитетъ входилъ въ сношенія какъ по обмѣну изданіями, такъ и по другимъ поводамъ.

Затѣмъ были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества, согласно § 9 Устава Общества. Избранными оказались: предсѣдателемъ Общества и вмѣстѣ завѣдывающимъ музеемъ протоіерей Е. І. Сѣцинскій, товарищемъ предсѣдателя и вмѣстѣ казначеемъ Н. И. Яворовскій, секретаремъ и завѣдывающимъ епархіальною библіотекою Н. И. Бычковскій и кандидатами къ симъ должностямъ священники В. С. Якубовичъ и Д. С. Корсуновскій.

Въ томъ же собраніи былъ избранъ въ почетные члены Общества преосвященный Киріонъ, Епископъ Новомиргородскій, который, въ бытность викаріемъ Подольской епархіи и предсѣдателемъ Историко-статистическаго Комитета, много потрудился на пользу того Комитета и способствовалъ состоявшемуся нынѣ преобразованію Комитета въ Историко-археологическое Общество.

Послѣ выборовъ была прочитана протоіереемъ Е. Сѣцинскимъ краткая историческая записка о томъ, что сдѣлано бывшимъ Историко-статистическимъ Комитетомъ за 38 лѣтъ его существованія по изученію исторіи епархіи и ея приходовъ, собиранію и сохраненію древностей и изданію историческихъ трудовъ его членовъ и что предстоитъ дѣлать новоучрежденному Историко-археологическому Обществу.

Постановленія общаго собранія отъ 26-го октября утверждены его преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Христофоромъ, епископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, 30-го октября сего 1903 года.

---

[1]) Уставъ этотъ напечатанъ въ № 42 Под. Еп. Вѣдомостей с. г.

Лубенскій естественно-историческій музей г-жи Скаржинской. Заслушавъ ходатайство г. Лубенъ о субсидіи на постройку зданія для естественно-историческаго музея г-жи Скаржинской, лубенское уѣздное земское собраніе единогласно постановило: принять участіе въ столь просвѣтительномъ дѣлѣ; ассигновать на постройку зданія для музея 6,000 р., уполномочивъ управу возбудить ходатайство о займѣ этой суммы изъ страхового капитала, на общемъ основаніи, съ разсрочкою платежа на 28 лѣтъ, проценты-же и погашеніе по этому займу вносить въ уѣздныя смѣты; уполномочить управу возбудить ходатайство о субсидіи въ такомъ-же размѣрѣ и отъ губернскаго земства.

Выставка археологическихъ находокъ. Предсѣдатель Императорской археологической комиссіи гр. А. А. Бобринскій занятъ въ настоящее время разборкой и приведеніемъ въ порядокъ коллекціи древностей, найденныхъ имъ во время раскопокъ въ черкасскомъ и чигиринскомъ уѣздахъ, кіевской губерніи. Коллекція эта будетъ фигурировать на устраиваемой ежегодно Императорской археологической комиссіей выставкѣ предметовъ, найденныхъ во время производства раскопокъ въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Выставка эта откроется въ февралѣ будущаго года.

Находки старины въ екатеринославскомъ уѣздѣ. Хранитель екатеринославскаго археологическаго музея г. Строменко совершилъ поѣздку по екатеринославскому уѣзду, гдѣ онъ производилъ раскопки въ селѣ Капуловкѣ, на мѣстѣ бывшей Чертомлыкской сѣчи. При раскопкахъ обнаруженъ довольно хорошо сохранившійся скелетъ запорожца, на которомъ видны были остатки истлѣвшаго жупана, сапогъ и зеленаго шерстяного пояса. Въ верхнихъ слояхъ земли найдено много обломковъ кафлей (расписныхъ изразцовъ) съ художественной орнаментаціей. Особенно интересна одна кафель, почти цѣликомъ сохранившаяся, облитая зеленою поливой; на ней изображенъ всадникъ на богато убранномъ конѣ и со знаменемъ въ одной рукѣ. Очевидно, рисунокъ изображаетъ, судя по головному убору, иностраннаго рыцаря. Также найдены: двѣ бомбы, грузки для рыболовныхъ сѣтей, остатки стеклянной посуды, люльки, гвозди и другіе остатки домашняго запорожскаго обихода. Кромѣ раскопокъ, г. Строменко произвелъ осмотръ

имѣющихся въ этомъ селѣ древностей. Между прочимъ осмотрѣны: старинный типичный чумацкій возъ, украшенный характернымъ малороссійскимъ орнаментомъ, и древній запорожскій надгробный крестъ, подъ которымъ, какъ видно изъ остатковъ имѣющейся на крестѣ надписи, погребенъ «козакъ куреня Медвѣдіевскаго, року 1724, октомбрія 13 дня». Изъ Капуловки г. Строменко отправился въ село Грушевку, екатеринославскаго-же уѣзда. Въ церкви этого села хранится нѣсколько запорожскихъ древностей. Самыя интересныя изъ нихъ: серебряный ангелъ—подвѣска художественной работы. На ангелѣ помѣщена дата: «Сей провѣсъ отмѣнилъ (пожертвовалъ) козакъ бывшаго Запорожья Потапъ Бѣлій въ слободу Голую Грушевку, да и съ товарищемъ же своимъ Иваномъ Загубиколесомъ, до храма святого великаго архистратига Михаила, 1788 г., мѣсяца августа 13 дня». Далѣе имѣется тамъ престольный крестъ въ серебряной оправѣ, со слѣдующей датой: «Сей крестъ отмѣненъ рабомъ Божіимъ Павломъ Недоступомъ въ селеніе Голую Грушевку, до храма Михаила куреня Канѣвскаго». Наконецъ, имѣется евангеліе московской печати 1784 г., пожертвованное церкви въ 1786 г. Около церкви находятся два старинныя кладбища, причемъ на одномъ изъ нихъ много общихъ могилъ, какъ это видно изъ надписей на уцѣлѣвшихъ крестахъ. Можно предполагать, что на этомъ мѣстѣ происходила какая-то битва. Кромѣ того, мѣстность эта извѣстна въ исторіи Запорожья тѣмъ, что на ней находилась пасѣка знаменитаго кошевого Сѣрка, отчего въ народѣ она и до-нынѣ носитъ названіе «Сирковка».

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Національная статистика въ Галиціи. Статистическое бюро галицкаго земскаго комитета издало, подъ редакціей профессора Пилата, «Руководство по статистикѣ Галиціи», которое, между прочимъ, даетъ и свѣдѣнія о составѣ населенія Галиціи по національности и вѣроисповѣданію. Данныя эти заимствованы изъ изданій вѣнской статистической комиссіи и основаны на результатахъ австрійской переписи 1900 года. Хотя эта перепись въ Галиціи была произведена поляками и въ духѣ ихъ національныхъ интересовъ, однако данными ея можно пользоваться при извѣстной осторожности.

По переписи 1900 года населеніе Галиціи достигало 7,315,929 человѣкъ; сравнительно съ результатомъ переписи 1890 г. (6,607,816 человѣкъ) населеніе Галиціи за десятилѣтіе возрасло на 1,07 проц. (708,113 чел.). Что касается размѣщенія населенія по территоріи Галиціи, то оказывается, что въ 1890 году на одинъ кв. километръ приходилось 84 человѣка, а въ 1900 г.—уже 93 чел. Говоря вообще, населеніе Галиціи растетъ; въ 1869—1880 гг. ежегодный приростъ населенія равнялся 0,95 проц., въ 1880—1890 гг.—1,8 проц., 1890—1900 гг.—1,07 проц. (итакъ, за послѣднія 20 лѣтъ приростъ—почти одинъ и тотъ же).

Судя по переписи 1900 года изъ 7,315,929 жителей Галиціи по-польски говорили 3,988,702 чел.; по-русински (малороссы)—3,074,449 ч. и по-нѣмецки—211,725 чел.

По вѣроисповѣданію было: католиковъ—3,352,044 чел., уніатовъ—3,104,103 чел., православныхъ—2,352 чел., евреевъ—811,371 человѣкъ, и протестантовъ—45,331. Если представить себѣ, что всѣ протестанты-нѣмцы и показывали своимъ обиходнымъ языкомъ—нѣмецкій языкъ, а евреи—нѣмецкій или польскій языкъ, то, исключая изъ 211,752 чел. съ нѣмецкимъ обиходнымъ языкомъ 45,331 человѣкъ настоящихъ нѣмцевъ, можно видѣть, что 160,421 чел. евреевъ высказывалось въ пользу нѣмецкаго языка, а 544,950 человѣкъ—въ пользу польскаго, т. е. иначе говоря, настоящихъ поляковъ изъ числа заявившихъ себя говорящими по-польски было maximum 3,443,752 челов., а не 3.988,702 челов., какъ утверждаетъ оффиціальная статистика. Но въ число 3,988,702 чел. оффиціальной статистики попали и русины: это видно изъ данныхъ, касающихся вѣроисповѣданія Такъ какъ число уніатовъ показано въ 3,101,103 чел., а число говорящихъ по русински—въ 3.074,449 чел., то слѣдовательно, 29,054 чел. русиновъ записаны поляками. А если это такъ, то поляковъ въ Галиціи окажется не болѣе 3,414,698 чел., а русиновъ по крайней мѣрѣ—3.104,103 чел. Однимъ словомъ, поляки составляютъ 46 проц. всего населенія Галиціи, а русины 42 проц., т. е. обѣ народности почти равны по своей численности... («Спб. В.»).

Отзывы печати о разрывѣ между русинами и поляками въ Галиціи. Въ № 42 петербургскаго еженедѣльника «Край» помѣщена передовая статья подъ заглавіемъ „Польско-украинскія дѣла". Въ этой

статьѣ констатируется фактъ, что за послѣднее время русинское населеніе Галиціи значительно окрѣпло въ культурномъ отношеніи, слѣдствіемъ чего и было пробужденіе въ русинскомъ народѣ дремавшаго до поры до времени чувства національнаго самосознанія. Борьба съ этимъ естественнымъ, чисто стихійнымъ, теченіемъ и нежелательна, и немыслима. Поляки, даже съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ, должны пойти этому движенію навстрѣчу и помочь русинскому народу въ стремленіи къ возможно полному и всестороннему удовлетворенію его культурныхъ и національныхъ потребностей. Съ этой точки зрѣнія отказъ галиційскаго сейма въ открытіи въ Станиславовѣ пятой русинской гимназіи слѣдуетъ признать со стороны польскаго большинства въ сеймѣ крупной ошибкой. Ошибка эта въ самомъ недалекомъ будущемъ должна быть непремѣнно исправлена. Этого требуетъ не только справедливость, но и собственные интересы поляковъ. Въ такомъ же приблизительно духѣ по этому поводу высказались и другія польскія варшавскія газеты, а именно: „Kurjer Polski“, «Słowo“ i „Goniec Wieczorny“. Но встрѣчаются по этому вопросу голоса и совсѣмъ другого рода, о характерѣ которыхъ можно судить по статьямъ краковскаго органа „Głos Naroda“, напечатавшаго рядъ статей объ отношеніяхъ поляковъ къ русинамъ и приходящаго къ заключенію, что послѣдніе не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на нихъ поляками. «Украйнофильство» не обнаружило достаточныхъ силъ къ созданію малорусскаго Пьемонта. Русинская литература, столь горячо поддерживаемая поляками въ Галиціи, не сумѣла пріобрѣсти достаточно читателей-интеллигентовъ. Русины относятся довольно безпечно къ своему языку, видя въ немъ лишь народное нарѣчіе, пригодное для пѣнія и народнаго театра.

„Діло“ о положеніи вопроса русинско-польскихъ отношеній. „Діло“ придаетъ очень серьезное значеніе настоящему фазису польско-русскихъ отношеній. Съ уходомъ русскихъ депутатовъ изъ сейма закончился, по мнѣнію этой газеты, опредѣленный періодъ русинской національной политики и наступилъ моментъ окончательной, рѣшительной борьбы между русинами и поляками. «Пусть русинскій народъ знаетъ—пишетъ «Діло»,—что польско-русинская борьба, отъ Вислока до Збруча, ведется уже не изъ-за гимназіи, не изъ-за введенія русинскаго языка въ университетское преподаваніе, не изъ-за бюро

труда. Все это лишь незначительные моменты борьбы, лишь отдѣльные эпизоды смертнаго боя, который покажетъ, останется-ли католическая Украина Украиной, или же сдѣлается придаткомъ къ Польшѣ. Это борьба—въ самомъ трагическомъ смыслѣ, борьба за существованіе, за всѣ отправленія общественной жизни. „Діло" полагаетъ, что польско-русинскій антагонизмъ долженъ закончиться распаденіемъ Галиціи на двѣ, независимыя другъ отъ друга, національныя части: галицкая Русь должна стать самостоятельной, административно-автономной единицей.

Иллюстрація польской нетерпимости. Въ № 236 газеты «Діло» встрѣчаемъ слѣдующую характерную корреспонденцію. «Зайдя однажды въ Оссолинскую библіотеку (во Львовѣ), я просилъ дать мнѣ, между прочимъ, извѣстную украинской публикѣ книжку подъ загл. «Привіт д-рови Іванови Франкови», изданную по случаю 25-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности этого писателя. Книжка, повидимому, не лежала даромъ въ библіотекѣ, потому что чья-то рука помѣстила на заглавной страницѣ слѣдующую надпись: «Portret wydarłem, gdyż takiego łotra podobizna nie powinna się znajdować w swiecie». Надпись превосходно иллюстрируетъ, чтó это за «ученый» пользовался упомянутой книжкой, равно какъ характеризуетъ ту «высшую» польскую культуру, подъ давленіемъ которой находится русинское общество въ Галичинѣ».

Ясно и безъ комментаріевъ!

Русинская депутація къ митрополиту Щептыцкому. 20 октября митрополиту Шептыцькому представлялась русинская депутація, съ депутатомъ вѣнскаго рейхсрата, г. Романчукомъ, во главѣ. Депутація благодарила митрополита за его образъ дѣйствій въ сеймѣ. Митрополитъ отвѣтилъ, что онъ исполнилъ только свою обязанность и что онъ всегда будетъ защищать не только интересы церкви, но также и интересы русинскаго народа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

М. Грушевський. Історія України-Руси. Том IV. XIV—XVI віки—відносини політичні. *(Збірник історично-фільософічної секції Наукового Товариства імени Шевченка, томи VI і VII). У Львові, 1903, стр. 1—532, in 8°+карта.*

Грандіозный трудъ, предпринятый неутомимымъ ученымъ нашимъ, профессоромъ Львовскаго университета Михаиломъ Грушевскимъ:—дать украинскому обществу полную критическую исторію украинскаго народа со времени появленія его на исторической сценѣ и вплоть до послѣдняго времени—постепенно подвигается впередъ, и въ настоящее время предъ нами лежитъ уже IV томъ этого обширнаго труда. Трудъ г. Грушевскаго—это, если позволено будетъ такъ выразиться, эссенція всей исторической литературы о нашемъ прошломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это и историческая энциклопедія, гдѣ читатель находитъ всѣ необходимыя указанія по литературѣ предмета во второй части, въ примѣчаніяхъ, и безъ всякаго затрудненія имѣетъ возможность пользоваться ею для спеціальныхъ цѣлей. Это обстоятельство, крайне важное для научныхъ цѣлей, еще болѣе увеличиваетъ достоинства сочиненія г. Грушевскаго.

Предыдущіе три тома, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Кіевской Старины» [1]), посвящены были разсмотрѣнію исторіи самостоятельной государственной жизни украинско-русскихъ земель,—возникновенію ихъ, развитію и упадку. Съ упад-

[1]) См. 1902, кн. 12.

комъ ихъ начинается борьба за эти земли различныхъ претендентовъ (Литвы, Польши, Венгріи) между собою и съ татарской ордой, пробовавшей удержать за собой оккупацію украинскихъ земель; борьба эта затянулась надолго, но въ концѣ концовъ завершается тѣмъ, что Польша рядомъ войнъ, династическихъ трактатовъ и уній собираетъ въ своихъ рукахъ претензіи и пріобрѣтенія всѣхъ спорящихъ сторонъ и, несмотря на затрудненія со стороны татаръ и оппозицію самого населенія, въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII ст. достигаетъ, хотя на очень короткое время, фактическаго обладанія всѣми украинско-русскими землями.

Исторія борьбы всѣхъ этихъ сосѣдей за украинско-русскія земли и участія въ ней самого украинскаго народа составляетъ содержаніе средняго періода нашей исторіи въ политическомъ отношеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе даннаго IV тома «Істориі Украіни-Руси». Въ общественномъ, экономическомъ и культурномъ отношеніи періодъ этотъ заполняетъ эволюція украинской жизни, создавшейся подъ вліяніемъ перемѣнъ политическихъ обстоятельствъ, въ особенности подъ посредственнымъ (во время литовскаго господства) и непосредственнымъ (при польскомъ господствѣ) вліяніемъ Польши—польскаго правительства и польскаго общества. Этой общественной и культурной эволюціи будетъ посвященъ дальнѣйшій V томъ, а началу вооруженной народной реакціи противъ новыхъ общественно-политическихъ условій слѣдующій VI томъ.

Настоящій томъ содержитъ въ себѣ слѣдующія 4 главы: 1) оккупація украинско-русскихъ земель Польшей и Литвой (стр. 1—87); 2) украинско-русскія земли подъ властію Литвы и Польши въ концѣ XIV и нач. XV ст. (стр 88—156); 3) украинско-русскія земли подъ властью Литвы и Польши въ XV ст. (стр. 156—282), и 4) окончаніе подчиненія украинско-русскихъ земель Польшѣ (стр. 282—356).

Мы не станемъ передавать подробно содержаніе каждой изъ главъ—это заняло бы слишкомъ много мѣста, такъ какъ пришлось бы пересказать цѣлую книгу,—мы думаемъ лишь отмѣтить нѣкоторыя наиболѣе, по нашему мнѣнію, бросающіяся въ глаза мѣста по своей оригинальности и новизнѣ и яркости освѣщенія, предоставляя лицамъ болѣе компетентнымъ заняться детальнымъ критическимъ разборомъ не только настоящаго тома, но и предыдущимъ трехъ, чего, насколько намъ извѣстно, по сію пору не было сдѣлано, не считая краткихъ отзывовъ, и то исключительно въ заграничной литературѣ.

Въ первой главѣ настоящаго тома заслуживаетъ особаго вниманія объясненіе причинъ прочности княженія Любарта на галицко-волынскомъ столѣ по смерти Юрія-Болеслава. «Очевидно,—говоритъ авторъ,—что галицко-волынскія земли, т. е. галицко-волынское боярство, стоявшее во главѣ ихъ и фактически державшее ихъ въ своихъ рукахъ, добровольно признало Любарта своимъ княземъ и держалось его далѣе, несмотря на ту борьбу, какую приходилось выдерживать съ другими претендентами, и довольно слабую и отрывочную помощь со стороны литовскихъ князей... Сотни случаевъ предоставлялось ему избавиться отъ этого князя, если бы онъ былъ навязанъ ему насильно, въ особенности въ первые годы, когда со смерью Гедимина раздѣлилось его государство и потеряло цѣлость и силу... Бояре не сдѣлали этого; наоборотъ—прочно держались его. Очевидно, Любартъ былъ посаженъ на галицко-волынскій столъ самими боярами, намѣтившими его въ князья еще ранѣе» (стр. 15).

Другой, не менѣе интересный вопросъ—въ чемъ выражалось участіе мѣстнаго элемента въ политической жизни въ княженіе Любарта и вообще волынскихъ князей литовской династіи? «Населеніе Волыни стояло на сторонѣ князей противъ Польши, и только этимъ можно объяснить необычайную стойкость волынскихъ князей литовской династіи въ борьбѣ съ Казимиромъ, ихъ сильный отпоръ въ защиту своихъ волостей и необычайную легкость, съ какой при первомъ удобномъ случаѣ возвращаютъ они обратно отнятые у нихъ замки и волости. Во всемъ чувствуется, что они ведутъ борьбу на своей, близкой имъ почвѣ; повторяется то же самое, что мы видѣли въ отношеніяхъ земли къ своимъ князьямъ изъ русской династіи (стр. 51). Совершенно иное дѣло Галичина. Тамъ даже такого наивнаго сочувствія къ литовскимъ князьямъ, какъ это мы замѣчаемъ на Волыни, нѣтъ и слѣдовъ. Ни среди бояръ, ни въ народной массѣ не было симпатій къ Любарту, подобно тому какъ на Волыни, хотя не было, разумѣется, сочувствія и по отношенію къ полякамъ. Въ чемъ причина? Почтенный авторъ видитъ ихъ прежде всего въ особомъ положеніи Любарта и въ положеніи боярства. «На Волыни Любартъ поселился издавна, быть можетъ еще при жизни Юрія-Болеслава. Благодаря той податливости къ русской культурѣ, русской жизни, какой вообще отличались Гедиминовичи, онъ очень скоро вполнѣ ассимилировался съ Волынью и волынской жизнью, сталъ здѣсь своимъ человѣкомъ, связалъ себя тысячами нитей съ землей, съ ея сословіями

и интересами. Поэтому-то на Волыни смотрѣли на него, какъ на *своего* князя и поддерживали его, какъ поддерживали *своихъ* князей изъ династіи Игоря, Мстислава или Романа, не болѣе, но и не менѣе» (стр. 52). Между тѣмъ для Галичины онъ былъ человѣкомъ чужимъ. Его именемъ правило тамъ боярское правительство—поэтому держаться Любарта въ Галичинѣ значило держаться боярскаго правительства, которое подъ его номинальной фирмой правило тамъ всевластно и безконтрольно и не пользовалось популярностью.

Нельзя пройти также мимо такого важнаго и любопытнаго вопроса, какъ причина или причины пассивнаго, добровольнаго вообще перехода украинско-русскихъ земель подъ власть Литвы. Историческіе источники въ данномъ случаѣ почти ничего не даютъ намъ для рѣшенія этого вопроса, и приходится ограничиваться болѣе или менѣе теоретическими выводами и аналогіями. Главная причина заключается въ томъ, что литовская власть не носила характера этнографически-чужой для украинскаго населенія. Великое княжество литовское и литовская княжеская династія въ срединѣ XIV ст. были литовскими больше лишь по имени; русскій языкъ господствовалъ на литовскомъ дворѣ, а равно русская культура; среди верхнихъ слоевъ Литвы распространялась «русская вѣра»; нормы государственнаго права, хотя и видоизмѣненныя дальнѣйшей государственной эволюціей, были взяты вел. кн. литовскимъ изъ Руси; частное и уголовное право вел. кн. литовскаго опирались также на русское, какъ это показываетъ сличеніе Русской Правды съ земскими грамотами в. кн. Литовскаго и Литовскимъ Статутомъ; русскій языкъ сталъ правительственнымъ и культурнымъ языкомъ въ в. кн. Литовскомъ—языкомъ велико-княжеской канцеляріи и администраціи, законодательства и литературы вообще, даже въ вполнѣ литовскихъ земляхъ, даже въ Жмуди, и оставался таковымъ и послѣ соединенія съ Польшей, послѣ радикальной перемѣны въ общемъ направленіи государственной политики, такъ что русскій патріотъ начала XVII в. не безосновательно могъ говорить, что

«Полска квитнет лациною,
Литва квитнет русчизною:
Без той въ Полще не пребудеш,
Без сей въ Литве блазнем будзешъ».

«Въ виду всего этого и оккупація украинско-русскихъ земель Литвою въ XIV в. носитъ характеръ не завоеванія, не чужеземнаго вторженія, а присоединенія, собиранія земель русскаго государства, аналогичнаго съ тѣмъ, какъ собирали нѣкогда разсыпанныя части кіевскаго государства его представители X—XII вв.... Я полагаю, что эти (указанные выше) моменты объясняютъ, по политики крайней мѣрѣ въ значительной степени чрезвычайныя пріобрѣтенія литовской въ украинско-русскихъ земляхъ XIV в., секретъ ея успѣха. Талисманомъ для нея служилъ русскій характеръ в. кн. Литовскаго; ему оно обязано было чрезвычайно своимъ политическимъ ростомъ, и онъ служилъ ему, пока оно не утеряло его, нарушивши прежнюю державную политику свою уніей съ Польшей» (стр. 86—87).

Въ дальнѣйшемъ изложеніи (гл. III) остановимся на характеристикѣ политической дѣятельности Свитригайла. „Онъ былъ не только представителемъ Руси, но вмѣстѣ съ тѣмъ—вождемъ аристократіи, или точнѣе сказать: русской аристократіи, князей и сильныхъ пановъ. Поэтому и борьба русскаго элемента, съ Свитригайломъ во главѣ, была дѣломъ русскихъ князей и пановъ. Народной войны въ собственномъ значеніи этого слова не было вовсе, и этимъ объясняется то, что хотя она велась подъ стягомъ поднятія русской народности и русской вѣры, но дѣйствительнаго народнаго движенія совсѣмъ не вызывала, широкихъ круговъ русскихъ, не говоря уже о народныхъ массахъ, не затрагивала, благодаря чему носила довольно слабосильный, анемичный характеръ, несмотря на жизненность провозглашеннаго ею русскаго національнаго призыва“ (стр. 178).

Далѣе, указано на возстаніе Глинскаго, бывшее послѣдней конвульсіей русской аристократіи въ вел. княжествѣ Литовскомъ. «Что оно носило русскій національный характеръ, что цѣлью его было—выдвинуть русскій элементъ на первый планъ,—на это опредѣленно указываютъ и источники. Но изъ нихъ же видно, насколько слабо было это движеніе: оно носило характеръ болѣе семейнаго дѣла, чѣмъ народнаго... Что въ широкихъ кругахъ движеніе это не нашло отклика, объ этомъ нечего и говорить—это было панское дѣло, какъ и предыдущія возстанія и конспираціи... Стало очевиднымъ, что остатки русскихъ княжескихъ родовъ и пановъ примирились со своей второстепенной ролью въ вел. княжествѣ и не имѣли ни отваги, ни энергіи бороться съ литовской аристократіей; полувѣковое господство литовскихъ родовъ не миновало даромъ. Въ дальнѣйшемъ этотъпро-

цессъ долженъ былъ развиваться въ томъ же направленіи. Литовская аристократія, взявши бразды правленія въ свои руки и имѣя опору въ великихъ князьяхъ, которые держались за одно съ ней, какъ болѣе близкой по вѣрѣ и болѣе лояльной, укрѣпляла все болѣе свое положеніе и перевѣсъ, русская же—теряла свое вліяніе еще болѣе, теряла даже характеръ опредѣленной политической группы... Русскому національному дѣлу въ польско-литовскомъ государствѣ должны были дать движеніе новые общественные элементы. Но въ то время, когда догорала русская панская оппозиція, о нихъ не было еще слышно» (стр.246 —247).

Хороша также характеристика польско-литовскаго правительства конца XV в. Благодаря болѣе чѣмъ недальновидной, безнадежной политикѣ этого правительства—Казимира и его сыновей,—русско-украинскимъ землямъ въ концѣ XV ст. пришлось испить чашу, какой еще на памяти исторіи они не запомнятъ. «Ни печенѣжскій погромъ ни половецкая гроза XI в., ни походъ Батыя—не охватывали тако, огромной территоріи и не могли равняться по интенсивности своей и своимъ послѣдствіямъ (руинѣ) съ этой новой грозой (непрерывными нападеніями татаръ, въ особенности при Менгли-Гиреѣ), ускоренной какъ разъ тѣми дѣятелями, которые въ представленіи новѣйшей польской исторіографіи выступаютъ защитниками украинско-русскихъ земель отъ «татарской дичи», цивилизаторами и культуртрегерами.. Пріобрѣтенія колонизаціи и культуры нѣсколькихъ столѣтій погибли какъ въ огнѣ. Вся степная область, весь юго-восточный поясъ вплоть до черты лѣсовъ: Переяславщина, южная Черниговщина, южная и центральная Кіевщина, Браславщина и восточное Подолье—обратились въ пустыню, гдѣ лишь въ рѣдкихъ королевскихъ замкахъ, да еще въ непосредственной ихъ близости держались небольшія группы населенія... А властители огромныхъ государствъ, проводники и защитники культуры и цивилизаціи, прославляемые новѣйшими польскими историками, авторы прославленныхъ плановъ борьбы съ востокомъ—не въ состояніи были вести съ степовыми варварами даже такой борьбы, какую вели мелкіе, скромные русскіе князья XI—XII в.... Въ виду такой безпомощности правительства, объ оборонѣ должны были подумать сами непосредственно заинтересованные—населеніе украинско-русскихъ земель и начальники пограничныхъ провинцій и замковъ. На этой почвѣ, подъ давленіемъ этихъ условій, развилось украинское козакованіе, а изъ него сформировалось козачество, какъ общественное сословіе,—документальныя упоминанія о козакованіи встрѣчаемъ

непосредственно послѣ первыхъ погромовъ Менгли-Гирея (первое извѣстіе относится къ 1492 году»), (стр. 279—282).

Наконецъ, нельзя миновать такой огромной важности факта, какъ Люблинская унія, изложенію которой, равно какъ и предшествовавшихъ попытокъ въ томъ же направленіи въ XVI в., посвящена авторомъ цѣлая спеціальная (4-я) глава. Актъ уніи, изданный 1 іюля 1569 года, содержалъ въ себѣ постановленія о томъ, что корона и в. княжество Литовское должны составлять одну Рѣчь посполитую; они избираютъ совмѣстно короля, который вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашается и великимъ княземъ; сеймы должны быть общіе; отдѣльныя должности въ великомъ княжествѣ сохраняются. Это собственно и все, что должно именоваться Люблинской уніей. Обычно подъ этимъ именемъ разумѣютъ еще присоединеніе Волыни, Кіевщины, Браславщины и Подолья,—но это, какъ видно изъ подробно изложеннаго и обстоятельно освѣщеннаго авторомъ хода переговоровъ объ уніи, были актами совершенно отдѣльными отъ уніи, совершенными въ антрактѣ между переговорами, независимо отъ уніи, только на томъ же самомъ Люблинскомъ сеймѣ. «Окончился сеймъ своими, постановленіями такъ глубоко вырѣзавшій свое имя на скрижаляхъ нашей исторіи,—сеймъ, который довершилъ въ нѣсколькихъ парламентскихъ засѣданіяхъ то, чего не могли совершить продолжительныя кровавыя войны и столѣтніе дипломатическіе торги и фокусы,—сеймъ, однимъ почеркомъ пера рѣшавшій судьбу земель и намѣчавшій имъ на цѣлыя столѣтія новые пути. Превознесенный впослѣдствіи, какъ актъ любви, братства, самопожертвованій, въ дѣйствительности онъ былъ цѣпью насилій, совершенныхъ надъ чужими убѣжденіями, надъ чужими правами подъ давленіемъ государственной власти и тяжелыхъ политическихъ условій. Съ самаго начала онъ былъ ловушкой для польскихъ сословій, гдѣ во всякомъ случаѣ ultima ratio—королевская власть могла довершить то, чего не удалось бы добиться отъ Литвы добровольно; затѣмъ, послѣ бѣгства литовскихъ делегатовъ, онъ перешелъ, по просту сказать, къ открытому захвату в. княжества литовскаго» (стр. 350—351). Въ чемъ же причина такого огромнаго успѣха польской политики? Прежде всего литовскимъ патріотизмомъ, въ Литвѣ прикрывались эгоистическіе, классовые интересы, желаніе удержать въ рукахъ олигархіи дальнѣйшее управленіе в. кн. Литовскимъ, не дѣлясь властью ни съ русскими магнатами, ни со своей шляхтой, ни съ поляками. «Эта исключительность олигархіи Литовскаго княжества и была глав-

ной причиной ея слабости. Не говоря уже о народныхъ массахъ, эта олигархія не могла опереться на шляхту, не могла разсчитывать даже на панство украинско-русскихъ земель. Это украинско-русское панство, жившее и по сію пору отдѣльной, замкнутой жизнью, не имѣвшее почти совсѣмъ доступа къ центральному правленію в. кн. Литовскаго, не имѣло пожалуй охоты къ присоединенію ихъ земель къ Польшѣ, но и не проявляло (во время перваго безкоролевья) желанія оторваться отъ нея и вернуться снова къ вел. княжеству Литовскому. Правда, украинскимъ магнатамъ было ближе олигархическое устройсво в. кн. Литовскаго, шляхетско-демократическіе порядки польской короны, но въ концѣ концовъ они не боялись потерять такъ много, какъ литовскіе олигархи, потому и не имѣли нужды противиться присоединенію къ Польшѣ. Средняя же шляхта западной Украины—Волыни и Подлясья, въ виду своихъ мѣстныхъ и классовыхъ интересовъ, даже поддерживала унію, выступая на литовскихъ сеймахъ съ специальными петиціями про унію, а на Литовскомъ сеймѣ, послѣ присоединенія Волыни и Подлясья, пропагандировала вмѣстѣ съ панами своихъ земель необходимость присоединенія Браславщины и Кіевщины» (стр. 353).

Изложеніемъ постановленій Люблинскаго сейма и его характеристикой заканчивается содержаніе даннаго тома. Далѣе слѣдують «Примѣчанія» (стр. 357—496), заключающія въ себѣ необходимыя библіографическія указанія, при чемъ это не голый лишь перечень источниковъ и трудовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и критическая оцѣнка ихъ. При этомъ нерѣдко можно здѣсь встрѣтить множество цѣннаго историческаго матеріала, въ родѣ исправленныхъ редакцій грамотъ (напр. Владислава Опольскаго (на стр. 417), или неизвѣстнаго полностью письма Литовскихъ сословій Сиг. Августу (на стр. 489—491), и т. п. Въ концѣ тома помѣщена карта украинско-русскихъ земель въ составѣ польско-литовскаго государства передъ 1569 годомъ и примѣчанія къ ней (стр. 497—502), генеалогическая таблица династіи великихъ князей литовскихъ (стр. 503—513), наконецъ, именной и предметный указатели.

Въ заключеніе, остается лишь пожелать, почтенному автору силъ и энергіи, дабы мы могли въ возможно близкомъ будущемъ увидѣть въ печати дальнѣйшіе томы Исторіи Украины, обнимающіе еще болѣе важный періодъ активнаго выступленія украинскаго народа на исто-

рическую сцену и участія, въ качествѣ самостоятельной націи, въ общей исторической жизни другихъ народовъ.

В. Доманицкій.

Dr. Ludwik Boratyński. Stefan Batory i plan ligi przeciw Turkom (1576—1584). (Rozprawy Akademii umiejętności. Wydział historyczno-filozoficzny. Serya II. Tom XIX. W Krakowie, 1903. Стр. 196—347). *(Д-ръ Людвикъ Боратынскій. Стефанъ Баторій и проектъ лиги противъ турокъ).*

Въ обширной монографіи проф. Виктора Чермака о проектахъ антитурецкой лиги кор. Владислава IV[1]) польская историческая литература уже имѣетъ подробную обработку этого сюжета для первой половины XVII в. Цѣнное продолженіе той же темы представляетъ собою и появившаяся недавно монографія г. Боратынскаго, основанная, какъ и трудъ г. Чермака, преимущественно на бумагахъ итальянскихъ архивовъ. Правда, планы Стефана Баторія уже и раньше были извѣстны въ общихъ чертахъ, но главнымъ образомъ въ послѣднемъ ихъ фазисѣ, когда король задумалъ двинуться на Константинополь чрезъ Москву и привлечь къ коалиціи не только западъ Европы, но также Персію и Кавказъ. Г. Боратынскій прослѣдилъ движеніе этихъ проектовъ съ самаго занятія Стефаномъ Баторіемъ польскаго престола и далъ при этомъ нѣсколько справокъ, не лишенныхъ интереса и для исторіи южной Руси, въ частности козачества.

Минуя подробности, укажемъ главные выводы, къ которымъ пришелъ г. Боратынскій. Подробный обзоръ политическихъ сношеній Ст. Баторія устанавливаетъ, что руководящей идеей заграничной политики этого короля была дружба съ Турціей, которую онъ не думалъ разрывать безъ достаточныхъ поводовъ и прочной заручки. Баторій былъ убѣжденъ, что при помощи прочной и сильной лиги съ другими государями запада возможно было поднять борьбу съ исламомъ на жизнь и смерть, но при современныхъ политическихъ условіяхъ дѣло это являлось попросту невозможнымъ. Онъ отлично зналъ могущество Турціи того времени и поэтому стремился заручиться такими силами, при которыхъ могъ-бы выступить на борьбу, въ крайнемъ случаѣ, и

---

[1]) Wiktor Czermak. Plany wojny tureckiej Władysława IV. Krak., 1895

безъ посторонней помощи. Сама по себѣ Польша не могла ему дать такихъ силъ, тѣмъ болѣе, что огромное большинство шляхетства тогда, какъ и при Владиславѣ IV, было враждебно настроено противъ единоборства съ Турціей. Поэтому Баторій сперва думалъ о присоединеніи Венгріи, а затѣмъ хотѣлъ обратить свои взоры на Москву: лишь съ присоединеніемъ послѣдней онъ считалъ возможнымъ нанести смертельный ударъ мусульманству. Само собою разумѣется, что на первомъ планѣ для Ст. Баторія, какъ для Владислава IV, стоялъ династическій интересъ, а не великодушная забота о благѣ христіанскаго міра: король этотъ былъ реалистъ до мозга костей, въ духѣ своего времени, рѣшительный, но и осторожный до крайности, строго разсчитывавшій свои силы и отнюдь не склонный къ иллюзіямъ.

По смерти Баторія переговоры о лигѣ противъ Турціи продолжались въ его духѣ. Замойскій требуетъ присоединенія къ лигѣ императора германскаго и нѣмецкихъ князей, Испаніи, Москвы, Венеціи и итальянскихъ владѣтелей, требуетъ, чтобы императоръ выставилъ въ Венгріи 80,000 войска и чтобы войско христіанское было не менѣе 100,000. При условіи соотвѣтственной денежной субсидіи, Польша имѣла выставить 60-тысячную армію, чтобы не играть второстепенной роли. Какъ извѣстно, и эти проекты не имѣли практическаго результата.

Дальнѣйшее развитіе антитурецкихъ плановъ при Владиславѣ IV выдвинуло на первый планъ роль козачества, на которое думалъ было опереться этотъ король-неудачникъ. Но и при Ст. Баторіи уже намѣчаются нѣкоторыя черты этой роли. Козацкіе набѣги, въ связи съ претензіями Польши на вліяніе въ Молдавіи, давали туркамъ достаточно поводовъ къ враждѣ противъ поляковъ, которые всѣми способами старались не ссориться съ могущественнымъ противникомъ. Турецкое вліяніе проложило и Баторію дорогу къ трону, вопреки усиліямъ императора германскаго. Баторій ненавидѣлъ австрійскій домъ еще болѣе, чѣмъ турокъ. Отсюда особенности его извилистой политики въ антитурецкомъ вопросѣ, его переговоровъ съ Болоньетти и Поссевиномъ, Венеціей и Испаніей съ 1579 по 1584 г. Послѣ удачныхъ войнъ съ Москвой, отношенія Баторія къ Турціи сложились вообще въ его пользу, но это не помѣшало туркамъ въ 1583 г. въ довольно грубой формѣ требовать отъ Баторія вознагражденія татаръ за отнятые казаками московскіе упоминки. Въ отвѣтѣ своемъ Баторій обѣщаетъ вознаградить татаръ и кромѣ того дать имъ возможность идти на Персію,

другими словами, придержать козаковъ отъ нападеній на татарскія владѣнія. Не о лигѣ противъ турокъ приходилось думать Баторію въ 1583 г., когда папа особенно настаивалъ на привлеченіи къ ней Польши, но о сохраненіи мира съ Турціей во что бы то ни стало. Въ концѣ 1583 года пришло въ Краковъ извѣстіе, что козаки собираются напасть на турецкія владѣнія. Баторій старается не допустить до этого, шлетъ приказы гетману, ротмистрамъ и пограничной шляхтѣ, но безуспѣшно. Запорожцы, опустошивъ молдавское порубежье, разорили Ягорлыкъ, деревянный замокъ, незадолго передъ тѣмъ выстроенный турками на границѣ Польши, затѣмъ ударили на Тегинь или Бендеры, резиденцію турецкаго санджака. Замка не взяли, но сожгли городъ и съ большой добычей и 12 пушками ушли назадъ. Затѣмъ пришла вѣсть, что козаки пригласили Самуила Зборовскаго двинуться съ ними на Молдавію. Эта вѣсть повергла Баторія въ страшное безпокойство. Такъ какъ онъ поддерживалъ Петра молдавскаго, то этотъ планъ козаковъ грозилъ ему разрывомъ съ татарами и турками. Гнѣвъ его противъ Зборовскаго былъ ужасенъ. Баторій тогда же требовалъ привлеченія его къ отвѣту. Королевскій дворянинъ Станиславъ Бѣгановскій повезъ приказы Баторія старостамъ отбирать добычу и пушки, виновныхъ (конечно, простыхъ козаковъ) схватить, а польному гетману и старостамъ галицкому и снятинскому разрѣшено казнить ихъ, если санджакъ потребуетъ удовлетворенія.

Въ Константинополѣ ужаснулись при вѣсти о козацкомъ нападеніи, приказано собрать войско, а беглербегъ Греціи съ 10-тысячнымъ отрядомъ двинулся къ польской границѣ. Несмотря на панику во Львовѣ, тѣмъ большую, что король располагалъ ничтожнымъ отрядомъ жолнеровъ, не получавшихъ жалованья, Баторій старается показать предъ папскимъ посломъ, хлопочущимъ о лигѣ противъ турокъ, полное спокойствіе и беззаботность. Однако, въ ноябрѣ 1583 г. Баторій шлетъ въ Константинополь Петра Слостовскаго съ подарками, увѣряетъ въ дружбѣ, обѣщаетъ всякое вознагражденіе за убытки, проситъ прислать чауша для полученія пушекъ и присутствованія при казни злодѣевъ-козаковъ. И при такихъ то условіяхъ является въ Брестѣ Литовскомъ папскій посолъ Болоньетти, чтобы настаивать на присоединеніи Баторія къ антитурецкой лигѣ. Любопытно, что это посольство было ускорено папою именно потому, что въ Римъ пришло извѣстіе о нападеніи козаковъ, которое считали тамъ и въ Венеціи произведеннымъ по приказу самого Баторія (стр. 282—286, 292).

Баторій хитритъ въ переговорахъ, стараясь выиграть время и не связать себя ничѣмъ. Тутъ онъ, между прочимъ, высказываетъ папскому послу, что могъ-бы уничтожить турокъ, если бы ему удалось овладѣть Москвой: тогда можно бы Дономъ и Волгой двинуть флоты на Черное и Каспійское моря и уязвить турокъ съ тылу. Болоньетти рекомендуетъ собирать войско якобы для кельнской или шведской войны и затѣмъ неожиданно напасть на Турцію. Отъ турокъ не укроешься, у нихъ вездѣ шпіоны, возражаетъ Баторій. Тогда нунцій совѣтуетъ королю воспользоваться козаками: пусть только король дозволитъ или по крайней мѣрѣ не препятствуетъ козакамъ собраться въ большомъ числѣ,—къ нимъ могутъ примкнуть и другіе подъ видомъ козаковъ. Турки будутъ думать, что это дѣлается противъ воли короля, какъ это было при нападеніи на Тегинь, особенно если поставить во главѣ козаковъ одного изъ противниковъ Баторія, напр. Лаского или Мелецкаго. Любопытно, что этотъ Ласкій еще въ 1582 г. предлагалъ Баторію собрать 15 тыс. пѣхоты и 10 тыс. конницы для нападенія на Константинополь. Въ слѣдующемъ году теребовльскій староста обращалъ вниманіе Болоньетти на военныя доблести козаковъ, на ихъ ненависть къ туркамъ. Около этого же времени одинъ изъ козацкихъ начальниковъ, недовольный на короля за воспрещеніе воевать съ турками, предлагалъ свои услуги папѣ чрезъ посредство какого то служащаго въ нунціатурѣ: онъ требовалъ уплаты 25—30 тыс. дукатовъ и обязывался съ помощью донскихъ козаковъ, волохъ и даже татаръ добраться къ Константинополю въ 12 дней, опустошая все огнемъ и мечемъ. Передъ отъѣздомъ кардинала Болоньетти изъ Польши онъ возобновилъ это предложеніе чрезъ своего родственника и даже писалъ объ этомъ папѣ. Папская нунціатура стала съ этой поры обращать вниманіе на козаковъ, какъ на пригодный для ея цѣлей элементъ. Это доказывается, между прочимъ, цѣлымъ разсужденіемъ на эту тему, сохранившимся въ бумагахъ Боргезе и вѣроятно принадлежащимъ перу Горація Спанокки, секретаря Болоньетти. Должно думать, что въ этомъ благосклонномъ вниманіи нунціатуры къ козачеству кроется и начало дѣла Комуловича (стр. 302 и 303).

Не лишено также интереса, это когда Болоньетти выразилъ Баторію опасеніе, какъ-бы столкновеніе съ Швеціей не отвлекло его отъ антитурецкихъ плановъ, король отвѣтилъ, что войны съ шведами не боится: «если бы даже шведъ началъ войну, я легко справился-бы съ нимъ при помощи однихъ козаковъ, не отрываясь отъ войны съ

Турціей» (стр. 304). Тѣмъ временемъ однако Баторій отправилъ въ Порту своего посла для оправданій по поводу козацкихъ вторженій и для увѣренія, что никогда не пристанетъ къ лигѣ противъ султана, въ которую его приглашаютъ. Вся эта извилистая политика привела къ казни схваченныхъ козаковъ во Львовѣ въ присутствіи турецкаго чауша; правда, изъ 60 задержанныхъ было представлено чаушу только 36; изъ нихъ онъ самъ освободилъ троихъ. Между казненными не было ватажка (стр. 320). Дальнѣйшіе переговоры уже выдвинули планъ движенія на Константинополь чрезъ Москву, разумѣется, послѣ завоеванія ея для Польши.

Добросовѣстный авторъ съ великимъ усердіемъ собираетъ всѣ отмѣтки, относящіяся къ этимъ переговорамъ, и на основаніи ихъ стремится возсоздать обширные планы, якобы возникавшіе постепенно въ умѣ Баторія на благо христіанскаго міра. Но не говоря о томъ, что такая концепція сильно нарушаетъ историческую перспективу и общій колоритъ эпохи,—даже внимательное обозрѣніе сведенныхъ г. Боратынскимъ данныхъ приводитъ къ заключенію почти прямо обратному: Баторій преслѣдовалъ очень опредѣленные, но далеко не столь обширные планы, и даже слегка, какъ дѣлаетъ авторъ, идеализировать этого реальнаго политика значитъ не отдавать ему должнаго, какъ дѣятелю своей эпохи; едва-ли не слѣдуетъ прямо признать, что къ планамъ антитурецкой лиги онъ никогда не относился серьезно и лишь пользовался ими для ближайшихъ цѣлей своей политики, неразсчитанной на столь широкій размахъ.

Н. М.

В. Гринченко. Пысання. Т. І. *Кыивъ 1903 р. І—IV+500 стр. Цѣна 1 р. 50 к., на кращому папери 2 рубл.*

Въ І т. Пысаннивъ (пока вышелъ лишь І т.)—Б. Гринченко выступаетъ предъ нами, какъ авторъ двухъ стихотворныхъ сборниковъ: «Пидъ хмарнымъ небомъ» и «Хвылыны».

Особенности поэтическаго дарованія Б. Гринченка въ первомъ сборникѣ стихотвореній обрисовываются почти такъ-же ясно, какъ и

во второмъ. Впрочемъ, стихотворенія «Хвылыны», какъ болѣе поздняго происхожденія, сдѣлали шагъ впередъ въ отношеніи техники стиха, глубины настроенія и большей опредѣленности и устойчивости міровоззрѣнія поэта, что было результатомъ естественнаго роста таланта.

Не имѣя возможности вполнѣ отдаться поэтической дѣятельности, г. Гринченко только въ свободные отъ работы промежутки, въ своемъ «мовчазномъ куточку», отдается поэтическому творчеству. «Моя писня»,—говоритъ поэтъ въ предисловіи къ I т.,—«то мій робитныцькій одпочынокъ и моя робитныцька молытва-надія». Такое, скажемъ, тепличное происхожденіе стихотвореній г. Гринченка отразилось нѣсколько неблагопріятно на ихъ литературныхъ достоинствахъ. Оно наложило на настроеніе поэта печать извѣстнаго однообразія и сдѣлало его поэзію нѣсколько риторичною. Обнаруживая тенденцію къ способу мышленія, характеризующему болѣе оратора, чѣмъ поэта, Б. Гринченко широко пользуется внѣшними пріемами ораторскаго изложенія не рѣдко въ ущербъ художественной правдѣ и простотѣ. Другимъ крупнымъ недостаткомъ въ творчествѣ Б. Гринченка является прямое и открытое выраженіе въ стихотвореніяхъ поэта его отвлеченныхъ взглядовъ.

Въ стихотвореніяхъ Гринченка вы найдете не только ясно формулированныя отдѣльныя положенія его символа вѣры, но и цѣлую сводку такихъ положеній. Таковы, напр., стихотворенія «Къ друзьямъ», «Благання», и др. Мало присуща также поэту способность къ индивидуализаціи въ поэтическомъ воспроизведеніи предметомъ внѣшняго міра и внутреннихъ состояній души. Какъ на весьма характерную особенность музы Б. Гринченка, слѣдуетъ указать на нечувствительность ея къ таинственному элементу въ жизни. Привлекательная сила неизвѣстнаго и тревожное ощущеніе загадочнаго, можно сказать, совершенно неизвѣстны поэту. Г. Гринченко разработалъ всего нѣсколько сюжетовъ изъ области таинственнаго, но всѣ они представляютъ не плодъ самостоятельно пережитыхъ ощущеній, а лишь передачу красивымъ стихомъ народныхъ легендъ.

Наряду съ указанными недостатками, первый томъ «Пысаннивъ» имѣетъ и большія несомнѣнныя достоинства. Отмѣтимъ самое главное изъ нихъ, а именно: содержательность книги и выразившійся въ ней горячій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко продуманный идеализмъ. Мысли поэта не блещутъ оригинальностію, но это мысли, до которыхъ дострадались

лучшіе представители человѣчества. Б. Гринченко предъявляетъ очень строгія и возвышенныя требованія къ поэту, какъ публичному дѣятелю. Поэтъ, согласно этимъ требованіямъ, долженъ имѣть душу чистую, проникнутую высокими идеалами служенія человѣчеству. Самъ г. Гринченко, поэтъ гражданинъ, поэтъ мысли по преимуществу, весьма разборчивъ въ выборѣ темъ для своихъ стиховъ. Любовный элементъ, столь любезный чувствительнымъ душамъ поэтовъ, занимаетъ въ I т. его стихотвореній самое незначительное мѣсто. Въ виду тѣхъ громадныхъ задачъ, которыя надлежитъ разрѣшить всякому общественному дѣятелю, нашему автору представляются низменными» «солодкіи зитхання, поэзія банально любыхъ втихъ» (358). Вообще праздничная сторона жизни почти отсутствуетъ въ разсматриваемыхъ стихотвореніяхъ. Если въ началѣ стихотворенія и набрасывается веселая картинка, то конецъ его почти всегда представляетъ собою варіацію на какую нибудь грустную тему (9 стр., 24 и др.). Народная нищета, тяжелый, способный убить самыя интенсивныя стремленія человѣческой природы трудъ массы родного народа, атмосфера насилія и стирающее человѣческое достоинство вліяніе «золотого тельца»,—съ одной стороны, а съ другой—неудержимое стремленіе поэта къ лучшему будущему:

Въ осяяный рай
Де воля шырока
Де крывды нема,—(333 стр.).

вотъ самые обычные мотивы поэзіи г. Гринченка. Идея труда на пользу своего народа и во имя общечеловѣческаго братства пропитала своею атмосферою все существо поэта, заполнило самыя отдаленныя уголки его души, выступая въ процессѣ творчества его, какъ нѣкоторое активное начало. Мысль объ Украинѣ, обо всемъ радостномъ и въ особенности обо тяжеломъ въ ея существованіи не покидаетъ никогда поэта и даетъ себя чувствовать почти въ каждой строкѣ его стиховъ. Отсюда своеобразное отношеніе поэта къ природѣ, представляющей въ его глазахъ не предметъ эстетическаго или философскаго созерцанія, а скорѣе своего рода сестру милосердія, которая въ минуты слабости поэта, въ минуты его горькаго раздумья надъ безпросвѣтнымъ, полнымъ всевозможныхъ несправедливостей существованіемъ родного народа, отогрѣваетъ въ немъ жизнь, поитъ его душу надеждою (385). Здѣсь же имѣетъ свое объясненіе столь часто встрѣчающееся въ сти-

хотвореніяхъ г. Гринченка несоотвѣтствіе между внѣшней обстановкой и настроеніемъ поэта. Что у кого болитъ,—говоритъ рус. пословица,—тотъ о томъ и говоритъ. Такіе переходы въ стихотвореніяхъ г. Гринченка, какъ переходъ отъ картины свадебнаго оживленія къ мысли о тяжеломъ до слезъ трудѣ крестьянина (33), отъ ощущенія яркаго солнечнаго свѣта и звонкой пѣсни къ представленію о голыхъ ребятишкахъ (9) и т. п.—происходятъ у него путемъ искренняго и совершенно естественнаго ассоціированія идей, а не въ силу тенденціозной, насилованной подтасовки ихъ. Правда, увлеченіе поэта идеей служенія своему народу, въ связи съ условіями замкнутой городской жизни, является иногда въ поэзіи г. Гринченка причиною натяжекъ, которыя не подойдутъ ни подъ какой эстетическій аршинъ; но, съ другой стороны, это священное увлеченіе налагаетъ на произведенія поэта печать того «божественнаго поцѣлуя», о которомъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Стихотворенія Б. Гринченка касаются самыхъ благородныхъ струнъ читателя, будятъ въ немъ любовь къ народу, вѣру въ народъ и его будущее. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній г. Гринченко говоритъ, что онъ не только самъ для себя зарабатывалъ свой хлѣбъ, но его хлѣбомъ питаются и другіе (356). Поэтъ нисколько не преувеличиваетъ своихъ заслугъ, если даже онъ имѣлъ въ виду одну лишь поэтическую свою дѣятельность. Мы не сомнѣваемся, что мысли и настроенія поэта, поскольку онѣ представлены въ I т. «Пысаннивъ», войдутъ здоровымъ и питательнымъ элементомъ въ духовный организмъ нашего общества. Къ той энергіи, какую успѣло до сихъ поръ развить наше общество въ славной борьбѣ за лучшее будущее, г. Гринченко своими стихотвореніями прибавляетъ значительный плюсъ. Вотъ почему, несмотря на нѣкоторые вышеотмѣченные недостатки этихъ стихотвореній, какъ произведеній художественныхъ, мы самымъ горячимъ образомъ привѣтствуемъ появленіе ихъ на книжномъ рынкѣ.

П. І. Г.

Поправка. Въ октябрьской книжкѣ «Кіев. Старины», отд. библіографіи, стр. 49, Владиславу Гурскому, автору вышедшаго въ 1902 г. описанія могилевскаго уѣзда, приписаны монографіи по исторіи польской пѣхоты и конницы. Это ошибка. Извѣстныя въ польской исторической литературѣ монографіи по исторіи польской пѣхоты, конницы

и артиллеріи принадлежатъ не Владиславу, а полк. Константину Гурскому, умершему 2 января 1898 года. Послѣдній трудъ Конст. Гурскаго (по исторіи артиллеріи) вышелъ въ прошломъ году, подъ редакціей г. Т. Корзона.

Н. М.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Рус. Арх., № 11; 2) Рус. Стар., № 11; 3) Истор. Вѣстн., № 11; 4) Всеміри. Вѣстн., № 9; 5) Журн. Мин. Нар. Просв., № 11; 6) Вѣстн. Европы, № 11; 7) Міръ Божій, № 11; 8) Русск. Богат., № 10; 9) Рус. Мысль, № 11; 10) Рус. Вѣстн. № 11; 11) Варшав. Унив. Изв. № 6; 12) Учен. Зап. Имп. Казан. Унив., № 11; 13) Кіев. Унив. Изв., № 7—10; 14) Книжки Восхода, № 8—10; 15) Лит.-Науков. Вистн., № 9—11; 16) Земск. Сборн. Черниг. губ., № 8 и 9; 17) Рус. Филолог. Вѣстн., № 3—4; 18) Этнограф. Обозрѣн., № 2.

Русская Старина № 11.

Пав. Матвѣевъ. Батуринскій переворотъ 18 марта 1672 года. (Дѣло гетмана Демьяна Многогрѣшнаго) (стр. 459—470; окончаніе). Въ этой послѣдней части статьи (см. № 9 и 10) передаются факты о самомъ арестѣ гетмана Многогрѣшнаго и отправкѣ его въ Москву, гдѣ произведено было слѣдствіе надъ нимъ, но для суда предполагалось отправить его въ Малороссію, отъ чего козацкая старшина отказалась. Послѣ приговора суда, по которому Многогрѣшный былъ присужденъ къ смертной казни, но волею царя помилованъ и только сосланъ въ Сибирь, все его земельное имущество обращено было на «церковное строеніе».

Историческій Вѣстникъ, № 11.

П. Л. Юдинъ. Къ біографіи Н. И. Костомарова. Въ этой маленькой замѣткѣ сообщается письмо шефа жандармовъ, графа Орлова, саратовскому губернатору М. Л. Кожевникову (отъ 11 іюня 1848 г.), въ которомъ указывается, что Н. И. Костомаровъ былъ арестованъ за составленіе въ Кіевѣ украйно-славянскаго общества и за переводъ

съ польскаго языка рукописи преступнаго содержанія; что за это онъ былъ заключенъ въ крѣпость *на одинъ годъ.* «Нынѣ—говорится въ письмѣ—по окончаніи означеннаго срока, согласно Высочайшему разрѣшенію, Костомаровъ отправляется на службу въ Саратовъ». Въ концѣ письма сдѣлана собственноручная приписка графа: «Прошу быть къ нему милостиву; человѣкъ съ достоинствами, но заблуждался и искренно раскаивается».

Ив. Иноземцевъ. Графъ К. Г. Разумовскій въ Батуринѣ (стр. 591—604). Небольшая статейка эта, написанная по поводу столѣтія со дня смерти гр. К. Г. Разумовскаго (9 янв. 1903 г.), передаетъ кратко фактическія справки объ избраніи его гетманомъ (въ 1747 г.) и о переѣздѣ его съ семьей въ Батуринъ, гетманскую резиденцію. Далѣе разсказана кратко исторія созданія Батуринскаго замка и потеря Разумовскимъ гетманскаго чина. Затѣмъ такъ-же кратко сообщены свѣдѣнія о вторичномъ поселеніи Разумовскаго въ Батуринѣ, откуда онъ черезъ 9 лѣтъ опять переѣхалъ въ Москву (въ 1785 г.) и наконецъ въ 1794 году окончательно поселился въ Батуринѣ. Статья снабжена 5 рисунками.

А. И. Фирсовъ. Черниговъ и его святыни (окончаніе, стр. 615—632). Какъ и въ первой половинѣ статьи (см. № 10), здѣсь тоже ничего новаго нѣтъ, а потому интересъ статьи только и заключается въ рисункахъ, да и то нѣсколько страненъ выборъ ихъ: почему, напр., помѣщенъ снимокъ съ зданія *губернскаго правленія*, когда статья озаглавлена *«Черниговъ и его святыни»?*

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» напечатаны рецензіи о слѣдующихъ книгахъ: 1) *Л. Орда.* Страничка изъ исторіи просвѣщенія на Волыни (стр. 675); 2) *В. И. Гошкевичъ.* Клады и древности херсонской губерніи (стр. 677).

Міръ Божій, № 11.

Въ отдѣлѣ «На родинѣ» дано дополненіе къ замѣткѣ объ открытіи памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ, помѣщенной въ № 10-мъ, гдѣ былъ описанъ надгробный памятникъ; теперь-же описывается памятникъ, открытый на Протопоповскомъ бульварѣ 30-го августа 1903 г. (стр. 14—15).

Русская Мысль, № 11.

Г. Писаревскій. Вызовъ меннонитовъ въ Россію. (Окончаніе; стр. 85—102). Въ этой части статьи указывается, какъ переселившіеся на югъ Россіи меннониты, получивъ по 65 десятинъ надѣла на каждое семейство, начали сразу нуждаться въ наемныхъ работникахъ, которыхъ пришлось приглашать изъ заграницы, главнымъ образомъ изъ Мекленбурга. Объ этой-то вербовкѣ эмигрантовъ по порученію русскаго правительства и идетъ рѣчь въ статьѣ. Въ концѣ статьи указываются мѣста, занятыя меннонитами на югѣ Россіи.

С. Мельгуновъ. Штундисты или баптисты? (стр. 159—166). Въ этой небольшой статьѣ прекрасно выясняется, что въ судебной практикѣ должны быть устранены дѣла о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности сектантовъ-штундистовъ по ст. 29-ой Устава о наказан. (за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ или полицейскихъ властей), т. е. за ихъ молитвенныя собранія, какъ секты «особо вредной въ церковномъ и государственномъ отношеніи».

Въ «Библіографич. отдѣлѣ» помѣщены рецензіи: 1) Русско-еврейскій архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. 3-й: документы къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569 г.); 2) Гошкевичъ. Клады и древности херсонск. губ. Книга 1-я.

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 7—10.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI в. Прилож. къ сочинен. «Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-русскаго государства XV—XVI в.». Здѣсь помѣщаются указатели къ актамъ: географическій, личный; указатель поселеній (№ 7).

Каталогъ библіотеки Н. И. Костомарова, пожертвованной въ 1894 г. Император. Университ. Св. Владиміра А. Л. Костомаровой (№ 9, приложенія, стр. 1—83).

Книжки Восхода, № 8—10.

Евреи въ Галиціи. М. (№ 8, стр. 114—129). Это есть краткій пересказъ статьи Флейшера (въ «Judische Statistik»), гдѣ разсматриваются какъ общія причины еврейской нужды въ Галиціи, такъ и частныя или особыя, равно какъ и тѣ средства, которыми можно

облегчить такое печальное положеніе еврейства, особенно при помощи развитія правильно организованнаго ремесленнаго труда евреевъ.

Земскій Сборникъ Черниговъ. губ., № 8 и 9.

В. В—анинъ. Къ вопросу объ эволюціи частнаго землевладѣнія въ черниговской губ. (№ 8, стр. 37—74). Въ этой статьѣ устанавливается тотъ фактъ, что въ черниговъ. губерніи переходъ земли изъ рукъ въ руки совершается очень энергично (около $5^0/_0$ всей земли, кромѣ надѣльной, ежегодно), при чемъ указываются эти факты за періодъ времени съ 1874 г. по 1887 г. съ распредѣленіемъ по уѣздамъ. Далѣе указано, что громадное большинство сдѣлокъ по продажѣ земли, равно какъ и по количеству проданной земли, совершено дворянами (1,009,970 дес. изъ 1,252,457 дес. всей проданной земли), но за то сдѣлки по покупкѣ этой земли приходятся прежде всего на долю козаковъ и крестьянъ. Наибольшее расширеніе размѣровъ земельной собственности произошло у крестьянъ (на 136,806 дес.). Къ сожалѣнію, точныхъ цифровыхъ данныхъ о дальнѣйшемъ движеніи переходовъ земли изъ рукъ въ руки мало, а потому точнаго подсчета не сдѣлано. Хотя переходъ дворянскихъ земель къ крестьянамъ и довольно значителенъ по количеству десятинъ, но переходъ этотъ совершается въ большей долѣ не къ бѣдной части крестьянства, а къ зажиточной.

Русскій Филологич. Вѣстн., № 3—4.

В. Бѣлявскій. Народный говоръ уѣзднаго города Глухова (стр. 298—323). Указаны болѣе характерные случаи произношенія гласныхъ и согласныхъ звуковъ, особенности удареній, образованіе словъ съ характерными суффиксами, склоненія и спряженія; въ концѣ приложенъ маленькій словарный матеріалъ.

Этнографическое Обозрѣніе, № 2.

И. Хоткевичъ. Нѣсколько словъ объ украинскихъ бандуристахъ и лирникахъ (стр. 87—106). Это—докладъ, читанный въ Харьковѣ во время XII-го археологическаго съѣзда. Указавъ вначалѣ на роль бандуры въ старые годы, авторъ даетъ характеристику современнымъ бандуристамъ и указываетъ ихъ репертуаръ; опредѣляетъ устройство бандуры и какъ ее держать во время игры: сообщаетъ нѣкоторыя

свѣдѣнія о лирѣ, и затѣмъ переходитъ къ самому важному пункту— вымиранію бандуристовъ и лирниковъ, чего авторъ не признаетъ, хотя не отрицаетъ, что всякія «начальства» прилагаютъ усиленныя старанія къ искорененію кобзарства.

Літературно-Науковий Вістник, кн. IX.

Із поезий Степана Чарнецького, I—VII, ст. 169—172.

Із поезий М. Вороного. Молодий патріот. 172—173.

Орищин. Тяжка заповідь, фантазия. 174—181.

В. Левенко. Адул-Газіс, історична фантазия (кинець) 182—216.

Із нарисів Калини. 1, Лікарка. 2, В почтовім бюрі. 3, Каліка. 4. Огонь, ст. 217—227.

Гр. Квасницький. Нечистий карбованець, 228—232.

Юзюк. Бурсацькі гаразди: 1, Бурсацький обід. 2, З седмицею. 3, Ошуканець, ст. 233—237.

Із поезий Г. Гейне. I—X, пер. Л. Старицька, 238—240.

Еліот Флявер. Шифровані телеграми, оповідане, 241—248.

О. Терлецький. Гал.-руське письменство 1848—1865 р. Уваги й спомини (далі буде), 149—162.

Іван Франко. Іван Гушалевич, студия (конець буде) 163—187.

В. Лаврівський. Боротьба з алкоголізмом, 188—213.

Сучасні уваги. Ч. III. Із народньої лектури. 1, Личка. 214—216.

Корнило Устиянович, некрольог, В. і Ів. Тр. 218—222.

Хроніка і бібліографія, 223—232.

Кн. X.

Із пісень про визволенне. I—II, ст. 1—2.

Із поезий Петра Карманського, I—II, 2—3.

П. Б. Про що розповідало море, малюнок. 4—6.

Я. Гординський. Картини: 1, Похорон. 2, Ангел смерти. 3, Розведені, ст. 7—12.

Одарка Романова. Пан та чабан, 13—52.

Стефан Пятка. З скількох тисяч один, 53—63.

Гнат Хоткевич. Що бачила скеля, 64—72.

Срдзян Тущич. I. Безіменна соната, 73—88.

О. Терлецький. Гал.-руське письменство 1848—1865 р. Уваги й спомини (далі буде), 1—14.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

«Ruthenische Revue». Въ маѣ 1903 г. началъ издаваться въ Вѣнѣ журналъ «Ruthenische Revue» на нѣмецкомъ языкѣ, политико-литературнаго характера, посвященный исключительно интересамъ Украины русской и австрійской. Цѣль журнала—ознакомить Европу съ Украиной, народомъ и положеніемъ его. Успѣхъ журнала оказался даже неожиданнымъ для издателей его (депутаты австрійскаго рейхстага—русины): въ сентябрѣ „R. R." уже имѣло 1250 платныхъ подписчиковъ и 1750 экз. разсылалось безплатно въ редакціи разныхъ изданій по всей Европѣ, библіотекамъ, депутатамъ перламентовъ и проч. Еще больше успѣхъ журнала выразился интересомъ, возбужден-

нымъ „R. R.“ къ украинскому народу въ средѣ ученыхъ журналистовъ разныхъ націй. Оказывается, что многіе европейцы отличали Малороссію отъ Великороссіи только географически, а не этнографически, а потому „R. R.“ повѣдало имъ какъ бы о новомъ, оригинальномъ народѣ. Во многихъ европейскихъ газетахъ и спеціальныхъ изданіяхъ перепечатываются изъ „R. R.“ разныя свѣдѣнія, коментируются, обсуждаются. Нѣкоторые ученые и литераторы съ громкими именами прислали въ редакдію привѣтственныя письма. За отсутствіемъ подъ рукой подлинниковъ всѣхъ этихъ писемъ (они будутъ опубликованы въ R. R.), приводимъ точные переводы двухъ и пересказъ одного изъ нихъ.

Чемберленъ (англійскій историкъ) пишетъ:

„Высокоуважаемый г. редакторъ! Я читаю „R. R“ съ огромнымъ интересомъ. Хотя я не политикъ и не журналистъ, но съ чисто научной стороны меня обыкновенно интересуетъ ваше дѣло (возрожденіе украинскаго народа), и я буду имѣть случай говорить о немъ печатано въ моей книгѣ про XIX столѣтіе, которую я намѣренъ издать. Съ благодарностью буду при этомъ пользоваться статьями и впечатлѣніями изъ вашего журнала, появленіе котораго долженъ съ симпатіей привѣтствовать всякій образованный человѣкъ. Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью вашъ Houstaw Stevart Chemberlain“.

Бьернсонъ пишетъ: „Глубокоуважаемый г. редакторъ! Меня восхищаютъ и удивляютъ ваши стремленія. Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ начинаній современности ваше начинаніе есть самое интересное: поднять до степени сознательнаго и образованнаго народа тридцать милліоновъ украинцевъ—это что-то такое грандіозное, что должно воодушевлять каждаго!.. Съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ объ этомъ—до сихъ поръ я ничего не зналъ про Украину, пока не появлялось R. R.“,—моя жизнь стала богаче, надежды на человѣчество болѣе крѣпкими. Я читаю со вниманіемъ каждое слово „R. R.“,—а все это такъ ново, свѣжо, выразительно и смѣло—оно воодушевляетъ! Шлю вамъ привѣтъ и вашей дѣятельности. Весь преданный вамъ Biórnsterne Biórnson“.

Покойный знаменитый историкъ Момзенъ прислалъ не письмо, а цѣлое большое посланіе. Привѣтствуя редакцію и сознаваясь въ своемъ совершенномъ невѣдѣніи касательно Украины, покойный ученый писалъ, что его такъ заинтересовали свѣдѣнія, сообщаемыя въ „R. R.“, что онъ намѣренъ писать и читать публичныя лекціи объ Украинѣ. Предостерегая украинскую интеллигенцію отъ чрезмѣрнаго увлеченія

идеями панславизма, онъ приглашаетъ украинцевъ примкнуть къ западно-европейской культурѣ, которая еще „много новаго, свѣжаго и интереснаго заключаетъ въ себѣ“. Кромѣ того, онъ настоятельно и нѣсколько разъ совѣтуетъ издать на европейскихъ языкахъ популярную брошюру объ Украинѣ, историческихъ ея судьбахъ и настоящемъ положеніи, обѣщая всяческое содѣйствіе и помощь въ дѣлѣ „возрожденія такого прекраснаго народа“.

Къ сожалѣнію, жестокая смерть не дала возможности великому Момзену привести въ исполненіе его обѣщанія.

Только что сообщенные факты ясно свидѣтельствуютъ о пробужденіи интереса къ Украинѣ и украинскому народу среди западно-европейскихъ ученыхъ. Въ дополненіе къ сказанному упомянемъ еще о работахъ профессора оксфордскаго университета Морфиля и профессора упсальскаго университета Люнделя, которые, какъ ученые славписты, очень заинтересовались украинскомъ языкомъ и литературою, пишутъ статьи объ этой литературѣ и даже собираются читать публичныя лекціи (Люндель).

—

М. Горькій и Короленко по-украински. Существующее во Львовѣ издательское общество подъ названіемъ „Украиньско-Руська Видавнича Спілка“ выпустило недавно отдѣльнымъ изданіемъ „На днѣ“ („На дні життя“) въ переводѣ В. Темницького, и въ Черновцахъ (столица Буковины) общество украинскихъ студентовъ „Січ“ издало въ переводѣ Маруси Полтавки—„Мѣщане“, съ предисловіемъ и портретомъ М. Горькаго. Кромѣ того, въ ежемѣсячникѣ „Літературно-Науковий Вістникъ“—органѣ Наукового товариства ім Шевченка, были напечатаны разновременно слѣдующія сочиненія М. Горькаго. „Челкашъ“, „Буревѣстникъ“, „Маркъ Чудра“ и „Двадцать шесть и одна“. Вл. Короленко по-украински. Отдѣльнымъ изданіемъ вышли въ Галиціи: „Ліс шумить“, „Сліпий музика“ и „Судный день“. Въ журналѣ „Л.-Н. Вістникъ“ напечатаны, между прочимъ, „Маруся“ и „Про Агрипу царя і Фльора Римлянина“.

—

Баронъ де-Бай объ Украинѣ. Le Baron de Baye. En Petite Russie. Souvenirs d'une Mission. Paris. Librairie Nilsson. 1903.

Въ Парижѣ вышла небольшая брошюрка въ 46 страницъ, изданная барономъ де-Бай, по поводу путешествія его въ Малороссію на археологическую выставку въ Харьковѣ. Восторженно приподнятый

тонъ, взятый барономъ, выдержанъ до конца книги. Началъ онъ съ поэтическаго стихотворенія графа Алексѣя Толстого. Нравится ему страна въ климатическомъ отношеніи, нравится составомъ жителей, нравится своею исторіей, своими степями, своими кустарями, бандуристами, сѣдою гетманскою и запорожскою стариной, украинскими ночами, чистотой малороссійскихъ хатъ, любовью къ цвѣтамъ женщинъ, однимъ словомъ—всѣмъ.

Баронъ, осмотрѣвъ въ Харьковѣ ископаемыя древности могильныхъ кургановъ, пустился путешествовать вглубь Малороссіи по ея многочисленнымъ хуторамъ. Слушалъ кобзарей, любовался пляскою поселянъ и сказаніями бандуристовъ. Изучалъ исторію Малороссіи и ея гетманскій періодъ.

Изъ Харькова баронъ перебрался въ Полтаву, изъ Полтавы въ Екатеринославъ и Черниговъ.

Вездѣ барона интересовала народная жизнь. Имѣя руководителями французскаго консула г. Жиродру, князя Святополкъ-Мирскаго, полтав. губернатора князя Урусова и владѣльца с. Каховки Г. П. Алексѣева, баронъ де-Бай всесторонне и подробно изучилъ страну и пришелъ ото всего видѣннаго въ восторгъ. Дорошенко, Шевченко, Гоголь, запорожцы—все приводитъ его въ восторгъ.

—

Въ № 14081 Beilege der „Neuen freien Presse“ отъ 8 ноября, въ фельетонѣ, въ отдѣлѣ «Литературныя извѣстія», помѣщена статья „Der Kleinrussische Nationaldicher Kotlarewski“ («Малорусскій національный поэтъ Котляревскій»), въ которой говорится о значеніи Котляревскаго для украинской литературы и ея возрожденія, о его литературной дѣятельности, а въ концѣ дана характеристика его произведеній. Статья написана съ полнымъ знаніемъ дѣла, о чемъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующая выдержка: «Произведенія Котляревскаго были первымъ звеномъ между произведеніями коллективной творческой національной силы и новыми литературно-артистическими формами выраженія національнаго духа. Этотъ шагъ имѣлъ рѣшающее значеніе для дальнѣйшей судьбы украинской письменности, которая въ теченіе послѣдняго столѣтія создала обширную, полную жизни національную литературу».

—

Въ «Полт. Вѣстн.» (278) напечатанъ О. Левицкимъ превосходный очеркъ «Злая свекровь», посвященный славной памяти А. М. Ла-

заревскаго. Очеркъ составленъ на основаніи документовъ половины 18 вѣка, въ которыхъ изложено слѣдственное дѣло объ убійствѣ женою мужа по подговору одной бабы, желавшей видѣть молодую вдову замужемъ за своимъ сыномъ.

—

Въ № 237—238 газеты «Діло» помѣщенъ М. Лозинськимъ разборъ украинскаго сборника «Зъ надъ хмаръ и долынъ», изданнаго въ текущемъ году въ Одессѣ подъ редакціей Мыколы Вороного. Авторъ статьи, разсмотрѣвъ содержаніе альманаха и отмѣтивъ заслуживающія и незаслуживающія вниманія произведенія, останавливается между прочимъ на поэзіи въ прозѣ Хоткевича „Aria passionata", признавая ее «одной изъ лучшихъ вещей въ альманахѣ».—Между тѣмъ г. Вол. Дор-ко, давшій нѣсколько раньше довольно обстоятельную оцѣнку упомянутому сборнику на страницахъ «Літерат.-Наукового Вістника» (1903, кн. X, стр. 36—42 «Новини нашоі літератури»), называетъ произведеніе Хоткевича по-просту «аріей полового инстинкта» (стр. 40). Статья М. Лозинського, повидимому, и вызвана была критическимъ разборомъ г. Вол. Дор-ка, который онъ признаетъ «дуже строгимъ»,— «і то *головно* за те, що в нім (альманахѣ) видно змагане до «новоі краси», себ-то твори Хоткевича, Кобилянськоі і т. п., які хиляться до сучасного европейського модернізму». Это невѣрно: г. Вол. Дор-ко посвятилъ «новой красѣ» не больше, чѣмъ она того заслуживала— одну страничку съ лишнимъ, и говоритъ о ней лишь мимоходомъ. А что отзывъ о ней г. Вол. Дор-ка заслуживаетъ довѣрія, то это видно хотя бы изъ того, что и защитникъ модернизма, г. Лозинскій, долженъ былъ сознаться, что лучше было бы, если бы г-жа Кобринская «була пропустила свій нарис «Руки», який не робить ніякого враженія».

—

Въ «Одесск. Листкѣ» (№ 291) напечатана небольшая рецензія А. М. Сопиченка о двухъ альманахахъ: «Зъ надъ хмаръ и долынъ» и «Дубове Лыстя». Рецензія очень хвалебная по отношенію къ обоимъ альманахамъ.

—

Въ «Вѣстн. Юга» (№ 591) напечатана статья *Гр. Сьогобочнёго* по поводу сельскихъ безплатныхъ библіотекъ въ Малороссіи. Въ статьѣ этой, написанной какъ-бы въ дополненіе къ статьѣ М. Рклицкаго на ту-же тему («Русск. Вѣдом.»), указывается цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ украинецъ-

селянинъ, читая книгу не на родномъ языкѣ. Факты берутся изъ общераспространенной азбуки Н. Бунакова, а также изъ записи ученическихъ объясненій словъ, сдѣланной въ одной школѣ екатеринослав. губ.

—

Въ «Вѣстн. Юга» (№ 589) напечатана статья *В. С-ого* подъ заглавіемъ «Послѣдній кошевой Запорожья», въ которой дается поминка по знаменитомъ кошевомъ Петрѣ Кальнышевскомъ по поводу столѣтія со дня смерти его.

—

Новое изданіе украинскнхъ узоровъ. Вышло въ свѣтъ въ Кіевѣ третье изданіе «Украинскихъ узоровъ» собранія Олены Пчилки (Ольги Косачъ). Сборникъ содержитъ въ себѣ образцы узоровъ вышивокъ, ковровъ и писанокъ; изданіе—удешевленное: сборникъ стоитъ теперь 1 р. 25 коп.

—

Въ непродолжительномъ времени выходитъ во Львовѣ собраніе сочиненій Ів. Франка въ 12 томахъ, изъ коихъ 10 томовъ беллетристики, куда входитъ много непечатавшихся еще нигдѣ произведеній и 2 тома научныхъ трудовъ въ области исторіи литературы и критики. Каждый томъ будетъ содержать не менѣе 10 печатныхъ листовъ. Издатель А. Хойнацкій объявилъ подписку на изданіе—за всѣ 12 томовъ 16 коронъ (8 рублей).

—

Извѣстнымъ малорусскимъ драматургомъ и артистомъ М. Л. Кропивницкимъ закончена на-дняхъ новая четырехактная драма подъ заглавіемъ «Страчена сыла».

—

Извѣстный украинскій писатель Васыль Стефаныкъ написалъ драму въ четырехъ актахъ изъ жизни гуцуловъ, подъ заглавіемъ «Огни горятъ».

—

Нѣкоторые изъ небольшихъ разсказовъ В. Стефаныка переведены на нѣмецкій языкъ и въ непродолжительномъ времени выйдутъ отдѣльнымъ изданіемъ въ Лейпцигѣ.

—

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Акорди. Антольогіи Украінськоі лірики від смерти Шевченка. Уложив Іван Франко. З ілюстрациями Іюліана Панькевича. У Львові, Накладом 1903. Українсько-Руськоі Видавничоі Спілки, ст. 316, in 40. Ціна 6 кор., 7 50, 8, 9, і 10 кор.

Барвінський Олександр. Виімки з українсько-руськоі устноі словесности народноі для висших кляс середніх шкіл. Трете перероблёне видане. У Львові, 1903 Накладомъ краєвого фонду, ст. XXXII+136, 8⁰ Ціна в оправі 1.50 кор.

Буковинський православный Календар на рік переступний 1904. Рочнык XXXI (Видання «Рускоі Бесіди», ч. 171) Черновці, 1903, форм. 8⁰. Ціна 50 сот.

Гейне Генрих. Атта Троль. Раткліф. Баллади. Переклади Лесі Украінки і Максима Славінського. Виданне редакціи «Літер.-Наукового Вістника. У Львові», 1903, ст. 1—136, 8⁰. Ціна 1.20 кор.

Гринченко Б. Пысання. Томъ I. У Кыиви, 1903. Зъ друкарни П. Барського. Ст. VI+500 8⁰. Цина 1 р. 50 к. (на кращому папери 2 руб.).

Доманицкій В. Отчетъ объ археологической экскурсіи въ Звенигородскій у., Кіевской губ., лѣтомъ 1901 года (оттискъ изъ «Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора Лѣтописца» Кіевъ, 1903, ст. 1—37).

Закшевський Вікентій. Всесвітна історня для висших кляс шкіл средних. Том. III. Нововічна історня. З II польскаго видання переклав Олександр Барвінський. У Львові, 1903. Накладомъ краєвого фонду. 7+312, 8⁰. Ціна 2.60 кор.

Зробек Яков. З дум і думокъ (вірші) Тернопіль, 1903 ст. 1—16. Ціна 20 сот.

Істори куска хліба. Перерібка з французкого. Листи до молодоі дівчини (Видане Руского товариства педагогічного, ч. 112). У Львові, 1903, ст. 64, 8⁰. Ціна 50 сот.

Комаровъ М. Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. Бібліографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Одесса, 1903, ст. 144, 8⁰. Цѣна 75 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, а такъ склалося. Оповиданне 732. У Кыиви, 1903, ст. 26, 8⁰. Цина 2 к.

Левицькый И. Рыбалка Панасъ Круть. Оповиданне, ч. 30. У Кыиви, 1903, ст. 46, 8⁰. Цина 5 коп.

Левицькый М. и І. Поповъ. Въ клуни. Жартъ въ одній діи, ч. 32. У Кыиви, 1903, ст. 32, 8⁰. Цина 50 коп.

Мордовець Даньло. Старци. Дзвонарь. Оповидання. ч. 33. У Кыиви, 1903, ст. 40, 8⁰. Цина 4 коп.

Памятка з відкритя товариства „Січ" в Вашківцях на Буковині 4/х 1903 р. Коломия, 1903, ст. 16 8⁰.

Пчілка Олена Украинськи Взоры. Кіевъ, 1903, Лит. С. В. Кульженко, ст. 4⁰. Цина 1 р. 25 к.

Франко Іван. Панталаха і інши оповиданя. Львів 1902 (выпущено 1903 г.). Накладом Антона Хойнацького; ст. VI+160, 8⁰. Ціна 2 кор.

Chronik der ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der wissenschaften in Lemberg, 1903. H. I. № 13. Львів, 1903, ст. 56, 8⁰. Ц. 1 кор.

Яричевский Сильвестр. На филях житя. Новелі. Чернівці, 1903 1—64 in 8⁰. Ціна 50 сот.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 83-го:

октябрь, ноябрь, декабрь. 1903 г.

Книга первая—октябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая—ноябрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья—декабрь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
НА 1904 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія. распредѣленіе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки: выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *А. Александровъ.*

ста 2 руб. Лица, служащія въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на газету черезъ казначеевъ и экзекуторовъ пользуются льготою въ уплатѣ подписныхъ денегъ по 1 руб. въ теченіи первыхъ мсѣяцевъ и другими льготными условіями, по соглашенію.—Народные учителя, учащіеся, учебныя заведенія и библіотеки могутъ пулучать газету на особо льготныхъ условіяхъ, по соглашешенію съ редакціей.

Подписку по почтѣ адресовать исключительно въ редакцію газеты: „Областное Обозрѣніе и Вѣстникъ Казачьихъ Войскъ". С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 13-я линія, д. № 22.

Пробный № по требованію высылается безплатно.

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежемѣсячный литературный общественный, политическій и историческій журналъ

ВСЕМІРНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событій, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Въ ближайшихъ нумерахъ журнала будутъ помѣщены труды: К. И. Арабажина, кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батуринскаго, Н. Н. Болтина, Б. П. Бурдесъ, пр.-доц. В. В. Святловскаго, В. А. Мазуркевича, Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, Е. Дубельтъ (Зеландъ), И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, П. П. Исаевича, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, Г. Ѳ. Львовича, В. Н. Никитина, В. П. Панаева, проф. В. Н. Перетца, А. П. Плетнева, Н. А. Попова, проф. М. А. Рейснера, Н. А. Россовскаго, Скитальца (О. Яковлева), Л. Ухтомской, Ф. Н. Фальковскаго, Н. А. Фалѣева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чешихина и мн. др.

Съ первой же (январьской) книжки начнется печатаніемъ:

1) Неизданныя въ Россіи стихотворенія декабристовъ.

2) Посмертные труды А. М. Бобрищева-Пушкина.

3) Воспоминанія Ф. П. Фонтона (статья эта будетъ печататься съ вышедшаго за границей (Лейпцигъ, 1862 г.) изданія.

4) Воспоминанія Н. И. Панаева о холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.

5) В. П. Батуринскаго: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые»—матеріалы для общественнаго движенія къ Россіи въ XIX столѣтіи.

6) I. Мадачъ: «Трагедія человѣка», пер. съ венгерскаго В. А. Мазуркевича.

7) Функъ-Бретано: «Бастилія, ея архивъ и легенды»,—историческая мнографія.

8) Новый трудъ проф. И. И. Мечникова.

Въ журналѣ постоянные отдѣлы: обзоръ иностранной жизни, журналовъ, театра, лѣтопись, библіографія и смѣсь. Въ каждой книжкѣ не менѣе двухъ приложеній съ отдѣльной нумераціей страницъ. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, около 15 листовъ въ каждой, съ илюстраціями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересыкой на 1 годъ—**6** р., 1/2 года—**3** р., 1 мѣс.—**50** коп.

Рзастрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и контора помѣщается въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 90.

Редакторъ-Издатель *С. Сухонинъ.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ.

ХУТОРЯНИНЪ

IX годъ изданія.

цѣна 2 руб. въ годъ, на полгода 1 руб.,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли,

органъ Полтавскаго общества сельскаго хозяйства.

Программа: 1) Правительственныя распоряженія и извѣстія. 2) Дѣятельность мѣстныхъ сельскохозяйствен. обществъ, ихъ отдѣловъ и отдѣленій. 3) Сатьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ экономическія и техническія. 4) Хроника, сельскохозяй-

ственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учрежденій. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) Сел.-хоз. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ сел.-хоз. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимнаго общенія сельскихъ хозяевъ и сельскохозяйств. обществъ. 3) Доставлять населенію современныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и сел.-хоз. обществъ въ области народнаго хозяйства. Главными условіями для достиженія этихъ задачъ поставлены: общедоступность изложенія и дешевизна изданія.

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ, при „*Хуторянинъ*“ подписчикамъ даются безплатныя приложенія; такъ, за послѣдніе четыре года были приложены: 5 книгъ Чикаленко „Розмова про сельске хозяйство“, „Біографія Н. В. Гоголя“, „Хуторянинъ и его читатели“, 12 книжекъ „Экономическая и сельскохозяйств. дѣятельность Полтавскаго губ. земства“, различныя огородныя и полевыя сѣмена и друг.

Въ 1904 году всѣмъ годовымъ подписчикамъ будутъ разосланы составленныя завѣдующимъ фито-патологической станціи при И. Боническомъ Садѣ въ С.-Петербургѣ, А. А. Ячевскимъ и изданныя Департаментомъ Земледѣлія *три раскрашенныя*

„Таблицы главнѣйшихъ паразитныхъ грибовъ и насѣкомыхъ плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ растеній“,

заключающія изображеніе въ краскахъ разнообразныхъ вредителей растеній и указываніе на мѣры борьбы съ ними.

Подписавшимся до 1-го января 1904 г. годовымъ подписчикамъ, кромѣ того, будутъ разосланы сѣмена *кормовыхъ растеній, многолѣтнихъ травъ, огородныя и полевыя.*

„Хуторянинъ“ допущенъ въ безплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйствен. учеб. завед. и М. З. и Г. И.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди вдвойнѣ.

Подписка принимается въ г. Полтавѣ—въ конторѣ редакціи „Хуторянина“, при Полтавскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства.

1—3

священъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журнала на полувеленевой бумагѣ, съ доставкою и пересылкою: 1 р.; изданіе на веленевой бумагѣ 2 рубля.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Гостинный Дворъ, № 18; Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 16 лин., д. 5—7.

1—3
